

Грандиозный мир самой ожидаемой онлайн-игры 2011 года  
PRIME WORLD  
Новый роман от создателя «Тайного города» и «Герметикона»  
ВАДИМ ПАНОВ  
ПРАЙМАШИНА  
Читай! Играй! Живи во Вселенной Prime World!

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:**

Александр ШАЛГАНОВ.

**КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:**

Евгений ХАРИТОНОВ.

**КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:**

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

**ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:**

Екатерина АРОЯН.

**СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:**

Инесса ЛУГАЧЁВА.

**ВЕРСТКА:**

Татьяна МУРИНА.

**ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:**

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

**ОБЛОЖКА:**

Игорь ТАРАЧКОВ.

**САЙТ ЖУРНАЛА:**

[www.esli.ru](http://www.esli.ru)

**ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:**

[if@esli.ru](mailto:if@esli.ru)

**АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:**

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга», журнал «Если».

**КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:**

8(499)248-08-90 (доб. 201).

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ:**

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

**ИЗДАТЕЛЬ:**

Издательский дом «Любимая книга».

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:**

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс», «Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс», «Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.  
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»  
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.  
Зак. 2708.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.  
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.  
Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.  
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2011



ФАНТАСТИКА № 11 (225)  
ISSN 1680-645X

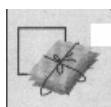
## ЕСЛИ



**179 Ричард ЛОВЕТТ, Марк НИМАНН-РОСС**

### **ФАНТОМНОЕ ЧУВСТВО**

Представьте себе, что человек получил возможность одновременно принимать информацию от нескольких десятков камер и всевозможных датчиков, проникая в любое жилище. Причем управлять ими в реальном времени и складывать картинку в единое целое. Фантастика?



**3 Джон ХЕМРИ**

### **БЕТТИ НОКС И ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЖОНС**

Некоторые дела надо выполнять с особой тщательностью и осторожностью - и это тем сложнее, чем крепче у вас связаны руки...

**35 Джон КЕССЕЛ**

### **ОЧИЩЕНИЕ**

Какие воспоминания оставить? Какие стереть? Нелегкий выбор, но много, кажется, при этой болезни нет.

**57 Грегори Норман БОССЕРТ**

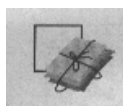
### **ТИХОХОД**

Не лучший вариант, проснувшись однажды, обнаружить себя в саркофаге. Да и себя ли: чьи это руки, ноги, ребра?

**87 Стив БЕЙН**

### **ВАЖНЕЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ**

Какие темы для беседы могут найтись у молодого гарвардского физика и пожилого ленивого таксиста? Не иначе как четырехмерное пространство-время...



**127 Скотт Уильям КАРТЕР**

### **АНДРОИД, ЧЕЛОВЕК, АНДРОИД**

Каждый андроид желает знать, как стать homo sapiens. Но что за причина побудила человека пуститься в обратный путь?

**157 Йен УОТСОН, Роберто КВАЛЬЯ**

### **НАВЕКИ ВМЕСТЕ**

Влюбиться по-настоящему можно только один раз, считает герой. И

всей своей жизнью оправдывает этот принцип.



**114 Антон ПЕРВУШИН**

### **СУМЕРЕЧНАЯ ЗОНА ЛУНЫ**

Жанр мекьюментари опять вышел в космос! Интересно, сколько зрителей на этот раз поверят в происходящее на экране?

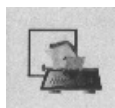
**120 Аркадий ШУШПАНОВ**

### **ДИКИЕ СЕРДЦЕМ**

Его герои не блещут интеллектом, но, честно говоря, любят их отнюдь не за это.

**117 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

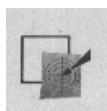
Четвертое измерение в кино - как это выглядит? И станет ли эксперимент новой модой?



**249 Ричард ЛОВЕТТ, Марк НИМАНН-РОСС**

### **ФАНТОМНАЯ НАУКА**

Не будем повторять анонс повести авторов. Но в своих научных комментариях они считают, что в ближайшем будущем все это вполне возможно.



**259 РЕЦЕНЗИИ**

Задача рецензента - предложить читателю по возможности объективную картину текущей книжной ситуации. Поэтому в центре критического внимания оказываются произведения разной «ценовой категории»: книги мастеров, дебюты, проектные издания или даже просто книжки для досужего времяпрепровождения.

**265 КУРСОР**

Тринадцатый «Звездный мост»... Электронный судья вынесет вердикт... школа «Ночного Дозора».



**267 ПЕРСОНАЛИИ**

Астрофизики и филологи, технари и гуманитарии - какая еще область литературного творчества способна объединить столь разноречивых писателей!

ДЖОН ХЕМРИ

## БЕТТИ НОКС И ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЖОНС

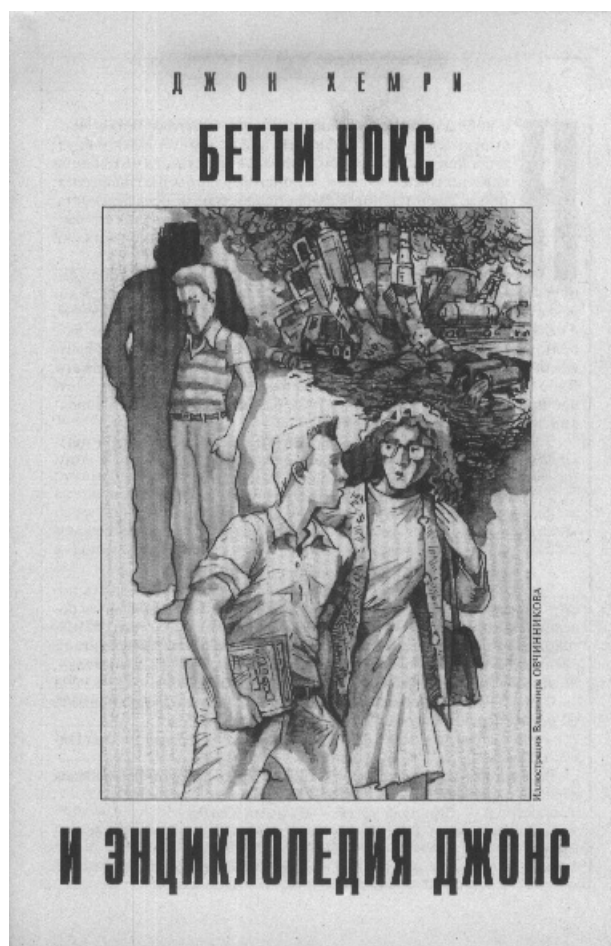


Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

На поблекших фотографиях пятнадцатилетняя Бетти Нокс смотрится вполне обычно. На ней скромные юбки и блузки, а под очками с темной оправой, не сказать что модной даже по сомнительным канонам середины шестидесятых, плохо прячется нормальная подростковая неуверенность. Так и набивается мысль, будто этот синий чулок не растает с учебниками, хотя на снимке ни одной книжки нет.

У нынешней же пятнадцатилетней Бетти настороженность спрятана отменно, и пусть, глаза те же самые, они теперь всю стреляют по сторонам и попадают в одноклассников. Впрочем, в отличие от других мальчишек и девчонок у нее движения не разболтанные, а осторожные, собранные, как будто, она лучше сверстников ежеминутно

сознает, что нужно делать и как себя держать. Либо эти движения, подумалось Джеймсу Джонсу, выдают отсутствие привычки к опрятной школьной блузке, юбке миди и неброским туфелькам.

Уроки закончились, ученики брызнули в разные стороны, и только Бетти твердым, энергичным шагом двинулась по тротуару к дому. Вот тут-то к ней бочком-бочком присоседился Джим.

- Кхе-кхе... Привет, что ли...

Она стрельнула глазами.

- Ну, привет.

- Я Джим.

- А то я не в курсе... Энциклопедия Джонс.

Бетти, пожалуй, слишком уж легко поддалась, ей бы малость посмуцаться, поволноваться и похихикать, как-никак к ней клеится ровесник, которого она и знать не знает - за исключением того обстоятельства, что он учится в ее школе. Вместо этого Бетти развеселилась: сколько было нахальных попыток ее закадрить, уже и счет потерял, но эта, совсем неуклюжая, отчего-то порадовала.

Однако Джим ее игривого настроения не разделил; раздраженный, он решил перейти к сути.

- А я в курсе, что после Джонсона президентом станет Ричард Никсон. Потом Форд. Кто следующий?

Веселья как не бывало, вернулась настороженность, да вдобавок изрядно окрепшая.

- Картер, - буркнула Бетти. - Джимми Картер.

- А после него Рейган. Ну вот, теперь нам обоим известно, кто мы.

- Ты... за каким чертом сюда приперся?! - воскликнула Бетти, забавно и мило тряхнув аккуратным перманентом. - Не успела прибыть, как уже новых шлют! И о чем только эти дураки...

Джим нарочито кашлянул, и Бетти осеклась. Виноватым взглядом повела окрест.

- Если совсем коротко, - заговорил он, - то нас забросили как можно ближе к вашим пунктам прибытия, потому что пропала первая волна.

- К нашим пунктам? Первая волна?.. - у Бетти сперло дыхание. - Пропала?

Возможно, кому-нибудь из взрослых, смотревших со стороны, эти двое казались самыми обычными школьниками: идут себе по улице с грузом учебников и рассуждают о новой музыке; вон, за границей объявилась еще одна певчая команда с чудным названием «Битлз». Но Джим вблизи видел более позднюю Бетти - к ней принято обращаться «доктор Нокс».

- Каждый из вас исчезает через несколько месяцев после намеченной даты прибытия, - объяснил он. - Как правило, не оставляя следов. Убери немногочисленные документальные свидетельства до того, как будут переведены в цифру и внесены в базы данных старые газеты и

аудиозаписи, - и ты словно вовсе на свет не рождалась. Не найдено никаких признаков, говорящих о том, что вы, ребята, пытались влиять на ход вещей. Удалось лишь узнать, что двое из вас вскоре после расчетной даты прибытия оказались в розыске как сбежавшие из своих семей. А уже после этого октября - вообще никаких сведений.

- А что насчет наших тел? Я имею в виду настоящие тела.

- В смысле старые, оставленные там? Никто не вернулся, если ты об этом. Домики на месте, но в них пусто.

- Куски мяса, - пробормотала Бетти.

- Ладно, не надо пафоса. - Джиму не понравилась возникшая перед глазами картинка, вполне применимая и к нему самому, только вовсе не юному.

- Джим, я генетик, - отрезала Бетти суровым тоном доктора Нокс. - Ты из «когда»?

- Две тысячи сороковой.

- Через год после нашей отправки?

- Надо было найти людей, которые с вами знакомы и способны опознать в юном возрасте. Еще потребовалось время на отбор и подготовку.

Бетти подошла к свободной скамье на автобусной остановке, села и уткнулась взглядом в одну точку.

- Скажи, зачем ты здесь? Выяснить, что именно пошло не так? Попробовать какой-нибудь другой способ? Узнать, не сцапал ли первую группу патруль времени, чтобы не допустить коррекции?

Джим, севший рядом, пожал плечами.

- Все перечисленное. Твое путешествие в прошлое - самое далекое из предпринятых до сих пор. А вдруг оно сказалось на психике? И перенеслась ли ты на самом деле? Ну да, вижу: ты здесь и выглядишь психически стабильной.

- Насколько вообще может быть стабильной психика у пятнадцатилетней девчонки.

- Вот только в патруль времени никто не верит. Да как такое вообще может быть?

- Никак. - Бетти опустила взгляд на свои вытянутые ноги. - Что случилось с остальными? Со мной? Я до сих пор не успела привыкнуть. Взгляни на мои ноги. Уже и забыть успела, как они выглядели в пятнадцать лет. Тогда они казались мне слишком короткими и толстыми. А впрочем, они такие и есть, если сравнивать с ножками Барби.

Джим пощупал свой плоский, твердый живот.

- Да, и вправду непривычно. Я себе все еще кажусь девяностолетним. И хотя для этого возраста сохранил неплохую форму, она, конечно, ни в какое сравнение...

- А столь далекий перенос, на несколько десятилетий в прошлое, как



влияет на человека? -- спросила Бетти. -- Может, процесс и впрямь расшатывает психику? Удалось ли выяснить после моей отправки, как это вообще работает? Для меня, правда, прошло только две недели...

- Две недели? Нет, разобраться с физикой переноса не удалось. Что-то перемещается в предшествующее время, и это происходит в пределах конкретной человеческой жизни. Но что именно переносится, ученые пока не выяснили.

- Ну и почему бы не назвать это попросту душой? - грустно спросила Бетти.

- Чересчур метафизично. У них по-прежнему под запретом слово «душа». Обучавшие меня обычно называли это личностью, сущностью, своим «я».

- Какое лицемерие! Наконец-то ученые установили, что человек - это не только его физическое тело, однако предпочли не докапываться до сути явления. - Бетти вздохнула, глядя на другую сторону улицы и не фокусируя взор ни на чем. - Итак, мы стоим перед фактом: путешествовать во времени можно, но только в пределах прожитой человеком жизни, и поэтому никто не способен очутиться в прошлом еще до того, как вся эта каша заварилась всерьез. И никого нельзя заслать в девятнадцатый век, в Германию, пока там еще не начато строительство гигантских химических заводов!

Гадать о том, что из этого вышло бы, Джим счел бесполезным.

- А ты еще не пыталась выполнить задание?

- Задание? - Бетти резко повернулась к собеседнику: в глазах - нехороший блеск. Джима удивила столь резкая смена настроения. - Мистер Энциклопедия Джонс, я, между прочим, всего-навсего девчонка. В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом кто нас, девчонок, слушает?

Ответ легко угадывался по ее тону.

- Никто?

- Никто! И девчонкой здесь считается женская особь в любом возрасте! - Бетти сорвалась со скамьи. - Ладно, пойдем. Не могу говорить о таких вещах, сидя на лавочке.

Джим прибавил шаг, чтобы поравняться с ней.

- У тебя походка доктора Нокс.

Поморщившись, Бетти укоротила шаг.

- До чего же противно притворяться... Тряпки эти ненавижу. Мне бы футболку, джинсы и удобные кроссовки - вот тогда я бы и двигалась как нормальный подросток. - Она вдруг подпрыгнула, а затем метнула в Джима еще один сердитый взгляд. - Вчера на физкультуре играли в баскетбол. Женский баскетбол, представляешь? И я сделала первый мяч. - Она изобразила четкий бросок сверху. - Все ахнули, а тренерша заявляет: это не женская игра! Только мальчишки, мол, так скадут, и если я не поостерегусь, то травмирую матку.

- Да ты что?!

- Серьезно! Я и забыла, что виды спорта, которые у нас считаются нормальными и даже полезными для девочек, в шестьдесят четвертом усеивали оторванными матками все стадионы. - Ее гнев угас так же быстро, как и загорелся. - А теперь к делу. Мало-мальски очухавшись после переноса, я рискнула затронуть кое-какие темы в разговоре с отцом: он по профессии врач, причем неплохой. Услышав от меня пару-тройку фактов из области эпигенетики, папуля сделал сочувственное лицо и сказал: ничего, скоро поступишь в колледж, там узнаешь и о Ламарке, и о том, в чем он заблуждался. А мамуля добавила: может, вместо колледжа тебе лучше замуж? Пришлось ответить: успею и то, и другое. И тут понеслось! Вообще-то оба моих брака кончились разводом - пожалуй, мама не так уж и не права...

- Тут, как я понял, ничего не смыслят в эпигенетике?

- Тут и в генетике почти ничего не смыслят! Мне бы забраться еще дальше в прошлое и поговорить с Менделем... - Бетти печально покачала головой. - Однако куда девать «девчонку»?.. Ламарк ошибался, но в более тонком смысле он был прав, просто современники не могли его правоту осознать. Человечеству следует придумать эпигенетику на несколько десятилетий раньше, если мы хотим, пока еще не поздно, остановить влияние губительных факторов на человеческий геном. Сегодня и в ближайшие десятилетия наука будет колебаться между теориями Дарвина и Ламарка; ей пока неизвестно о том, что у эволюции не один-единственный путь. Например, радиоактивное излучение влияет на мутации гораздо сильнее, чем переменчивая окружающая среда. - Бетти удрученно взглянула на Джима. - Так что процесс обещает быть долгим. Для начала я вручную напечатаю письма и разошлю их под чужими, мужскими именами, чтобы направить кое-кого на нужный курс.

- Вот последнее письменное свидетельство о существовании Бетти Нокс, которое удалось обнаружить Проекту. Школьная тетрадь, датированная концом сентября шестьдесят четвертого. И, как выяснилось в две тысячи сороковом, ты так и не отправила эти письма, ни одного. Даже если предположить психическое расстройство по причине переноса в далекое прошлое, должны были остаться медицинские записи. Вывод: кто-то явился по твою душу.

Она резко остановилась, повернулась к юноше, посмотрела в упор.

- Так ты мой телохранитель? Угадала?

- Ну, как сказать... Я тебя нашел, и ты в своем уме. - Джим согнул в локте тонкую руку. - Тут еще есть над чем поработать, но я худо-бедно умею драться без оружия. Не припомню, чтобы наши дорожки после школы пересекались: ты, наверное, не знаешь о моей службе в морской пехоте.

- Не припомню, чтобы мы и в школе хотя бы раз словечком

перекинулись. Ну надо же, Энциклопедия Джонс - морпех! А кстати, где словарь? Ты же с ним не расставался, и вчера он был при тебе. Делаю вывод: ты прибыл не раньше вчерашнего дня.

Джим ухмыльнулся.

- Угу, нынче утром... Да и не словарь это был. Просто не хотелось, чтобы узнали... - Он понял, что Бетти ждет продолжения. - Правила ролевой игры. Я ее тогда разрабатывал.

- Игра? Так ты у нас геймер? За полвека до того, как это стало считаться нормальным явлением?

- А разве игровая зависимость когда-то считалась нормальным явлением? - проворчал Джим. - На ней кое-кто из нашего брата сделал хорошие деньги, и мы здорово повлияли на культуру, но все равно это за гранью добра. У Энциклопедии Джонса, если помнишь, не было ни одной подружки.

- А сколько дружков, по-твоему, было у меня?

Дом Бетти, к которому они приблизились, был Джиму знаком - не по воспоминаниям детства, а по недавнему инструктажу.

- Необходимо обсудить все версии случившегося, которые возникли в две тысячи сороковом, - заявила Бетти. - А еще мне надо как-то связаться с двумя парнями, живущими в нынешнем времени, и узнать, все ли у них в порядке. Буду откровенна: меня очень беспокоит случившееся с другими и совсем не хочется, чтобы это произошло со мной...

- Бетти!

Джим повернулся на оклик и увидел в дверном проеме женщину.

- Отчего бы тебе не пригласить молодого человека? - спросила та. - Я печенья напекла.

Доктор Бетти Нокс залилась краской, как настоящая пятнадцатилетняя девчонка.

- Ох, гадство!.. Мать тебя, похоже, приняла за моего потенциального кавалера. Она считает: мне нужно поменьше знаний и побольше ветрености.

- Ты и при ней такие речи ведешь?

- Черта с два! Хотя при мамаше «черта с два» не скажешь, это же шестьдесят четвертый. - Бетти беспомощно пожала плечами. - Ладно, телохранитель, идем. Хоть объяснение будет, почему мы болтаемся вместе.

Джим вдруг понял: после того как Бетти Нокс сказала о своих ногах, он подспудно думает о ее теле, прикрытом скромным нарядом.

- Ты о чем? - хмыкнул пристыженный «кавалер». - Нам же только пятнадцать.

- То-то и оно... Созревающие тела, полные энергии и подростковых гормонов, и изощренные умы распутных старцев. Меня не предупредили насчет того, как подобное сочетание усложняет жизнь.

Ты заметил, что нелегко сосредоточиться на чем-то одном? Мысли так и разбегаются на все четыре стороны...

- Знаешь, что-то похожее чувствую и я.

- Твоему телу сейчас пятнадцать. Этот возраст влияет на твое «я»; то же самое относится и ко мне. - Сделав долгий, глубокий вздох, она добавила: - И еще как влияет. Не исключено, что опасность кроется в нас самих.

Бетти и Джим посидели за печеньем с молоком, разрабатывая стратегические планы. Беседовали они тихо. Выходя, юноша случайно перехватил понимающий взгляд матери Бетти: а о чем еще может подумать взрослый, глядя, как двое подростков долго шепчутся голова к голове?

Бетти особо настаивала, чтобы он вел теперь прежнюю, мальчишескую жизнь.

«Джим, нельзя нам отличаться от себя пятнадцатилетних, - убеждала она. - Не переварит этого здешнее общество, и прежде всего родители. Отправляя меня сюда, Проект дал на сей счет жесткое распоряжение, и я это понимаю. Ты должен и задачу выполнять, и жить нормальной жизнью Энциклопедии Джонса».

\* \* \*

И вот Джим поднялся по весьма смутно помнившемуся крыльцу, отворил почти стершуюся из памяти заднюю дверь и застал мать на кухне.

- Где же ты так задержался? - спросила она.

- У приятеля в гостях.

- А-а... Ну, тогда ладно.

Как же изменился мир! В 2040-м ничто не мешает родителям постоянно отслеживать местонахождение ребенка с помощью микрочипа GPS и психовать при малейшем отклонении от тщательно запланированной, стопроцентно безопасной, всегда открытой для взрослого недреманного ока жизни после школьных занятий. Однако это забавно: общество года 1964-го, оказывается, предоставляло ребенку куда больше свободы.

- Может, помочь, мам? - напросился Джим на недоуменный взгляд.

- Спасибо, не надо... Ты вот что, садись-ка да смотри телевизор, а будет готов ужин, позову.

Он побрел в гостиную, стараясь двигаться как подросток. Потратил чуть ли не минуту на машинальный поиск «дистанции» и наконец спохватился: никто такую пока не изобрел. Тогда Джим приблизился к громоздкому ящику, шириной почти с его настенный телеприемник, оставшийся в 2040-м, вот только экран от силы двенадцатидюймовый,

и, поэкспериментировав с ручками регулировки, добился щелчка.

Ящик тихонько загудел, а больше ничего и не произошло. Джим решил подождать, но вскоре потерял терпение и заглянул через вентиляционную решетку. Внутри светились оранжевыми электронные лампы. Сколько же им положено разогреваться? Воспоминания были расплывчаты: сказались и время, и привычка к тому, что давно уже стало обыденным.

Наконец Джим сдался и отошел. Когда он вольготно развалился на диване, рот сам собой растянулся в блаженной улыбке: все-таки вернуть себе физическую юность - это здорово! Но улыбку как рукой сняло, едва в комнату вошла его маленькая сестра. Мэри остановилась и сердито посмотрела на него.

- Эй, ты чего?

- Да ничего... Я просто рад тебя видеть.

Мэри скоропостижно скончалась в 2006-м от болезни сердца, не поддавшейся диагностике.

- А почему за завтраком на меня как на чокнутую смотрел?

- Ерунда, тебе показалось. Я правда очень рад.

В 1964-м он оказался спозаранку и потому основательно «поплыл». Трудно было не разрыдаться, снова увидев Мэри. Его предупреждали: надо вести себя осмотрительно, избегать ненужного влияния на прошлое... впрочем, в будущем никто и не представляет себе толком, насколько это прошлое неподатливо к переменам. Но ведь позаботиться о том, чтобы недуг Мэри был вовремя распознан, Джим, безусловно, может.

С подозрением взглянув на брата, Мэри подошла к телевизору и вскоре добилась черно-белого изображения. Она пощелкала переключателем, но большинство каналов оказались пустыми. NBC, ABC, CBS, NBC, ABC, CBS... и все! На третьем круге она остановилась. Джим глазам своим не поверил: на экране отплясывала пачка сигарет. Телевизионная реклама табака! Что это, если не пропаганда массовой тяги к самоотравлению? Вспомнился рассказ инструктора: до того как в США запретили неочищенный бензин, в воздух, почву и воду попало семь миллионов тонн свинца. И это только поддавшееся учету количество, и лишь из выхлопа автомобилей!

- Ничего путного, - с гримаской отвращения констатировала Мэри.

Сколько раз на своем веку Джим произнесет те же слова, впускаясь по сотням телеканалов? Он напряг память: а ну-ка, когда в семье появился первый цветной телик? Не ламповый, а транзисторный? Уже после того как он, не желая попасть под мобилизацию, записался добровольцем. Надо быть редкостным дурнем, чтобы пойти в морпехи из боязни угодить в сухопутные войска... Это скажет Мэри. У нее тогда будут длинные волосы и пацифистский значок на жакетке.

- И куда же ты пялишься? - возмутилась сестра.

Он спохватился, что опять смотрит на нее. Вспоминая, что было, гадая, что могло бы быть, и спрашивая себя, что будет. Из путешествия в прошлое вернуться можно, но только одним способом, самым простым и старомодным: проживать день за днем. Снова в морскую пехоту? Во Вьетнаме ему повезло, отделался несколькими легкими ранениями и горой воспоминаний, с которыми потом, ох, как нелегко было справиться... Но сместись он тогда самую малость, и вражеская пуля прошила бы сердце, а не куснула плечо. Он уже не мальчишка, убежденный, что смерть всегда обойдет его стороной и приберет кого-то другого. Если он снова рискнет, погибнуть во Вьетнаме будет проще простого.

И как смотреть в глаза старым друзьям на вербовочном пункте Корпуса морской пехоты в Сан-Диего, зная, кто из них не вернется домой? Он хотя бы разок задумывался прежде, что за отрывок прошлого намерен «воспроизвести»? Какую ответственность собрался взвалить на свои плечи? Вообще-то задумывался, но тогда все это казалось абстрактным. А теперь стало реальным - это прошлое, обернувшееся настоящим, и другого настоящего для него уже не существует.

- Кто-то тут не на шутку углубился в раздумья, -- заметила мать. - А ведь ужин готов, кассероль по-франкфуртски, специально для тебя.

Джим сел за обеденный стол, с улыбкой глядя на некогда любимое и почти забытое блюдо. Но улыбку согнала опасливая мысль: а что в этой еде содержится? Впрочем, тревога, пожалуй, беспочвенна: основная дрянь пролезла в человеческую пищу тихой сапой (а то и внаглую) под барабанный пропагандистский бой гораздо позже. У Бетти еще есть время добиться перемен.

Когда Джима пригласили в Проект, ему был девяносто один год. И в отличие от позднейших поколений, отягощенных уймой заболеваний, он на здоровье пожаловаться не мог: ни одной серьезной хвори, просто тело сильно состарилось. Он знал, что может умереть в любой день, и с тревожной решимостью принимал это как неизбежное. Джим уже тогда казался себе путешественником во времени, перенесшимся далеко вперед, в эпоху, когда никто не помнит, чем жил в юности, и не задумывается, отчего теперь выглядят важными совершенно иные вещи. Инструкторы объяснили: от Джима очень многое зависит, поскольку он учился восемьдесят лет назад в одной школе с девочкой, которая стала весьма уважаемым генетиком и сейчас нуждается в помощи.

Он снова посмотрел на мать, борясь с назойливым неверием в происходящее. Надо же, она жива. Здорова. Просто в голове не укладывается... хотя в пятнадцать лет воспринималось как само собой разумеющееся. Мать умерла от рака в 1984-м. Позднее ученые

разобрались с этой болезнью: ее вызывают кое-какие химические элементы, пластмассы и отходы промышленности, которая в середине двадцатого века без преувеличения травила людей, точно насекомых. Этот патогенный натиск на человечество усиливали бактерии и вирусы, обзаводясь иммунитетом к любому средству против них - опять же по причине бездумного злоупотребления таковыми средствами. В конце концов общество задумалось о том, какую угрозу несут его собственные изделия и отходы, но казалось, исправить уже ничего нельзя.

Тем не менее очередное научное открытие дало надежду на выход из тупика или хотя бы на ограничение ущерба. Первая попытка не принесла результатов, она просто растворилась во времени, и теперь Джиму предстоит выяснить причину неудачи, а также помочь Бетти с коррекцией истории. Ее неявные, малозначительные, на первый взгляд, вмешательства однажды сложатся воедино и породят великие перемены.

\* \* \*

Назавтра был урок химии. Джим во все глаза смотрел на живые серебристые шарики - их учитель раздал всем ученикам. На этом занятии присутствовала и Бетти, она села в другом ряду и едва не отшатнулась в ужасе от своей порции ртути. Остальные ребята веселились и играли с веществом, окунали в него авторучки и любовались остающимся на латуни налетом, дробили на кругляши помельче, способные шустро кататься и сливаться друг с дружкой. Том Фаранд даже макнул палец и хвастливо завертел им, серебряно-блестящим, над головой.

- Мистер Фаранд, не забудьте вымыть руки, перед тем как полезете этим пальцем в рот, - строгим тоном предупредил учитель.

Бетти покачала головой с таким видом, будто едва оправилась от потрясения, а затем вскинула руку.

- Сэр, разве ртуть не является крайне ядовитым химическим веществом?

- Ядовитым? - Учитель кивнул и рассудительно ответил: - Да, она не прибавит здоровья, если попадет внутрь организма. Просто не надо ее глотать.

- А парами дышать можно? Как насчет проникновения через кожу? Ведь даже малое количество ртути способно вызвать серьезные проблемы неврологического характера.

Теперь уже все ученики тарацились на Бетти, пихая локтями друг дружку и хихикая. Заметив это, она слегка покраснела. Надо было ее выручать, и Джим поднял руку.

- Сэр, я тоже об этом читал. Ртуть чрезвычайно опасна для нервной системы, и даже крошечная доза, попадая в организм человека, приводит к психосенсорным расстройствам.

- Энциклопедия Джонс и его заумные речуги, - ехидно прошептал кто-то.

- Мистер Джонс, мне об этом ничего не известно, - насупился преподаватель. - И ваши слова, мисс Нокс, для меня новость. Если проводились научные исследования и вы не прочь заработать наше общее уважение, отчего бы не подтвердить столь любопытные высказывания документально?

Смешки прекратились; ребята теперь поглядывали на ртутные шарики с опаской.

Выйдя из класса, Бетти повернулась к Джиму.

- Спасибо, а то очень уж, тоскливо одной в пустыне. Ничего, шагком за шагком, и мы придем к цели. Нашими стараниями люди на несколько лет раньше задумаются о ртутной проблеме, а там, глядишь, и покатится снежный ком.

- Эти исследования уже проводились? - спросил Джим.

- Я не в курсе. Данная область знаний никогда не была для меня приоритетной. Перед отправкой запомнила кое-какие институты, занимающиеся сейчас чем-то подобным, и имена некоторых ученых. Но главная беда в том, что нынешний уровень технологии не позволяет точно определять воздействие сверхмалых доз... Кстати, Джим, у тебя какая специальность?

Ну вот, дождался!

- Да никакой, пожалуй. Ни степеней, ни званий. Кое-чего нахватался... можно сказать, у меня приличная общая подготовка в науке и технике. Но Проекту приглянулся в основном потому, что мы с тобой одновременно учились в этой школе и я ухитрился дожить до второй волны.

- Понятно. - Вместо надменной снисходительности, с какой иная высокообразованная особа откликнулась бы на подобную новость, Джим получил улыбку. - Ничего, я знавала самых круглых болванов, увешанных самыми крутыми научными регалиями. Давай после уроков увидимся.

Джим провожал ее взглядом, тихо радуясь предложению, и вдруг на плечо упала чужая рука, да так тяжело, что он пошатнулся.

- Энциклопедия, да ты, похоже, втюрился? - спросил Том Фаранд, и его свита дружно заржала.

- Мы просто договорились вместе позаниматься химией, - ответил Джим.

- Позаниматься химией? С девкой? Ты в своем уме?

- А что такого?

Вопрос как будто привел Фаранда в тупик.



- Да ведь она - девка!

Вот об этом-то и говорила вчера Бетти. Джим весьма смутно помнил, как жилось в пору его юности женщинам: к 2040 году мир изменился настолько, что прошлое казалось почти нереальным. Но вот оно предстало перед ним во всей своей неказистости, и можно лишь догадываться о том, сколь тяжело Бетти заново претерпевать давние унижения. Заступиться за нее сейчас было бы верхом неблагоразумия...

Но тут заговорили подростковые гормоны - не дожидаясь, когда их пылкую речь отцензурирует престарелое «я».

- Глупее ничего не мог сказать? И впрямь эта ртуть - страшная отравка, вон как мозги разъела.

У Фаранда побагровели щеки.

- Энциклопедия, ты чего это?! - И его правая рука вскинулась, чтобы свалить Джима мощным регбистским толчком в плечо.

Тот махнул левой, легко блокируя удар движением, которое будет отработано лишь десяток лет спустя. Фаранд и его приятели остолбенели от удивления.

- Извини, не хотел тебя обидеть, - спокойно проговорил Джим. - Но тебе не следует обижать девочек. Больше никогда не пытайся меня ударить.

Джим повернулся и пошел на следующий урок, запоздало осознав, что совершил поступок, не свойственный пятнадцатилетнему мальчишке.

\* \* \*

В тот день, выйдя из школы, он увидел Бетти в окружении сверстниц; почти все трещали как сороки. Бетти заметила Джима и покинула компанию, которая вовсю хихикала и показывала на него пальцами.

- Представляешь, о чем спор? - тихо спросила Бетти, когда они пошли домой. - Кто из битлов самый красивый. Я думала, умом тронусь.

- Мне всегда нравился Пол, - отозвался Джим.

- Пол - супер. Я им сказала, что самый сексуальный Джон, так меня чуть не побиили. - Бетти хлопнула себя по лбу. - Все, хватит об этом.

- Года через два можно будет с ними поспорить, кто притягательнее - Мак или Кот.

- Мик или Кит, - машинально поправила Бетти и снова шлепнула себя по голове. - Я ничего не забыла, но вернулись эмоции пятнадцатилетней. Дома есть граммофон, и вчера я допоздна слушала сорокапятки. Ну почему у меня хранится пластинка с «It's My Party» Лесли Гор? Как я могла от нее тащиться, спрашивается?

- А ее диска «You Don't Own Me» у тебя нет? - спросил Джим.

- Может, это анахронизм? Разве в шестьдесят четвертом он уже есть?

Если да, я должна его заполучить! - Вновь она спохватилась и рассердилась на себя. - Нам уже начинает нравиться то, чем мы занялись! Не пойдет! Воспоминания - это одно, а действительность - совсем другое.

- Правильно. Это у меня из-за сегодняшней чепухи... из-за гражданской обороны.

Бетти грустно рассмеялась.

- Ты насчет совета под партией спрятаться? Хлипкая фанерка спасет от ударной волны... Неужели здесь в это верят?

- «Пригнуться и найти укрытие», - процитировал Джим. - Курам на смех. Но я о другом: как люди пришли к пониманию того, что атомная бомба - это не просто самое мощное взрывное устройство? Кто-то писал книги, кто-то снимал фильмы об атомном взрыве, и мало-помалу отношение людей к ядерному оружию изменилось.. Помнишь картину «На берегу»? Когда все гибнут от радиации? Мне потом кошмары снились. Понимаешь теперь? Через несколько лет в обществе появится нешуточный страх перед радиацией и мутантами. Помнишь, я говорил про мою игру? Вчера просмотрел уже сделанное - такая каша... Это потому, что в пятнадцать лет я о разработке ролевух ничего не знал. Зато теперь могу все организовать как надо, повторить, к примеру, «Подземелья и драконы». Но не стану повторять, конечно, ведь однажды кто-нибудь другой до этого додумается, а я не хочу красть идеи, даже еще не возникшие.

- В самом деле? - искоса глянула на него Бетти. - В строгом понимании ты не можешь украсть то, что еще никем не создано.

- Вот потому-то я и не пошел в адвокаты, - ухмыльнулся Джим. - «Строгое понимание» меня не устраивает. Оно, скорее всего, ошибочное. Но зато я могу разработать игру про то, как человечество задохнется в две тысячи сороковом.

- Джим, нам нельзя демонизировать технологию. В этом, если помнишь, Проект обвиняли некоторые его противники. Без технологии никак не обойтись, она создает проблемы, но также предлагает и решения.

- А то я не знаю?! Моя игра не про то, как паранормальное зло порождает для нас врагов, а о побочных продуктах хайтека. Победа достигается в боях, и часть добычи - это знания. Всякие новшества, чтобы помогать другим, защищаться от ядов, которые продуцирует и вываливает на тебя окружающая среда... И если не соблюдать осторожность, твое оружие принесет только новые неприятности...

Бетти слушала его и улыбалась до ушей.

- Блестяще. И с точки зрения этики тоже. Ты охраняешь меня и содействуешь в выполнении задания. Я, со своей стороны, могу сосредоточиться на передовых генетических открытиях, и при этом мы вместе пытаемся изменить отношение общества к промышленным

ядам и побочным продуктам высоких технологий. Годится. Сегодня мы свяжемся с Полом и Чарли, им твоя затея, надеюсь, понравится. Я уже выяснила, как звонить по междугороднему, и монетками запаслась.

Бетти остановилась у телефона-автомата и достала двадцатипятицентовик.

- Нам предписано действовать автономно и не искать связи друг с другом в течение полугода, чтобы мы успели спокойно освоиться в своих молодых «я». На Пола и Чарли могу выйти без проблем. Позвоню, спрошу, все ли в порядке, и ты предупредишь ребят.

- А денег-то хватит? - Джим с сомнением посмотрел на телефонную будку.

Когда она исчезнет из обихода? И долго ли после этого протянут другие разновидности таксофонов?

Бетти постучала монеткой ему по лбу.

- В шестьдесят четвертом двадцать пять центов - это деньги, забыл? Настоящее серебро, между прочим. Четвертаков у меня немного, но должно хватить.

Оставив незадвинутой дверь-гармошку и сняв трубку, Бетти несколько раз опустила рычаг и дождалась ответа.

- Оператор? Мне надо позвонить в Стоктон. Пол Дэвидсон. Проживает на Броувард-стрит. Да, правильно. - Она закатила глаза и шепнула Джиму: - Каменный век.

Он приблизил к ней лицо:

- Оператор не подслушает?

- Я осторожно. - Бетти показала, что зажимает ладонью нижний набалдашник трубки. - У нас, мой дорогой Эйнштейн, выбора нет. Без помощи оператора мне не найти номер Пола, и в шестьдесят четвертом далеко не всегда можно дозвониться напрямую. - Что? - спросила она в трубку. - Да, пожалуйста, соедините...

Пришлось бросить новую монетку в щель телефона и подождать.

- Миссис Дэвидсон? Мы с Полом друзья по переписке, и я...

Бетти вдруг осеклась, и Джим насторожился.

- Вот как? - пробормотала наконец она. - И когда? Подумать только... Мне так жаль... А перед тем как это случилось, все ли у него было в порядке? Спасибо... До свидания.

Бетти повесила трубку, глубоко вздохнула и посмотрела на Джима.

- Полторы недели назад Пол исчез. Ничто не предвещало беды. Просто мать зашла к нему утром и обнаружила пустую койку.

- Попробуй позвонить второму.

Чарли Беннет пропал трое суток назад. Из школы после занятий он вроде бы вышел, но домой не вернулся. Его отчаявшаяся мать ничего толком не могла объяснить, лишь твердила о том, каким необыкновенно заботливым сделался Чарли за несколько дней до своего исчезновения.

Джим изучил улицу, не следит ли кто.

- Они будут считаться сбежавшими из семьи. Пара строк в местной газете, досье в полицейском управлении, ну, может, еще разосланные по другим городам ориентировки. Все это затеряется, не дождавшись всеобщей компьютеризации.

- Так что же с ними случилось? - спросила Бетти, вытирая слезы.

- Нам лишь известно, что они не вернулись. Вот и гадай теперь.

- О, черт! Будь оно все проклято? Неужели и правда патруль времени? С гестаповскими методами?

- Да хоть бы и киборг-убийца, мне плевать. До вас, доктор Нокс, не доберется никто.

- Дурак! Зови меня Бетти. - Она вонзила пальцы ему в предплечье. - Одновременно с тобой кого-нибудь посылали к Полу и Чарли?

- Если и посылали, то меня в известность не ставили, - проворчал Джим. - Когда исчезла первая волна, начальство всерьез задумалось об охране второй. Но я подслушал разговоры насчет финансирования: оно оставляло желать лучшего. Сколько отправлено людей и за кем именно они должны присматривать, я сказать не могу. Да и точность заброски... Попасть сюда я должен был в те же сутки, что и ты, а видишь, опоздал на две недели. Поди угадай, как других разбросало.

- Значит, и впрямь беда... Я до сих пор надеялась, что это лишь острая реакция на перенос, а на самом деле ничего страшного. Может, и так... Может, ребята вовремя получили предупреждение и ушли в подполье.

- Бетти, к две тысячи сороковому никаких следов их деятельности после теперешнего исчезновения не выявлено. Почему они не воспользовались кодовыми словами? Вам же было приказано в случае явной угрозы запускать их в газеты!

- Понятия не имею. Знаешь, Джим, я ведь страшно рада, что ты здесь. А ну как Пол и Чарли повредились рассудком? Забыли, кто они такие, и кинулись искать свои будущие дома? Сам же говорил: чем дальше назад во времени, тем вероятнее психическое расстройство.

- Но ведь с тобой этого не случилось, - возразил Джим.

- Пока не случилось.

\* \* \*

Прошла неделя, другая. Джим и Бетти с разных телефонов обзвонили полицейские участки и больницы, ближайšie к тем местам, где жили Пол и Чарли. Но мальчики как в воду канули, и дежурные полицейские все чаще использовали слово «сбежал», а в больницах никто с похожими приметами не объявлялся.

Джим и Бетти сами не заметили, как попали в рутинную колею. Утром

- в школу, после занятий - домой к Бетти или в библиотеку. Труднее всего было привыкнуть к отсутствию компьютерных баз с научными сведениями, этих кладезей, открывающихся буквально по мановению пальца. Пришлось заново освоить забытое искусство находить книги с помощью каталожных карточек и копаться в тяжелых энциклопедиях.

По выходным они тоже много времени проводили вместе.

Однажды Бетти сказала напрямик: хотелось бы, чтобы Джим находился рядом, когда ее рассудок пойдет вразнос.

- А то, - пояснила она, - у подростка и так всегда колеблется настроение, запросто можно не заметить начало серьезной болезни.

Джим, не реагируя на протесты Бетти, обзавелся привычкой по ночам тайком выбираться через окно и подкрадываться к ее комнате.

- Если еще кто-нибудь за тобой следит, есть возможность его подловить, - оправдывался он.

- А если тебя самого поймают?

- Не беспокойся, в шестьдесят четвертом сталкинга еще не было, а была всего лишь беготня влюбленных друг за дружкой. К твоему дому я прихожу не в один и тот же час, и по продолжительности мои дежурства не совпадают. Тем больше шансов выяснить, ведется ли за тобой слежка, и тем меньше вероятности засветиться самому.

- Мне даже совестно... - Бетти оторвалась от письма, чтобы размять затекшую руку. - И без того целыми днями со мной, да еще по ночам не спать...

- Это вовсе не трудно, - бодро ответил Джим. - Мне даже нравится.

Она улыбнулась.

- Тогда почему не пытаешься меня поцеловать?

- Потому что не доверяю себе. Порой от гормонов просто мозги набекрень.

- Кому ты это говоришь... - вздохнула Бетти. - Ладно, Энциклопедия, ты прав. Слишком уж хорошо мы знаем, какое это приятное занятие, и будет только хуже, если наши старшие «я» не удержат младших в узде. Ведь ты, наверное, во всей школе единственный парень, который умеет снимать с девушки лифчик. Если нас застанут, неприятностей не оберешься. Тебя потом и на полкилометра ко мне не подпустят.

- Выходит, чем грешить напропалую, мы предстанем перед молодежью шестьдесят четвертого образцами высоконравственного поведения.

- Как бы дико это ни звучало, - она взялась за авторучку. - А теперь, мистер Джонс, за работу.

\* \* \*

- А почему Билла не видать? - за обедом спросила мама.

- Билла? - растерялся сын.

Речь шла о его самом близком друге. В последние недели они изредка перекидывались парой фраз после уроков, но и только.

- Да он все время занят, - нашел отговорку Джим.

- Билл занят? - не поверила Мэри. - Это ты все время занят с Бетти Нокс. - И девчушка мелодраматично добавила: - Уже все кругом про вас говорят: ниточка с иголочкой, тили-тили-тесто.

Мать улыбнулась Джиму.

- А я рада, что ты с ней подружился. Она умничка. И симпатичная к тому же.

«Это пока мы границу дозволенного не переступили», - подумал Джим.

- У нас с ней много общего, - пробормотал он, снова и во всех отношениях ощутив себя пятнадцатилетним.

- Что у тебя может быть общего с этой задавакой? - поддела Мэри.

- Сложные характеры не обязательно оцениваются выше или ниже, чем натуры, подобные твоей.

Джим сразу осознал ошибку. Не могло его пятнадцатилетнее «я» вести такие речи в кругу семьи. Но было уже поздно: и мама, и папа, и сестренка смотрели изумленными глазами.

- Это я в книге прочел, - поспешил он сказать в свое оправдание.

- Что за книга? - поинтересовался отец.

Остин? Вроде кто-то из ее персонажей изъяснялся в подобном духе. Но разве в 1964-м подростки читали Джейн Остин?

- Хемингуэй. Только не помню, откуда именно цитата.

- Длинновато для Хемингуэя, - подмигнул Джиму папа. - Сынок, ты уж будь с этой Бетти поосторожнее. А то в один прекрасный день заявишь нам: «Мы решили пожениться».

- Это если тебе очень повезет, - добавила мама.

Джим вдруг с ужасом понял, что краснеет.

\* \* \*

Вечером в библиотеке почти никого не было, по крайней мере рядом: несколько читателей рассредоточились меж книжных залежей поодаль. Джим и Бетти корпели над справочниками, выписывали контактную информацию и прочие существенные сведения. Заметив, что прекратился шорох пера, Джим поднял глаза. Бетти невидяще смотрела в книгу. Вдруг без единого слова вскочила и кинулась в ближайший проход.

Джим медленно встал и, охваченный тревогой, последовал за ней. Шагал он неторопливо, с беспечным видом, и надеялся, что никто не заметил внезапного бегства его подруги. Он нашел ее в дальнем углу, Бетти смотрела в проем между стеной и торцом стеллажа и

содрогалась в рыданиях.

- Ты чего? - тихо спросил он.

Она не отвечала, но вдруг, по-прежнему глядя в стенку, зачастила хрипло и так тихо, что Джим с трудом разбирает слова:

- Через десять лет моей лучшей подруге по колледжу, Синди Эренс, поставят диагноз: рак груди. Она скончается в семьдесят пятом. Через шестнадцать лет у моего брата обнаружат болезнь Паркинсона. Промучившись семнадцать лет, он умрет от пневмонии. Джим, мне всего лишь пятнадцать. Но вокруг, куда ни глянь, уже покойники, и я знаю, когда и почему этим людям предстоит умереть. И не в моих силах предотвратить, пусть даже наша с тобой задача выполняема. Мы просто-напросто не успеем. Вот о чем я все время думаю, и такие мысли невыносимы! Понимаешь меня?.. А может быть, я теряю контроль над собой? Может, это первые признаки сумасшествия?

- Я тебя прекрасно понимаю. - Джим пытался говорить ровным тоном, но все равно голос дрожал. - Со мной тоже так бывает. Как в кино, когда почти все убиты, но по-прежнему ходят, и ты один среди призраков или зомби. Они мне зла не желают, но ведь они и не знают, что я иной, что пережил всех и знаю, как они умирали. Мне нравится быть молодым, нравится видеть, что они снова живы, но иногда... вспоминаются могилы.

Бетти повернулась и вся в слезах упала к нему на грудь. Джим держал девушку, и она его обнимала, уткнувшись лицом ему в плечо.

- Джим, я ничего не могу с собой поделать, - всхлипнула она.

- Знаю, - севшим голосом ответил он.

- В этом году принята Тонкинская резолюция. В следующем начнется массированная переброска войск во Вьетнам, и никто, кроме нас, не знает, к чему это приведет. Многие наши друзья живы и здоровы, им столько же лет, сколько и нам, но скоро эти мальчишки отправятся туда. Некоторые погибнут, и мне известно, кто именно. Но даже зная, я не могу ничего изменить.

Бетти чуть отстранилась, чтобы посмотреть на юношу печальными глазами.

- Ах, Джим, до чего же мне тошно. У нас совсем короткие рычаги, а у истории чудовищная инерция! Чтобы добиться самой пустяковой перемены, нужны годы и годы. За это время Синди не спасти. За это время не убережешь ни моего брата, ни твоих друзей. Мы никак не можем повлиять на события ближайших лет. Сегодняшним генералам, политикам, врачам и ученым кажется, будто они знают ответы на все вопросы. Если двое пятнадцатилетних сопляков вдруг встанут и заявят: «Это ошибка, вы действуете неправильно!» - разве кто-нибудь прислушается к их словам?

У Джима тоже к глазам подступили слезы.

- Как это страшно... сидишь в грязи и держишь друга, а из него капля

за каплей уходит жизнь... и ты ничего не можешь... Вот и сейчас так. Все повторяется.

Бетти отрицательно покачала головой.

- Не повторится. Ты выжил. Ты можешь. И ты все сделаешь как надо. Верно же? Джим, я тебя едва знаю, но уже поняла: ты всегда действуешь правильно.

Джим кивнул.

- Ага. Я выжил. И не струсил, никого не бросил. Но разве это имеет какое-нибудь значение?

Бетти крепко обняла его, снова приникла лицом, отчего голос сделался слегка невнятным.

- Имеет, потому что ты вернулся и теперь помогаешь мне. Всем помогаешь. Джим, ты не задумывался: может, только мы с тобой и остались? А других уже нет, ни из первой волны, ни из твоей? И третьей волны не будет, ведь Проект, очевидно, провалился, и только от нас зависит, задумается ли общество о промышленных отходах и их воздействии на геном человека, выделит ли средства на исследования в необходимых областях. Мы должны верить в себя, в возможность добиться хоть каких-то перемен. Да, я не догадывалась, как тяжело будет жить в прошлом, но в наших руках будущее миллиардов людей. Вот что самое главное. Согласен?

Он смотрел на полку с книгами, не видя названий на корешках.

- Согласен-то согласен, но все же не могу переварить. Миллиарды людей, говоришь? Не многовато ли? Как прикажешь управляться с такой оравой? Когда-то мне открылось: люди моего сорта идут до конца, если находится тот, о ком можно заботиться, кому мы нужны, кто зависит от нас.

- Джим, ты нужен мне. Разве этого недостаточно?

Он прижал ее к себе крепче.

- Вполне...

Бетти не сходила с ума; она лишь страдала от того же, что причиняло боль Джиму. Рядом человек, знающий об этом, понимающий ее, тот, кто поможет выдержать. И вот они стояли и обнимались, как будто делились друг с другом силой, пока не замигали лампы: библиотека закрывается, пора уходить. Джим проводил Бетти и отправился к себе - в дом, существовавший в данный момент времени и одновременно в воспоминаниях о далеком прошлом.

\* \* \*

Уже приблизилась третья после его прибытия неделя. Чуть притупилась острота повторного переживания туманного былого, но не исчезло беспокойство, и даже понемногу росло. Последние следы



ребят из первой волны были отмечены в октябре, а этот месяц уже наступил.

Джим и Бетти разработали механизм преодоления, назвав его хроносерфингом. Будучи на людях, старались жить настоящим моментом, принимать как есть окружающее и радоваться общению с давно ушедшими родственниками и знакомыми. Наедине отгораживались от «сегодня» и самозабвенно трудились над переменами в «завтра». И не раз Джиму приходила в голову жутковатая мысль: а каково это, остаться один на один со своей памятью о грядущем?

- Нынче я брякнула: «Слава богу, вот и пятница», и все на меня уставились, будто это смешно, - сообщила Бетти по дороге с занятий. - Уж не я ли запустила в оборот эту школьную поговорку?

- Меняешь историю, даже не задумываясь о том, что делаешь...

С лица Джима сошла улыбка, едва он почувствовал знакомый зуд между лопаток. Неужели следят?

- Постой-ка. - Он опустился на корточки, как будто пытался завязать шнурок, и при этом слегка повернулся, чтобы краем глаза увидеть происходящее сзади.

Чуть в отдалении стоял незнакомый мальчишка. На парочку он не смотрел слишком уж старательно, по оценке бывалого Джима.

Джим двинулся дальше. Бетти шагала рядом, недоумевающе глядя на него.

- В чем дело?

- Не оборачивайся. Похоже, за нами следят. Или только за тобой. Парень наших лет. В школе я его вроде не видел.

Бетти даже споткнулась, но мигом преодолела растерянность.

- Ну и что с того?

Джим задержался возле телефонной будки - в стекле отражалась улица.

- Вроде он еще здесь, но порядком отстал.

- Вроде или точно?

- Отсюда не видно, надо подождать.

Бетти, судя по лицу, испугалась, но голос оставался тверд.

- Джим, надо выяснить. Если это очередной путешественник во времени, почему он здесь? Зачем вмешивается в события? И что случилось с Полом и Чарли, а может, и со всеми остальными из моей группы?

Джим кивнул.

- Вот я и попробую к нему присмотреться, оставаясь при этом вне подозрений, как самый обычный мальчишка, который за тобой волочится. Ты тоже будь начеку. Завтра погуляем подольше, вдруг он снова покажется. Попробуем найти подходящее местечко, чтобы ты смогла рассмотреть его как следует.

- Годится. - Они уже приблизились к дому Бетти, и девочка глубоко вздохнула. - Как же хорошо, что ты рядом.

Она подалась вперед и поцеловала Джима в губы, прежде чем тот разгадал ее намерение, а затем быстро зашагала к двери.

Ночью Джим не один час прокараулил возле ее дома, но так никого и не увидел. Субботним утром, зевая, приблизился к передней двери и постучал.

Открыла мать, но вместо привычной ласковой улыбки его встретил суровый взгляд.

- Бетти сегодня из дома не выйдет.

Джим и слова не успел вымолвить, как дверь захлопнулась.

Что за чертовщина? Джим вернулся на улицу, потом через несколько дворов, от укрытия к укрытию, снова подобрался к дому Бетти, на сей раз с тыла. Как и подобает типичному пригородному коттеджу шестидесятых, вдоль ограды его заднего двора росло несколько деревьев и множество кустов, и Джим мог оставаться незамеченным, наблюдая за первым этажом, где находилась спальня Бетти. Девушка была там и смотрела в окно. Джим помахал рукой; она заметила и прижала к губам палец. Заручившись молчанием друга, бросила что-то в его сторону.

Джим подобрал ручку с намотанной на нее бумажкой: «Мама видела, как я целовалась вчера. Она испугалась, как бы у нас не зашло еще дальше, и решила провести со мной воспитательную беседу. Я свалила дурака, попытавшись ее убедить, что все уже понимаю, и сказав при этом слово «презерватив». Она моментально взбеленилась, и теперь я могу выходить только на занятия в школе, пока не осознаю, какая это аморальная штука - способность заботиться о своем физическом здоровье».

Джим кивнул ей, давая понять, что по-прежнему будет рядом, помахал на прощание и, все так же крадучись, вернулся на улицу. Ничего иного без риска ухудшить положение Бетти он предпринять не мог.

\* \* \*

Джиму не в диковинку было красться в ночи. От куста к дереву, от дерева к кочке - бесшумный, как призрак, чуткий к любому шевелению и шороху. По крайней мере, сейчас за ним не охотятся партизаны-вьетконговцы или северовьетнамские солдаты, хотя из растревоженной памяти градом сыплются картины боев вокруг Кхесани. Но вот Джим вышел на позицию, с которой он будет наблюдать за домом Бетти большую часть субботней ночи.

И кого же он высматривает? У таких детей, как он и Бетти, сознание и память из 2040-го, но внешне они ничем не отличаются от

«сверстников». Путешественники во времени под удар попадают группами - следовательно, это дело рук других путешественников во времени. Отправки людей в прошлое, насколько Джиму известно, осуществлялись во многих местах. Дело это сложное, дорогостоящее, но доступное, по слухам, не только Проекту. Кто еще стал бы убивать детей и ради чего?

Может, те, кто живет в конце времен? Внушили себе, что все случившееся посреди двадцатого века - Божья отбраковка неугодных перед Армагеддоном. Находились же секты, одержимые подобными бреднями и даже готовые на смертоубийства.

Но даже если это дело рук фанатичных воинов веры, как им удалось заполучить технику для путешествий во времени? И добиться содействия от тех, кто способен с этой техникой обращаться? А ведь еще необходимо было выведать, кого именно послали в прошлое и где эти люди обосновались.

«Права Бетти, - подумал Джим. - Надо добратся до парня и задать кое-какие вопросы».

В предыдущие ночные бдения он ничего не заметил, кроме обычного мельтешения в соседних домах, но теперь инстинкт подсказывал: случится что-то необычное. Однако ждать этого пришлось еще почти час.

Кем бы ни был ночной незнакомец, в искусстве скрытного передвижения он не преуспел, и Джим услышал его раньше, чем увидел. Паренек перемещался слишком быстро и шумно - судя по повадкам, посмотрелся боевиков. Ростом и телосложением он походил на того, замеченного на улице. И был в этот раз не один. Его сопровождал некто повыше и поплотнее - либо парень на несколько лет старше, либо сверстник, но крепко сбитый.

Джим наблюдал, затаившись меж кустов. Он был готов атаковать в любой момент, но прежде хотел побольше узнать о противниках. Незваные гости приблизились к дому Бетти, с задней стороны, очутившись в каких-то десяти футах от Джима.

Вдруг на предмете, который держал в руке здоровяк, блеснул лунный свет. Давно уже Джим не видел подобного, но воспоминания не померкли. Блик ночного светила играл на клинке ножа.

Значит, убийство? Какая судьба постигла ранее исчезнувших подростков, выяснить не удалось. Следов насилия не осталось, и нет никакой информации в появившихся позже базах данных. Одно дело - бегство несовершеннолетнего из дома, такое в порядке вещей и редко получает серьезную огласку, особенно в период подросткового кризиса. Но совсем другое - оставить в спальне кровь; тут уж переполох гарантирован. Нет, вряд ли эти двое намерены прикончить Бетти в ее комнате или поблизости от дома. Всего вероятнее, хотят похитить ее, как похитили Пола и Чарли, и увести подальше, - но для

этого нужно, чтобы она могла передвигаться.

Однако парни не приближались к окну Бетти, а лишь часто оглядывались на соседний дом. Там горел свет в оконном проеме, кто-то еще не спал.

Джим ждал и видел, как обоих злоумышленников бьет лихорадка. Часа через полтора случился тихий, но бурный спор; слов Джиму понять не удалось, но безостановочно бросаемые на освещенное окно взгляды говорили: незнакомцы опасаются, как бы их не заметили. Наконец двое устремились вперед, невольно пародируя ночные похождения ниндзя, и скрылись на улице.

Джим провел еще час на страже, но зловещая парочка больше не показывалась, хотя мешавший ей свет у соседей давно погас. Покидая свое укрытие, он соблюдал предельную осторожность - а ну как враги затаились в засаде? - но ничего подозрительного не заметил.

Значит, придут завтра ночью, это как пить дать. Вот и объявился пресловутый патруль времени - в облике двух юных хулиганов с ножом.

\* \* \*

- Здравствуйте, миссис Нокс. Можно с Бетти увидеться?

Ответом были рыбий взгляд, суровое покачивание головой и ледяной тон:

- Боюсь, что нет.

Джим попытался изобразить неловкость, вежливость и недоумение одновременно.

- Она заболела? Я только для того и пришел - узнать, все ли у нее в порядке.

Женщина чуть оттаяла, но все равно снова покачала головой.

- Бетти здорова, просто ей надо побыть одной и хорошенько подумать.

- А-а... - Джим притворился огорченным, как и подобало влюбленному мальчишке. - Ну ладно, пойду тогда...

Миссис Нокс оттаяла еще больше, даже улыбнулась ненароком:

- Ладно, Джимми, побудь здесь, разрешаю поговорить с ней минуту на крылечке.

Вскоре в дверях показалась Бетти.

- Приветик. - Она повела глазами в сторону, давая понять: мама не на виду, но рядом и не пропустит ни слова.

Задача: как поделиться новостями с Бетти и предостеречь ее, не встревожив мамашу и не вызвав шквал вопросов, на которые убедительно ответить нельзя?

- Ты это... гм... помнишь, в пятницу я птичку одну увидел? И тебе про нее говорил, и ты тоже захотела посмотреть? Это, оказывается, авис

Саруманус. И их, между прочим, две.

- Авис Саруманус? - четко выговаривая, повторила Бетти.

- Ага, две птицы Сарумана, - рискнул «перевести с латыни» Джим.

Он не помнил, издавался ли «Властелин Колец» в США до 1964-го, но если даже издавался, крайне маловероятно, что мать Бетти его прочла.

- В общем, они здесь. Я и подумал: может, тебе интересно?

- Интересно. - Бетти аж побледнела, но сразу взяла себя в руки и прошла по улице сторожким взглядом. - Ты это... присмотри за ними, ладно? Только не спугни. Хочу как следует изучить, выяснить, что их сюда привело, ну и все такое. Если сейчас спугнуть, кто знает, когда они снова прилетят?

- Хорошо, присмотрю, - с притворной неохотой пообещал Джим. - Как у тебя дела, нормально, надеюсь? Правда, по-другому и быть не может. В жизни не встречал столь серьезной девушки.

Сей неуклюжий комплимент предназначался для мамашиных ушей - пусть убедится, что ее опасения напрасны. Но, к собственному удивлению, Джим вдруг осознал, что в его словах звучит искреннее чувство.

Взгляд Бетти с улицы вернулся на его лицо, в глазах ясно отразились и ее подлинный возраст, и жизненный опыт, а затем появилась бесхитростная улыбка пятнадцатилетней девчонки.

- Спасибо. По-моему, ты тоже очень серьезный парень.

И говорила она это, похоже, не в шутку.

\* \* \*

В ночь с воскресенья на понедельник Джим подобрался к дому Бетти совсем рано, рискуя быть обнаруженным в еще далеко не кромешной тьме. Он занял привычный сторожевой пост, чтобы провести, если придется, несколько часов без сна и почти без движения.

Вокруг понемногу стихала дневная жизнь, гасли огни, в окнах за занавесками мелькали тени, по улице проезжали машины. В этих домах, быть может, живут дети, которые вырастут и станут изобретателями и новаторами, дав революционный толчок медицине, сельскому хозяйству, транспорту и многому другому, одарив человечество бесчисленными благами. И одновременно завалив отходами, убийственными для нижних звеньев пищевой цепочки. Безнадёжно разрушив климатический баланс на планете. Отравив ее население тысячами всевозможных токсинов.

«Не бросай мусор мимо урны». «Не оставляй после себя грязь». Многие ли матери твердят это своим детям? «Содержи в порядке рабочее место». Многие ли мальчишки нынче слышат это от отцов?

Всем бойскаутам и герлскаутам внушают: «Безопасность превыше всего». Но эти матери, отцы и дети бездумно подмешивают черт знает что к воде, которую сами же и пьют. И к пище, которую едят. И к воздуху, которым дышат. Если машины не содержать в чистоте, они ломаются - этому нас учит технология. Если вычисления производятся неправильно, погрешность никуда не исчезает - этому учит наука. Вот о чем твердит Бетти. Хайтек создал проблемы, ставшие неразрешимыми к 2040-му, но этого могло бы и не случиться, если бы человечество спохватилось раньше и занялось теми делами, которые оно столь неблагоразумно откладывало на потом. «Мы должны добиться, - рассуждал Джим, - чтобы оно задумалось вовремя и успело изменить свою судьбу, с помощью техники нашло решение проблем до того, как эти проблемы возникнут».

Стихли последние шумы, в окружающих домах погасли последние лампы. Джим перестал носить наручные часы со светящимся циферблатом, когда узнал, что в них содержится радий, но, по его прикидкам, сейчас было чуть за полночь.

Он услышал шаги, шелест слишком торопливо раздвигаемых кустов. Появились оба парня, они шли на полусогнутых, пригнувшись. Подступили к окну Бетти, заглянули. Снова тот, что покрупнее, держал нож.

Никогда еще Джиму не давалось так трудно сидение на месте. Кто бы ни были эти двое, их необходимо поймать с поличным, чтобы вина была неопровержима. Тогда, быть может, они не рискнут отмалчиваться, расскажут, почему охотятся за такими, как Бетти.

А значит, Джим должен ждать в засаде и наблюдать.

Тот, что покрупнее, с помощью ножа растворил окно и полез в спальню, изрядно при этом шумя. Джим не упустил момент, поменял позу: вот он уже на корточках, готов в любую секунду сорваться с места. Бетти не убьют в ее комнате. Раньше так не делали и сейчас не станут. Вновь и вновь он мысленно повторял эти успокаивающие слова, а сердце билось от страха все пуще.

В окне появилась Бетти. Медленно перелезла через подоконник, прыгнула на землю. Здоровяк не отставал, держал нож на виду. Второй парень схватил Бетти за руку и поволок за собой, но она упиралась и вырывалась, и происходило это в считанных футах от укрытия Джима.

- Вы кто? - услышал он шепот девушки.

- Друзья из две тысячи тридцать девятого, - неубедительно пробормотал здоровяк.

- Друзья? С ножом? Угрожают убить, если не встану и не пойду с ними? Ни шагу больше не сделаю, пока не узнаю, кто вы такие.

Отвечал тот, что поменьше, скороговоркой:

- Это для твоего же блага. Мы, как и ты, из две тысячи тридцать

девятого, но сейчас объясняться не можем. Потому что небезопасно. Ты шагай, не шуми, и все будет в порядке.

Бетти глядела на меньшего парня в упор; он не выдержал и отвернулся.

- Конрад Олдэм? Профессор, это вы?

Конрад Олдэм вытянул в струнку свое четырнадцатилетнее тело и попытался сыграть с ней в гляделки, что оказалось задачей непростой: юная Бетти была на пару дюймов выше.

- Доктор Нокс, хоть раз в жизни прислушайтесь к чужому мнению. Мы действуем в ваших интересах. И я все объясню, вот только перейдем в более...

- Профессор, вы же не участвуете в Проекте. Выступали против, насколько я помню.

Джим заметил блеск зубов: Конрад Олдэм улыбался девушке, пытался ее успокоить.

- Теперь участвую, ведь ситуация изменилась. Повторяю, все будет хорошо, только позвольте мне объясниться. Вам, как я понял, не представилось возможности поговорить с теми, кто уже знает, каково это - жить сейчас? Мы восполним все пробелы, если пойдете с нами. - Последнее обещание, судя по тону Олдэма, должно было развеять все сомнения Бетти.

Но она энергично замотала головой и спросила:

- Что вы здесь делаете?

- Крайне важно, чтобы вы получили свежую информацию. Да сами подумайте, разве Проект мог прислать меня с другим поручением?

- Почему Проект направляет ко мне человека, зная, что я имею основания ему не доверять?

Олдэма явно привело в замешательство упрямство Бетти. Он не придумал ничего умнее, как повторить:

- Все объясню, когда мы уйдем отсюда.

- Как объяснили Полу Дэвидсону и Чарли Беннету? - спросила Бетти.

На это Олдэм ничего не ответил. Зато его массивный спутник перестал изображать из себя друга-приятеля и помахал ножом.

- Ну что, приступим? - проворчал он.

- Нет! - цыкнул на него Олдэм. - Слишком много подчищать, если найдут... - Фраза повисла.

- ...Мой труп, -- договорила Бетти. -- Профессор, но какой смысл? И кто этот, с вами?

- У вас есть только один шанс... - начал Олдэм угрожающе.

- В чем причина, я спрашиваю. Мы же с вами ученые. Бывает, не сходимся во мнениях, спорим. Но убивать-то...

Олдэм не дал ей договорить: он, похоже, всерьез разозлился.

- Вы и такие, как вы, слушать не привыкли. Нужные нам ответы кроются в научных исследованиях и прикладных технологиях. Если

стреножить науку, проблемы лишь усугубятся, а этот ваш чертов Проект даже не стреножить ее пытается, а повалить и связать, да вдобавок заклеить! Как виновную во всех бедах! Нет, уважаемая коллега, не бывать по-вашему! Такой ошибки человечество себе позволить не может.

- Это я-то слушать не привыкла?! - выкрикнула ему в лицо ничуть не менее разгневанная Бетти. - Наглая ложь! Нет, профессор, это вы слышите и видите лишь то, что вас устраивает, предпочитая не замечать горькую правду! По-вашему, это научный подход?

- Можете как угодно выкручивать мои слова, но факт остается фактом: вы намерены привести человечество к гибели, а я - к спасению!

Снова подал голос здоровяк.

- Человечество обречено, - со смешком заявил он. - Всем нам конец, и тот, кто противится воле Всемогущего, должен быть остановлен.

Даже в ночной темноте Джим увидел, как глаза Бетти полезли на лоб.

- Профессор! С кем вы связались?!

Олдэм пожал плечами.

- «Если бы Гитлер вторгся в ад, я, по меньшей мере, неплохо отозвался бы о сатане». Это сказано Черчиллем. У меня был доступ к необходимому оборудованию, а у этой компании - к финансовым средствам. Бывают случаи, когда без союзников никак не обойтись.

- А точнее, без подельников, готовых проливать кровь. Делать за вас грязную работу. - У Бетти вдруг сел голос. - Они мертвы? Наши ребята? Вы знали, кто они и где живут... Как же вы могли?

И снова Олдэм отвернулся.

- Никого я не убивал. И Гордон тоже, - кивнул он на подручного. - Как можно убить в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом тех, кто дожил до две тысячи тридцать девятого? С точки зрения логики - исключено.

- Это и есть ваше оправдание?

- Они прожили долгий век, - упирался Олдэм. - Докажите мне, что человек, бывший в две тысячи тридцать девятом дедушкой, умер в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом? Это абсурд, явное противоречие причинности. А значит, и не было никаких смертей.

- Вот же подонок! Хладнокровная гадина...

- Молчать! - Гордон поднял нож и зыркнул на Олдэма. - Нравится тебе это или нет, а придется ее заткнуть.

Джим точно пуля вылетел из своего укрытия, одним длинным прыжком подскочил к Гордону, прежде чем оба похитителя сообразили, что происходит. Гордон уже поворачивался, но закончить движение не успел - кулак врезался ему в бок со стороны почки. Здоровяк взвыл от боли и зашатался, а Джим поймал и выкрутил кисть с ножом, потом заломил руку Гордону за спину. Тот рухнул лицом в траву, и удар был столь силен, что едва не вышиб дух из парня.

Олдэм сначала таращился на Джима с открытым ртом, а когда



опомнился, полез в карман. Но достать ничего не успел - тыльная сторона девичьей кисти обрушилась на его нос. Профессора повело назад, он схватился обеими руками за лицо, и тут Бетти пнула его в пах.

- Сколько же лет я об этом мечтала, - сказала она, когда Олдэм скорчился на земле.

Джим выдернул ремень из брюк Гордона и связал парня, после чего перешел к Олдэму.

- Не рыпайся, а то прикончу. - Должно быть, это прозвучало убедительно, поскольку профессор мигом замер.

Джим обернул руку своим носовым платком, вынул из кармана у Олдэма нож-выкидуху и бросил в сторону.

- Бетти, - прохрипел Олдэм. - Доктор Нокс! Выслушайте! Я могу помочь. Вы - последняя, вам это уже известно. В Проекте есть наш человек, он выдал все имена. Мы нашли даже тех, кого не было в списке, но они явно имели отношение... В одиночку вам будет, слишком трудно, но мое содействие - это шанс достичь успеха! Я не убивал, клянусь, и не хотел... все смерти - на Гордоне. Давайте объединимся, давайте работать вместе...

- Ты в самом деле думаешь, что я такая дура? Что поверю тебе? Ну да, профессор, ты же всегда был о женщинах невысокого мнения. И поскольку одно обстоятельство нашей встречи, похоже, ускользнуло от недюжинной наблюдательности моего высокоученого собеседника, позволю себе указать: я вовсе не одна.

- Что будем делать с мерзавцами? - спросил Джим. - Если отпустим, они снова попробуют нас прикончить. Под замок тоже не посадишь.

Виделся только один выход, но Джима он совсем не устраивал. Бетти повернулась к нему, по лицу расползлась недобрая улыбка.

- Ты прав. Держать их взаперти мы не можем. Не желаю я им и того, что они приготовили для нас. Но эти ребята наверняка сбежали из своих семей, а правосудие в шестьдесят четвертом, насколько мне помнится, не очень-то жалует малолетних бродяг. - Она опустила на корточки рядом с Гордоном, прижала коленом к земле рукоятку его ножа и провела, морщась от боли, запястьем по лезвию. Встала, мазнула кровью из неглубокой раны по щеке и перевела дыхание.

\* \* \*

Долгий, полный ужаса крик Бетти разлетелся в ночи, эхом отскакивая от стен пригородных домов, - и вот уже в округе зажигаются окна, распахиваются двери.

Когда появились первые взрослые, кое-кто и с оружием, Бетти стояла, вцепившись в Джима, тряслась и заливалась слезами.

- Эти двое залезли ко мне в комнату, - кричала она, показывая на Олдэма и Гордона. - Угрожали ножом, говорили, что хотят со мной сделать... Всякие гнусности обещали! И похвастались, что убили других ребят! А Джим за меня волновался, он пришел проверить, все ли в порядке, и заглянул в окно... Когда меня потащили наружу, он бросился на негодяев, не побоялся даже ножей, он такой смелый... настоящий герой!

Бетти ненадолго прекратила полупритворную истерику, чтобы глянуть на Джима с восхищением и благодарностью - хоть и наигранными, но такими пылками, что он едва не расхохотался. Нет, спохватился юноша, веселиться нельзя, иначе нам могут не поверить. Кое-кто из взрослых уже одобрительно хлопал его по спине и называл молодчиной. Другие схватили Олдэма, у которого, похоже, язык отнялся от страха, а затем и Гордона - тот вопил, что все они прокляты, пока кто-то не врезал ему от души по физиономии.

Вскоре прибыли полицейские, и эти дюжие парни не лишили себя удовольствия поставить лишний синяк Олдэму и Гордону, когда надевали наручники и запихивали злодеев в машину.

- Бродяжничество, проникновение со взломом, угроза оружием, похищение, - перечислил блюстителъ порядка отцу Бетти. - А также... - полицейский глянул на девушку и закончил шепотом: - Попытка изнасилования и убийства. Не беспокойтесь, судья хорошенько позаботится об этой парочке. Упечет до скончания века.

- Бетти говорит, они назвали имена двух ребят, - сказал мистер Нокс. - И утверждали, что убили их. Я ее попросил записать имена мальчиков и города, где они жили.

Полицейский забрал бумагу и сурово зыркнул на Олдэма с Гордоном.

- Убийства? Если окажется, что это правда, мерзавцы никогда не выйдут на волю. Не поможет им и несовершеннолетний возраст.

- Вот этот, который помельче, орет, что он явился из будущего, - сообщил второй полицейский. - Совсем мальчишка, и уже полоумный маньяк. Хотя нынче такие детки пошли...

- А все доктор Спок, - посетовал первый.

- И эта музыка идиотская, - ругнулся второй, садясь в машину. - Песенку «Louie, Louie» слышал? И как от такого можно балдеть, спрашивается?

Когда полицейские уехали, мистер Нокс протянул руку Джиму.

- Мы с миссис Нокс побаивались, как бы ты не заморочил девчонке голову. Но с этой минуты, сынок, ничего против тебя не имеем. Лучшего выбора я нашей Бетти не пожелаю.

\* \* \*

- Как прошло Рождество? - спросил Джим, усаживаясь рядом с Бетти на крыльцо.

- Даже лучше, чем я ожидала. - Бетти протянула толстый журнал. - Я написала рассказ про Олдэма и Гордона, о том, что они натворили, и сейчас получила письмо от издательства: берут. В таких случаях положено давать героям вымышленные имена, но я оставила наши.

- Что за журнал?.. - Джим, глянув на обложку, впал в ступор. «Аналог сайенс фикшн»?! У тебя взял рассказ сам Джон Кэмпбелл?

- Ага. По-моему, неплохо.

- Я просто...

- Так вот, - продолжала Бетти, - мы с тобой здесь упомянуты, и это разойдется тысячами номеров. Однажды рассказ попадет в электронные базы данных. В две тысячи сороковом поиск сразу выявит и случившееся с нами, и зловещую роль Олдэма и Гордона.

- Так ты что же, использовала реальные события? - торопливо листая журнал, спросил Джим. - Прямо так и написала про путешествия во времени?

- Разумеется. Надо же было отправить сигнал, причем так, чтобы в следующем веке его непременно получили и верно поняли. А как еще можно известить Проект о судьбе всех остальных бедолаг? И о том, что Джеймс Джонс - настоящий герой?

- Бетти, никакой я не...

- Энциклопедия Джонс, мне лучше знать, кем на самом деле является мой будущий супруг! Вместе мы напишем много рассказов и романов, заложив в них все то, что должны знать о будущем люди, и преподнеся им эту информацию в доступной форме. И ты опубликуешь свою игру, а я однажды снова официально стану доктором Нокс, и тогда мы займемся научными исследованиями. Все у нас получится, дорогой.

Джим, слушая ее, улыбался до ушей.

- Еще как получится. Интересно, кто-нибудь из читателей догадается, что в твоём рассказе правда? Кто-нибудь отличит научные факты от вымысла?

- Да тут все правда, от первого и до последнего слова, - щелкнула ногтем по журналу Бетти. - Ведь нарочно такое не придумашь, согласишься.

**Перевел с английского Геннадий КОРЧАГИН**

© John G.Hemry. Betty Knox and Dictionary Jones in the Mystery of the Missing Teenage Anachronisms. 2011. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

ДЖОН КЕССЕЛ

## ОЧИЩЕНИЕ



Иллюстрация Майи КУРХУЛИ

Ее отец преподавал электротехнику в университете и страстно увлекался вакуумными лампами. Когда ей было восемь, он научил ее ремонтировать старые радиоприемники. Сидели они, бывало, на высоких табуретках в его подвальной мастерской да изучали почерневшие внутренности старых «филко» и «стромберг-карлсонов».

- У Ли де Фореста был патент на схему с положительной обратной связью, - втолковывал ей отец, - но он ее попросту украл. На самом деле ее изобрел Эдвин Армстронг<sup>1</sup>. А ну-ка, что это за лампа?

- Это триод, - отвечала она.

- Умница. - Он распаивал проводку и заставлял дочь спаивать ее

---

<sup>1</sup> \*Ли де Форест( 1873-1961) - американский изобретатель, имеющий на своем счету 180 патентов, в частности на триод. Эдвин Говард Армстронг (1890-1954) - выдающийся американский радиоинженер и изобретатель. (Здесь и далее прим. перев.)

заново. Тогда его волосы были темными и не столь редкими. Ей нравилось, как уголки его глаз собираются в морщинки, когда он щурился на какую-нибудь монтажную схему.

- Придется попотеть, - объявлял он через некоторое время. - Как насчет стихотворения?

Отец помнил множество странных стихотворений и старомодных песен. Она дула на капельку припоя на конце провода, и едкий горячий запах ударял ей в нос.

- Ладно.

- Одно из моих любимых, - говорил тогда отец. - «Кремация Сэма Макги»<sup>\*\*2</sup>:

*Чудные дела под полуденным солнцем  
Творят те, кто горбатится за золото.  
Тропинки Арктики...*

- Горбатится? - переспрашивала она со смехом. - Что это означает?

- Ты не знаешь, что означает горбатиться? Чему тебя в школе учат?

- Арифметике.

- Это значит вкалывать, тяжело трудиться. Вот как мы сейчас.

- Почему же нельзя просто сказать «тяжело трудиться»? Звучит почти так же.

- Это поэзия, милая. В ней необязательно должен быть смысл. Дай-ка мне вон ту катушку припоя.

Она не помнила, сколько же воскресных вечеров они провели в его мастерской. Много. И она никогда их не забудет.

На полке над камином, который разжигался исключительно на Рождество, стояла фотография в рамке. С нее смотрели отец, мать и маленькая рыжеволосая девочка - сама Джинни. Они на пляже и щурятся от солнца. Одной рукой отец обнимает маму, вторая покоится на голове дочери.

Джинни ненавидела приезды домой на каникулы. Рождество казалось ей невыносимым. Религиозной семьей они никогда не были, и празднования подразумевали все возрастающее количество джина и вермута. Для матери брак утратил смысл еще годы назад, отец же часами просиживал в своей мастерской; но когда в доме появлялась Джинни, они чувствовали себя обязанными проводить время в одной комнате, и оба, обращаясь как бы к дочери, отпускали замечания, предназначенные друг другу. Насколько она была рада вновь увидеть отца, настолько же ей претило служить баскетбольным щитом для этого брака без любви.

Она была на третьем курсе докторантуры по социолингвистике в

---

<sup>2</sup> \*\* Одно из самых известных стихотворений Роберта Вильяма Сервиса (1874-1958), канадского поэта и писателя, «юконского барда».

Гарварде. Прошлым вечером Джинни со старыми друзьями выбралась в клуб в Санта-Монике, и пробуждение ознаменовалось раскалывающейся с похмелья головой. Она спустилась на кухню, где за столом обнаружила отца в халате, созерцающего чашку кофе.

Он поднял на нее глаза и изумился:

- Кто вы?

Ох уж эти папины шуточки!

- Я Святочный дух Прошлых лет<sup>\*3</sup>, - объявила она.

На лице отца отразилось сильнейшее волнение. Джинни забеспокоилась. Тут на кухне появилась мама:

- Дэн, в чем дело?

С еще более озадаченным видом отец Джинни повернулся к супруге:

- Кто вы? Что это за место?

- Это наш дом. Я твоя жена Элизабет.

- Элизабет? Ты такая старая! Что с тобой случилось?

- Я постарела, Дэн. Мы оба постарели. Конечно, потребовалось время, но это все-таки произошло.

Джинни была отвратительна горечь, звучавшая в ее словах.

- Мам, разве ты не видишь: что-то не так!

Дэн поднял руку и указал на Джинни:

- Кто это?

- Это твоя дочь Джинни, - ответила Элизабет.

- Моя дочь? У меня нет дочери.

Женщины успокоили его, уложили в кровать и вызвали врача. Тот заявил, что отца необходимо отправить в больницу на обследование. Они повезли его в приемное отделение. В дороге он, кажется, пришел в себя, узнавал их обеих и сокрушался о пропущенном завтраке. Дэна отвели в комнату отдыха, дали успокаивающее, и он заснул. Только после этого Джинни наконец-то обратилась к Элизабет:

- Что происходит? Врач не удивился твоему звонку. Это ведь не в первый раз, да?

- У твоего отца болезнь Альцгеймера. Когда ты разговаривала с ним по телефону, разве не замечала, что он стал многое забывать?

Джинни замечала. Но она отнесла это к обычным проявлениям старения.

- Почему ты мне не сказала?

- Ты вроде как близка с отцом. А я просто живу с ним... Мне надо в туалет. - Она развернулась и пошла по коридору.

Джинни села у изголовья и стала смотреть на спящего отца. Его узловатые руки покоились на одеяле. Тыльную сторону правой пересекал рубец от ожога. Веки его дрожали, и время от времени он беспокойно вздыхал: ему снился сон. Интересно о чем, подумала она.

---

<sup>3</sup>\* Персонаж «Рождественской песни в прозе» Чарльза Диккенса.

Джинни вспомнила, что в детстве видела повторяющийся сон, будто в подвале живет какая-то ведьма, и когда отец просил ее сходить вниз и принести что-то с верстака, она включала на лестнице свет и спускалась и поднималась по ней со всех ног, стараясь не заглядывать в темные уголки. Она хватала инструкцию или отвертку, которые он просил, и неслась вверх, перепрыгивая через две ступеньки.

Джинни протянула руку и погладила отца по редким волосам за ухом. Ему нужно подстричься.

Она попыталась понять, почему ее мать столь безучастна к мужу. Спустя некоторое время из коридора донесся ее голос: она с кем-то разговаривала. Джинни подошла к двери и насторожилась.

- Вы можете привести его в любое время, когда его отпустят, - услышала она женский голос. Джинни выглянула в приоткрытую дверь и увидела совершенно бесцветную женщину лет сорока в сестринском халате.

- Не думаю, что он пойдет на это, - ответила Элизабет.

- Пусть поговорит с Фиби Мередит, - продолжала женщина. - Она его убедит.

Джинни распахнула дверь:

- Здравствуйте.

Сестра нервно улыбнулась.

- Здравствуйте. Вы, наверное, Джинни.

- А вы кто?

Элизабет начала было возмущаться, но женщина успокаивающе тронула ее плечо.

- Меня зовут Конни Грей. Я из травматологического центра.

- Здесь не травматологический центр.

Конни проигнорировала агрессивный тон.

- Я просто разговариваю с вашей мамой. Мы встречались раньше.

- Джинни, пожалуйста, веди себя повежливее, - вмешалась Элизабет.

- Все в порядке, - отозвалась Конни. - Подобное тяжело для всех.

- Джинни? - сонно позвал ее отец из комнаты. При звуке родного голоса сердце Джинни запрыгало в груди. Она бросилась внутрь, закрыв дверь перед матерью и медсестрой. Отец пытался сесть, и она помогла ему, приладив за спину подушку. Под одеялом обозначился его живот - она даже не замечала, сколько он набрал за последние годы.

- Садись, - потребовал он, тяжело дыша. - У нас проблема.

Она уселась в кресло рядом с кроватью.

- Как ты себя чувствуешь?

- Как будто ударили кувалдой. Зря мне дали это снадобье.

Джинни не сказала ему, в каком разобранном состоянии он пребывал до лекарства. Она изучала его лицо. Он выглядел утомленным, но это по-прежнему был ее отец. Он мрачно улыбнулся.

- Мать рассказала тебе о плане?

- О каком плане?

Отец отвел взгляд.

- Есть лечение, которое смогло бы мне помочь. По их словам, если оно подействует, то болезнь Альцгеймера остановится и слабоумия не будет.

- Это было бы чудесно.

- Цена.

- Мы можем себе это позволить. Мы с мамой найдем средства.

Он потер небритые щеки, затем принялся тереть горло.

- Нет, вопрос не в деньгах. Чтобы дело не кончилось тем, что я забуду вообще все, мне придется забыть многое.

- Не понимаю. Разве проблема не заключается именно в потере памяти?

- Это и проблема, и ее решение. Вопрос лишь в том, сколько мне следует забыть, а я этого не знаю. И никто не знает. Но чем большим я пожертвую, тем выше мои шансы.

Джинни подумала, не позвать ли доктора. Казалось, отец несет околесицу.

- Я не хочу стать овощем, - продолжал он. - Быть в тягость матери и тебе. Не желаю.

- Ты не будешь в тягость.

- Я и не буду. Не буду, Джинни. В этом-то все дело.

Когда Элизабет везла Дэна из больницы домой, он заерзал на пассажирском сиденье.

- Дэн, успокойся, - сказала она.

- Вести должен я.

- Но и я хочу немного порулить.

- Я все еще могу водить, - заявил он.

Элизабет покосилась на него. Если бы он сказал, что испытывает... Неужели он не осознает, насколько скрытен?

- Я знаю, Дэн, - ответила она. - Ты все еще можешь водить.

Джинни ехала за ними в другой машине. По прибытии домой Дэн объявил, что чувствует себя прекрасно, и спустился в мастерскую. Джинни пошла с ним. Элизабет уселась в гостиной, чтобы почитать одно из дел, которые захватила в своей конторе.

Она пробежала глазами слова, не вникая в их смысл. В голове ее звучала глупая детская песенка:

*Ходил я в зверинец однажды,  
Там были птицы и звери...*

Дэн пел ее дочурке, когда та была маленькой. Его голова была просто забита такими песенками. Задолго до рождения Джинни он пел их Элизабет в постели, после занятий сексом. Да, поначалу секс был хорош, а по-детски невинная отстраненность Дэна, все эти мгновения,



когда он словно выпадал из человеческой вселенной в некий внутренний мир абстракций, Элизабет тогда еще не надоели.

Он никогда не отличался страстностью или необузданностью. На высоте он был лишь с идеями да объектами. Все это могло оттолкнуть ее, кабы не его уязвимость и не ее понимание, что в этих чудачествах его вины нет. Да еще песенки...

В университете Дэн не пользовался популярностью среди студентов. Пожалуй, он придерживался слишком строгих правил. Отношения с коллегами также не отличались теплотой, и на кафедре он так и не продвинулся. Элизабет решала проблемы между Дэном и социумом, преодоление которых ему самому давалось весьма туго. Зверинец...

Она отстранилась от груды бумаг - пачки разводов по обоюдному согласию, все как под копирку - и прислушалась к звукам из подвала.

Элизабет досадовала, что Джинни оказалась дома во время последнего приступа Дэна. Она думала рассказать дочери о его болезни, однако страшилась ее реакции. Джинни считала, что Элизабет ревнует к ее близости с Дэном, но дело заключалось отнюдь не в этом. Скорее уж, Элизабет негодовала, что Джинни видела лишь светлую сторону натуры своего отца, в то время как ей самой приходилось иметь дело с депрессией мужа, его характером и все более возрастающей отстраненностью. Для Джинни у него находилась уйма времени и внимания. Для нее же - ничего.

Примерно через полчаса Джинни поднялась и принялась расхаживать по комнате, словно обеспокоенная кошка. После того как дочь покинула родительский дом, она стала еще более неуживчивой, и Элизабет оставалось гадать, как складывается ее жизнь. Подобно отцу, Джинни редко откровенничала с Элизабет.

Наконец, Элизабет не выдержала:

- Ради бога, Джинни, перестань маячить.

Джинни тут же плюхнулась на диван и дождалась, пока Элизабет обратит на нее свой взор:

- «Выбор новой жизни», да, мам? Звучит, словно служба знакомств в сети. Откуда ты вообще узнала о них?

- От этой сестры, Конни Грей.

- Папа рассказал мне о вашей затее.

- Я ничего не затевала.

- Ну и насколько ты думаешь стереть его память? Хочешь, чтобы он забыл, что вы женаты? Что у него есть дочь?

- Ты видела его этим утром. Тогда у него была дочь?

- Но то болезнь. А ты сделаешь подобное намеренно! Ты хочешь отнять у него жизнь?

- Его жизнь разваливается. Тебе-то с этим сталкиваться не приходится. Звонишь раз в два месяца, раз в год прилетаешь, как принцесса, - и ты думаешь, что знаешь его? Я его знаю. Я знаю его вот

уже тридцать пять лет. Мы спим в одной кровати. Я готовлю ему. Забочусь о нем, когда он болен. Стираю ему. Слежу за тем, чтобы на нем были одинаковые носки.

- Ты сама выбрала это...

Элизабет почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

- Мы сидим за обеденным столом, и я понимаю, что он не помнит моих последних слов. Я отправляюсь искать его, когда он звонит, потому что заблудился в городе. Он забывает, как мы познакомились.

- Мама...

- Это слишком тяжело, Джинни. Уж лучше увидеть, как он потеряет все одним махом, чем наблюдать, как разваливается по частям.

Кажется, ей удалось достучаться до дочери.

- Я не хочу, чтобы он забыл меня, - промолвила Джинни.

- Он все равно забудет. И с этим ничего не поделаешь. Что он сказал тебе?

- Он сказал... То же, что и ты. Что уж лучше забыть все сразу.

- А стиральщики утверждают, что если его память достаточно очистить, то слабоумие не разовьется. Он не будет бояться, не станет забывать дорогу, не окажется параноиком. Ты хочешь увидеть, как он мечется в бреду, привязанный к кровати или напичканный наркотиками, чтобы не покалечил себя? И ему потребуются сиделки. Одна я не справлюсь.

- Если его сотрут, тебе это вообще не понадобится! Ты просто уйдешь. Как хотела сделать вот уже лет десять.

Элизабет взглянула на дочь. Да, она помнила, как тридцать лет назад смотрелась в зеркало и видела ту же самую уверенность.

- Ты можешь считать, что я больше о нем не забочусь, но говорить так ты не имеешь права.

- Ты дала обещание. Ты должна поддержать его, если он попадет в беду. Ты его жена.

- А кто поддержит меня? Ты, Джинни? Уж точно не твой отец. Я останусь одна. Я и так была одна целых пятнадцать лет.

Джинни вскочила с дивана и закричала:

- Бог мой, да ты все уже продумала! Ты хочешь избавиться от него! Стало быть, остановить тебя я уже не смогу.

- Ты несправедлива.

Джинни развернулась и выбежала из комнаты.

До Элизабет донесся звук шагов дочери, поднимающейся в свою старую комнату. В подвале же стояла тишина. Она задумалась, слышал ли Дэн их разговор, и если да, то почему не вышел объясниться, взять на себя ответственность за собственные поступки?

Почему не вышел сказать Элизабет, что он думает о стирании своей жены из собственной памяти?

Души не существует. Есть только мозг и его структура: полушария, мозжечок, лимбическая система, ствол головного мозга. И еще подструктура: лобная, теменная, затылочная и височная доли. Таламус, гипоталамус, миндалевидное тело и гиппокамп. Вот и все: душа - лишь пучок возбужденных нейронов. Или не возбужденных.

Рубен зарабатывал на хлеб чтением душ. Он знал, где в мозгу сокрыта любовь. Страсть, страх, смущение, вера, замешательство, вина. Он видел их на экране. Он составлял их карту, чтобы потом стереть.

Но сегодня Рубену сосредоточиться было нелегко. Прошлым вечером он так и не предложил Марии Сузе Гонсалвес выйти за него замуж.

Он взглянул на монитор, демонстрировавший комнату для интервьюирования, где Фиби беседовала с предполагаемым клиентом, пожилым мужчиной с редкими рыжими волосами. Мужчине - титры на экране гласили «Даниэль Макклendon», - согласно досье, шел шестьдесят первый год. Датчики давления и температуры в кресле, где тот сидел, фиксировали спокойствие: в отличие от большинства их клиентов, он не волновался. Физиогномическая программа, читавшая по его лицу, также не выявляла признаков опасности.

Прошлым вечером Рубен собирался сделать предложение в ресторане, однако присутствие других посетителей напрочь лишило его мужества. А если бы она ответила отказом? Однако, когда они вернулись в ее квартиру и занялись любовью, Рубен осознал, что быть с другой женщиной он не сможет. Блеск ее карих глаз в тусклом свете. Запах ее пота, пробивающийся из-под духов. Все это так живо стояло перед ним, будто произошло лишь мгновение назад.

Рубен проверил сканограмму мозга. Активность слуховых и зрительных центров Макклendона в норме. Хотя Рубен и выключил громкость динамиков, до него доносился голос мужчины, отвечающего на вопросы Фиби. Она умела успокаивать клиентов. Один из множества ее талантов.

Фиби протянула Макклendону планшет и начала объяснять:

- На экране вы увидите ряд тестов на восприятие и осознание. Например, страница букв «О», а среди них одна «С». Как только вы ее заметите, коснитесь индикатора перехода на следующую страницу.

- Но я уже проходил эти тесты у невролога, - запротестовал Макклendon.

- Я знаю, - ответила Фиби. - Просто сделайте мне одолжение.

Пока Макклendon справлялся с тестами, Рубен отмечал его реакцию. Чтобы выбрать «N» на поле «M», ему потребовалось полторы минуты. Нормальный же показатель - десять секунд.

Фиби поблагодарила клиента и взяла у него планшет:

- Хорошо, пойдем дальше. Позвольте мне задать вам несколько вопросов. Что вы сегодня ели на завтрак?

- Овсяную кашу. С бананами. Черный кофе.
- Кто президент Соединенных Штатов?
- О, пожалуйста, не напоминайте о нем.
- А нужно напомнить?

Рубен отметил его церебральную функцию.

- Нет, не нужно. Следующий вопрос.
- В чем заключается закон Ома?
- Я не идиот, - заявил Макклendon. Всплеск активности в миндалине.

Гнев, раздражение, страх?

- Конечно же, нет, - ответила Фиби. - Вы взрослый человек, электротехник. Вы можете рассказать о законе Ома?

- Ток в проводнике между двумя точками прямо пропорционален... пропорциональности... разности потенциалов... напряжению между двумя точками... и обратно пропорционален сопротивлению между ними.

Фиби заглянула в свои заметки.

- Вы можете сообщить о том времени, когда получили Премию Дрейпера?<sup>\*4</sup>

Макклendon стал отвечать. Рубен же блуждал в мыслях. Он мечтал привести сюда Марию и усадить в этот сканер. Он задал бы ей вопросы, проследил за активностью ее мозга и узнал наверняка о ее чувствах. А потом достал бы кольцо, вручил его, и она бы ответила «да». Они бы поженились и были вместе до конца своих дней.

- Расскажите, как вы познакомились со своей женой, - попросила Фиби.

- Это случилось тридцать лет назад. Я не помню подробностей.
- Однако вы помните, где это произошло?
- Ее парень... Я и ее парень вместе учились на инженеров-электриков в Университете штата Мичиган. Мы познакомились на вечеринке или в ресторане, что-то вроде этого.

- Как она выглядела?

- Она выглядела... Она была прекрасна.

Фиби вернулась к списку вопросов. И задала последний:

- Есть нечто такое, чего вы не хотели бы забыть?
- А у меня есть выбор?

Выбор, подумал Рубен. Выбор является функцией лобной доли, месторасположения рассудочности и анализа. Конечно же, она наслочилась за весь период деятельности, восходящей еще к инстинктам.

---

<sup>4</sup> \* Премия Чарлза Старка Дрейпера, названная в честь американского ученого и инженера (1901-1987), присуждается с 1989 года Национальной инженерной академией США за значительные технические достижения.

- Мистер Макклendon, то, что вы стираете, и объем этого - целиком ваш выбор. Чтобы получить наилучший шанс на выздоровление, вам придется принять трудное решение.

- Я знаю.

Фиби ждала, пауза затягивалась. Рубен отметил вспышки возбужденных нейронов в коре головного мозга пациента. Сцепив руки, Макклendon наклонился вперед, устремив взор на ковер, избегая смотреть на Фиби.

- Госпожа Мередит, я человек, который может процитировать двенадцать главных разделов, вместе с подразделами, «Справочника электротехника». И теперь все это исчезает.

- Да, исчезает.

- Мне это не нравится. Чем больше я захочу стереть, тем выше мои шансы победить болезнь Альцгеймера?

- Судя по всему, так оно и есть. Это радикальное лечение.

Макклendon молчал.

- Мы можем очистить вашу память настолько, насколько вы сочтете нужным. - Она помолчала и добавила: - Что вы думаете об утрате воспоминаний о жене и дочери?

Активность лобной доли запестрела вспышками еще сильнее, и в зрительной памяти Макклendона произошел скачок - вероятно, возник некий яркий образ.

- Джинни оказалась для нас сюрпризом, - произнес он. - Мы не планировали заводить детей. - Макклendon принялся тереть брюки на коленке. - Я не хотел становиться отцом. Но когда она родилась... - Он умолк. - Она была некоей зверушкой в доме. Я увлекся ею. Наблюдал, как она меняется. Учил ее всякому. - Он поднял глаза на Фиби. - Было очень интересно.

- О чем вы будете скучать больше всего?

В мозгу Макклendона вспыхнул настоящий фейерверк. Электрические импульсы разлились по всему мозгу: в извилине Брока, височных и затылочных долях, полушариях и глубже - в гипоталамусе, миндалинах, гиппокампе. Нечто серьезное, особо чувствительное.

Макклendon откинулся в кресле. И ничего не ответил.

Рубен все записывал, но это окажется бесполезным, если только Макклendon не даст им какое-то указание. А тот положил ногу на ногу и принялся приглаживать волосы на макушке. Может быть, Фиби стоит опять включиться?

- О чем вы думаете? - спросила она наконец.

- Как я могу ответить, о чем я буду скучать больше всего? Что самое главное в моей жизни? Это... это не ваше дело.

Рубен фыркнул. Как раз это их дело. Когда настанет время чистки памяти, именно он будет отвечать за передвижение точно по этим крошечным зонам. Определять неясности. Избавляться от них.

Неясности Рубену не нужны. Он поиграл в кармане коробочкой, где лежало обручальное кольцо. Уж он-то знал, чего хотел. Сегодня же вечером он ее спросит. Он не станет колебаться - поставит вопрос ребром, Мария ответит «да», и они будут вместе.

Дэн Макклendon закипал. И Фиби это было на руку.

Большинство из тех, кто приходил в «Выбор новой жизни», желали избавиться от какого-то неприятного воспоминания и продолжить обычную жизнь. Некоторые из них были совсем уж несерьезны. Макклendon - иное дело. Ему не требовалось забывать что-либо по эмоциональным причинам - дело касалось его физиологического состояния. Болезнь Альцгеймера опустошит его рассудок, как стакан - за десяток глотков, и попутно разрушит его. Он находился здесь, чтобы опустошить себя загодя, в надежде сохранить свою целостность.

Однако объем воспоминаний, которым ему придется пожертвовать, был беспрецедентен. В некотором отношении Макклendon не останется тем же человеком. Суть его изменится.

Поначалу Фиби считала чистку величайшим благом для клиентов. Личности с глубокими шрамами на душе обретали возможность взглянуть на мир по-новому, без нависших над головой туч, омрачавших жизнь. Однако годы наблюдения за людьми, использовавшими чистку в мелочных целях, породили у нее сомнения. Во что превратится мир, если каждый будет просто удалять свои проблемы, а не пытаться справиться с ними? Ее шеф Дерек, казалось, пребывал в блаженном неведении каких-либо недостатков и хотел, чтобы клиентов стало больше. Однако Фиби претила мысль, что чистка превратится в косметическую операцию на мозге для тех, кого бросила подружка.

Ей нужно взглянуть на сканы, которые Рубен сделал во время исследования. Макклendon не откровенничал об эмоциональных вложениях в различные составляющие своего прошлого. Фиби хотела знать, где располагаются его самые яркие воспоминания.

Она собирала портфель, когда дверь в кабинет распахнулась и на пороге возникла молодая женщина с огненно-рыжими волосами. Лицо ее выражало полнейшее смятение.

- Да? - взглянула на нее Фиби.

- Я Джинни Макклendon.

- Заходите. Вот стул.

Джинни села напротив ее стола.

- Чем могу помочь?

- Я не хочу, чтобы вы стирали память моего отца. Не думаю, что вы понимаете ситуацию. За всем этим стоит моя мать. Она хочет бросить Дэна вот уже несколько лет, но ее удерживает чувство вины. А так он ее забудет, она пристроит его в какую-нибудь богадельню и уйдет с чистой совестью. Оставив за собой дом, сбережения и прочее...

Лицо Джинни Макклendon было бледным, глаза красными. Фиби попыталась оценить серьезность ситуации.

Ей была понятна реакция Джинни - она сталкивалась с подобным десятки раз, - но от этого таковая не становилась самой лучшей ни для ее отца, ни для дочери. Если Джинни переговорит с отцом, то он может передумать и отказаться от процедуры. Пожертвует собой ради чувств дочери.

- Ваш отец не окажется в богадельне. Я разговаривала с обоими вашими родителями, вместе и порознь. Ваша мать сказала, что ей не нужен дом. Она хочет, чтобы муж остался жить в нем, в окружении фамильных вещей.

- Фамильных вещей? Да он их даже не вспомнит!

- Большинство не вспомнит. Поймите, для него это очень нелегкое решение. Чистка даст ему, по крайней мере, возможность остаться работоспособным человеком. А может, даже лучше, чем просто работоспособным.

- Но он будет одинок, брошен! Кто станет о нем заботиться? - Джинни вскочила. Она открыла было дверь, но Фиби окликнула ее:

- Мисс Макклendon. Джинни.

Поколебавшись, та вернулась и снова села.

- Ему необходимо выбрать, от каких воспоминаний очистить память, - продолжила Фиби. - Да, он будет одинок, но большая часть его мыслительных способностей останется неповрежденной. Он сможет создать новую жизнь.

- У него есть жизнь!

- Вы знаете его лучше меня. Но, чтобы спастись, ему придется стереть события, позабыть которые ему будет более всего. Он забудет вас, вашу мать и большинство людей, с которыми познакомился за последние тридцать лет.

- А что он сохранит?

- Пациенты с болезнью Альцгеймера часто очень живо вспоминают происходившее сорок или пятьдесят лет назад, но не помнят, что ели на завтрак. - Фиби глубоко вздохнула. Порой самым лучшим способом обращения с подобными реакциями оказывался подход к ним окольным путем. - А может быть, Джинни, причина вашего столь сильного беспокойства заключается в ваших собственных нуждах? Случается и так: дочь настолько боится потерять любовь отца, что забывает, какой ценой он сохранит это чувство.

- Что вы хотите сказать?

- Я хочу сказать, что, быть может, ваш отец не разделяет ваших чаяний.

Лицо Джинни залила краска. Она произнесла тихо:

- Иными словами, я эгоистка?

- Ну, не совсем так...

Джинни немного помолчала.

- Ладно, я эгоистка. Ну а вы-то кто? Почему вы так заинтересованы в процедуре? Мама говорила, что вас вдохновляет возможность использовать стирающий процесс для борьбы с болезнью Альцгеймера. А это большие деньги.

- Меня не интересуют деньги.

Джинни фыркнула.

- Но если все получится, ваш шеф заработает кучу долларов. И вы прославитесь. Только потому, что стерли половину жизни человека. Вас хотя бы немного это беспокоит?

- Конечно, беспокоит. Мне не так-то легко дается данное решение. Меня вообще волнует чистка. Я не думаю, что это панацея. Но таковой процедуру считает слишком много людей.

- Да, потому что вы ее так преподносит.

- Я не пишу текст рекламы. Я занимаюсь клиентами. Я знакомлюсь с ними, переживаю, вникаю в их мотивы.

- Э, да вы вроде как святая? И что, никакой материальной заинтересованности?

- Поверьте, мне не сложно найти другие возможности зарабатывать на жизнь.

Джинни прищурилась:

- Вас совесть не мучит?

Фиби не нашлась с ответом и промолчала.

- Да вы сами не считаете эту процедуру необходимой! - провозгласила Джинни. - Вас не волнует мой отец - вы пытаетесь что-то доказать.

Фиби поднялась.

- Мне нечего доказывать. А вот вы ставите свои интересы выше благополучия отца.

- Дело не в помощи ему, а в помощи вам.

- Госпожа Макклendon, думаю, этот спор бесперспективен. Ваш отец подписал документы. У вашей матери полномочия поверенного. Если у вас есть какие-то возражения, то их следует обсудить в кругу семьи.

Джинни поднялась. На пороге она остановилась и оглянулась на Фиби. Та попыталась выдержать ее взгляд. И она не была уверена, что ей это удалось.

...руки ассистентки были теплыми когда она касалась его лба и горла снимала бумажки с клейких подушечек датчиков прикрепляла их к его вискам лбу внизу шеи слева и справа присоединяла к ним толстые провода которые оттягивали кожу укладывала его на койку ему не нравилось лежать на спине было неудобно однако лекарство успокоило закройте глаза сказала она дышите глубоко думайте о приятном месте где вы чувствуете себя в безопасности подвал верстак старые радиоприемники надо сдуть с них пыль сколько же лет этот



простоял в сарае голубиный помет на корпусе но когда он подключил его шкала все-таки озарилась зеленым светом пришлось подождать сразу не зазвучал надо дать прогреться лампам испускающим тепло светящимся в темных внутренностях деревянная крышка испещренная черными шрамами от паяльника и из динамиков раздался голос

ее руки у него на груди в волосах прикасаются к лицу у тебя родинки по всем плечам сказала она и он рассмеялся и закрыл ей рот своим прижав к кровати в мотеле это родинка спросил он прикоснувшись к ней указательным пальцем и она задрожала глаза закрыты ресницы трепещут свет заката полосками косо пробивающийся через жалюзи показывает очертания ее груди и смятые простыни в стороне звук прибора и кто-то настраивает радиоприемник

кончиками пальцев доктор поднял ручку его дочери подозвал его и указал на розовый такой крошечный такой совершенный ноготок новорожденной такой крохотный что нужно было увеличительное стекло чтобы разглядеть его но все же безупречный и он сказал посмотрите на пальчик папаша и обеспокоенный Дэн сказал да что это и доктор сказал это пальчик она подержится за вас и потом он вложил свой палец в ручку дочери маленькую розовую мягкую и ручка ухватилась за него так крепко сила инстинкта удерживающая на пути который мы держим по жизни не отпускай папа просила Джинни дрожащим голосом не отпускай отвечал он она вихляла на велосипеде по улице он бежал рядом придерживая сиденье не отпускай говорила она а он отпустил и она унеслась от него вниз по склону быстрее чем он мог бежать теперь вращая педалями и в конце улицы неловко остановилась вцепившись в руль она обернулась ее лицо пылало триумфом и она крикнула я сделала это

на третьем движении его рука соскользнула и его левая нога потеряла опору и он упал всего лишь метров с трех наверное но у него не было наколенников и он приземлился неудачно в лодыжке раздался треск и звук больше боли сказал ему чем это обернется для скалолазания и неким образом он почувствовал облегчение Дэн ты в порядке спросил Мики его напарник все в зале прекратили заниматься и подошли к ним он снизу оглядел их лица та красивая девочка он всегда смотрел как она лазит и не только из-за формы ее попки хотя и не без этого не мог вспомнить ее имени то было весной 1998 или 1999 года он не мог вспомнить запах пота в воздухе пульсирующая боль вот ему неловко помогли подняться пузырь со льдом а по громкоговорителю какая-то песня с мощным зафуженным басом и органом напомнившая ему песню из шестидесятых годов которую он слушал на транзисторном приемнике своего брата в кузове пикапа по дороге к Грин-Лейк

руки его брата на борту грузовой палубы как же его звали у него было два брата и имя одного начиналось на Л или может В как он мог забыть такое но это не вызывало у него угрызений совести в тот миг ему было

спокойно все в порядке о нем позаботятся легче забыть забыть потому что попытки вспомнить пробуждали в нем тревогу а теперь ему больше не придется тревожиться и кто-то у изголовья кровати держит его руку отпусти

Слай просматривал интернет на предмет последних заявок на свой товар, когда раздался звонок.

- Здравствуйте, - послышался женский голос. - Это Сильвестр Уэсли?

- Кто его спрашивает?

- Этот номер мне дали в «Выборе новой жизни», - ответила женщина. Ее голос звучал устало. - Вы делали для них кое-какую работу, связанную с моим мужем, Даниэлем Макклэндоном. Вы убирали наш дом.

Слай помнил Макклэндона. То было больше месяца назад.

- Да, убирал. Я что-то упустил?

- Нет, дело совсем не в этом. Вообще-то мне нужно, чтобы вы... вернули кое-какие вещи.

- Я занимаюсь не этим, миссис Макклэндон.

- И все же я хочу, чтобы вы их вернули.

Работа Слая заключалась в том, чтобы вещи исчезали, и справлялся он с этим весьма неплохо. Он работал по контракту на «Новую жизнь», стирая файлы, уничтожая записи, изымая правительственные документы и избавляя дома клиентов от вещей, которые напомнили бы им о том, за стирание чего из памяти они заплатили крупные суммы. Приработок приносил неплохой доход, но не являлся его основной работой. Вообще он был специалистом по программному обеспечению.

Когда ему позвонили и сообщили, что его следующее задание - Даниэль Макклэндон, это имя показалось ему смутно знакомым. А когда ему выслали файлы, до него дошло, что десять лет назад он окончил у Макклэндона курс по разработке вычислительной техники.

Профессор Макклэндон был самым странным преподавателем, которых когда-либо встречал Слай. Среднего возраста, немножко медлительный, он внушал чувство, будто математика, в которой профессор был столь искусен, является всего лишь досконально продуманной игрой. Посреди объяснения он мог вдруг продекламировать лимерики<sup>5</sup> о динамическом ОЗУ, или рассказать смешную историю, почему же на самом деле изобрели сотовый телефон, или спеть какую-нибудь глупую песенку. Тугодумов Макклэндон переносил с трудом. Сложные вычисления он проделывал в уме, и студенты едва за ним попевали.

---

<sup>5</sup> \* *Лимерик* - шуточное стихотворение из пяти строк, где две первые рифмуются с последней; по названию города Лимерик в Ирландии.

Однажды какой-то студент попросил его повторить объяснение, на что профессор ответил:

- Слушайте, я не собираюсь этого повторять. Это просто, как дважды два - четыре.

- Ну вы можете хотя бы написать это на доске?

- Конечно, - согласился Макклendon. Он взял маркер, повернулся к белой доске и вывел на ней:  $2 \times 2 = 4$ .

Слай считал Макклendона чудаком. Посещал он его лекции отнюдь не добросовестно, зато хорошо справлялся с контрольными. Выслушивая просьбу миссис Макклendon, он вдруг понял, что ее замужество вряд ли было сущим наслаждением.

- Мне велели провести очистку по классу Альфа, - принялся толковать ей Слай. - Сказали, что когда он очнется в больнице, ему сообщат, будто он попал в автомобильную аварию и у него контузия. И что вы хотите, чтобы из дома удалили все, имеющее отношение к семье.

- Кто бы вам ни сказал это, он ошибся, - ответила женщина. - Муж понял, что некоторых вещей нет, и хочет их назад.

Слай уж приготовился к худшему: восстановить все. По договоренности, все вещи он должен был уничтожать, дабы они не появились вдруг снова, однако он не брезговал подзаработать, продавая наиболее ценные предметы.

- Какие вещи?

- Он хочет свои учебники. Приз Премии Дрейпера. Хлам из мастерской - инструменты, радиоприемники. И свои заметки, когда он был преподавателем.

- Так он собирается учить студентов? - Рубен поведал Слаю, что этому человеку вычистили больше, чем кому бы то ни было за все годы существования центра.

В голосе женщины зазвучала горькая ирония:

- Он не может вспомнить мое имя, но хочет снова преподавать в университете.

- Я посмотрю, что смогу сделать.

Возвращать приемники пришлось не откладывая. Заменить эти вакуумные лампы, некоторые восьмидесятилетней давности, было невозможно. Достать их в наше время можно было разве что в случайно обнаруженном тайнике на каком-нибудь ветхом складе.

Неделю спустя Слай появился у дома Макклendона с загруженным под завязку багажником джипа - инструментами, старыми приемниками и фотографиями в рамках. Он припарковался на подъездной дороге к старомодному бунгалу и сидел в машине, покуривая сигарету. Миссис Макклendon велела ему подождать. Там она больше не жила.

Тем временем дверь дома отворилась, и на крыльце явился Макклendon собственной персоной. Кажется, он выглядел как и раньше, когда Слай у него учился. Может, немного потяжелел, да

волос поубавилось. Он сощурился на Слая, а затем махнул ему рукой. Слай выбрался из джипа.

- Привезли мои вещи?

- Да, сэр.

Взгляд Макклendonа задержался на нем, и Слаю стало неудобно.

- Вы Сильвестр Уэсли. Группа 530, факультет физической электроники. Вы пропускали слишком много лекций.

- Да, сэр.

- Видите, чем вы кончили? Работаете курьером.

Пока Слай перетаскивал коробки, подъехала миссис Макклendon на BMW. Она увидела, что разгрузка вещей почти закончена. Ее муж, сидя в плетеном кресле на крыльце, возился с древним восьмидорожечным магнитофоном. Он оторвался от своего занятия, заметил жену и вновь вернулся к драгоценной аппаратуре.

Миссис Макклendon нерешительно топталась возле машины. Она явно была уязвлена.

Слаю не хотелось видеть их вместе. Он оторвал Макклendonа от его занятия:

- Куда мне это поставить?

Макклendon опустил магнитофон на пол:

- Идите за мной. - Он провел Слая в дом, вниз по ступенькам, в мастерскую и указал на скамью, куда Слай и водрузил громоздкую коробку с катушками и трансформаторами. Макклendon уселся на табурет и принялся неспешно разгружать ее, тщательно изучая каждое устройство. Слай поднялся наверх.

Миссис Макклendon он застал в гостиной: она перебирала единственную коробку с личными вещами, которые вернул Слай.

- Вам не стоило беспокоиться. Он совершенно нас не помнит, - посетовала женщина. - Даже и не знаю, то ли эта процедура изменила его, то ли всего лишь протерла запотевшее стекло, и мы смогли ясно разглядеть, что же внутри. А внутри - ничего.

Слай оторопел.

- Ему стерли память. Вы не можете его винить.

- Не могу? - миссис Макклendon вытащила из коробки фотографию в рамке. На ней были запечатлены ее муж, она и маленькая рыжеволосая девочка. Они на пляже и щурятся на солнце. Одной рукой муж обнимает ее, вторая покоится на голове маленькой девочки.

- На ней вы выглядите счастливыми, - заметил Слай неловко.

Она поставила фотографию на каминную полку.

- Пускай поломают голову, что это означает, - сказала она и вышла прочь.

После ее ухода Слай закончил с разгрузкой. Поколебавшись, он все-таки спустился вниз, чтобы попрощаться с Макклendonом. Профессор все так же сутулился над лампами и проводами, старыми резисторами

и конденсаторами, смахивавшими на конфеты в обертке из фольги, переменными резисторами из витой проволоки, реостатами да потрепанными схемами на ломкой бумаге с потемневшими краями, повествующими, как все это собрать вместе, чтобы снова заработало.

- Я закончил, - сообщил Слай.

- Хорошо, - мягко отозвался Макклendon.

Слай не мог уйти просто так:

- Знаете, я не был лучшим студентом, но был в восторге от вашего курса. И мне нравились все те байки, которые "вы нам иногда рассказывали.

Макклendon повернулся и взглянул на него.

- Байки? Я не знаю никаких баек.

Три месяца в Гарварде так и не помогли Джинни справиться с последствиями трагедии. Она не звонила домой, отклоняла все попытки матери связаться с ней, удаляла ее электронные послания непрочитанными, не подходила к телефону, уничтожала голосовые сообщения без прослушивания. Потом, случайно встретившись с кухиной Бретани, узнала, что отец снова преподает в университете.

- Что? Разве это возможно?

- Наверное, он сумел сохранить свои интеллектуальные способности...

Джинни позвонила матери.

- Нет, он не помнит, - ответила ей та. - Нескладный, как аспирант с синдромом Аспергера<sup>\*6</sup>, разговор-то с трудом поддерживает.

- Но все еще может работать?

- Он поспорил, что сохранит электротехнику и при этом покончит с болезнью Альцгеймера. Как будто он выиграл. - Ее отношение к произошедшему выглядело на удивление философским. Она больше не была той ожесточенной женщиной, впечатление которой производила в бытность их совместного проживания. - Но все остальное исчезло. Он очистил свою память до поры, когда ты еще не родилась, даже до знакомства со мной. Он напоминает мне того, каким был, когда мы познакомились. Ведет себя как выпавший из своей среды юнец.

- Я повидаюсь с ним.

На какое-то время на другом конце провода воцарилось молчание.

- Если хочешь... Но, дорогая, сомневаюсь, что после этого тебе станет легче.

- Мне нужно.

---

<sup>6</sup> \* Синдром Аспергера - легкая форма аутизма, при котором относительно сохранена способность к социализации и для которого характерно интенсивное сосредоточение на объектах интереса.

Джинни разговаривала с матерью почти час. Элизабет старалась подготовить ее к предстоящей встрече. Затем Джинни заказала билет на самолет. В четыре часа дня в пятницу самолет приземлился, она арендовала машину и поехала прямо к дому.

Она поколебалась на крыльце, думая постучать, но в итоге позвонила. Послышались шаги, и через стекло на двери она увидела, как приближается отец. Он распахнул дверь и заговорил с ней через сетку:

- Что вам надо?

Физически он выглядел хорошо. Несколько похудел. Чисто выбрит, волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб. Одет в рубашку с закатанными рукавами, в левой руке - острогубцы.

- Можно мне войти?

- Вы моя дочь, так ведь?

- Да, - слова застряли у нее в горле. - Ты помнишь меня?

Он отворил сетку и впустил девушку.

- Мне говорили, что у меня были жена и дочь. Женщина иногда заезжает. Я занят. Если вы хотите поговорить, вам придется пройти со мной.

Они спустились в мастерскую. На полу стоял наполовину разобранный огромный радиоприемник «Ар-си-эй». Штуковину эту, по-видимому, выпустили еще в сороковые. Это была усложненная модель, с приемом в АМ-диапазоне и на коротких волнах, а также со встроенным проигрывателем на 78 оборотов. Ее отделка была прекрасна - мозаичные накладки темного и светлого дерева. Вертушка была снята, и наружу торчала проводка.

Джинни села на табурет рядом с ним и направила лампу, чтобы отец мог видеть во время работы свои тонкие пальцы внутри приемника. Она не могла найти тему для разговора, столь была заморожена его физическим присутствием, запахом припоя в жарком и заплесневелом подвале, его жилистыми руками и сосредоточенным старческим лицом. Он не делал никаких попыток помочь ей почувствовать себя свободнее.

Она стала спрашивать его о радиоприемнике. Когда он понял, что гостья в состоянии отличить конденсатор от резистора, то позволил помочь себе. Она сняла свитер и опустилась на колени, чтобы быть поближе.

- Почему ты так любишь эти старые приемники? - спросила она его. - К ним трудно достать запчасти. И они даже не ловят в FM-диапазоне, не говоря уж о спутниках. Только политические разглагольствования да речи святош.

Он даже не взглянул на нее, поглощенный работой.

- Я понимаю каждую их часть. Я могу разобрать их до винтика, а потом снова собрать. Современный контур без микроскопа не разглядишь. Я знаю, как он работает, но я не могу прикоснуться к нему. Если он

ломается, то починить его нельзя - просто выкидываешь, и все... Лампа не освещает. Надо развернуть приемник. Помоги мне.

Он начал подниматься. Ноги его не слушались, и встать получилось лишь со второй попытки.

- Я стар. И память все ухудшается.

Вместе они кое-как развернули громоздкий приемник, чтобы лампа с верстака освещала необходимое место. Ее отец резко выдохнул и провел рукой по лбу.

- Хочешь коки?

- Конечно.

Из подвального холодильника он достал две старомодные стеклянные бутылки и открыл их, протянув одну ей. Джинни глотнула немного. Украдкой она наблюдала, как он вновь склонился над приемником.

- Хочешь послушать стихотворение? - спросила она.

- Стихотворение? - Отец оторвался от приемника и удивленно взглянул на нее.

- Оно начинается так: «Чудные дела под полуденным солнцем творят те, кто горбатится за золото...»

- Горбатится? Что это означает? - спросил он. Он выглядел доверчивым, словно восьмилетний ребенок.

Джинни придвинулась поближе, чтобы можно было заглянуть внутрь приемника.

- Это означает тяжело трудиться. Вот как мы сейчас.

**Перевел с английского Денис ПОПОВ**

© John Kessel. Clean. 2011. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2011 году.

ГРЕГОРИ НОРМАН БОССЕРТ

**ТИХОХОД**

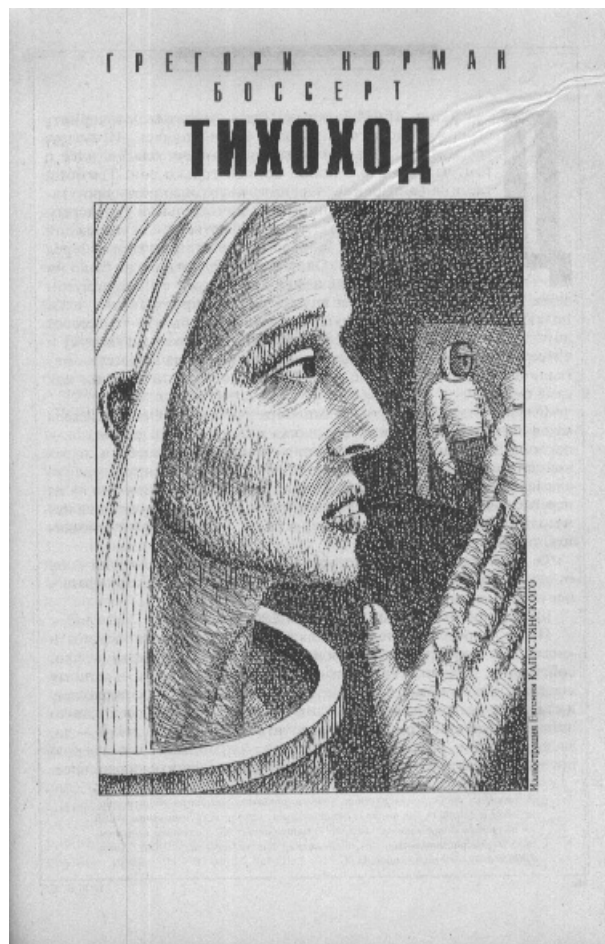


Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Дева Утрат, НэН<sup>7</sup>, открыла глаза, уставилась в черноту своего саркофага и рывком приподнялась. И тут же треснулась головой о крышку - минус один к идее о том, что все это в конце концов только сон. Темнота, тишина, ощущение парения, невозможность двинуться - все это давало пищу для мечтательной удовлетворенности. «Уютно тут в одиночестве», - с надеждой пробормотала она, обращаясь к вспыхнувшим перед глазами звездочкам. Однако ничего уютного не было ни в боли, ни в застоявшемся воздухе, ни в надтреснутом звуке ее собственного голоса внутри тесного пространства, и уж подавно не было уютным ощущение, как будто бы что-то скребет внутри ее левого предплечья. Она протянула вверх правую руку и в каких-то восьми дюймах над головой обнаружила крышку - металлическую, твердую и холодную, как могильный камень, как сама смерть.

Она попыталась двинуть ногами вверх или вниз, но на них лежала

---

<sup>7</sup> \* *Имя НэН представляет собой известную компьютерную аббревиатуру «Not a Number» (не число), означающую, что результат вычислений не является допустимым числом. Одновременно оно является анаграммой и уменьшительным от Настоящего имени героини - Апп, Анна. (Здесь и далее прим. перев.)*



какая-то тяжесть. Не как во сне, когда не можешь пошевелиться - нет, они были завернуты во что-то, в слои какой-то материи, плотной, но холодной как лед и медленно, неумолимо пульсирующей. Тут она наконец потеряла самообладание, заметалась и закричала - из пересохшей гортани вырвался скорее писк, чем вопль; потом она ненадолго вырубилась, погрузившись в более простую, более привычную темноту.

Ее донимали холод, пульсация в голове и зеленые вспышки - не от удара, это был дисплей, вмонтированный в крышку саркофага у нее перед глазами:

**[Дверь: открыть? ВПРАВО - «да», ВЛЕВО - «отмена»]**

Иконки предупредительно иллюстрировали понятия «право» и «лево», но никак не проясняли, что значит «открыть» и что, собственно, должно открыться. «Идиоты», подумала она, а ленивая ящерица мозга уже ползла к идее снова начать дергаться, поскольку на крышке над ее правой рукой что-то было: светодиод и какая-то шишка - рукоять! И она начала колотить по ней правой рукой - да, да, да, откройте, выпустите меня отсюда, - пробиваясь через серию предупредительных окон, с запозданием проявлявшихся на дисплее:

**[Перепад давления: продолжить? ВПРАВО - «да», ВЛЕВО - «отмена»]**

**[Жизнеобеспечение активно: отключить? ВПРАВО - «да», ВЛЕВО - «отмена»]**

**[Наружные замки активны: отключить? ВПРАВО - «да», ВЛЕВО - «отмена»]**

Жужжание, прокатившееся сверху вниз, глухой лязг отпирающихся защелок по всей длине саркофага, а затем свист воздуха, в точности той же громкости и высоты, что и ее недавний вопль.

- Идиоты! - выругалась она уже вслух и дернула переключатель влево, на этот раз только единожды, и стала ждать, пока не обновится дисплей.

**[Открываю: прервать? ВПРАВО - «да», ВЛЕВО - «отмена»]**

Один раз, только один, вправо - и свист прекратился. Дисплей предложил:

**[Открываю: возобновить? ВПРАВО - «да», ВЛЕВО - «отмена»]**

«Отмена» привела лишь к появлению на экране того же самого текста, но переключатель поворачивался также вниз и вверх, и это вывело ее к меню и другим опциям: восстановить системы жизнеобеспечения и реактивировать замки; она ответила «да» на оба предложения, после чего улеглась и принялась восстанавливать дыхание, истощенное, как она подозревала, скорее паникой, чем действительной декомпрессией.

- Итак, подытожим, - сказала она дисплею. - Я в ящике. Его придумали мартышки, которые живут в шкафах. Здесь холодно и темно, мои кишки

пытаются поменяться местами с легкими, а снаружи нет воздуха. И что это может значить?

Дисплей ответил:

### **[Главное меню]**

Однако это означало лишь: бзз, простите, благодарим за игру, «космос» - вот ответ, который мы ищем, даже если это...

- Полный бред! - прохрипела она, всего лишь ненадолго задремавшая, вроде бы каких-то пару минут назад, на своем диванчике в Рино - городе, который, может быть, и был пустым и заброшенным, однако твердо и без сомнений стоял на Земле.

Ну хорошо, тогда инвентаризация. Вышеупомянутый саркофаг, одна штука. Вышеупомянутая НЭН, Дева Утрат, также одна штука. Штаны, одна пара, комком (судя по ощущениям), а сверху какая-то тяжелая, жесткая... она снова попыталась пошевелить ногами, застрявшими немного наискось, так что одна нога наполовину вылезла из обуви - вроде бы это было похоже на ботинок; и тут ей пришлось закрыть глаза и заняться дыханием, чтобы справиться с паническим приступом вновь нахлынувшей клаустрофобии, не говоря уже о кишках, плавающих черт знает где.

- Какой-то тяжелый и жесткий комбинезон, - продолжала она. - Что это может быть? Космический скафандр? - Дисплей тусклым светом не освещал ничего, кроме самого себя, так что она принялась шарить вокруг свободной рукой, и на ощупь это и впрямь выглядело скафандром: какие-то трубки, ремешки, негнущиеся панели... Малость грязный и снаружи, и изнутри, на целый размер больше чем нужно плюс еще что-то, подозрительно напоминавшее клейкую ленту; абсолютно ничего общего с сияющей техникой в телерекламе, но это в чем-то даже обнадеживало: так оно выглядело более реально, меньше походило на то, что она попросту сбрендилась - в противном случае это было бы оккамовским выводом из ситуации.

Ко всему прочему скафандр не был надет как следует, потому-то ее ноги оказалось так трудно высвободить: вся левая сторона была расстегнута и спущена до талии, а к левой груди прижималось что-то ужасно холодное, как бы она ни ерзала, и левая рука была пришпилена к месту - кажется, примотана ремнями, - и откуда-то снизу подходили какие-то трубки и прятались в гнездах внутри ее руки. Ну, точнее, гнезда все же не были внедрены в плоть - никаких инопланетных нейротехнологий, это могло бы только лишний раз засвидетельствовать ее безумие. Гнезда заканчивались иглами, иглы крепились пластырем, и их кончики уходили куда-то в глубь ее предплечья, что означало плюс один к тошноте и минус один к безумию - внутривенные вливания, наркотики, ее держат под контролем, возможно, колют какой-нибудь гадостью, - что вызывало к жизни вопросы наподобие «когда это началось?» и «сколько это

продолжается?». Нет, подумала она, лучше пока ограничиться инвентаризацией.

Но это было все, куда она могла дотянуться; никак не получилось нагнуться и проследить трубки капельницы до ног, через клубок скафандра вокруг ее талии. И ничего больше, кроме гладких холодных поверхностей, не считая переключателя у нее под рукой и маленькой панели дисплея над головой.

Но зато, если бы она протиснула локоть между щекой и дисплеем, то смогла бы нащупать за ухом нечто холодное и острое - металл, но не край саркофага. Изгибающийся обод, резиновая подкладка и нечто вроде защелки, гремевшей сбоку; и вот это уже было похоже на сияющие скафандры в телерекламе.

Что ж, в таком случае пришло время подвести итоги, и не стоит брать в голову это словечко «время» и все сопутствующие ему вопросы, она разберется с ними, когда у нее появится больше данных (однако, ну я и отошала, это же мои ребра - вот эти ледяные гребни, что впиваются мне в руку, и сколько это могло продолжаться, интересно?), больше надежных данных, с которыми можно работать. Нет, здесь и сейчас вопрос стоял так: «Собираюсь ли я, НэН, Дева Утрат, лежать словно жмурик там, куда меня кто-то засунул, или же я готова нацепить этот шлем и выбраться наконец из этой проклятой коробки?.. Not a Number», - подумала она и потянулась за шлемом.

\* \* \*

Ей понадобилось какое-то время, прежде чем она решилась снова прикоснуться к замку своего саркофага. Ей понадобилось время уже на то, чтобы отсоединить трубки от своей руки; в конце концов она все же вывернула их из гнезд - из одной прямо на бедро капало что-то холодное и вязкое - и решила оставить иглы как они есть, в надежде потом отыскать лучший источник света, или аптечку первой помощи, или доктора на вертолете. То же относилось к полосе материи, опоясывающей ее грудь под углом, словно ремень безопасности, эластичной и начиненной датчиками, - она просто отстегнула подсоединенный к ней кабель и бросила его рядом с трубками.

А потом, ерзая, она отодвинулась в левую часть скафандра и добрые полчаса возилась, застегивая молнию и герметизируя ее специальными замками, - все это сильно осложнялось приступами конвульсивной дрожи. Последовало несколько минут яростного отчаяния, когда она пыталась ухватиться за скользкий обод шлема; в конце концов она оттолкнулась ногами и протолкнула себя в него. К счастью, застежки шлема были рассчитаны на неуклюжие рукавицы, и к еще большому счастью, энергопитание скафандра включалось

автоматически, стоило щелкнуть застежками.

Ну что ж, не оставалось ничего иного, как взяться за джойстик саркофага и вернуться к аварийному меню, а затем - вправо, вправо, вправо. Свист воздуха едва слышится через шлем, дисплей уплывает назад и в сторону; она едва успевает ухватить взглядом мигающее

### **[Открываю]**

И он окончательно исчез из виду; отчаянный рывок за крышку - и вот она уже кувыркается в открытом космосе. Космос оказался темным и холодным, около восьми футов в высоту; она отрикошетила от двух стенок и врезалась головой в стенку саркофага, ударившись о щиток шлема ушибленным местом.

- Подушки безопасности, - пробормотала она. Она составляла в уме список: какому-то конструктору не поздоровится, как только она найдет возможность посылать сообщения. Ее прижало головой к саркофагу, а ноги болтались в пустоте. Подбородком она прощелкала меню скафандра, пока не отыскала

### **[Освещение/Внешнее/Шлем]**

Лучналобного прожектора высветил саркофаг, пластиковые ящики в паутине строп, дальнюю стену. Она оттолкнулась, высвобождаясь, ударилась на этот раз о три стены, зато миновала саркофаг - препятствие номер четыре с половиной, подумала она, и меня не затошнит (что оказалось верным, но лишь потому, что ее желудок был пуст).

В другую сторону: снова ящики, снова стропы, снова стены - и двойные двери в конце. Открытый космос больше смахивал на контейнер для перевозки грузов.

Она кое-как пробралась в тот конец, где находились двери. Здесь имелась система аварийного снятия блокировки, помеченная желтыми полосками, но ее заклинило, или, скорее всего, беда заключалась в том, что сама НЭН была такой оглушенной-костлявой-ослабевшей (сколько же это длилось?). Она отползла обратно к саркофагу, выискивая взглядом какой-нибудь рычаг.

- Если мне попадетя ломик, первым делом я опробую его на тебе, - пообещала она дисплею саркофага.

Саркофаг был глубок и полон всяческих штуквин - все до одной миниатюрных размеров, хрупкие и прочно приделанные. Снаружи, однако, крепилась сумка, а в сумке лежал экранированный чехольчик для электронных приспособлений, а в чехольчике...

- А(и)да!<sup>\*8</sup> - вскричала (а скорее, прохрипела) она.

---

<sup>8</sup> \* А(и)да - портативный компьютер НЭН. Это аббревиатура изобретенного автором термина *Autonomous Internetworked Device* - «автономное межсетевое устройство», и призвана напомнить читателю об Аде Лавлейс, английской писательнице и математике

Ее малышка - живая, живая, о! Она включилась в боевом режиме, и НЭН дала ей осмотреться, потому как никогда не знаешь наверняка; однако же... «сетей не найдено».

- Все в порядке, А(и)да, мы в космосе, - объяснила НЭН, хотя А(и)да не могла ее слышать из-за вакуума, надо будет потом поправить, однако сперва следует удостовериться, что ничего не повреждено. А(и)да, выйдя на ее экран, подтвердила личный код НЭН - «яснее ясного», - хранившийся на ПЛУ, спрятанном под комком припоя. Но тем не менее кто-то над ним потрудился и был достаточно сообразителен, чтобы заблокировать при этом камеру. В журнале регистрации указывалось время попытки: 14.10.2042, а это было вроде-как-вчера - вследствие чего встал вопрос, что же за день вроде-как-сегодня? Впрочем, теперь, когда у нее была А(и)да, НЭН почти не ведала страха, и в любом случае уже слишком поздно, так что она посмотрела. Ничего-ничего-ничего: ну да, она ненадолго отключилась, не такой уж это и сюрприз, если вспомнить обтянутые кожей ребра и все прочее... В общем, сегодня было 10.03.2043. Пять месяцев, даже чуть меньше - с этим она справится, и в любом случае что сделано, то сделано, ее занесло куда-то к черту на рога и скоро занесет еще дальше.

В сумке лежали какие-то шнуры, авторучка, растворимый кофе, кружка, грязная ложка, все до боли знакомое: кто-то (кто?) вывалил туда все содержимое ее письменного-обеденного стола. Ломика не нашлось - определенно, с этих пор нужно будет держать его рядом с кружкой.

Засунув А(и)ду в набедренный карман, НЭН, пошатываясь, поспешила к двери. Ложка просто погнулась с первой же попытки. Однако в мозгах у нее немного прояснилось; она продела сквозь ручку сложенный петлей кусок стропы, просунула в петлю ноги, потянула - и почувствовала, как задвижка со щелчком стронулась. Ноги скользнули в другую сторону, и стропа захлестнулась вокруг ее талии, на случай если глубокий космос на этот раз окажется более глубоким; она толкнула, и дверь отворилась.

И космос действительно оказался глубок. Футов пятьдесят отделяли край контейнера от стены «внизу» и чуть меньше - вверх и в стороны. Дальний конец терялся в тени, и все помещение заполняли такие же контейнеры, притиснутые друг к другу и к стальной решетке креплений. Она позволила своему телу проплыть, медленно вращаясь, до конца привязанной стропы, потом в другом направлении еще футов сорок - и еще одна стена, на этот раз не глухая. Там были панели, кабели и двери: большой люк и два других, поменьше, и еще один наверху - и над этим светился тусклый зеленый огонек.

- На выход - туда, - сказала она А(и)де, несмотря на вакуум. Потянула

за стропу, медленно разворачиваясь вокруг своей оси. «Этот трюм слишком велик, - думала она, - чересчур уж велик для корпоративного суборбитального корабля или околоземного шаттла». Она снова втащила себя внутрь контейнера, взяла сумку, кинула в нее пару мотков стропы и вылезла обратно, после чего поплыла вдоль контейнера, хватаясь за вмонтированные в стену удобные поручни - наконец-то хоть что-то сконструировано по уму!

Между контейнером и дверью зиял прогал футов в сорок-пятьдесят, и к тому же наискосок. Она ухватилась за поручни и поджала ноги; не было никакой возможности поглядеть вверх, чтобы уточнить цель...

- Нашлемная камера, - добавила она в свой список.

И отпустила руки. Прыжок получился больше похожим на кувырок, но ее желудок уже примирился с плавающим режимом, и она развернулась достаточно, чтобы увидеть стремительно надвигающуюся дверь. Ей едва хватило времени вытянуть руку и ухватиться за решетку рядом. Она сильно ударилась, но удар пришелся на этот раз по коленям и бедру, а не по голове.

Зеленый огонек, как выяснилось, означал все же не «Выход», но и «Мостик» ее вполне устраивал. Тут располагались кнопочная панель и экран, темный и не подающий признаков жизни. Дверного звонка не обнаружилось, так что она принялась колотить по двери кулаком в перчатке - своим слабеньким костлявым кулачком, - потом ухватилась за рукоятку и принялась пинать дверь, пока нога не заболела. Она подавила вырвавшийся всхлип и тут увидела над рукояткой надпись, гласившую: «Ручное управление шлюзом». Какое-то правительственное бюро безопасности по ошибке сделало все как надо, вплоть до поясняющих стрелочек с надписями «потянуть на себя, повернуть вверх», - и дверь распахнулась! Снова рукоятки, снова стрелочки, затем шипение, лязг, долгий прерывистый вздох (изданный ею) - и внутренняя дверь тоже открылась.

Мостик пустовал, никого не было дома, и она подозревала, что вряд ли этот кто-то просто вышел прогуляться, чтобы вскорости вернуться и обнаружить, что его овсянку съели, а в его кровати кто-то спит. Здесь не было никакой кровати, если уж на то пошло, да и овсянки тоже - только диспетчерская совершенно делового вида, двадцать на пятнадцать на десять или что-то около того. Вдоль одной стены - ряд шкафчиков, вдоль другой - длинный пульт да узкая полоска окна, загороженная снаружи металлической шторой. По крайней мере, если верить индикаторам скафандра, здесь имелся воздух. Скафандр уже доходил до кондиции - или это она сама доходила, - так что она решила рискнуть и откинула зажимы, готовая тут же захлопнуть их. Однако процесс прошел без шипения, а воздух кабины оказался хоть и с холодноватым металлическим привкусом, но годным для дыхания.

Все пульты были безжизненными и не отзывались на запросы, кроме

одного экрана, предлагавшего

**[Введите код]**

НэН подозревала, что оставлять корабль совершенно незащищенным было против правил... однако зачем попусту гадать? Она пошарила в кармане и открыла чехольчик.

- А(и)да, детка, как у тебя дела?

- НэН, у меня все в порядке, - ответил низкий, мелодичный голос. Точнее, это был голос самой НэН - все встроенные образы оказались совершенно ужасны, и в любом случае НэН никогда не пользовалась встроенными параметрами. «Все в порядке» означало в точности это самое, полную проверку системы. Создатели А(и)ды уверяли, что она пригодна для работы в вакууме, в условиях радиации и под водой до тридцати метров, однако ведь рыночные дроиды-продавцы все как один закоренелые лжецы, независимо от того, насколько совершенен товар.

- Что ты знаешь о низкоэнергетических транспортных судах?

- Контекст?

- Космический корабль. Непилотируемый. Большой.

- Низкоэнергетические перевозки (траектории перехода с одной стабильной орбиты на другую), требующие минимального запаса скорости. Они используют места со слабыми границами устойчивости - часто это точки Лагранжа<sup>9</sup>. Внутри Солнечной системы такие перевозки неофициально называются Межпланетной транспортной сетью. Вкратце - это дешевый, но медленный способ перемещаться между планетами и лунами.

- А сами корабли? Ну, ты понимаешь, действующие?

- Действующие низкоэнергетические транспортные маршруты, в порядке тоннажа перевозимого груза: с переходной орбиты Земли на...

- Погоди, как насчет пассажирских маршрутов?

- Не подтверждаю. Не существует действующих пассажирских маршрутов, использующих низкоэнергетические перевозки - несмотря на эффективность, перелеты по таким траекториям гораздо медленнее, чем по эллиптическим гомановым. Стоимость жизнеобеспечения и создания удобств для пассажиров превышает экономию топлива.

- Черт побери! Ладно, что ты там говорила?

- В порядке тоннажа перевозимого груза: с переходной орбиты Земли

---

<sup>9</sup> \* Точки Лагранжа: в системе из трех тел, масса одного из которых пренебрежимо мала по отношению к двум другим, существует пять точек, где это третье тело может оставаться неподвижным относительно остальных за счет сложения сил гравитации. Такие точки обозначаются латинской буквой L с числовым индексом от 1 до 5.

на ПО Луны, с ПО Земли в L1 Земля-Луна, с ПО Земли на ПО Марса, с L1 Земля-Луна на ПО Земли, с ПО Земли на L2 Солнце-Земля, с ПО Европы на ПО Ганимеда...

- Стоп, стоп, давай только про те, что с Земли. И выбери такие маршруты, на которые нужно больше пяти месяцев.

- Все действующие маршруты занимают больше пяти месяцев. Повторяю, это дешевый, но медленный способ перевозки. Дальше?

Тем временем НэН отнесло вверх и вбок. Она оттолкнулась от потолка, обхватила ногами один из стульев перед пультом и прищурилась, глядя в загороженное окно.

- Хм-м, ну ладно, послушай: у тебя есть график отправок с Земли на период... э-э... в две недели, начиная с четырнадцатого октября две тысячи сорок второго?

- Да, имеются семь единиц, удовлетворяющих параметрам «космический корабль», «непилотируемый», отправка с переходной орбиты Земли, низкоэнергетические перевозки, период с 15 по 28 октября 2042 года. Уточни понятие «большой».

- Ну, примерно восемьдесят футов в ширину, а в длину... хм-м... около сотни. Здесь есть трюм и мостик, насчет двигателя и всего прочего не имею понятия.

- Четыре из запланированных отбытий имели целью транспортный узел в L1 Земля-Луна, перевозка товаров легкой промышленности и фармацевтических продуктов, размеры кораблей значительно меньше заданных параметров, учитывая твой обычный предел погрешности.

- Вот за что я тебя держу, крошка!

- Другие три судна подходят под все характеристики: Земля - Луна, 15 октября; Земля - L2 Солнце-Земля, 19 октября; Земля -Марс, 22 октября.

- И надолго это? Назови даты прибытия?

- Рейс Tata-CASC L287A, на Луну через L5, выход на переходную орбиту Луны 10 мая 2043 года, переход на низкую окололунную орбиту 12 мая. Рейс ESA Ex92-NASA Gen20 выходит на галоорбиту возле L2 Солнце-Земля 29 сентября 2043 года. MarsCon E15 выходит на марсианскую орбиту захвата 15 февраля 2044-го.

НэН отчаянно озиралась в поисках какого-нибудь логотипа корпорации, визитной карточки, настенного календаря, чего угодно. Пульт упрямо отказывался выдавать какую-либо информацию, так что она обратилась к шкафчикам: инструментальный набор, сделано в Китае - от этого никакого проку; два аварийных безразмерных скафандра, не таких вонючих, как у нее, и гораздо более ненадежных, если забыть о клейкой ленте; дюжина баллонов с воздухом для них же

- это, возможно, пригодится; четыре пакета сэндов, готовых к употреблению, и четыре литра воды - пол-литра тут же исчезло за несколько болезненных глотков. Под пакетами с едой обнаружилась



авторучка, которую она попыталась ухватить, а после гонялась за ней по всей кабине. «Предоставлено Орбитальным сберегательным банком». Она швырнула ручку в бесполезное окно - дзынь! - и принялась описывать в пространстве медленные, задумчивые круги. Окна.

- А(и)да, если бы мы могли видеть звезды, ты бы сумела - ну, знаешь, вычислить наше расположение, сделать триангуляцию, в общем, как-то понять, куда мы направляемся?

- Маловероятно. У моей камеры недостаточное разрешение для измерения звездного параллакса.

- Вот черт! - НэН ухватилась за спинку кресла. - А(и)да, милая, ты не хочешь сходить прогуляться?

\* \* \*

Воздушные шлюзы по обе стороны главного люка трюма были оснащены системой ручного управления, но она требовала нескольких добавочных шагов - возможно, чтобы какой-нибудь новичок случайно не запустил себя в космос. И не то чтобы она сама была новичком - пять месяцев летного опыта как-никак, пусть и в бессознательном состоянии, но ведь есть же мышечная память и все такое... Тем не менее она вернулась, прихватила еще строп и привязала два конца по отдельности к специальным скобам в стенах шлюза, после чего как следует подергала за них, перед тем как открывать внешнюю дверь. Ее дыхание было быстрым и поверхностным, кровь бухала в ушах - вот тебе и безмолвие космических просторов! Затем дверь скользнула в сторону, уходя из луча ее налобного прожектора; снаружи было темно, ее глаза заметались по сторонам, приспособливаясь. Какая-то дымка - может быть, конденсируется выходящий воздух? - но при движении луча рисунок не менялся. Это звезды, Млечный Путь, догадалась она; ей не так уж часто доводилось выходить из дома по ночам, да и днем, если уж на то пошло. Однако сейчас она как раз собиралась выйти из дома, нравилось ей это или нет; ее руки, одна поверх другой, сжимали край двери.

- А(и)да, - прошептала она, - ты это видишь?

Таблетка была примотана у нее на лбу куском клейкой ленты из инструментального набора - единственное, что смогла придумать НэН, чтобы обеспечить обзор и одновременно возможность разговаривать.

- Отчасти, - кисло ответила А(и)да. («Кисло» было одной из первых моделей поведения, которые НэН добавила в профиль образа помощницы.) НэН нагнула голову.

- Так лучше?

- Не особенно. Нам следует отодвинуться подальше от корабля.

- Надо было просто выбросить тебя на стропе, одну.  
- Моя неспособность маневрировать затрудняла бы весь осмотр в целом.

- Хорошо-хорошо, вечно одни и те же отговорки! Будто сейчас мне легко!

Однако это было действительно легко. От нее требовалось просто отпустить руки.

- Ну ладно, на счет «три». Раз... Два...

- Три, - сказала А(и)да, и они поплыли в невесомости. Передняя часть корабля выглядела как квадратная дыра, вырезанная в скопище миллионов квинтильонов звезд. Ее сердце так и подпрыгнуло при виде скользнувшей в поле зрения ярко-красной точки, однако это был просто какой-то огонек на носу корабля - ходовой огонь или что-то вроде того. Она добралась до конца стропы, одной из двух, и начала разворачиваться к кораблю, но тут вторая стропы натянулась, и ее медленно повело по сложной траектории, вынося из-за черного края трюма. Ее сердце все еще работало на повышенных оборотах, но в шлеме это звучало поспокойнее, особенно после того как она задержала дыхание. Может быть, задержала слишком надолго - область ее зрения неожиданно потемнела с правой стороны, но А(и)да, уловив ее озабоченный возглас, пояснила:

- Поляризация щитка. Мы выходим на солнечную сторону.

И вот он - корабль, тянущийся далеко вперед, и вот оно - солнце, сияющее и ослепительное, несмотря на щиток, а она все продолжала вращаться, и больше здесь ничего не было: корабль, солнце, звезды и маленькая вращающаяся точка с неожиданно переполнившимся мочевым пузырем и примотанным к голове компьютером.

НэН заглотила полные легкие воздуха и проговорила:

- А Земля? Может, она сзади?..

- Не подтверждаю. Земля в зоне наблюдения, приблизительная видимая величина минус два и пять, в настоящий момент она находится примерно в двадцати градусах вверх и влево от центра твоего поля зрения.

Там не было ничего, кроме звезд, крошечных, малюсеньких звездочек, одна из которых, возможно, светила чуть ярче остальных.

- Черт подери!

- Ничего не поделаешь, - сказала А(и)да.

\* \* \*

Новый список: места, где она меньше всего желала бы оказаться. Номер первый и единственный: там, где она находилась сейчас, - снова в своем саркофаге. Тут было тесно, темно и стоял дурной запах;

с другой стороны, в ее студии в Рино было не лучше. Что еще роднило ее апартаменты с этим местом, это наличие воздуха, а также еды и воды, даже если последние поступали лишь посредством иглы и насоса. Снова залезть туда было не так-то просто; она предприняла долгий обратный путь через трюм, осматривая другие контейнеры, которые были снабжены штрих-кодами и пометками, однако не обнаружила ни доступных пониманию упаковочных реестров, ни знакомых логотипов - скажем, замороженной пиццы или «Блайнд рэйдж колы» (излюбленный напиток Девы Утрат). После этого она потратила еще больше времени, исследуя саркофаг. Снаружи он был гораздо больше, здесь имелся пульт управления, более детальный, хоть и не намного лучше того, что находился под крышкой. BengaTek RETAIIn - Rescue Emergency Transport Autonomous Internetworked, «аварийно-спасательное автономное межсетевое транспортное средство» - расшифровала А(и)да. «Дурацкая аббревиатура», - подумала НэН, но не стала высказываться, поскольку и у самой А(и)ды в имени содержалась пара букв из нее. На крышке мигали красные лампочки, экран демонстрировал уведомления: «Датчики не подсоединены», «Внутривенное питание не подключено», «Потребление кислорода ниже номинальных параметров». Но перед этим имелась серия предупреждений подсистемы обеспечения работы мозга: «Отказ внутривенного насоса № 2», «Приток успокоительных 0%», «ВНИМАНИЕ: пациент выходит из состояния комы».

- Уже выхожу, осталась пара минут, - сказала НэН А(и)де.

Однако подсистема питания была подключена, а также кислород и давление - обе показывали запас около 80% (правда, чего - непонятно), а ведь мостик, хотя там и имелся воздух, прямо скажем, не был завален пищей и водой. Что ей было необходимо, так это место, где можно посидеть и подумать, и теперь, когда она знала, что представляет собой саркофаг, он оказался довольно близок к ее видению идеального окружения: темный, уединенный, отрезанный от всех отвлекающих контактов, кроме А(и)ды, конечно. А(и)да согласилась с ней, но, с другой стороны, она почти всегда соглашалась; едва ли можно было ожидать каких-то гениальных идей от ее карбонопластиковой коробки, в особенности здесь, вдалеке от Сети, когда она работала по экранам сканам, которые загрузила и сохранила в ту последнюю ночь на Земле, пять месяцев назад.

К несчастью, у А(и)ды было не больше информации о том, что тогда произошло, чем у самой НэН. Ее камера потемнела по всему спектру в 02:40:15 14.10.2042, и в тот же самый момент она потеряла подключение - скорее всего, именно тогда ее и засунули в экранированный чехол. Несколькими часами позже к ее порту был подключен кабель и предпринята неэффективная попытка взлома; осталось несколько смазанных кадров с кончиками пальцев. После

этого единственной полезной информацией были данные ее акселерометра, судя по которым их на следующее утро переправили на орбиту и бессистемно таскали туда-сюда на протяжении всей недели. Этого одного хватило бы, чтобы перечеркнуть всю миссию. А(и)де не доставало информации о двух других траекториях, чтобы сузить область догадок. Она сделала аудиозапись всего, что хотя бы немного превышало минимальный уровень шума, но без толку - слышались лишь низкочастотное погромыхивание да звуки ее собственных передвижений внутри чехла.

- Ну хорошо, это не придурки, не дети и не какие-нибудь шуты, - проговорила НЭН, имея в виду тех, кому предстояло скоро превратиться в мертвые тела, преданные позору, - тела тех, кто ее похитил. - Они знали, как следует обращаться с тобой, сообразили, как запустить нас на орбиту, и сумели засунуть сюда. А ведь там серьезно досматривают - и таможня, и охрана, - на Проклятой Конференции я наслушалась об этом предостаточно.

Проклятая Конференция была единственным случаем, когда НЭН появилась на публике в качестве своего кибер-«я». Этот эпизод был для нее тем же, чем история с Ирен Адлер для Шерлока Холмса, о нем не имело смысла много говорить, но он отбросил на личную мифологию Девы Утрат мрачную и сомнительную тень.

Вообще-то несколько лет назад она взломала одну базу данных по экспортным пошлинам, китайскую, а следовательно, до некоторой степени правительственную, что было редкостью для Девы Утрат - как правило, она держалась корпораций. Но эта база отслеживала конечных пользователей, сопоставляя их с закупками медиа, и это НЭН уже воспринимала как личную информацию - а с личной информацией в базах данных она поступала просто: она ее теряла. Когда предоставлялась возможность, заменяла идентичными, но фиктивными данными, чтобы еще больше застопорить дальнейшую работу, или же просто выдавала повторяющееся слово «утрачено» - и всегда оставляла где-нибудь зашифрованную пометку «NaN». Наименование «Дева» было эпитетом с форумов, который она с удовольствием переняла, но лишь для разговоров с А(и)дой: никогда не следует подстрекать фанатов.

У какого-нибудь правительства должно было хватить средств на подобное, но зачем эти уловки, если они могли ее арестовать или просто сделать так, чтобы она исчезла? Причем не стоит забывать, что она, черт возьми, как раз и исчезла. Как знать, может быть, они сейчас держат путь к какой-нибудь космической тюрьме в L2 или трудовому лагерю на Марсе - а по мнению некоторых, на Марсе больше ничего и не было. Однако у правительств имеются военные корабли и транспортные суда для перевозки колонистов, и в любом случае все это было устроено со знанием дела и слишком дорого стоило для

любого правительства, с которым ей доводилось меряться битами.

Допустим, это были корпорации -- их существовало великое множество, и все они с радостью выложили бы немалую сумму, чтобы услатить нашу Д.У. куда-нибудь подальше. И все же здесь что-то не сходилось. Корпорации, насколько она их знала, сломали бы ее, телесно и духовно, применяя систему гражданского суда. Или ограничились телом - покорежили его и бросили в канаве. Едва ли кто-нибудь смог бы связать ее вещественное «я» с НэН и ее антикорпоративными войнами. Так зачем было тратить столько усилий, увозить ее куда-то на корабле? И чем, кроме неизлечимого идиотизма, можно объяснить, что они засунули А(и)ду в чехол, вместо того чтобы подвергнуть серьезному перепрограммированию; они ведь так и не сумели ее взломать, с настройками НэН у них ушло бы на это много, много...

НэН резко выпрямилась и...

- Ох!

...снова ударилась головой.

- А(и)да, есть идеи насчет того, какая защита может стоять на том пульте? На пульте управления кораблем, я имею в виду...

- Не подтверждаю. Мои данные ограничиваются уровнем Википедии.

- Да, но я готова поспорить, что в этой блокировке нет ничего специфически космического - обычная программа, какой-нибудь общий контроль доступа на корпоративном уровне. Ты подумай, пульт же не в онлайне, каким образом он может проанализировать атаку? Разве в точках Лагранжа есть космические пираты? Сомневаюсь. Команда, рабочие - ну, может, найдется кто-нибудь, кому сильно нейдет и у кого есть орбитальный шаттл... Все, что им нужно - это бороться с мелкими атаками; в худшем случае на взлом уйдет пара недель. А у нас... - она потерла шишку на голове и поморщилась, - у нас, возможно, впереди месяцы.

- Недостаточно данных. Тебе виднее, - ответствовала А(и)да.

- Совершенно верно, крошка, совершенно верно, черт возьми! - сказала НэН.

\* \* \*

Взлом пароля пульта означал, что А(и)ду было необходимо оставить на мостике; НэН использовала ресурсную атаку, пытаясь обнаружить отклонения в энергопотреблении, вызванные включением и выключением ЦПУ - уязвимые места в нескольких популярных корпоративных ключевых системах. Это означало, что А(и)да была подключена к силовому разъему, несмотря на то что у нее имелся автономный элемент питания. Однако это прекрасно работало: НэН

спала в своем саркофаге, а дни проводила (она немного сбилась, но старалась придерживаться режима по времени Рино) в кабине или копалась в трюме. Именно этим она и занималась в данный момент - ковыряла отверткой в клапане сброса давления на одном из грузовых контейнеров.

Она по-прежнему не имела понятия, что находится в большинстве контейнеров. Возможно, если повезет, она найдет декларацию груза в компьютере на пульте управления, когда его взломает. Однако здесь была дюжина контейнеров необычного вида: в некоторых явно содержались жидкости, еще несколько, составленные штабелем, не такие большие и в защитных чехлах, по догадке НЭН, хранили какую-то электронику; и еще на двух пыльных, помятых контейнерах были нанесенные по трафарету надписи на кириллице, которые А(и)да перевела как «Волжский зерновой консорциум». НЭН провозилась целый день, орудуя маленьким инструментальным набором, взятым с мостика, пока не открыла один из них, и как выяснилось, поступила весьма опрометчиво. Там оказалось два слоя герметичного уплотнения, и наружный клапан давления освобождал только внешнюю оболочку. Нэн почти услышала свист воздуха, ударившего в ее скафандр, вслед за чем внутренняя панель вылетела, швырнув девушку на пол и крепко приложив об опорную стойку, и, наверное, несколько тонн зерна оказались рассыпаны ровным слоем по всему трюму. После этого в кабине воцарился аромат сухих завтраков. НЭН зачерпнула горсть зерна, унесла с собой в кабину и там сжевала, выдавливая из себя скудные остатки слюны.

Нужда, однако, оказалась хорошим учителем, и через месяц-другой дела ее уже шли несколько лучше. Первым успехом стало очищение воздуха в кабине. Ей повезло, что система рециркуляции не была запаролена вместе с пультом; она проследила трубопровод до панели, находившейся снаружи, сразу же за шлюзом мостика, и включила воздухоочистители. Еще немного таких же полезных мер безопасности, и, возможно, на следующий год она в знак признательности заплатит налоги. Подчеркнем, пропорционально времени, проведенному ею в космосе.

Воздушная система, в свою очередь, привела НЭН к мысли о воде. Оказалось, на корабле ее полно - в резервуарах между стенами корпуса и внешними оболочками корабля, в системе подачи топлива и кислорода, в качестве амортизирующей жидкости для хрупких грузов. Очевидно, при низкоэнергетических перевозках излишек веса не был проблемой. Учитывая практически неисчерпаемый запас воды, она опустошила найденные на мостике четыре бутылки, и у нее оказались пустые емкости - одна из них в настоящее время была закреплена перед внутренним клапаном давления, в котором НЭН ковырялась отверткой. Еще немного усилий, и оттуда хлынул мощный поток

овсяных хлопьев, достаточное количество которых оказалось в бутылке.

А значит, обратно в кабину, к вкусному и питательному блюду под названием «драммак», которое, согласно Роберту Льюису Стивенсону, представляет собой овсянку, размоченную в холодной воде. Пока НэН работала на мостике, А(и)да читала ей вслух занимательные книжки, на разные голоса и с добавлением звуковых эффектов; они уже покончили с «Робинзоном Крузо», «Графом Монте-Кристо» и «Похищенным», откуда и взялся «драммак». Ничего вкусного в нем НэН не усмотрела: картон с привкусом ржавой батареи, хотя, возможно, виновата была вода из резервуаров. В полезности блюда НэН тоже сомневалась: она испытывала внезапные боли и периоды головокружения и помутнения в мыслях плюс совершенно отвратительные пятна - проявление гиповитаминоза, цинги, пеллагры и прочих «прелестей», а также, по словам А(и)ды, синдром космической адаптации. К этому списку НэН добавила еще стресс и смертельную скуку.

Капельница в скафандре, по-видимому, могла помочь с витаминами, поэтому НэН подключала ее на время сна, однако их запас уменьшался с устрашающей скоростью. Существовало нечто вроде системы обратной связи через датчики на нагрудном ремне, предназначенной для поддержания пациента в состоянии комы, но отнюдь не того, кто попеременно занимается физическими упражнениями и энергично планирует мучительную смерть своих многочисленных врагов, среди которых не последнее место занимают его похитители и сами разработчики BengaTek RETAln.

В этот день с планированием было покончено за завтраком, настало время упражнений. Информация А(и)ды о физических упражнениях в условиях низкой гравитации была крайне скудной и предполагала огромное количество спецоборудования, так что НэН разработала собственную методику, в значительной степени состоявшую в отталкивании от стен мостика. Разогревшись как следует, она могла прыгать с пола на стены и через потолок обратно на пол: искусственная гравитация по принципу центрифуги, объяснила она А(и)де, которая, кажется, сомневалась. Музыка тоже играла ключевую роль, поддерживая ритм и надлежащий контроль дыхания. То есть НэН вопила во всю мочь, а А(и)да подыгрывала ей на сэмплированном фортепиано, органе и прочих инструментах:

*...мы купим попугая*

*(пусть он поработает за меня),*

*что поет «Тихоход до Китая»*

*(или до Марса),*

*в бурных водах устроим дом*

*(все лучше, чем в упаковочном ящике!).*

*От солнца и теплого лета  
(помнишь закон обратных квадратов ?)  
к осеннему лунному свету  
(правда, Луны отсюда почти не видно)  
плывут два сердца над бездной волн  
(над бездной космоса, верно, БИП НэН?),  
похищенные лунным светом  
(БИП НэН! БИП).*

*Только ты и я, вдвое-о-о-ом!*

- Эгей, малышка, ты малость сбилась на последних строчках, - укорила ее НэН и врезалась в потолок, поняв, что А(и)да продолжает свое «бип-бип-бип», а это могло значить только...

- Ты его взломала!

- Пароль найден. Затраченное время: 156 дней, 14 часов, 6 минут и 44 секунды. Пульт управления кораблем в рабочем состоянии.

НэН прыжком переместилась в кресло и пристегнулась. При виде сияющего пульта, мигающих индикаторов и экранов у нее закружилась голова. Ее охватило внезапное, идущее из глубины чувство - рядом есть что-то еще, что-то живое! - а следом нахлынула волна одиночества, впервые за все путешествие, впервые с третьего класса школы, если подумать. Она стерла со щек несколько жгучих слезинок.

- Прости, крошка, - сказала она А(и)де, ощущая помимо всего прочего странное чувство смущения. - Глупо, глупо. Надо бы раздобыть витаминов, чтобы прояснилось в голове. Итак, мы были правы? В смысле, насчет нашего пункта назначения?

Они все еще могли направляться к обсерваториям в L2, и в таком случае им оставалось всего лишь шесть недель. Однако корабль за последние несколько месяцев совершил пару автоматических корректировок курса, и хотя это были крошечные толчки по сравнению с суборбитальными полетами, в которых доводилось бывать НэН, здесь от них замирало сердце, они скорее согласовывались с довольно сложным маршрутом на Марс, чем с почти идеальной траекторией к точке Лагранжа. И в любом случае, на что нескольким сотням исследователей два полных транспортных контейнера овсяных хлопьев?

- Ответ утвердительный. Судно идентифицирует себя как MarsCon E15.

НэН лягнула кресло, затормозила, упершись рукой в потолок, и бросила яростный взгляд на сверкающий пульт внизу.

- Еще шесть месяцев!

- Сто восемьдесят четыре дня, девять часов и две минуты до переходной орбиты Марса.

То есть из ее жизни будут вырваны еще сто восемьдесят пять дней! К этому времени Дева Утрат станет древней историей, поучительной



сказкой, рассказываемой нерадивым новобранцам! НэН снова лягнула кресло и сделала сальто.

- Ты получила декларацию груза?
- Ответ утвердительный.
- Ну так и черт с ним, малышка, пошли затариваться!

\* \* \*

НэН сидела, наполовину выпрямившись и закинув руку за голову - наследие саркофага. Однако она была на мостике, прикрепленная ремнями к стене; саркофаг наконец-то опустошился, воздух кончился на несколько ночей раньше, чем питательные вещества, в сопровождении панически воющих сигналов тревоги и заклинившего шлема. В любом случае, в последние несколько месяцев саркофаг представлял ценность в плане скорее психологическом, нежели физическом. Снабженная судовой декларацией, в которую были включены коды доступа к большинству контейнеров, она отыскала ящик с витаминами и подборку упакованных продуктов, какой мог бы гордиться буфет любого казино в Рино.

Нашлось и вино, несколько пластиковых бочонков. Бутылки, очевидно, были слишком тяжелы даже для тиххода, или, может, это вино было не из тех сортов, что разливают в бутылки. Если ее уютный гробик перестал быть убежищем, пустой бочонок мог послужить ему заменой. Таким образом, она сменила тошноту и головокружение, вызванные адаптацией к космосу и плохим питанием, на аналогичные симптомы старого доброго опьянения. По крайней мере ей удалось избавиться от пятен и частично от болей в желудке, а также от страха, что волна одиночества снова обрушится на нее и унесет так далеко, что она уже не сможет вернуться обратно.

Она ощущала себя на поскрипывающем старом паруснике, морская пена хлестала в борта, она ворочалась в путанице снастей, прикованная к другим таким же бедолагам, а команда в корпоративных костюмах выкрикивала с квартердека отрывистые беспорядочные приказания на бессмысленном рыночном жаргоне. «Я вам не офисный планктон, - кричала она в ответ, - и не какая-нибудь малютка-глупышка, которую можно отключить от интернета при помощи адвоката и двух строчек кода. Я хакер, я взломщик, а вы меня споили и завербовали обманом, черт подери, против моей воли...»

НэН моргнула, ослепленная вспышкой перед глазами и в мозгу.

- А(и)да, - произнесла она. - Я идиотка.
- Подтверждаю. Как мы уже обсуждали, это непрерывное потребление алкоголя оказывает вредоносное влияние на твое психическое и физическое здоровье.

- Да нет же, нет... то есть да, хорошо, но послушай! Я целый год сидела и гадала, кому и зачем понадобилось уволакивать меня с Земли, и картинка попросту не складывалась, у меня прямо голова распухла от этих мыслей. Но ведь когда в древности вербовали моряков, целью было не увезти их из Сан-Франциско - целью было затащить их на корабль и заставить работать! Или нет, погоди - тебя сажают на тихоход до Китая, чтобы отправить тебя в Китай!

- Как я и говорила: вредоносное влияние, - заметила А(и)да.

НэН зашипела и выпуталась из строп, проплыла над пультом и остановилась, уткнувшись носом в окно, теперь уже не закрытое ставнем.

- Я хочу сказать вот что: меня не собирались утаскивать с Земли. Меня хотели затащить на Марс. И кажется, я знаю, кто это был.

\* \* \*

НэН не ходила на сборища. Д.У. работала строго в виртуальном пространстве и в одиночестве. «Сцена невидима» - гласило правило. Однако в то же время правила были НэН вроде бы и не к лицу, поэтому порой она предпринимала вылазки в реал, просто чтобы доказать: она это может. Обычно ее боевой задачей была социальная инженерия; если взлом затягивался и от голосовых и текстовых сообщений не было проку, она выходила в реальное время. Еще реже и с большой неохотой она рисковала встречаться лицом к лицу с кем-либо из людей «сцены», чтобы обменяться оффлайн-паролями или информацией на съемных носителях. И однажды - всего лишь однажды! - она встретила с группой: это и была Проклятая Конференция, под прикрытием другого, гораздо более масштабного мероприятия. Пока пресса осаждала новичков и «чайников» возле столов для блэкджека, группа людей с именем, кудесников и легендарных личностей, встретила в тихом баре, чтобы окончательно согласовать деятельность первого межпланетного даркнета. Предлогом для встречи служила передача паролей, хотя НэН и другие возражали, утверждая, что существующих систем безопасности достаточно для запуска работы Сети. Настоящей же причиной было то, что новая Сеть объединяла различные «сцены»: хактивистов и криптоанархистов, пиратов, банкиров и инфотеррористов, а возможно, даже настоящих террористов, и, уж конечно, нескольких откровенных жуликов. Назрели вопросы взаимодействия на культурном уровне, и некоторые организаторы настояли на сессии во плоти.

Разумеется, никто здесь не отсвечивал бейджиками с надписями вроде «Привет, я Джон», однако все быстро вычислили друг друга,

пользуясь обоснованными догадками, а кое-кого и вычислять не требовалось. Например, НэН - единственная женщина, которая не присосалась к какому-нибудь парню, а с тех пор как она устроила публичный флейм со знаменитым шифропанком, одновременно и ярким женоненавистником, Дева прославилась именно этим. Там тусовался один хактивист, блогер по основному занятию, самопровозглашенный специалист по связям «человек - машина», однако НэН должна была признать - отличный хакер, и охотился он как раз на цели ее типа: корпоративные базы данных, отслеживатели кликов, системы распознавания личности, то есть все то, что вторгалось в частную жизнь людей. Он занимался этим по политическим соображениям, она - по личным, однако пришли они к одному и тому же.

И еще там был Леко. Нет, это не прозвище: Леонардо «Леко» Стирлинг Гуарана - имя, под которым его знали как в киберпространстве, так и в реальной жизни. Сын и наследник одного из самых могущественных кланов марсианской элиты, имеющей долю в добыче льда, сельском хозяйстве, перевозках, владеющей чуть ли не на феодальных началах целыми поселениями и питающей неприкрытое отвращение к любому, политическому или культурному, влиянию с Земли. Когда он вошел в бар в своем физическом теле, беззаботной походкой, одетый в костюм за пять тысяч долларов, половина собравшихся тут же устремилась к выходу. Парню пришлось показать свой поддельный паспорт и проездные документы, чтобы заставить всех успокоиться.

Он присутствовал там не как хакер или взломщик, он был одним из организаторов, хотя и имел интересы с обеих сторон. Его семья поставляла жизненно необходимую компьютерную аппаратуру и сетевые подключения авансом не только на Марсе, но и по всей Солнечной системе. Поэтому они были вынуждены выступать как пользователи и покрывать большую часть эксплуатационных расходов. На самом деле семье по-прежнему требовалось вести дела с Землей, но они стремились делать это вне поля зрения презируемых ими корпораций и правительств.

Впоследствии, когда общая суматоха разбилась на более мелкие дискуссии, Леко принес стул и пару бутылок пива в укромный уголок, где скрывались НэН с А(и)дой. Он хорошо подготовился к разговору: знал о ее деяниях столько, что НэН даже наградила А(и)ду особым тычком, заставив крутиться все ее шестеренки, пока сама улыбалась и кивала марсианину.

Он был яростен, страстен и как-то мрачно красив, говорил о планах семьи и своих личных, о естественной эволюции культуры, о новой траектории - точнее, траекториях, ведь каждый идет собственным путем. Эта встреча, эта новая Сеть - зарождение революции, а

собравшиеся здесь люди - визионеры, вожди, первые борцы за свободу.

- Но это не может произойти здесь, на Земле, - говорил он. - Земля находится слишком глубоко, в своем колодце, она отягощена историей. Революция, возможно, и начинается здесь, сегодня, но битвы и победы предстоят там - на Луне, на Поясе, и прежде всего на Марсе. Нам там нужны такие люди, как ты, знающие больные места корпорации и как по ним ударить. - Он положил руку на плечо собеседнице. - Что бы тебе ни понадобилось: деньги, оборудование, помощники, - все это мы сможем достать.

Он наклонился вперед и улыбнулся, обдавая ее лицо горячим дыханием, пропитанным пивом и чувством превосходства, и сказал:

- Пойдем со мной.

НэН ослепительно улыбнулась, поставила пиво, накрыла его руку своей, сказала «нет», поднялась и вышла.

\* \* \*

Сразу же за мостиком имелся шлюз, снабженный большой кнопкой с надписью «Аварийная эвакуация». В шлюзе было темно и холодно, он был так мал, что НэН едва могла протиснуться туда боком. Когда-то она несколько раз пыталась в нем спать, но слишком мешал вид из крошечного оконца - россыпь звезд, отстраненных, неисчислимых. Впрочем, сейчас ей спать не хотелось; она была чуточку пьяна и чувствовала возбуждение от кофейных зерен, которые носила с собой в пакетике и жевала. «Как от джаза», - подумала она и отбила кончиками пальцев джазовый ритм на кнопке аварийной эвакуации: там-та-там-там-там.

Если она стукнет чуть сильнее, собьется на ударе и система сработает, ее выкинет из двери в спиральном воздушном вихре. Останется ли в этом случае ее тело на той же траектории, на той же низкоэнергетической орбите к Марсу? Хватит ли плотности тамошней атмосферы, чтобы, падая, она оставила за собой яркий след, или она попросту проделает маленький кратер где-то на поверхности планеты и будет лежать, заброшенная, пока песчаные бури не сотрут ее в порошок? А(и)да могла знать, но А(и)да осталась на пульте, и внутренняя дверь шлюза закрыта, чтобы не доносились ее причитания. Одинокое странствие - другой траектории Дева Утрат никогда не знала. Единственная истинная свобода - это анонимность, а истинная анонимность - недостижимая цель, к которой следует стремиться, преодолевая огромное давление, призванное окультурить, вобрать в себя, приспособить.

И вот теперь анонимность вручалась ей; это было делом чужих рук,

надо признать, однако она могла заявить свое право на нее одним ударом пальца, абсолютно без всяких усилий. Любой другой путь сулил лишь борьбу с физикой, судьбой и силами гораздо большими, чем она сама.

Она выдохнула сквозь зубы, затуманив маленький иллюминатор, и ударила по кнопке еще раз средним пальцем. А затем распахнула внутренний люк и толчком ноги послала свое тело обратно на мостик. А(и)да включилась немедленно:

- НэН, твое поведение последнее время указывает на серьезную депрессивную...
- Оставь это, крошка, у нас есть дела поважнее. Открой-ка новый файл проекта.
- Файл проекта... открыт. Заглавие?
- Возмездие. Возмездие Девы Утрат.

\* \* \*

Силуэт нависал над ней - с огромной головой, он выглядел чужеродным на этом мостике. Он обхватил себя неуклюжими пальцами за шею и крутанул. Шлем откинулся назад: тонкое бледное лицо, тонкие бледные волосы, огромные беспокойные глаза по ту сторону широкоугольного объектива.

- Это не он. План «Б», - проговорила НэН, сглотнув. Три месяца планирования, взламывания контейнеров в поисках запчастей, блуждания по неверной траектории между вином и отчаянием - и вот теперь ее похититель не пришел на свидание?

- Движение на камере в трюме. Два человека, - доложила А(и)да.
- Дай-ка посмотреть.

А(и)да переключила ее экран на другую камеру: две движущиеся фигуры в скафандрах. Вот они остановились возле знакомого контейнера, проверили маркировку, открыли дверь...

- Йо-хо-хо! Нет, это не совпадение! Значит, все же план «А». Приглядывай за этими двумя, а меня переключи обратно на мостик.

Как раз вовремя: человек на мостике уже отыскал разъем и вытаскивал планшет. Слава богу, это был не портативный межсетевой компьютер и не какое-нибудь новомодное марсианское устройство - это выглядело как дешевый бразильский клон, мелкий клиент, подключенный по беспроводной сети и не предназначенный для работы в космосе. НэН утвердилась в своих подозрениях: у нее в гостях не официальная команда, прибывшая отогнать транспорт на низкую околomarсианскую орбиту. Единственным вопросом теперь оставалось - какая у планшета ОС, но если этот парень работал с Лeko, едва ли он пользовался какой-нибудь земной корпоративно-

империалистической системой. Человек выпростал одну руку из скафандра, чтобы работать с сенсорным экраном. НЭН попробовала прочитать движения пальцев, но угол был неудачный, и к тому же картинка внезапно сплющилась и сместилась влево - это А(и)да разделила экран пополам. НЭН проглотила досадливый возглас: камера в трюме показывала плавающие в невесомости ящики и двух других людей, которые как раз появились из грузового контейнера, неся саркофаг.

- Ах ты, шустрый какой... Давай мостик! - И А(и)да переключилась на полный экран, как раз когда парень с беспокойными глазами подключил к планшету переносной жесткий диск и знакомым жестом принялся листать экраны. НЭН сказала: - Это VazOS-3. Давай, делай!  
- Готово.

Беспокойный вытащил диск и подключил его к корабельному пульту. Далее, если бы НЭН предварительно не поработала с пультом, должно было последовать подтверждение пароля на переносном диске и открытие доступа к корабельной системе. Вместо этого на экране замигала предупреждающая надпись:

**[Неверный формат диска. Помощь?]**

Беспокойный замигал, стукнул пальцем по экрану пульта. Перед ним, видимо, открылось окно помощи с известием:

**[Нечитаемый диск. Пожалуйста, подключите другой диск или STB-соединение]**

- погоди, то ли еще будет, - пробормотала НЭН. Нервный парень протянул руку к переносному диску, остановился, передумал, поправил микрофон.

- Э-э, Леко? Это Стэн. Тут проблема с паролем.

Однако оттуда Стэн мог не ждать помощи. Два аварийных скафандра в шкафчиках на мостике были взломаны и испускали помехи на стандартных частотах, на таком уровне, который должен был истощить заряд их батарей за несколько минут. Она включила их в последнюю очередь, когда прекратился грохот стыковки новоприбывших, прежде чем вынырнуть через аварийный выход.

- Леко? Эй, ты слышишь...

- Давай! - скомандовала НЭН и увидела, как в его глазах отразилась красным новая надпись:

**[Обнаружена попытка неавторизованного доступа: через 60 секунд пульт будет заблокирован. Введите пароль или подключите разрешенное соединение для отмены блокировки]**

И начался обратный отсчет в сопровождении пронзительных гудков.

- Вот черт! - выругался Стэн, выдернул переносной диск, снова подключил его к своему планшету и отчаянно забарабанил по экрану.

- Воздух пошел, - продолжала НЭН, и А(и)да принялась качать вентиляторы - небольшая пульсация давления, два такта в секунду, не

особенно приятное ощущение.

А(и)да на короткое время вновь разделила экран: команда у саркофага находилась уже на полпути к шлюзу мостика.

- Ну-ну, - проговорила НЭН. - Уменьши-ка счетчик на десять секунд... давай!

Стэн поднял голову, и от его лица отлила краска, которой там и без того было немного.

- Леко, черт подери, мне нужна помощь!

Однако все, что его ждало с той стороны, - это полные уши помех. На секунду он просто застыл на месте, распахнув рот, и НЭН тоже замерла; весь расчет был на то, что парень не окажется окончательным простофилей. Но нет, вот он вышел из транса, осмотрелся раз и еще - классическая реакция, дающая надежду на то, что жертва заглочит наживку...

- Да нет же, идиот, вон там, на пульте! - заскрипела зубами НЭН. - Дерьмо! А(и)да, отмотай счетчик назад на пятнадцать секунд и вруби тревогу.

Услышав, что гудки пошли в удвоенном темпе, Стэн развернулся обратно к пульту, ахнул и потянулся вверх камеры, чтобы схватить кабель, который НЭН оставила свернутым и небрежно брошенным на монитор.

- Ха! - хмыкнула НЭН, и А(и)да ответила ей, снова разделив экран: остальные двое уже принайтовали саркофаг рядом с трюмным люком и открывали внешний шлюз на мостик.

Стэн вытащил свой переносной диск и подключил к нему кабель, потом неловко сунул второй конец в гнездо пульта.

- Вот-вот, в бурю любая гавань сгодится, - подбодрила его НЭН. Стэн склонился над экраном пульта; тот должен был ему показать:

**[Обнаружено соединение. Введите пароль для отмены блокировки]**

И вот его пальцы уже пляшут над планшетом, все под контролем, вот корабельная система появляется на его рабочем столе и все, что ему нужно сделать - это авторизовать соединение и перетащить файл пароля на иконку, как хорошая мартышка, и тогда...

**[Доступ разрешен. Пульт активен]**

...должен был сказать ему дисплей, и это так и есть - пульт подключен к Сети, корабль в его власти, он качает головой и облегченно вздыхает. Он настолько увлечен этим, что не замечает короткой помехи на экране своего планшета, когда программа НЭН внедряется в его систему.

Дверь шлюза раскрылась. Стэн застыл над пультом с глубокомысленным, сосредоточенным видом - как же, он ведь полностью контролировал ситуацию, наш Стэн! Вошедшие стащили с себя шлемы: один оказался сердитого вида женщиной, озабоченные

морщинки бороздили ее лоб и щеки, ну а второй был Леко - смуглая кожа, темные глаза, черные волосы, в которых маленькими смерчками вились выкрашенные красным локоны. НэН сделала глубокий вдох - в организме крутился вихрь разнородных химических веществ - и снова выдохнула. Взлом все еще продолжался, он шел в реальном времени, на реагирование у нее будет потом куча времени.

- Что там такое с радио? - спросил Леко.

- Помехи. Может быть, просто здесь помещение экранируется, - ответил Стэн, указывая планшетом на металлические стены.

- Хм-м, - с сомнением отозвался Леко. - Здесь что-то не так. Весь трюм загажен, повсюду какая-то сыпучая бурая мерзость. Да и саркофаг... включен и вроде бы работает, но управление заклинило.

(НэН не удержалась от окончательной мести экрану своего гроба.)

- Проклятье, неужели она?.. - начал Стэн.

- Нет-нет, монитор исправен, и ее жизненные параметры выглядят как надо, - заверила женщина. - Просто нам никак не добраться до меню, а значит, мы не в силах открыть эту треклятую штуковину.

- Об этом можно будет позаботиться и позже, когда саркофаг окажется у нас на борту и мы уберемся отсюда, - сказал Леко.

- Похоже, сейчас наша реплика, милая, - заметила НэН, обращаясь к А(и)де. И промурлыкала, включив динамики на пульте: - А стоило бы позаботиться прямо сейчас!

Трое в кабине резко повернулись к пульту, после чего абсолютно синхронно взглянули на стоящий в трюме саркофаг. НэН подавила смешок: не стоило раскрывать им камеру.

- О боже мой, я надеюсь, вы еще не расписались за груз? Боюсь, там недостача по нескольким пунктам.

Женщина выругалась, быстрым взглядом осмотрела мостик, подтянула к себе сумку, которая болталась на ремне за ее спиной, и принялась рыться в ней. Леко шагнул к пульту.

- Ты ведь слышишь меня, да? - спросил он.

- Увы и ах! Слышу, - откликнулась НэН. - А что, ты хочешь толкнуть речь о корпорационно-культурном империализме землян и о том, что настало время Марсу вырваться на свободу и лететь по своей собственной орбите? Просто, понимаешь, с тех пор как я последний раз все это слышала, я многое узнала об орбитальной механике и не уверена, что ты прав с точки зрения физики.

Леко слегка потемнел лицом и обернулся к женщине. Та уже вытащила из сумки какой-то прибор и водила им по сторонам - термальный сканер, скорее всего. Она взглянула на Леко и покачала головой. Он указал на шлюз; женщина кивнула и вновь надела шлем.

- НэН, я понимаю, что все это могло показаться тебе немного поспешным...

- Если можно назвать минувшие четырнадцать месяцев словом



«поспешно».

- Ты бы все равно потратила эти четырнадцать месяцев на чепуху, на свою «Деву Утрат» и все прочее. Ну, досадишь ты горстке корпораций, вызовешь несколько страховых исков... Было ли хоть раз, чтобы твой взлом развалил компанию, скинул правительство, уничтожил хотя бы одного из этих говнюков, которые диктуют массам свои вкусы и ложную мораль?

Разделенный экран: женщина пробирается по трюму, делая широкие взмахи сканером.

- Это игра с нулевой суммой, НэН. Нам приходится уничтожать старое, чтобы расчистить место новому. А на Земле мусор и так уже некуда девать, там...

НэН приглушила звук.

- Он может разглагольствовать часами; нам самое время передвинуться.

- Подтверждаю, переключаюсь на радиосвязь.

НэН вытащила кабель и поплыла, поглядывая одним глазом на камеру в трюме и на пламенное лицо Леко. Двумя минутами и парой сотен ударов сердца позже они вновь подключились, а он все еще говорил. Она выкрутила громкость обратно:

- ...просто какая-то фантастическая фигура, придуманная для жирных и потных мальчишек-хакеров, а настоящий герой, один из избранных, один из тех немногих, что не боятся ступить в пропасть и взять судьбу в свои руки!

- Все это мечты, - сказала НэН. - Мелкие мечты для мелких людишек. Вот этот твой парень, как его, Стэн? Он что, из твоих настоящих героев? Какой-то он... дерганный, ты не находишь?

Стэн, бедняжка, выглядел по-настоящему уязвленным, а ведь она с ним еще не закончила.

- Но это даже хорошо, что ты метишь низко. - Леко попытался перебить ее, но она прибавила громкость динамика. - Ты думаешь, что кому-то противостоишь, но на самом деле ты просто избавляешься от людей, заменяешь одних другими. Это тривиально. Но менять людей - вот что действительно трудно! Этого ты не достигнешь речами и пальбой, по крайней мере вначале. Тут приходится начинать с сомнения. Мои взломы... может быть, все, чего я этим добьюсь, - это пара бессонных ночей, несколько взволнованных собраний, десятков вопросов, но как только удастся заставить их сомневаться, испытать неуверенность в том, что они знают - они твои!

Прекрасно, подумала она, Леко весь кипит, и время как раз подходящее. Дверь шлюза распахнулась, и внутрь вошла мисс Злюка, глядя на Леко и качая головой. Тот скривился, открыл было рот, но снова закрыл его, поднял брови и указал глазами на окно.

- Ты ведь снаружи, верно? Считаешь себя умной девочкой, да?

Экипировки для работы в открытом космосе у тебя быть не может; могу поручиться, ты до сих пор в том же старом потрепанном аварийном скафандре. Сколько у тебя воздуха? Все, что нам нужно, это подождать здесь. Еще двадцать минут, и ты пообещаешь нам все, что угодно, лишь бы мы тебя впустили.

- У меня есть запасные баллоны от скафандров из шкафов на мостике. Проверь, я опустошила весь запас. Я могу продержаться здесь, думаю, около двенадцати часов, а скажи, сколько времени потребуется официальной команде, чтобы добраться сюда? Жду не дождусь твоих объяснений, что тебе понадобилось на их корабле.

Сердитая женщина и Стэн обменялись взглядами, а Леко схватился за угол пульта и прорычал:

- Тогда мы сами выйдем к тебе и втащим тебя внутрь! Ты теперь в нашем пространстве, землянка; мы носили скафандры, когда ты еще не вылезла из пеленок.

- Вот как? Тогда ничего удивительного, что вы до сих пор ходите под себя. Вы дали мне четырнадцать месяцев, чтобы научиться тому, чего я не знала, и я изучила этот корабль изнутри и снаружи. Хочешь поиграть со мной в пятнашки, малыш? Давай, тебе водить!

Лицо Леко заполнило экран, багровое и прочерченное струйками пота; в любую секунду он должен был обнаружить камеру.

- Слушай, ты, вонючка долбанутая, на нашем корабле есть датчики, которые вычислят тебя за тридцать кликов! Даю тебе две минуты на то, чтобы притащить сюда свою задницу, иначе мы сами за тобой придем, и у тебя появится еще один повод мстить нам за то, что с тобой поступили жестко. Я еще никому не позволял посылать меня два раза подряд!

НэН кивнула сама себе - она так и предполагала, что его мотивы, стоящие за всей этой революционной трепотней, окажутся личными, хотя сомневалась, что он сам это понимал. Последнее время она много размышляла о бессознательных побуждениях и о том, до чего они могут довести человека.

- О-о, датчики, это же, наверное, очень сложная техника? И кто будет этим заниматься? Твой парнишка, Стэн? Хм-м... Ты уверен, что он знает, как обращаться с этой штукой?

И тут Стэн, у которого весь день шел наперекосяк, вытащил свой планшет и яростно забарабанил пальцами по экрану. Раздался громкий глухой звук.

- Есть еще пара вещей, которые мы узнали о космических кораблях за последние четырнадцать месяцев, - продолжала НэН. - Они летают почти полностью самостоятельно. На них ставят дерьмовые дешевые системы безопасности, собранные из готовых компонентов. И все шлюзы на них имеют систему ручного управления.

Стэн продолжал стучать по экрану, сдвинув брови. - Что-то странное с

удаленным доступом... он не принимает корабельный пароль! Что значит «Не является числом»?!

Злюка изрыгнула очередное ругательство и кинулась к окну.

- Это были замки стыковочного механизма! - воскликнула она. - Наш корабль...

Леко наконец обнаружил камеру. Склонившись к ней, он прошептал НэН несколько глубоко личных обещаний; впоследствии, на суде, его адвокаты попытаются добиться, чтобы расшифровка записи не принималась к рассмотрению, но их требование будет отклонено.

\* \* \*

НэН пристроила А(и)ду в каком-то зажиме - кажется, это был держатель для чашки - из чистого титана. Вообще корабль был модный, сделанный на Марсе, на двери шлюза значились фамильные логотипы Гуарана и имя Леко, выгравированное как раз над рукояткой ручного управления; НэН использовала его в качестве ориентира во время ужасающего скачка между двумя кораблями. Впрочем, на мостике дизайн был солидный, хотя и немного безвкусный; все четко подписано, удобно расположено. После того как она получила код доступа - благодаря Стэну и его попытке удаленно войти в систему корабля, используя ее софт, - огромный центральный экран ярко и коротко вспыхнул, открыв значок стрелки с подписью:

**[Приступить к навигационному сегменту «возвратный путь»]**

Под ней загудели машины - впервые за полтора года она обрела настоящее ощущение верха и низа! MarsCon E15 скользил назад, прочь из виду. Экран обновился, цветные линии очертили изящные траектории, и затем:

**[Пункт назначения - станция «Фобос»]**

- Ух ты, крошка, нам еще надо как-то убить целый час!

- Пятьдесят пять минут и тридцать две секунды от начала полета, - поправила А(и)да. - Этого времени должно хватить, чтобы закончить нашу прерванную партию в го.

- Ох нет, уж лучше я брошу это дело, пока я выигрываю. Скажем, лет на десять.

- Анализ позиции показывает, что я выигрываю на девять камней.

- Ты не учишь возможности вдохновения, детка. Это распространенная ошибка, - прибавила НэН, поглядывая на дисплей: MarsCon E15 превращался в уменьшающуюся точку. - Открой-ка новый файл проекта: «Марс, триумфальное прибытие Девы Утрат». Прежде всего душ, потом пицца со всем что только бывает - в смысле, вообще со всем! А затем, пожалуй, не помешает немного подредактировать видео перед пресс-конференцией... Хм-м, лучше начать подготовку уже

сейчас. Составь нам сообщение для всех видеоканалов и новостных сайтов на Марсе.

- Подтверждаю. Отмечу, что у нас уйдет приблизительно шестьдесят три минуты на то, чтобы забросить почту через наш обычный анонимайзер, включая световой путь до Земли и обратно. Разве что ты захочешь довериться прокси-серверам семьи Гуарана на Марсе? Возможно, у нас там еще остался аккаунт на имя НЭН.

- Нет, черт возьми, - ответила НЭН и широко раскинула руки. - Отправляй по прямому маршруту. И подпиши «Анна Альварес Мартин, Рино, Невада». А(и)да, дорогуша, мы выходим на свет!

**Перевел с английского Владимир ИВАНОВ**

© Gregory Norman Bossert. Slow Boat. 2010. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2010 году.

СТИВ БЕЙН

**ВАЖНЕЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ**

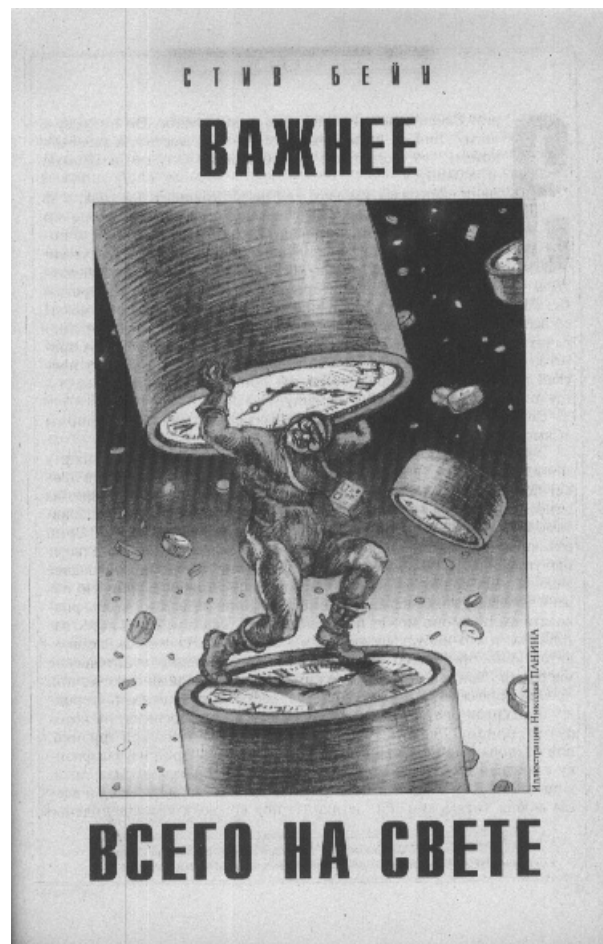


Иллюстрация Николая ПАНИНА

Эрни Сиско знает, что на свете самое важное. Он не сразу к этому пришел, но теперь-то ему точно известно. А знает он, потому что в его тачке как-то забыли одну очень ценную штуковину.

Эрни занимался извозом уже целых тридцать два года, и за это время чего только не забывали пассажиры в салоне его машины. Какие-то совершенно безумные вещи; просто поверить трудно, что такое можно оставить в такси. Ну, бумажники и кошельки - это уж само собой. Так же, как ингаляторы от астмы, всякие эпиляторы, жизненно важные лекарства, без которых пассажиры вполне могут умереть в буквальном смысле слова. Однажды пассажирка забыла в машине ребенка - десятимесячную девочку, спавшую в сумке-переноске; Кроха посапывала прямо за спинкой сиденья Эрни, где он не мог ее видеть, а потому проехал добрых полмили, прежде чем ему пришлось вернуться к месту, где он высадил незадачливую мамашу.

Сегодня эта штука была упакована в серебристый чемодан фирмы «Самсонит».

Эрни подцепил тощего белого парня в международном аэропорту Логэн. Водители не шибко удивляются, когда такого типа ребята просят подвезти их до Гарварда. Пассажир несет два чемодана, явно из

одного комплекта, того цвета, который компании, производящие автомобили, называют «лунный туман» или «серебряный слиток». Эрни размещает больший из них в багажнике. Относительно второго паренек упирается и не желает с ним расставаться, усаживаясь на заднее сиденье. «Да полно же места в багажнике», - говорит Эрни, но парень заявляет, что содержимое чемодана слишком важно, чтобы рисковать им, ведь оно может пострадать, если, скажем, Эрни резко затормозит и кто-нибудь врежется им в багажник. Из этих слов становится ясно, насколько высоко пассажир оценивает водительское мастерство Эрни, но тот лишь пожимает плечами и включает счетчик.

Они приезжают в Гарвард-ярд<sup>\*10</sup> и какое-то время кружат по городку, отыскивая место, где должна состояться конференция, на которую и приехал парень. Она посвящена теоретической физике, или темпоральной физике, или что-то вроде того. Эрни изучал физику в средней школе, но миллион лет назад, и никогда не был силен в предмете. Да и с математикой у него с детства напряг. Зато он всегда любил читать книжки. Загляните под его водительское сиденье и обнаружите там томики с пожелтевшими страницами - «По ком звонит колокол», а также «Дзен и искусство починки мотоцикла»<sup>\*11</sup>. Эрни ничего не знает ни о мотоциклах, ни о дзен, ни о гражданской войне в Испании. Просто он любит художественную литературу, близкую к автобиографической. А в последнее время запал на американских авторов.

Большинство этих гарвардских типчиков ни в грош не ставят Эрни. Они видят коренастого, лысого мужика за рулем, и у них тут же складывается о нем стереотипное представление. Но Эрни отнюдь не задница с ушами. У него неплохо оплачиваемая работенка, позволяющая ему читать днями напролет - если захочется. Припаркуйся на углу Брэттл-стрит и Джеймс-стрит и можешь читать весь день, не опасаясь, что тебя попытаются нанять. Конечно, кое-кто может назвать тебя лентяем - да так оно и есть, имеется по крайней мере одна особа, которая так его и кличет при любой okazji, - но зато Эрни может читать те же самые книги, что и все эти гарвардские типы, и при этом ему не надо отстегивать от 30 до 40 штук ежегодно.

---

<sup>10</sup> \* *Парк в городке Кеймбридж под Бостоном, где находится главный кампус Гарвардского университета. (Здесь и далее прим. перев.)*

<sup>11</sup> \* *Robert H. Pirsig. ZEN AND THE ART OF MOTORCYCLE MAINTENANCE - переложение философии дзен-буддизма на современные реалии, в 70-е годы прошлого века очень популярное в среде американской контркультуры. Книга вышла в 1974-м, стала бестселлером и разошлась тиражом в 5 миллионов экземпляров. Интересно - прежде чем она была напечатана, Пирсиг получил отказ в 121 издательстве, что является рекордом, зафиксированным в книге Гиннеса.*

Эрни высаживает паренька у Кёркленд-хаус\*\*<sup>12</sup>, и, конечно же, пассажир забывает меньший «самсонит» на заднем сиденье. Кампус всегда производит такое действие на новичков. Он прекрасен, особенно солнечным летним днем: все эти зеленые кроны, строения из красного кирпича с белыми оконными проемами. Ну, и добавьте громкую репутацию этого места. Мысли о том, как надо будет себя вести, чтобы произвести должное впечатление на всех здешних «шишек», делают приезжих слегка рассеянными. Люди вроде Эрни для них тут же перестают существовать: они просто направляются к ближайшему строению из красного кирпича.

Эрни, разумеется, тоже не держит ничего в голове и не слышит, как чемодан елозит по заднему сиденью и стучит в дверцы на поворотах, пока не оказывается на траверзе стадиона «Фенуэй». Денежное место: всегда много пассажиров, и они обычно щедры на чаевые, если «Сокс»\*<sup>13</sup> выигрывают. Ребята ведут со счетом 6:0, когда Эрни подъезжает к стадиону, - хороший пассажир прет косяком, думать о парнишке некогда, поэтому Эрни просто перекладывает чемодан в багажник, решив, что если наметится поездка в сторону Гарварда, он там кому-нибудь его передаст.

Когда он перекладывает чемодан в багажник, один из замков открывается, и любопытство берет верх над всеми прочими соображениями. Эрни заглядывает в чемодан.

Внутри обнаруживается странного вида костюм, немного похожий на облачение аквалангистов, вот только по его поверхности тянутся многочисленные медные проволочки. Ткань издает сильный запах неопрена. Цвет ткани - того же голубого оттенка, что у формы игроков «Ройялс»\*\*<sup>14</sup>, а облегающий капюшон и большие очки наводят на мысль, что именно такой прикид необходим, когда ты намереваешься сойтись в рукопашной с Человеком-пауком. На груди имеется стальная коробочка с небольшим экраном и набором кнопок, какие можно увидеть на панели мобильного телефона.

Это все, что успел разглядеть Эрни до того, как над «Фенуэй» вознесся мощный рев. Похоже, кто-то третий раз подряд не смог взять высокий мяч. Эрни быстренько возвращается на водительское место. К тому времени, когда он развез всех доставшихся ему болельщиков, он успевает основательно проголодаться, а разделавшись с порцией

---

<sup>12</sup> \*\* *Один из тринадцати так называемых «домов», в которых проживают студенты, учащиеся на «хорошо» и «отлично», являющихся административными единицами Гарвардского университета.*

<sup>13</sup> \* *«Бостон Ред Сокс» - бейсбольная команда, приписанная к стадиону «Фенуэй».*

<sup>14</sup> \*\* *«Канзас Сити Роялс» - профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной лиге бейсбола.*

диетической шамовки типа BRAT и мягким претцелем<sup>\*\*\*15</sup>, осознает, что его уже тошнит от работы, а посему направляется домой. Дома первым делом усаживается перед «ящиком» и смотрит игру «Сокс» в записи по каналу ESPN. И только после банки пива вспоминает про странный костюм.

Первая мысль Эрни, после того как он разложил костюм на софе: ему ни за что эту шмотку на себя не напялить. Тридцать с лишним лет за баранкой не улучшили его фигуру. Но попытаться-то можно? Паренек сказал: это слишком важно, чтобы подвергать его риску повреждения. Эрни будет очень осторожен, но ведь должен же он узнать, что за хрень ему оставили...

Сапоги слишком велики, а перчатки чрезмерно длинны, ну и, конечно, Эрни пришлось максимально втянуть брюхо, чтобы застегнуть молнию спереди. Запах неопрена перебивает даже застоялый дух сотен сигарет, выкуренных Эрни и Джанин в этой комнате. Коробка из нержавеющей стали висит на тесемке на его шее, так что теперь он похож на всех этих туристов, у которых неизменно болтаются на груди большие черные камеры. А сверху на коробке имеется небольшой экранчик дисплея. Циферки мелкие, прочесть их почти невозможно, пока он не надевает большие очки. А как только Эрни это проделывает, то обнаруживает: на больших пластиковых кругах вокруг стекол располагается множество маленьких, но ярких дисплеев. Очки, похожие на те, что носят лыжники, смещают окраску всего окружающего в сторону желто-оранжевой части спектра, а на дисплеях высвечивается все, на что он переводит взгляд.

Дисплей на груди состоит из двух экранов. На левом можно установить дату и время, а правый представляет собой что-то вроде кухонного таймера. Дата и время малость неправильные: шесть часов утра 13 марта года, идущего за следующим. Эрни выставляет и то, и другое правильно, вернее, только дату, а время - на пять минут вперед. Джанин постоянно корит его за то, что он всегда опаздывает, поэтому пришлось выработать привычку выставлять часы так, чтобы они немного спешили.

Дальше он смотрит на таймер. К этому времени Эрни, невзирая на кондиционер, уже плавает в собственном поту внутри костюма, но не намерен его снимать, пока не разберется, для чего он нужен. Эрни устанавливает таймер на две минуты и нажимает кнопку «Старт».

Мир останавливается. Диктор канала ESPN, говорящий что-то про «Кабз»<sup>\*16</sup>, застревает на букве «а» в слове «Чикаго» и тянет: а-а-а-а-а-

---

<sup>15</sup> \*\*\* BRAT (Bananas, Rice, Applesauce, Toast) - диета, состоящая из продуктов с низким содержанием протеинов. Претцель - посыпанный солью сухой кренделек.

<sup>16</sup> \* «Чикаго Кабз» - профессиональная бейсбольная команда,



а. Из кондиционера доносится ровное, монотонное гудение вместо обычного тарахтения. Тонкая извилистая струйка дыма из пепельницы замерла.

«Ну ни хрена себе!» - вот и все, что может сказать Эрни по этому поводу. Единственное, что, кроме него, движется в целом доме - это циферки на таймере. Даже воздух кажется загустевшим и застывшим в пространстве. Эрни приходится втягивать его в себя, как молочный коктейль через соломинку. Подниматься с софы довольно затруднительно, а ходьба порождает ощущение, что ты идешь по груды в воде.

На подушке софы, где он сидел секунду назад, все еще остается вмятина, сохраняющая формы габаритной задницы профессионального таксиста. Эрни, как сквозь глубокую воду, продвигается к пепельнице, протягивает руку в перчатке и касается дымка от сигареты пальцем. Струйка дыма никак не реагирует на легкое прикосновение, но более сильный толчок каким-то образом ее переламывает, и верхняя часть начинает неспешно возноситься к потолку. Остаток продолжает висеть неподвижно, наподобие вопросительного знака из белой сахарной ваты.

Минуту-другую он пробует воздействовать на всякие предметы. Все, что он пытается сдвинуть с места, кажется приклеенным, но поддается, если приложить больше усилий. А вот кнопки на пульте не беспокоят телевизор, на экране этот как-бишь-его-там все так же продолжает тянуть свое «а-а-а-а-а», и вид у него какой-то нерадостный.

А вот в кухне его поджидают настоящие чудеса. Диетический обед по системе BRAT никак не насытил желудок, поэтому, перед тем как включить телевизор и открыть банку пива, Эрни поставил на огонь воду, чтобы сварить спагетти. Когда он достигает кухни, то видит, что пламя под кастрюлькой выглядит как нарисованное. Язычки его совершенно неподвижны. Вода же кажется кипящей и замерзшей одновременно, пузырьки неподвижны, один из них, самый большой, наполовину лопнул и имеет вид кратера.

А затем - бац! Мир снова начинает двигаться. Пузыри пузырятся. Язычки пламени колеблются и трепещут. Подушка на кушетке расправилась. Диктор ESPN наконец заканчивает то, что он хотел сказать про «Кабз». Эрни бросает взгляд на коробочку у себя на груди и видит: таймер стоит на нуле.

Эрни засыпает в кастрюльку порцию, затем садится перед кондиционером и, обливаясь потом, пытается обмозговать: что же такое тут, к черту, произошло? Спустя четыре с половиной минуты он возвращается в кухню, хватается за ложку и втыкает в лапшу, чтобы снять

пробу.

А затем мир снова начинает выкидывать фокусы.

Вот Эрни держит черную пластиковую ложку над кастрюлькой. А в следующее мгновение в его руке уже только горячая, обвисшая, будто увядшее растение, ручка, а вся поверхность плиты усеяна осколками черного пластика. Рабочая часть ложки кружится в кастрюльке, отходящие от нее оплавленные остатки ручки длиной в полдюйма закручиваются хвостиком.

И вдобавок ко всему спагетти разварились в кашу. Он обнаруживает это, когда сливает воду и выуживает из кастрюльки остатки ложки. И примерно в это же время замечает: на автоответчике мигает красный огонек. Эрни - человек старой закваски. У него имеется автоответчик - большой, черного цвета с коричневым отливом, и вот он дает понять, что получен звонок.

Он проигрывает запись. Это Джанин. Говорит, что будет через несколько минут. Судя по высвечивающемуся времени, звуковое сообщение поступило, когда он стоял у плиты, в двух метрах от телефона. Именно в это мгновение (какое мгновение - миллионная доля секунды!) его ложка для лапши превратилась в кучку обломков.

Тут до Эрни доходит, что Джанин будет через несколько минут, а он одет в костюм для дайвинга, как Бак Роджерс какой-нибудь.

Он начинает яростно стаскивать с себя загадочную одежду, что ничуть не легче процесса одевания. Когда в дверном замке слышится звук поворачивающегося ключа, отчаянно потеющий Эрни одет лишь в боксерские трусы, на нем даже майки нет. Он запихивает голубой гидрокостюм за диван и поворачивается навстречу жене, надеясь, что не выглядит подозрительно.

Джанин бросает на него один лишь взгляд и восклицает:

- Господи, Эрни!

Джанин принадлежит к тому типу женщин, о которых можно смело сказать, что они были в свое время красивыми. Однако сила тяготения довольно безжалостна к тому, что в прошлом приковывало взгляды каждого парня на улице. Да, Джанин, прямо скажем, не та, что раньше, но для Эрни она все еще остается Ритой Хейворт<sup>\*17</sup>.

Эрни, правда, не уверен, что сам дошел до этой мысли, даже в результате вчерашней особенно сильной ссоры, когда она громко хлопнула дверь, покидая дом. А теперь, после такого безумного дня, он чувствует, как здорово снова видеть ее здесь.

- Ты, я вижу, совсем расслабился, - говорит она.

- Просто я как раз переодевался, - отвечает Эрни. - Долгий рабочий день, понимаешь ли...

---

<sup>17</sup> \* *Рита Хейворт* - американская киноактриса и танцовщица, одна из наиболее знаменитых звезд Голливуда 1940-х годов.

- Если бы рабочий день был долгим, - возражает жена, - ты все еще был бы на работе. Но я, собственно, зашла только, чтобы забрать кое-какие шмотки.

Эрни следует за ней в спальню и сметает джинсы с края неприбранной постели.

- Не хочешь остаться на обед? - спрашивает он.

Джанин не отвечает. Не считает нужным.

Она запихивает кучу лифчиков и трусиков в тенниску, добавляя к этому импровизированному рюкзаку еще одну рубашку и пару джинсов. Эрни спрашивает, останется ли она опять ночевать у своей сестры. Да, отвечает она. И уже у порога задает вопрос:

- Господи, Эрни, ты спер что-то у пассажира?

- Нет, - отвечает он, немного поспешнее, всего на секунду, чем надо бы. Эрни всегда гордился своей честностью. Вы не поверите, какое множество таксистов вполне искренне полагают: если пассажир что-то забывает в машине, то, значит, растеряхе не шибко-то и нужно. И Джанин всегда заявляла, что Эрни лучше, чем некоторые его коллеги.

Но сейчас она окидывает супруга холодным взглядом.

- Откуда тогда чемоданчик?

Серебряный «самсонит» все так же лежит на диване. Ответ формируется сам собой.

- Это для тебя, - мягко и очень убедительно произносит он. - Я подумал, может, он тебе понадобится, чтобы уложить вещи.

Глаза Джанин превращаются в ледышки.

- Вот дерьмо! Проявляешь, значит, заботу, чтобы мне легче было собраться и я побыстрее отсюда выметалась?

- Нет, - все так же искренне заверяет он. - Я облегчаю тебе сборы, когда ты надумаешь вернуться.

На секунду она смягчается. Потом складывает одежду в чемодан. Эрни снова предлагает ей остаться на обед.

- Будешь работать полный день, может, и останусь, - отвечает Джанин. После чего уходит.

На следующее утро он поднимается поздно, занятый важными мыслями - о Джанин, о костюме и прикрепленном к нему таймере, - и незаметно оказывается, что уже девять, а повторный сигнал будильника битый час пищит, призывая к подъему. Некоторые таксисты занимаются извозом в те часы, которые им указывает компания, но Эрни таксует на собственной тачке, поэтому он сам себе устанавливает расписание. Частично в этом заключается его проблема в отношениях с Джанин.

Вчера, перед тем как заснуть, он сумел убедить себя, что все не так уж и плохо. Он не украл костюм у паренька. Он с самого начала намеревался его вернуть. Просто забыл это сделать. И с Джанин все не так уж скверно. Да, конечно, она кипела от ярости, но обручального

кольца с пальца не сняла. У них с Эрни в этом плане разные темпераменты. Джанин очень долго копит обиды, прежде чем дать выход эмоциям, а потом долго отходит. У Эрни характер взрывной. Он быстро вспыскивает, быстро выплескивает наболевшее и быстро утихомиривается.

Но ему нравится, пусть и обусловленное, но все же согласие пообедать с ним. Жаль, что не сегодня, поскольку уже никак не получится отработать полный день. И по деньгам не наверстаешь. Он пропустил утренний час пик, а «Сокс» сегодня играют на выезде.

Эрни собрался еще подремать, когда его осенила идея использовать костюм. Вчера он твердо решил больше не связываться с этой штуковиной, но это было до того, как он проспал утренний час пик. А теперь ничего другого ему не остается. Но, разумеется, перед тем как испытать костюм в деле, он должен малость поэкспериментировать.

Он выставляет таймер на костюме точно так же, как вчера, - на две минуты, а часы по-прежнему на пять минут спешат. Но на этот раз Эрни не стал надевать костюм, он просто поднял его над головой и, нажав кнопку «Старт», одновременно слегка подбросил вверх.

Безо всякого перехода костюм оказывается на полу. Он не падал, но он там. Только что Эрни видел его у себя над головой, и вот он валяется у ног.

Ему приходится ждать пять минут до следующей части эксперимента, и за этот отрезок времени Эрни начинает беспокоиться. А если костюм радиоактивен? Возможно, ему следовало надеть свинцовый бандаж?

По истечении пяти минут Эрни на пробу тычет в костюм большим пальцем ноги. Костюм даже не шевелится. Тогда он его пинает. На неопреновой ткани и морщинки не возникает. Более сильный пинок приводит к ушибу ступни.

Просто для прикола он выливает на костюм стакан воды. Похоже, вода обтекает одежду, даже не прикасаясь к ней. На оранжевом ковровом покрытии расплзается темное пятно, но ни капли воды не задержалось на неопрене. И еще две минуты, чтобы он ни делал, на костюм это не производит никакого эффекта.

К этому времени, как кажется Эрни, у него уже сформировалось достаточно четкое понимание, что это за костюмчик и для чего служит. Главное: это маленькое сокровище - конец всем его заботам. Плевать на полный рабочий день, нужно сделать так, чтобы Джанин захотела к нему вернуться, а с этой штукой он на все способен.

Эрни запикивает костюм в старую туристическую сумку и отправляется в деловую часть города. Он не включает огоньки, сигнализирующие о том, что машина свободна, он не раскатывает, высматривая потенциальных пассажиров, мимо госпиталя или гостиниц на Хантингтон-авеню, он даже не озаботился известить диспетчера о выходе на линию. Все его заработки - пустяк

сравнительно с тем, что может дать ему загадочный костюм.

Эрни паркуется у первого попавшегося крупного магазина, заходит внутрь с туристической сумкой в руке и спрашивает пожилого мужчину за кассовым аппаратом, можно ли воспользоваться туалетом. В умывальной комнате он переодевается в костюм, устанавливает часы на час вперед, а таймер - на десять минут. Затем нажимает кнопку «Старт».

Снова тяжело дышать, а дверь открывается так, будто расположена под водой. Но зато весь магазин застыл в неподвижности. Секундная стрелка на часах не движется, а хот-доги не вращаются на своих шампурах.

Пробираясь к кассовому аппарату, Эрни ощущает, словно месит грязь на проселочной дороге в суровую распутицу. За прилавком стоит небольшой портативный приемник, но трудно сказать, что за вещь сейчас звучит из его динамика, поскольку оттуда вырывается одна-единственная нота. Старый хрыч за прилавком пялится на вырез грудастой восемнадцатилетки, покупающей номер «Космополитена» и сигареты. Глаза девицы почти закрыты - это она просто моргнула, рот приоткрыт, меж зубов растянута жевательная резинка. Руки девицы и старика застыли, кассир дает ей сдачу, и цепочка монет тянется в воздухе от его застывших пальцев к ее неподвижной ладони. Ящик кассы открыт.

Вытягивать черный пластиковый ящик необыкновенно трудно, не только потому, что он как будто приклеился к своему гнезду: просто Эрни, памятуя судьбу струйки сигаретного дыма, которую он смог разорвать на части и пустить в свободный полет, опасается задеть старика и каким-то образом ему навредить. Ему понадобилась минута, чтобы извлечь ящик из гнезда. Одна минута, чтобы огрести гонорар за целый день непрерывной работы, да и то при условии, что щедрый пассажир идет косяком. Если бы он мог использовать ногти, то подцепить стодолларовые купюры не составило бы труда, но на руках перчатки из голубого неопрена толщиной миллиметра в три, поэтому приходится использовать ребро монетки в 25 центов. Эрни забирает все три сотенные купюры и пятидесятидолларовую, оставляя в ящике лишь чеки.

Он снова перемещается в туалет, с трудом открывает дверь и подхватывает свою туристическую сумку. Таймер на груди показывает, что у него в запасе четыре минуты. Еще минута уходит на то, чтобы открыть дверцу одного из холодильных шкафов и извлечь оттуда банку «Доктора Пеппера». Еще минута, чтобы преодолеть препятствие в виде входной двери в заведение. Полсекунды, чтобы сообразить: если он уйдет сейчас, то, кроме девицы и старика-кассира, на ленте камеры будет зафиксировано передвижение в сторону туалета приземистого лысеющего белого мужчины, который назад так и не вышел. Эрни

снова возвращается в туалет, запирается в кабинке и ждет.

Когда на таймере выскакивает ноль, он стягивает костюм и запикивает его в сумку. К тому времени, когда он выходит в общий зал, девица уже покинула магазин, а ничего не подозревающий старик спокойно стоит за кассой. После ухода девицы он еще не открывал ящик.

Часы на приборной доске показывали 11:00, когда грабитель припарковался у магазина. Когда Эрни снова заводит мотор, они показывают 11:04. Да у него полно времени!

По пути домой Эрни заскакивает в другой магазин и покупает небольшой серебристый «самсонит», в точности такой, какой он отдал Джанин вчера вечером. Чек кладет в бумажник, а по возвращении домой прячет приобретенный чемодан в куче хлама, накопившегося под лестницей, ведущей в подвал. И ждет.

Незадолго до полудня Эрни устраивается перед будильником в ожидании, когда тот подает сигнал. Он сидит на краешке кровати и пялится на красные циферки 11:59. И смаргивает.

Когда его глаза снова раскрываются, на циферблате высвечивается 12:10.

Он не проспал эти десять минут. Эрни это точно знает. Просто время проскочило мимо него, как киношка, на которую он не купил билета. Таксист снова выходит на большую дорогу с костюмом в туристической сумке.

Оказалось, что в первом магазине ему просто повезло. По отработанной схеме Эрни воспользовался туалетом на заправочной станции, но когда вышел к кассовому аппарату, денежный ящик оказался закрыт, и, что бы Эрни ни делал, ничто не заставило его открыться. Эрни решает сорвать хотя бы шерсти клочок, выходит наружу и пытается на халяву заправиться. Ему удается протянуть шланг к машине и воткнуть его в отверстие бензобака, но сколько он ни давит на рукоятку, никакого эффекта это не производит. Бензин не желает вытекать в бак, будто замерз.

Десять минут уходят впустую. Следующую попытку Эрни предпринимает в «Данкин Донатс»<sup>\*18</sup> - и с тем же результатом. После чего начинает что-то соображать и следующий набег совершает на заправочную, где полно клиентов. По идее, тут больше шансов, что ящик кассового аппарата будет открыт.

В ящике лежат пятьсот тридцать баксов, если считать только крупные купюры, начиная от двадцаток и выше. Более мелкие Эрни оставляет в кассе, этим людям тоже надо что-то есть, а он в глубине души парень неплохой. За вычетом суммы, потраченной на покупку «самсонита», за день он собрал почти семь сотен. Неплохо. Очень даже неплохо.

---

<sup>18</sup> \* «Данкин Донатс» - международный ретейлер пончиков и кофе.

Но на этот раз, когда он выходит из сортира, кассирша успевает обнаружить пропажу. Она видит, что выручка пропала, но не понимает, каким образом.

У Эрни чуть сердечный приступ не случился, когда кассирша стала угрожать, что запрет помещение заправочной, чтобы никто не вышел, и вызовет полицию.

Но везение не оставляет Эрни: у магазинных полок тусуется парочка чернокожих юнцов в майках чарльстонского футбольного клуба. Общество таково, каково оно есть, а это значит, что никто в этом городе не заподозрит в ограблении заправочной белого мужчину средних лет с расплывшейся фигурой, когда в наличии имеются два чернокожих паренька.

Эрни делает все, чтобы свалить из заправочной как можно быстрее. Пацаны не попадут в тюрьму. Никаких улик против них нет. Так Эрни успокаивает свою совесть, и он, в общем, прав. А еще он говорит себе, что нет особого смысла возиться с пассажирами и потому едет напрямик домой, откупоривает банку пива и ждет звонка Джанин.

Она даже не потрудилась позвонить, а заявила напрямик к нему.

- Где тебя носило? - спрашивает она.

Хоть бы поздоровалась для приличия.

- Я работал, - с достоинством отвечает Эрни и показывает ей солидную пачку. - Денек сегодня выпал удачный.

И он рассказывает ей историю про парочку французских бизнесменов, которых подцепил в аэропорту, а они ни хрена не врубались в нашу систему чаевых и всучили ему по сто баксов каждый.

- Бред собачий, - обрывает его Джанин. - Твоя диспетчерша звонила мне, - продолжает супруга, - она пыталась как-то связаться с тобой. Говорит, какой-то паренек названивал каждые десять минут и спрашивал, не вернул ли кто-нибудь чемодан, который он забыл в машине вашего парка. Серебряный такой чемодан. Ничего не напоминает?

- Гм... ну, да, - произносит Эрни. - Типа того, что я тебе купил.

- В точности такой же, - сурово говорит Джанин. - И не пытайся меня заболтать.

Эрни и не пытается. Он просто достает из бумажника чек на покупку чемодана. Как удачно, что дата на чеке залита «Доктором Пеппером» и ее теперь не разобрать!

- Ты крутишь, - продолжает прокурорствовать Джанин. - Диспетчер сказала, что ты за весь день ни разу не позвонил, чтобы у нее отметить. А теперь у тебя столько чаевых, что и в два дня не хватать. Что происходит?

- Ничего, - отвечает Эрни.

Он, мол, целый день обслуживал направление к аэропорту, поэтому диспетчеру звонить не имело смысла.

Джанин ему не верит. Эрни пытается уговорить ее остаться на обед. Джанин не покупается.

- Ну чего ты? - уговаривает он. - Ты же обещала вернуться, когда у меня будут деньги.

- Не в деньгах дело, - говорит Джанин. - А в ответственности. Мне надоело в последнюю минуту хватать сверхурочную работу и выходить на дополнительные смены только потому, что вдруг выясняется: нам нечем платить по счетам. Спокойной ночи, Эрни.

- Спокойной... - бормочет он. Что еще он может сказать?

\* \* \*

Не проходит и часа, как Эрни соображает: вечер еще только начинается, а делать ему совершенно нечего, к тому же быстро заснуть после всех эти разборок с Джанин он вряд ли сможет. Эрни садится в машину и звонит в диспетчерскую, не завалюсь ли там у них парочки пассажиров для него. Роберта, диспетчер, отвечает вопросом на вопрос и интересуется, где он пропал целый день. Эрни говорит: «Большое спасибо», - и подает совет, куда она может вставить свои вопросы. А далее отправляется на улицу отлавливать пассажиров.

Один из них высаживается буквально в полумиле от Гарвард-ярда. Эрни, разумеется, не может не думать о том пареньке. Он даже проезжает вперед по Массачусетс-авеню, однако в Гарвард-ярде пусто и темно, как обычно и бывает, когда занятия заканчиваются. Но внезапно Эрни видит, что мимо Мемориальной церкви\*<sup>19</sup> движется группа, человек этак десять - пятнадцать. По большей части это индийцы и китайцы, но за ними, чуть отстав, плетется высокий, тощий белый парень. Таксист узнает того, кто забыл в машине чемодан.

Эрни проезжает полквартала и останавливается на парковке. Мотор не глушит и сидит, наблюдая происходящее в зеркальце заднего вида. Вскоре в поле его зрения вновь появляются индийцы, китайцы и тощий парень. Они сворачивают на Данстер-драйв, и Эрни соображает, куда они направляются. Он глушит мотор, включает сигнализацию и тоже направляется к пивной.

Пивная Джона Гарварда - это заведение, куда вы непременно попадете, если вы приезжий и у вас как раз завершилась конференция. Пивная находится поблизости, она популярна, и у нее есть некая привлекающая туристов атмосфера. Когда Эрни заходит в пивную,

---

<sup>19</sup> \* Мемориальная церковь построена в Гарварде в 1932 году в память о выпускниках Гарвардского университета, погибших в Первую мировую войну.



индийцы и китайцы уже пьют в углу, ведут себя именно как буйные туристы, разговаривают громко, перебивая друг друга. Тощий парень торчит за стойкой бара отдельно от них, сгорбившись над кружкой пива, будто нашептывает ей какие-то тайные признания.

Таких Эрни раньше видел только на фотографиях восточно-африканских беженцев или узников Освенцима. Подобная худоба привлекает взгляды. Эрни старается не слишком пялиться.

Паренек приканчивает свое пиво и тут же заказывает следующую кружку. Эрни садится через два высоких табурета от него и заказывает «Летнюю блондинку». Несколько минут оба сидят спокойно, занятые своим пивом. Потом паренек оборачивается и окидывает Эрни взглядом. Глаза у него красные, веки воспаленные. И взгляд какой-то неприятный. «Жестокий», пытается охарактеризовать его Эрни. Но выражение лица парня говорит о том, что он Эрни не узнал.

Эрни спрашивает паренька, как, мол, дела. Отлично, отвечает тот.

- А по виду не скажешь, - выражает сомнение Эрни.

- Ну, - отвечает паренек, - пожалуй, да, последние два дня у меня сплошной напряг.

Он залпом выпивает остатки пива. Эрни тут же заказывает ему еще.

- И в чем дело? Работу потерял или что-то вроде того?

- Ну, можно и так сказать, - мрачно произносит худощавый. - Потерял. Работу. Друзей. Будущее. Возможно, жену. Не знаю.

- Иди ты! - восклицает Эрни. - Не может быть, чтоб вот так хреново! Ты ж еще молод и полон задора. У тебя вся жизнь впереди.

В ответ получает презрительный взгляд.

- Банальности и пиво! - заявляет паренек. - Именно то, что мне позарез нужно для решения моих проблем.

- Эй, не горячись, - примирительным тоном произносит Эрни. - Я просто пытаюсь помочь. Ты парень сообразительный, ты молод... а кстати, сколько тебе?

- Это зависит от того, с какой стороны смотреть... - начинает ответ паренек, но, перехватив подозрительный взгляд Эрни, тут же меняет тон: - Двадцать девять.

- Ну вот. Уйма времени впереди.

- Мистер, - возражает парень, - не хочу вас обидеть, но я знаю о времени гораздо больше, чем вы можете себе представить.

Вот она, нужная Эрни зацепка. Когда-то пассажиры такси болтали с водителями. В наши дни они сидят на заднем сиденье, уткнувшись в свои сотовые телефоны, айпады или что там еще, но добрых двадцать лет, большую часть своего рабочего стажа, Эрни занимался тем, что поддерживал беседы с пассажирами. Он все еще не утратил этого навыка и запросто может подтолкнуть разговор в нужном направлении.

Поначалу Эрни только имитирует интерес, но пареньку действительно есть, что сказать. Лишь только он заводит речь о своих исследованиях,

прервать этот поток оказывается возможным лишь на короткое время, достаточное для заказа очередной кружки. По правде говоря, Эрни не понимает и половины из того, о чем толкует ему собеседник. В свое время Эрни намеревался включить в свой список книг на прочтение работы таких авторов, как Хокинг, Грини и Тайсон; теперь он раскаивается, что не успел их освоить. Любимый букинистический магазин Эрни, где книги можно приобрести почти даром, находится как раз через площадь, и он почти сожалеет, что магазин сейчас закрыт - нельзя туда сгонять и хорошенько порыться на соответствующих полках.

Но если этот вариант отпадает, то следует сосредоточиться на том, что говорит ему парень. Таксист понимает: растеряха - вундеркинд, гений в области физики. Эрни никогда не посещал колледж, но знает: нужно быть гением, чтобы к двадцати девяти годам забабахать две докторские диссертации.

И хотя большая часть того, что рассказывает собеседник, выше его понимания, Эрни все же усекает: началось все задолго до создания костюма. Первые эксперименты проводились с пробами радиоактивного материала. Эрни вроде бы как-то раз слышал его название. Цезий - так он называется. Парень разъясняет ему, как можно использовать то, что этот материал излучает, для измерения хода времени. Он что-то рассказывает про период полураспада, про атомные часы и про кучу других вещей.

Основные положения Эрни понимает достаточно хорошо. В общем, суть заключается в том, что парень и его руководитель нашли способ заставить образцы этого металла «проживать» какую-то часть своего будущего в настоящем.

- Да ты что? - восклицает Эрни. - Такое невозможно!

- Это точно, - говорит парень и обрушивает на голову Эрни очередную дозу откровений, которым он никогда в жизни не поверил бы и даже не понял, о чем речь, если бы не видел, как костюм все это проделывает. Все это как-то связано с «четырёхмерным пространством-временем» и с тем, что время есть причинно-следственная связь, - а что такое причина и следствие, как не передача энергии?

В течение следующего часа слегка залитые алкоголем мозги Эрни смогли все же усвоить идею, что мы накапливаем энергию, трансформируем и преобразуем ее, и этот круговорот длится долгое-долгое время, ну, а причинность - это разновидность энергии, так что если ты понимаешь все правильно, то можешь поменять местами причину и следствие. Эрни пытается подвести итог следующим образом:

- То есть, ты хочешь сказать, что вы овладели путешествиями во времени?

- Это не путешествие во времени, - возражает парень. - Это, скорее,

заимствование времени. Представь себе цепь - ты изымаешь звено из дальнего конца и вставляешь его в близкий к тебе кусок.

Парень допивает свое пиво, и Эрни сигналил девице за стойкой, чтобы та озаботилась новой порцией для них. Парень в смысле выпивки явно не тяжеловес, но Эрни должен признать, что соображалка у него продолжает работать даже после стольких кружек. Эрни отстал от него на пару бокалов, но тем не менее постоянно находится на грани того, чтобы потерять нить беседы.

- Забудь про цепь, - говорит парень и снова возвращается к радиоактивным пробам. В конце концов перед внутренним взором Эрни возникает картинка. Берешь два таких образчика цезия, совершенно одинакового размера, и один из них вставляешь в машину, которая делает то же, что и попавший к Эрни костюм. Далее настраиваешь машину, чтобы она позаимствовала один час из того периода сегодняшнего дня, который начнется в час пополудни. Включаешь машину и - бац! - образчик номер один, который в машине, становится вдруг меньше, чем его собрат номер два. Затем, в час дня, также неожиданно образец один перестает вдруг быть радиоактивным. И остается таким в течение часа - ничего не излучая и больше не сжимаясь. А в два часа оба образца снова становятся радиоактивными и возвращаются в точности к исходному размеру.

Все это какое-то безумие. Но костюм-то - реальность!

Прежний Эрни, услышав все эти залепухи, без сомнения и промедления заявил бы, что у парня просто-напросто тараканы в голове, да только вот беда - нынешний Эрни весь сегодняшний день провел именно за такими экспериментами.

- Ну, так и что тут такого? - говорит он. - Дай мне молоток и зубило, и я тебе быстренько сделаю так, что любой кусок металла уменьшится.

- Что такого? - переспрашивает парень и бросает на Эрни кривой взгляд, как будто тот спросил его, что лучше: пятицентовик или стодолларовая бумажка. - А то, что мы не ограничились экспериментами с образцами цезия, - поясняет он. - Мы создали костюм.

И он выкладывает Эрни все про эту одежду.

Эрни врубается. Костюм - это прямо-таки куча денег, причем на халяву. Идеальный незаполненный чек на предъявителя. По словам собеседника, типы из колледжа решили проверить, может ли нечто, заимствующее время из будущего, вытащить оттуда в свой временной поток что-нибудь еще. Но у Эрни-то уже созрели планы пограндиознее. И у него есть более серьезные вопросы, но он не может задавать их прямо в лоб, рискуя навести парня на мысль, что костюмчик-то у него. Поэтому он просто сидит. И слушает. И ждет.

Когда поток красноречия у паренька слегка иссякает, Эрни заявляет:

- В этом костюме ты можешь делать все, что захочешь, верно? И

никто тебе не помешает, так? Потому что ты - единственный в мире путешественник во времени. Дружочек, раз уж ты тут плел про причинно-следственные связи, то вот тебе пример причины без следствия, действий без последствий. У тебя на руках идеальная и бесплатная отмазка от любой тюрьмы.

- Это не бесплатно, - слышит он возражение. - Последствия есть, и очень даже серьезные.

Ну, наконец Эрни подвел пацана к тому, что хотел от него услышать.

- Какие последствия? - спрашивает он. - Неужто у этого вашего способа путешествий во времени есть теневые стороны?

- Во-первых, это не путешествия во времени, - отвечает парень. - А во-вторых, это не бесплатно. Даром ничего не дается. Это ведь одолженное время. Посмотри на меня: если будешь долго заниматься заимствованием времени, то разрушишь свою жизнь.

У Эрни холодеет внутри. Он так и думал. Он просто знал это. Должен, непременно должен быть какой-нибудь подвох. Рак. Все, что угодно. Но он не может позволить, чтобы эти мысли и эмоции отразились на его лице. Он просто спрашивает:

- Что ты имеешь в виду? По мне, так на покойника ты не тянешь.

- Пока нет, - отвечает парень, - но я живу на заимствованном времени.

Он издает горький смешок и осушает кружку. Они уже пропустили по четыре. Эрни заказывает еще.

- Моя жизнь больше не моя, - признается ему юный физик. - Дочь родилась на следующий день после того, как утвердили мою вторую заявку. Сита Мари. Жена из индийской семьи. Прелестная девочка.

Физик делает паузу, чтобы глотнуть пива.

- У меня маленький ребенок, - продолжает он, - мне надо написать две диссертации и уложиться при этом в один год, пока не иссякли деньги в счет выданного гранта. Вы можете представить, какое давление я испытывал? Нет, конечно же, не можете. Года мне не хватило, мне нужно было еще время.

В его глазах снова появляется непонятное выражение.

- Я надевал этот костюм, - говорит физик. - Каждую ночь, как только Лакшми и Сита засыпали, я устанавливал таймер на восемь часов. Поначалу я хотел использовать это время для записей, но компьютер не работал: я бы мог еще как-то перетащить в свой временной поток клавиатуру, но только не электроны в проводах. Поэтому я писал днем, а добавочные восемь часов использовал для чтения специальной литературы. Я закончил свои тезисы по поводу частной теории относительности Пуанкаре за десять месяцев. И второй диссер уже тоже наполовину готов.

- Давай начистоту, - говорит Эрни. - Ты проделывал это каждую ночь?

- Больше года у меня в сутках было по тридцать два часа, - отвечает парень.

- Боже! - восклицает Эрни. - Не удивительно, что ты так изможден. И сколько же времени ты позаимствовал?

- Восемь часов каждую ночь дают в сумме без малого сто двадцать два дня. - Физик хихикает в кружку. - Я бы сейчас уже и до сто пятидесяти дошел, если бы проценты нарастать не стали.

Эрни не врубается, о чем и сообщает парню.

- Дело в последнем нашем открытии, - поясняет физик. - Шесть недель назад мы попытались использовать секундомеры вместо образцов цезия, чтобы сделать результаты экспериментов более наглядными и понятными для простых людей. Вы же понимаете: нам нужно выбивать финансирование. Нам и в голову не приходило, что к процессу заимствования времени причастна радиация.

Эрни сглатывает. Рак. Значит, костюм все-таки радиоактивен! Затем он сообщает, что парень говорит не про костюм, а про цезий. Но даже осознав это, Эрни не перестает тревожиться.

- Позаимствуй минуту из будущего секундомера, - продолжает парень, - и увидишь, что когда он вернется в общий временной поток, то будет забегать вперед не на минуту, а чуть больше. Мы так до сих пор и не установили причину. Мой руководитель полагает, что это как-то связано с массой: образцы цезия всегда становились легче, когда возвращались в основной поток времени. Но я думаю, тут все-таки что-то, связанное именно с радиацией. Как бы там ни было, расхождение возрастает по экспоненте в зависимости от количества позаимствованного времени. Позаимствуешь час, а окажется, что часы по возвращении забегают вперед на шестьдесят шесть минут.

- А если восемь часов?

- Девятьсот пятьдесят с чем-то минут. Когда настанет время, мне придется заплатить за каждые восемь заимствованных часов почти шестнадцатью часами.

Физик приканчивает кружку, а Эрни обеспечивает поступление новой выпивки.

- В моем водительском удостоверении написано, что мне двадцать девять лет, - продолжает парень. - А хронологически мое тело приближается к своему тридцать первому дню рождения.

«Ну, я щас разрыдаюсь, - думает Эрни. - Мне пятьдесят три, и я на грани развода, а парень убивается по поводу тридцати одного года».

Разумеется, Эрни и не думает озвучивать эти мысли. Он спрашивает физика, из какого периода будущего тот заимствует время.

- Из следующего лета.

- И что тогда случится?

- Я все спланировал, - слова физика звучат так, как будто они расталкивают друг друга в стремлении вырваться из его рта. - Это должно было произойти летом, и я намеревался выскользнуть из

временного потока. Обеспечить себе постдок\*<sup>20</sup>, найти небольшую хибару в лесу и просто выпасть из времени. А теперь, теперь... - Дальнейшая его речь делается совершенно неразборчивой.

- Ну-ну, - подбадривает его Эрни, - не расклеивайся, соберись. Что с тобой тогда произойдет?

- Я выпаду из времени, - повторяет парень. Глаза его покраснели, он, похоже, готов расплакаться. - Когда наступит момент, начиная с которого я заимствовал время, я просто окаменею. В какой позе я буду находиться к этому моменту, в той и застыну. И останусь таким с 15 мая будущего года по март месяц следующего за ним.

- Типа в коме? - уточняет Эрни.

Парень качает головой. Когда речь заходит о науке, он вроде трезвеет и приходит в себя.

- Я вообще не буду ощущать хода времени. Для других я превращусь в статую. Мое сердце перестанет биться. Остановится дыхание. Если меня попытаются воскресить, из этого ничего не получится.

- Господи, - ужасается Эрни. - Но ведь так ты можешь проснуться в могиле!

Физик кивает:

- Я все предусмотрел. Оставлю ясные указания, чтобы меня кремировали.

- Ты что, совсем сдурел? Хочешь прийти в себя в пламени печи?

- Не забывайте, что сгорание - тоже перемена. Но все перемены происходят во времени. А оно уже потрачено! Я окажусь вне времени.

- То есть с тобой ничего не может случиться? - уточняет Эрни.

Парень снова одаряет таксиста угрюмым, холодным взглядом.

- Предположим, первая, кто меня обнаружит в этом состоянии, будет моя дочь. Ей исполнится почти два годика. А ее отец будет даже хуже, чем коматозник. Зомби. Вампир.

- Ну, - возражает Эрни. - Ты ей объяснишь. Или твоя жена объяснит. У тебе ведь еще год в запасе, верно?

- Тогда представьте, что это случится, когда я буду вне дома, - гнет свое физик. - В месте, где никто меня не знает. Или за рулем. Со мной-то ничего не случится, но передавлю прохожих.

- Не-а, - настаивает Эрни, - ты парень смысленный. Ты не допустишь такого. Готов спорить, что у тебя уже есть какой-то план.

- Вам интересен мой план? - спрашивает физик, и на его лице появляется выражение, как будто его вот-вот стошнит. - Грандиозный план состоял в том, чтобы добиться постдока - мой научный руководитель заверял, что тут все должно быть в порядке. Мол, наши эксперименты сделали меня фаворитом. Я забиваю себе место

---

<sup>20</sup> \* *Post-doc* - временная (1-2 года) ставка научного сотрудника после защиты диссертации.

стипендиата, занимающегося научной работой, на осенний семестр будущего года. Я беру летний отпуск, чтобы «дописать», - физик пальцем рисует в воздухе кавычки, - работу, а сам нахожу какую-нибудь хижину в лесу. Я выпадаю из времени на все лето, возвращаюсь в середине октября и быстренько стряпаю из уже имеющегося материала научный труд, а между делом рассылаю свое резюме в престижные фирмы.

Эрни пожимает плечами. План выглядит вполне разумным.

- Не врубился еще? - спрашивает физик. - Этот план был хорош, пока я не сомневался: выпаду из времени на пять месяцев. А после того как мы открыли это расхождение и все пришлось пересчитать, знаете, сколько времени мне придется вернуть вместо заимствованного?

- Думаю, больше пяти месяцев...

Голос парня становится хриплым и звучит холодно.

- Если я прекращу заимствование прямо сегодня, - говорит он, - то мне светит триста один день, четырнадцать часов, пятьдесят две минуты.

Цифры слетают с его языка с такой же легкостью, как если бы он произносил номер своей карточки социального обеспечения.

- Ко времени моего возвращения все лучшие рабочие места уплывут, я перестану быть стипендиатом, и у меня на руках не будет ровным счетом ничего, что бы я мог представить руководству. Ничего! И я пропущу Рождество с Ситой. Она в таком возрасте, что и не вспомнит, кто я такой. И что мне делать, Господи?

Он едва не плачет, что заставляет Эрни ерзать на табурете.

- Сынок, - говорит он парню, - я тебе вот что скажу, и ты уж мне поверь: если это худшее, что может сделать тебе костюм, то ты ничем от всех остальных не отличаешься. Я-то думал, ты будешь рассказывать, как костюм довел тебя до сердечного приступа. Seriously, парень: ничего с тобой такого не случится, когда ты выпадешь из времени? Рак там или еще чего?

- Я отвечу на ваш вопрос, - произносит физик, - после того как вы мне его вернете.

Эрни давится и брызжет пивом. Затем напускает на лицо самое невинное выражение и спрашивает парня: о чем это он?

Настроение физика к этому времени резко меняется, как будто он все свои эмоции спустил в унитаз.

- Да вы сами посудите, - говорит он ровным голосом, - как правило, таксисты не обсуждают в барах проблемы темпоральной физики.

Чертовски смысленный паренек! Эрни косится на свою рубашку, пиджак, руки, пытаюсь сообразить, что его выдало. Но ничего не может придумать, поэтому просто спрашивает:

- А откуда ты знаешь, что я таксист?

- Вы везли меня из аэропорта, - отвечает физик.

- А я-то думал, ты меня не узнал, - признается Эрни.

- Я так и понял... А теперь к делу: костюм с вами или придется ехать к вам домой?

Когда они уже сидят в машине - физик на заднем сиденье, Эрни снова спрашивает:

- Ну, а все-таки, когда используешь костюм, есть риск или нет?

- Ну, если считать, что нет ничего страшного в том, чтобы жить в позаимствованном времени, то тогда, конечно, все не так уж и плохо.

Они отъезжают от бара и вливаются в уличное движение. У Эрни слегка кружится голова. Он явно не в той форме, чтобы садиться за баранку, но парень пригрозил вызвать полицию, если Эрни не вернет костюм немедленно. Пришлось согласиться, однако по дороге Эрни все еще пытается запудрить мозги своему пассажиру.

- Послушай, - говорил он, - посмотри на себя. Тебя пригласили в Гарвард, чтобы ты мог продемонстрировать этот костюмчик. Ты ведь здесь именно за этим, так? Если бы не костюм, мы бы никогда не встретились, потому как тебе незачем было бы ехать на конференцию...

Физик весело ржет.

- Вы шутите? Я здесь только потому, что, сюда пригласили моего руководителя, а он намеревался представить меня... ну, не важно. Костюм! Да я вообще не должен был выносить его из лаборатории! Вы хоть в малейшей степени представляете, в какой глубокой заднице я буду, если не смогу вернуть его назад?

- Эй, расслабься, - отвечает Эрни. Алкоголь уже серьезно завладел им, слова парня слышатся невнятно, а сам он чувствует излишнее возбуждение, и ему не хочется признаваться самому себе, что он пьян в дымину. - Я только хочу сказать, что все уже позади, не так ли? Ты меня подловил, сынок. Я везу тебя к твоему костюму. А ты все жалуешься, что эта штука разрушила твою жизнь. Как же так?

- Вам-то это следует знать, - отвечает парень. - Вы ведь тоже его надевали.

Эрни на миг хочет соврать, что это не так, но тут же понимает бессмысленность лжи.

- Ну да, - соглашается он. - В нем труднее двигаться. Труднее дышать. Когда пытаешься взять деньги, они как будто приклеены. Но должен тебе сказать, что если это все, то я бы согласился.

- В самом деле? - в зеркальце заднего вида Эрни видит направленный на себя крайне неприятный взгляд парня. - А вот меня учили, что это очень высокая цена, когда ты должен предавать свои жизненные ценности. Или, упоминая как бы приклеившиеся деньги, вы имели в виду свои собственные? А мне вот почему-то кажется, что вы их крали, верно?

Эрни чувствует, что его щеки горят. «Лучше, чем некоторые твои коллеги», - так Джанин всегда про него говорила. «Она ошибалась, -



угрюмо думает Эрни. - Видимо, мы оба ошибались».

Эти мысли заставляют Эрни чувствовать себя крайне неудобно, и он поступает, как всегда в таких случаях, - пытается заглушить их болтовней.

- Ну, так и что? Ты сам это сказал: я вывел себя из сферы действия закона причины и следствия. И всего-то минут на десять... какие от этого могут быть последствия?

- А что еще вы сделали? - спрашивает парень. - Случайно не обнаружили, что стали лгать гораздо чаще? Чаще стали нарушать разные правила? Даже и тогда, когда на вас нет костюма?

- Эй, не надо на меня давить. Что ты знаешь о жизни?

- Я знаю, что никогда не хотел врать своей жене. Я знаю, что человеческий организм не слишком приспособлен к тому, чтобы в сутках было 32 часа. Я знаю...

Эрни по интонации чувствует, что парень и рад бы замолчать, но алкоголь развязал ему язык, и он просто не может прервать словоизвержение.

- Я знаю, что когда первый раз я случайно заснул, работая в костюме, я поклялся самому себе больше никогда не допускать такой бессмысленной траты времени и с тех пор каждый раз принимал эпинефрин<sup>\*21</sup>. И теперь я не уверен, что смогу остановиться. В нормальном времени, чтобы погасить действие эпинефрина, я принимаю снотворное и не уверен, что смогу и с него соскочить.

Парень, наконец, ударяется в слезы.

- И зачем все это было нужно? - спрашивает он.

Эрни не по себе. Он не переносит зрелища плачущего взрослого мужчины. Возможно, потому что так было воспитано его поколение. Возможно, это просто старомодный мачизм. Как бы там ни было, во всем мире не хватит пива, чтобы заставить Эрни лить слезы перед человеком, которого он едва знает. Эрни избегает смотреть в зеркальце, как будто опасается увидеть там свою голую сестру.

- Для того чтобы уложиться в один год, - отвечает физик самому себе.

- И попал в зависимость от стимуляторов и снотворных, чтобы иметь возможность прочесть больше материала. Чтобы получить работу, а после только и делать, что мучиться угрызениями совести, потому что ты обошел других, пользуясь бесчестно полученным преимуществом... Вы совершенно не правы, - продолжает парень, всхлипывая. - Никому и никогда не удастся вырваться из действия причин и следствий. Вы просто-напросто вытягиваете карты из колоды в неправильном порядке.

Чисто машинально Эрни все же бросает взгляд в зеркальце. Большая ошибка!

---

<sup>21</sup> \* *Стимулятор адреналина.*

- Иисусе! - восклицает он. - Парень, зачем ты мне, все это рассказываешь?

- Чтобы вы вернули мне костюм, - отвечает физик дрожащим голосом. У него красное и мокрое лицо, глаза налиты кровью. - Чтобы я не обращался в полицию. Чтобы я мог вернуть устройство на место, и никто бы не узнал о его пропаже. Чтобы, думаю, продолжить разрушать свою жизнь.

Он снова начинает рыдать.

- Господи! - вздыхает Эрни.

\* \* \*

Когда они подъезжают к дому Эрни, тот говорит:

- С тебя пятьдесят восемь пятьдесят.

Парень бросает на него непонимающий взгляд, затем смеется. Ну, хоть чувство юмора еще не утратил. Эрни спрашивает, как его зовут.

- Эрнст, - отвечает физик.

- Шутишь? - смеется Эрни. - Это меня так зовут! Предки назвали меня в честь Хемингуэя.

- Мои тоже, - голос Эрнста звучит ровно, он, кажется, уже успокоился. - Они хотели, чтобы я пошел по литературной части.

- Черт, - задумчиво произносит Эрни, - понятия не имею, какую мои старики мне прочили карьеру, но уж точно не таксиста. Подожди в машине, я быстро.

Дома он извлекает из подвала купленный им чемодан «самсонит» и запикивает туда костюм, не чувствуя ни малейшего сожаления по поводу неиспользованных возможностей. Наверное, все было бы иначе, если бы разговор с физиком Эрнстом начался аккурат у крыльца дома Эрни. Но во время долгой дороги из Кеймбриджа у него было достаточно времени. На этом пути хватает разных поворотов, темных закоулков, где он мог бы выбросить парня и поехать дальше. Время позднее, и существуют места, где белому парню ночью лучше не появляться. Так что, возможно, тощий несчастный Эрнст больше никогда бы и не появился на его жизненном пути.

Однако вероятен вариант, когда Эрни высаживает парня на каком-нибудь пустыре и ломает ему ноги передним бампером. А потом сваливает, выбирая темные улицы и не включая фар, чтобы никто не смог разглядеть номер. Он мог бы не просто сбить худосочного стипендиата, но еще и проутюжить для верности, а копам досталось бы единственное описание: «Это было такси».

Да, все это можно организовать, но Эрни ничего не делает. И даже не может объяснить почему. Бойтся разоблачения? Сказать ведь легче, чем сделать. До сих пор, конечно, ему все сходило с рук, но стоит ли

испытывать судьбу? Короче, Эрни ни в чем не уверен. Он просто чувствует, что расстанется с костюмом без сожалений.

Эрни возвращается в кабину, передает Эрнсту чемодан и разворачивает машину, чтобы отвести парня назад в Гарвард-ярд.

- Это не мой чемодан, - говорит Эрнст.

- Э-э, ну да, но костюмчик-то в нем. Парень, не испытывай мое терпение!

- Нет. Вы не понимаете.

До Эрни доносится звук застежки-молнии.

- В моем чемодане лежит тетрадь. А там расписано все позаимствованное мною время. Если я не верну этот журнал, я не буду знать, откуда мне снова можно заимствовать.

«А может, перестать тебе тырить время, - хочет сказать Эрни. - Вдруг это поможет тебе и с «колес» соскочить». Но Эрни понимает, что не следует добивать лежачего. Поэтому просто говорит:

- Чемодан у моей жены.

- Он мне нужен, - твердо заявляет Эрнст.

Эрни глядит на него в зеркало.

- Парень, - устало произносит он, - ты сам не понимаешь, чего просишь.

- Он мне нужен! - вот и все, что на это отвечает физик.

Эрни подгоняет тачку к дому сестры Джанин, где шторы на окнах гостиной достаточно тонкие, чтобы увидеть: свет на кухне еще горит. Он вздыхает:

- Давай сюда этот несчастный чемодан.

Он звонит в дверь и видит, как сестра Джанин выглядывает из-за штор. Через минуту на крыльцо выходит сама Джанин. Эрни делает глубокий вдох.

- Мне надо кое-что тебе рассказать, - говорит он, - и я намерен сделать это прямо сейчас, все без утайки.

\* \* \*

Месяц спустя у Эрни звонит телефон. Он вернулся домой в семь часов вечера, а на улицу сегодня выехал в семь утра. Теперь он постоянно работает в таком режиме. Он, конечно, делает пару получасовых перерывов, чтобы перекусить и почитать, но дальше снова без усталости колесит по бойким направлениям - между Бостоном и аэропортом Логэн или у госпиталей - Бригемского или Массачусетского. Он делает это ради Джанин, говорит он сам себе, но когда дает себе труд немного поразмыслить, понимает: дело не только в этом.

Последнее время у него появилась еще одна устойчивая привычка: он старается приезжать на ланч в одно определенное заведение. Старик

за стойкой, видимо, считает Эрни крайне рассеянным типом, поскольку тот, уходя, всегда оставляет сдачу на стойке. Эрни проделывает то же самое еще на одной заправочной, но только девушку, которая там раньше работала, уже уволили. И произошло это вовсе не из-за того, что Эрни ограбил заведение. Бедная девица была слишком честной, чтобы оставлять себе сдачу, которую он «забывал», и хозяин заведения постарался от нее отделаться, поскольку при закрытии у нее все время не сходился баланс, причем в положительную сторону. Эрни поговорил с Робертой, диспетчером, нельзя ли пристроить девицу на работу в парке, но девушка это предложение не приняла. Эрни видит в этом подтверждение правила: очень трудно сделать человеку добро после того, как ты причинил ему зло.

Когда звонит телефон, он валяется на софе и читает книгу. Это Эрнст, Эрни сразу же узнает его голос. Он понятия не имеет, откуда физик узнал его номер, но ведь Эрнст чертовски смывленный парень.

- Я просто хотел поблагодарить вас, - слышится голос в трубке.

- За что? - удивляется Эрни.

- За то, что вернули костюм. И чемодан, и журнал с записями.

Эрни смеется. Он тогда бесплатно полночи возил парня от Гарвард-ярга и обратно, но тот его за это не отблагодарил.

- Как насчет проблем с таблетками? - спрашивает Эрни.

- Как насчет проблем с женой - справляетесь? - спрашивает Эрнст.

Эрни снова смеется, но уже потому, что здесь, кажется, наметился перелом к лучшему. Эту ночь Джанин провела с ним. Да, они вчера прилично выпили, а утром Джанин сказала, что, возможно, все было неправильно. Эрни понравилось звучание слова «возможно». А покидая дом, она позволила поцеловать себя на прощание.

В тот вечер, когда он явился в дом ее сестры, Эрни ей выложил как на духу все, что было. Разумеется, она ему не поверила. Назвала лживым мешком дерьма, но Эрни это не тронуло, он был поражен тем, что, оказывается, его совершенно не волнует - верит ему Джанин или нет. Главное было в том, что он сказал ей правду. И это было самым трудным решением за все предшествующие годы. Он все еще не уверен, хорошо ли от этого стало, но зато чувствует, что поступил правильно, и в этом вся суть.

Утешение, может быть, и слабое, и он первый с этим согласится. Он скажет: «Знаешь, ведь это чувство удовлетворения, о котором люди толкуют? От того, что ты в какой-то ситуации поступил правильно? Так вот, этого достаточно для счастья. Ну и еще пары баксов на чашку кофе».

Он говорит в трубку:

- Вот что я тебе скажу, парень: нелегко все наладить с кем-то, кто тебе не верит. А особенно тяжело, если правдой оказывается самая абсурдная и нелепая история, которую кто-либо когда-либо слышал.

Что же, благодарить тебя за то, что изобрел этот костюм? И за то, что забыл его у меня в тачке? Ты гадкий гарвардский типчик!

Теперь смеется Эрнст.

- Никто вас не заставлял его надевать. Или вы и в этом меня вините?

В мозгу Эрни проносится картинка-воспоминание: пьяный тощий физик на заднем сиденье, всю обратную дорогу в Гарвард-ярд судорожно сжимающий и мнущий злосчастный костюм и, судя по выражению лица, обдумывающий какие-то тяжелые, связанные с ним мысли. Эрни мало что знает о парне, но почему-то надеется, что тот справится со своими проблемами.

- Эй, ты не поверишь, что со мной сегодня случилось, - восклицает Эрни. - Я подвозил парочку французов к отелю, а они ни хрена не плят в нашей системе чаевых. Оставили мне 50 баксов. Так что сегодня вечером мы с Джанин ужинаем в ресторане.

- Потрясающе, Эрни.

Голос физика невыразителен, и Эрни понимает, что разговор подходит к концу.

- Послушай, - говорит он, - береги своих девочек, дружище. Будь к ним повнимательнее.

- Вы тоже, Эрни, - произносит собеседник все так же невыразительно, так что Эрни почти уверен: это последний их контакт.

Но даже если это и последнее, что он от него услышал, то, по крайней мере, это добрый совет. Эрни намерен быть внимательнее к Джанин - настолько, насколько сможет. Он уже решил сводить ее в итальянский ресторан сегодня вечером, если, конечно, она не против. Ну, или завтрашним вечером, если у нее не будет настроения сегодня. Рано или поздно, считает он, все у них наладится. Время еще есть.

**Перевел с английского Евгений ДРОЗД**

© Steve Bern. The Most Important Thing in the World. 2011. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Azimov's» в 2011 году.



Видеодром



ХИТ СЕЗОНА



## СУМЕРЕЧНАЯ ЗОНА ЛУНЫ

В ноябре 2010 года пресс-служба Федерального космического агентства России (Роскосмоса) выступила с осуждением в адрес известного режиссера Тимура Бекмамбетова, продюсировавшего новый голливудский фильм «Аполлон-18». Было опасение, что вместо празднования пятидесятилетия полета Юрия Гагарина россияне пойдут смотреть очередную американскую поделку. Премьера состоялась, и наконец-то у кинозрителя появилась возможность увидеть ленту, так напугавшую российских чиновников.

### Ходят слухи по домам

Конспирологическая фантастика - поджанр сравнительно новый, но зато имеющий мощную предысторию. Вера в существование могущественных организаций, которые управляют судьбами человечества, сильна в массовом сознании. Другое дело, что сто лет назад никто не считал откровения Елены Блаватской или Сергея Нилуса фантастикой. Поскольку конспирология обращается к глубинному желанию человека упростить и через это понять любой сложный процесс, она необычайно востребована.

Конспирологи не обошли своим вниманием и космонавтику. Собственно, еще в начале XX века появились авторы, доказывающие, что земляне давно летают на Луну, Марс и Венеру, но тщательно скрывают это. В качестве примера можно привести популярную писательницу того времени В.И.Крыжановскую-Рочестер с пенталогией «Маги» (1901-1916). Ее наработками воспользовался даже Алексей Толстой, описавший цивилизацию марсиан-атлантов в романе «Аэлита» (1923).

Большой толчок космическая конспирология получила после того, как союзникам по антигитлеровской коалиции достались в качестве трофеев баллистические ракеты А-4 (Фау-2), созданные командой

Вернера фон Брауна. Почти сразу поползли слухи о том, что на одной из таких ракет немецкий пилот совершил прыжок в космос. Их блестяще обыграл Роберт Хайнлайн в романе «Ракетный корабль «Галилей» (1947), описав тайную базу нацистов на Луне. Невольно американский писатель запустил в обиход новую легенду, которая популярна до сих пор: дескать, нацисты создали несколько баз в Антарктиде и на Луне и продолжают наведываться к нам на «летающих тарелках».

Секретность, окружавшая советскую ракетно-космическую программу, породила волну кривотолков о том, что в ракетных запусках используются смертники. Когда начались полеты беспилотных кораблей-спутников и первых межпланетных станций, эти слухи получили даже некое «подтверждение» в виде перехвата телеметрической информации, которая вроде бы свидетельствовала, что на борту советских аппаратов находятся пилоты. «Утка» была разоблачена, но и сегодня можно встретить статьи, в которых иные авторы утверждают, будто Юрий Гагарин был далеко не первым космонавтом планеты Земля.

Однако своего пика конспирология достигла во время полетов американских астронавтов на Луну. Еще только состоялись две высадки на Луну экипажей «Аполлона-11» и «Аполлона-12», а в США уже вышла книга математика Джеймса Крайни, в которой он поставил сам этот факт под сомнение.

Впрочем, больше всего в то время наделала шуму книга Билла Кейсинга «Мы никогда не были на Луне» (1976). Бывший ракетчик сформулировал теорию «лунного заговора», утверждая, что у НАСА никогда не было технической возможности отправить человека на Луну, а все кадры инсценировали в Голливуде.

Позднее у Кейсинга появилось множество эпигонов, и тема фальсификации остается горячей даже в XXI веке, хотя японский, индийский и новый американский межпланетные аппараты недавно сфотографировали участки лунной поверхности, на которых стоят модули «Аполлонов».

## **То явятся, то растворятся**

Два бывших сотрудника американского космического агентства Ричард Хогланд и Кен Джонсон выступили в 2007 году с заявлением, что НАСА само запустило «утку» о фальсификации высадок на Луну с целью сокрытия куда более важной информации: астронавты обнаружили там следы внеземной цивилизации и, возможно, вступили с ней в контакт.

Вера в существование селенитов бытовала до начала 1970-х годов.

После полетов «Аполлонов» она слегка угасла, но теперь энтузиасты рассчитывают отыскать на Луне какие-то древние артефакты или роботов-наблюдателей внеземной расы, изучающей Солнечную систему. В качестве свидетельства чужого присутствия часто приводятся данные по наблюдениям «кратковременных лунных явлений» (LTP - Lunar Transient Phenomena), куда относят непонятные вспышки, движение огней, появление или исчезновение темных пятен на поверхности Луны и т.д.

Только никто не задается вопросом, насколько дружелюбны обитатели Луны. Создатели киноленты «Аполлон-18» этот вопрос поставили.

Испанский режиссер Гонсало Лопес-Гальего, до того снимавший короткометражки, решил сделать свой фильм в псевдодокументальной манере. Имитация под кинодокумент придает весомость самым бредовым теориям. В этой связи нелишне вспомнить фильм Алексея Федорченко «Первые на Луне» (2005), но в нем Луну мы видим лишь в заключительных кадрах, а сюжет «Аполлона-18» требовал куда большего.

### **Про любимый лунный трактор**

Гонсало Лопес-Гальего отработал заданную тему скрупулезно, При съемках использовались камеры той же марки «Hasselblad», что и в рамках программы «Аполлон»; сама лунная техника воспроизведена изумительно точно (причем не только американская, но и мелькающая в кадре советская), хороши и лунные виды. При необходимости режиссер вставлял хронику из архивов НАСА, что заметно усиливает ощущение достоверности происходящего.

При этом сюжет картины довольно прямолинеен. После закрытия программы «Сатурн-Аполлон» Министерство обороны США в режиме глубокой секретности посылает на Луну еще один корабль. 25 декабря 1974 года в районе южного полюса Луны совершает посадку модуль «Либерти». На его борту два астронавта - Нейтон Уокер и Бенджамин Андерсон. Третий астронавт - Джон Грей - остается в командном модуле «Фридом» на окололунной орбите. Миссия рассчитана на двое суток, но почти сразу планы приходится менять. Астронавты находят советский лунный корабль (проект Н1-Л3) и тело космонавта, который явно погиб насильственной смертью, Очень скоро приходит понимание, что где-то рядом притаилась и ждет своего часа враждебная форма жизни...

Фильм «Аполлон-18» уже вызвал шквал критики. Прежде всего в нем разглядели массу заимствований. Действительно, когда смотришь эту киноленту, на ум приходит даже не знаменитая «Ведьма из Блэр»



(1999), а другой фильм, снятый в псевдодокументальной манере, - «Паранормальное явление» (2007). Саспенс поддерживается очень похожими приемами: тут камешек шевельнулся, тут оборудование опрокинули, тут какие-то посторонние звуки. Критики задаются вопросом; собирались ли создатели фильма сказать нечто новое?

Выскажу предположение. «Аполлон-18» - в первую очередь научно-популярный фильм. Вся конспирология, весь саспенс и прочее понадобились для того, чтобы еще раз рассказать зрителям о том подвиге, который совершили двенадцать астронавтов, высадившихся на Луне. Если создателям «Аполлона-18» пришлось прибегнуть к сильнодействующим средствам, чтобы еще раз поведать зрителю о лунной программе, это почти ничего не говорит ни о них, ни о фильме. Но многое говорит о самом зрителе.

**Антон ПЕРВУШИН**



рецензии

### **ДЕТИ ШПИОНОВ 4D**

**(SPY KIDS: ALL THE TIME IN THE WORLD IN 4D)**

**Производство компаний Dimension Films и Troublemaker Studios (США), 2011. Режиссер Роберт Родригес.**

**В ролях: Джессика Альба, Алекса Вега, Дэрил Сабара, Мэйсон Кук и др. 1 ч. 29 мин.**

Отлученный от «большого голливудского кино» после скандала с «Городом грехов» (Родригес поставил в титры своим сорежиссером автора оригинального комикса Фрэнка Миллера, за что был исключен из Гильдии режиссеров, прямо запрещающей «соавторство»), этот режиссер регулярно доказывает, что и на ниве независимого авторского кино можно не только делать хорошие фильмы, но еще и прилично зарабатывать. Благодаря обилию интересных сценарных и визуальных идей, благодаря умению заинтересовать публику, Напомним, что именно он реанимировал интерес к стереокино, сняв в 2003 году третью часть своей франшизы «Дети шпионов 3D» в объемном варианте, хотя и с использованием древней технологии двуцветных очков. Через восемь лет тема вновь захватила режиссера, тем более что пришел срок снимать детское кино (Родригес строго

следует принципу чередовать «серьезное» кино с семейным). Понятно было, что вслед за ассоциацией «триквел - 3D», должна последовать «Квадриквел - 4D». Но как получить это четвертое измерение - кинотеатры не аттракционы, кресла не покачаешь. Выход нашлся простой: четвертым измерением стал запах. Зрителям вместе с билетами выдавали картонки - и как только на экране появлялась цифра в кружке, надо было тереть соответствующую цифру на картонке. И нюхать. А запахи не всегда были приятными. Но, вполне возможно, мы опять присутствуем при зарождении новой моды в кино.

Что касается сюжета, то было понятно: Родригесу придется менять героев. Юные исполнители главных ролей в первой трилогии уже выросли, а Антонио Бандерас в ранге суперзвезды слишком занят другими проектами. Подросшие Джуни и Кармен Кортес все-таки появятся как герои «второго плана», в паре кадров мелькнет и Дядя Мачете, но остальной состав поменялся, и даже суперзвезду на главную роль удалось привлечь - Джессику Альбу. Ее героиня уходит в отставку из ОСС - ведь она вышла замуж за телеведущего и родила малышку. К тому же двое детей мужа от первого брака не очень жалуют молоденькую мачеху, вынужденную скрывать свое шпионское прошлое. А тем временем некто Тик-Так изобрел машину, ускоряющую время, и это грозит Армагеддоном. Тут-то все и заверте...

**Тимофей Озеров**

## **ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ 5**

**(FINAL DESTINATION 5)**

**Производство компаний Jellystone Films, New Line Cinema и Practical Pictures (США), 2001.**

**Режиссер Стивен Куэйл.**

**В ролях: Николас Д'Агосто, Эмма Белл, Майлз Фишер, Эллен Ро, Жаклин МакИннес Вуд, П.Дж.Бирн, Арлен Эскарпета, Дэвид Кокнер, Кортни Б.Вэнс, Тони Тодд и др. 1 ч, 35 мин.**

Группа молодых стажеров отправляется на корпоративный тренинг. Во время поездки у одного из них, Сэма Лоутона, случается жуткое видение, в котором с анатомическими подробностями представлена смерть всех его друзей на огромном рухнувшем мосту. Благодаря предчувствию и панике Сэма нескольким стажерам удается избежать гибели. Но вскоре все они понимают, что лишь отсрочили собственную смерть...

Уже с выходом фильма «Пункт назначения 3» стало очевидно, что создатели одного из лучших хоррор-сериалов загнали себя в угол. И

совершенно не представляют, как оттуда выбраться. С одной стороны, основа новой ленты должна оставаться неизменной, иначе это будет не «Пункт назначения». С другой - в каждом следующем фильме зрителю нужно предложить иную историю, неожиданные ситуации. Но как тогда быть с той самой основой? Ведь в формуле «избежал смерти - не радуйся, потому что она не любит, когда ее обманывают» сложно что-то изменить. Увы, во время производства «Пункта назначения 5» нового подхода найдено не было,

Если первая часть франшизы была едва ли не открытием в жанре, а вторая предлагала новые правила игры со смертью, то все последующие продолжения воспринимались как ремейки, где менялись лишь декорации и актеры. То же самое произошло и с последней частью. Нет, «Пункт назначения 5» выглядит достойнее, чем его предшественник. Но, к сожалению, это происходит не благодаря таланту сценариста или режиссуре, а потому что «Пункт назначения 4» получился настолько слабым, что даже фанаты сериала остались недовольны. Актеры играют чуть лучше, денег на точку отсчета, сцену крушения моста, дали чуть больше - вот, собственно, и все, чем может похвастаться последняя часть.

С хоррор-сериалом «Пункт назначения» произошло то же, что случилось с «Пилой» и «Криком». Сериал выдохся, погрязнув в самокопировании.

**Степан Кайманов**

## **БЕРЕМЕННЫЙ**

**Производство компании Enjoy Movies (Россия), 2011.**

**Режиссер Сарик Андреасян.**

**В ролях: Дмитрий Дюжев, Михаил Галустян, Анна Седокова, Вилле Хаапасало, Светлана Ходченкова, Дмитрий Шаракоис, Дмитрий Хрусталев, Виктор Васильев, Валентин Смирнитский, Людмила Артемьева и др. 1 ч. 26 мин.**

В 1994 году на экраны вышла комедия «Джуниор», где герой Арнольда Шварценеггера решил испытать на себе все тяготы беременной женщины, чтобы спасти свой научный проект после прекращения финансирования. У картины «Беременный», где герой Дмитрия Дюжева тоже оказался в «интересном положении», с завязкой все намного скромнее. Ведущий новостей Сергей Добролюбов просто загадал желание, что хочет иметь ребенка. И забеременел...

Если окинуть взглядом фантастические комедии, снятые в России за последнее время, то найти среди них что-то вменяемое вряд ли

удастся, фильмы этого специфического жанра - либо вольные ремейки западных комедий («Любовь-морковь»), либо лютая чертовщина («Яйца судьбы»), либо и то, и другое одновременно («Самый лучший фильм»). При этом отечественные представители, как правило, отличаются обилием пошлого юморка и отсутствием смешных шуток.

Несмотря на интимную тему, в комедии Сарика Андреасяна нет ни одной шутки «ниже пояса». Но этим список достоинств фильма и ограничивается. Самое худшее, что может случиться с любой комедией, случилось. Она оказалась совершенно не смешной! Более того, иногда она умудряется быть грустной. Потому что грустно видеть кинокартину, где отсутствует сюжет. Потому что грустно наблюдать за жалкими попытками создателей добавить драматические элементы туда, где они не нужны. Потому что грустно смотреть полнометражный фильм, где актеры играют на уровне дешевого юмористического сериала.

На самом деле ругать комедию «Беременный» можно бесконечно. За глупые диалоги, за нелепые сцены, за безвкусную шутку про российский футбол, за повторение безвкусной шутки про российский футбол. Да много еще за что. Главное помнить, что есть замечательный фильм «Джуниор», который даже во время второго просмотра подарит куда больше положительных эмоций, чем новая картина Сарика Андреасяна.

**Степан Кайманов**



экранизация



## **ДИКИЕ СЕРДЦЕМ**

**Отмечая юбилей этого автора, мы в нынешнем году рассказали нашим читателям о его жизненном и творческом пути. Однако в**

**начале осени нас ждала новая встреча с его главным героем. Какова же судьба его персонажей на большом экране?**

Вряд ли кто-то задумывался о том, что такие разнородные литературные явления первой половины XX века, как, скажем, поэзия акмеистов, юмористические рассказы Зоценко и новеллы Роберта Говарда о варваре-киммерийце по имени Конан, на самом деле одного плана, хотя и не связаны друг с другом напрямую. В начале прошлого столетия, после эпохи декаданса, многие задавались вопросами о том, каков есть человек вне общественных норм и цивилизованности. Художники даже стремились нарисовать «самую суть», отказываясь от всего лишнего и оставляя только «каркас» образа, - вспомним упрощенные фигуры Пикассо. Литература откликнулась появлением новой фигуры - дикаря.

Акмеисты воспели «нового Адама». Зоценко показывал первобытных людей, живущих в коммунальных квартирах (подчеркивая, что отнюдь не высмеивает их). Массовая литература Америки, оплот которой составляли журналы, тоже обратилась к дикарям. Самыми известными из них стали Тарзан и Конан-варвар.

За литературой потянулся кинематограф. Однако если Эдгару Райсу Берроузу повезло, а чемпион по плаванию Джонни Вайсмюллер своим Тарзаном открыл линию «мускулов» в голливудских фильмах, то рано ушедшему из жизни Роберту Говарду дожидаться экранизации своего самого знаменитого персонажа не довелось. Прошло около полувека с момента, как нога в грубой варварской сандалиии ступила на страницы «бульварной» прессы, прежде чем Конан появился на экране.

### **Первая эпоха. Восьмидесятые**

Первой экранизацией прозы Говарда была вовсе не фэнтези о событиях Гиборийской эры. В 1960-х годах вышла телевизионная инсценировка зомби-новеллы «Голуби преисподней» как одного из эпизодов шоу «Триллер», ведущим которого был именитый Борис Карлофф.

А первый полнометражный фильм на основе произведений Говарда увидел свет только в 1980 году - спустя 46 лет с момента смерти автора. Хотя непосредственно экранизацией «Конана-варвара» фильм Джона Милиуса назвать трудно. Картина не столько опирается на рассказы Говарда, сколько использует образ их центрального героя и некоторые элементы фабулы.

Вообще, Говарду на близкие к тексту инсценировки не везет: Голливуд никогда не уважал его сюжетов. Даже в титрах указывалось, что фильм основан не на «рассказах», а на «персонажах».

Здесь сыграли свою роль несколько факторов. Во-первых, краткость текстов, написанных под формат бульварных журналов. Для полнометражного фильма этого мало, и сценаристам приходится соединять разрозненные обрывки биографии Конана или Соломона Кейна в подобие стройной канвы. Во-вторых, до недавнего времени средства кино не слишком хорошо позволяли переносить на целлулоид необычные миры, особенно литературные, а на страницах рассказов писателя множество таинственных городов и невероятных созданий. В-третьих, как ни странно, «виновата» именно притягательность и выпуклость его персонажей.

«Конан-варвар» Милиуса оказался первым сразу по нескольким параметрам. Так, здесь главную роль в большом кино исполнил уже отнюдь не начинающий актер Арнольд Шварценеггер. До того Арнольд снимался более десяти лет, но воспринимался публикой больше как спортсмен, нежели артист: за его мощными плечами уже было несколько титулов Мистер Олимпия. Главную роль он успел сыграть всего лишь раз, в телевизионном «Геркулесе в Нью-Йорке», да и ту под псевдонимом Арнольд Стронг.

Шварценеггер настолько точно попал в образ, что на долгие-долгие годы стало невозможным вообразить какого-то иного Конана. Разумеется, он захватывал зрителя не столько актерскими данными, сколько фактурой и непосредственностью. При этом на съемках от Шварценеггера потребовались героические усилия. Дублера с похожей фигурой не нашли, и практически все трюки Арнольд выполнил сам, включая схватки на мечах, да и распятым на дереве с тушкой стервятника в зубах оказался тоже он.

Еще один любопытный факт: Шварценеггера на эту роль режиссеру порекомендовал не кто иной, как прозорливый Стивен Спилберг. Хотя сам маэстро ни до, ни после в свои проекты железного Арни не приглашал.

Однако не только артисту фильм обязан своим успехом. Арнольд оказался в нужном месте в нужное время. Публика уже была готова к новому типу мускулистого героя, кулаками пробившего себе «путь вверх». И тот не замедлил появиться сначала в образе итальянского боксера Рокки, а затем и Конана-варвара. Кроме того, успехи лукасовско-спилберговского кинематографа спровоцировали интерес к фантастическим приключениям.

Не слишком известный в то время композитор Бэзил Полидурис написал эпический саундтрек, впоследствии растиражированный во многих фильмах и даже рекламных трейлерах других картин. И, конечно, нельзя не отметить постановочное мастерство Милиуса. Хотя сценарий не воплощает рассказы Говарда буквально, режиссеру удалось поймать если не дух варварской эпохи, то, во всяком случае, представить на экране незамутненную первобытную ярость главного

героя. Точно передан и основной конфликт: прямая, агрессивная, но честная мощь Конана против «интеллектуального» манипуляторства его заклятого врага, колдуна Тулса Дума (его сыграл впоследствии популярный темнокожий актер Джеймс Эрл Джонс, многим знакомый по роли главы ЦРУ в экранизациях романов Тома Клэнси).

Тема «благородной ярости», по-видимому, настолько захватила Милиуса, что через два года он снял одиозный альтернативно-исторический боевик «Красный рассвет». Та же атмосфера холодной войны чувствуется и в «Конане-варваре»: страх перед неведомой и непонятной силой (колдовство Тулса Дума) и тоска по простому и мужественному герою (Конан). Кстати, разрабатывая костюмы гвардии Тулса Дума, Милиус «вдохновился» одеждой тевтонских рыцарей из фильма «Александр Невский»... Парадоксально и то, что сценарист Оливер Стоун позже сделал себе имя как раз антивоенными лентами.

Продолжение не могло не последовать, и через два года появился «Конан-разрушитель». Режиссером стал ветеран Ричард Фляйшер, весьма разносторонний постановщик. За свою творческую жизнь Фляйшер успел снять и несколько НФ-лент, например, известное «Фантастическое путешествие», а кроме того, популярный даже в Советском Союзе пеплум «Викинги». Однако новый режиссер, оставаясь в рамках героической фэнтези, все же довольно круто изменил жанр сиквела. Вместо brutального псевдоисторического боевика Милиуса, где «меча» во много раз больше, чем «магии», Фляйшер поставил волшебную сказку - с приключениями и монстрами, разве что более кровавую, чем стерильные в этом плане фантазии Джорджа Лукаса. Вместо истории мести и ярости зрителю показывают традиционный сюжет о спасении храбрым воином принцессы-блондинки. В первом фильме такая линия тоже была пунктирно намечена, однако в большей степени чтобы воплотить на экране иллюстрации Фрэнка Фразетты. В противовес грубому реализму «Конана-варвара» сказочность подчеркнута даже легким визуальным «размытием» кадра.

Несмотря на то что сиквел получился кассово менее удачным, было решено снять и третью часть. Однако в один год с «Конаном-разрушителем» вышел судьбоносный для карьеры Шварценеггера «Терминатор». Арнольд понял, что брендом теперь является он сам, а не только его мускулы. Возвращаться к образу варвара актеру вовсе не хотелось. А представить иного Конана тогда никто не мог.

Но третий фильм все-таки появился, правда, Конана переименовали в Калидора, а сюжет выстроили не вокруг героя, а вокруг героини. Формально в основу «Рыжей Сони» того же Ричарда Фляйшера опять легла проза Говарда. Однако Рыжая Соня - героиня всего лишь одного рассказа писателя, и его действие происходит отнюдь не в Гиборийскую эпоху. В основе же экранизации даже не этот персонаж, а

героиня комиксов о Конане-варваре авторства Роя Томаса и Барри Виндзора-Смита.

Первоначально роль Сони должна была исполнить актриса Сандал Бергман, которая уже сыграла подругу Конана Валерию в первом фильме. Но в итоге та исполнила роль злой королевы, а в роли Сони выступила скандинавская модель Бригитта Нильсен. Сам же Арнольд назвал «Рыжую Соню» одним из худших фильмов с его участием и как-то пошутил в интервью, что заставляет своих нашаливших детей смотреть ленту в качестве наказания.

## **Вторая эпоха. Девяностые**

О персонажах Говарда не забывали и в следующее десятилетие. Но теперь формат экранизаций значительно расширился. В 1992 году телевидение показало мультсериал «Конан - искатель приключений». После успеха тринадцати эпизодов первого сезона, во втором их число значительно расширилось. Хотя авторы по традиции вольно обошлись с первоисточниками, однако доля непосредственно «говардовских» сюжетов и персонажей здесь куда больше, чем в трилогии со Шварценеггером.

А в 1996 году зрители увидели на экранах самого Роберта Ирвина Говарда. В ограниченном прокате прошел биографический фильм, поставленный на основе мемуаров близкой подруги писателя Новалин Прайс «Тот, кто шел один». Ретродрама Дэна Айрленда «Весь огромный мир» показывает Говарда большим ребенком, внешне brutальным, но внутренне чрезвычайно ранимым. Хотя картина явно независимая (бюджет составил всего один миллион долларов), но акценты сделаны традиционно по-голливудски: не столько на творческих моментах, сколько на эффектных чудачествах автора «Конана» и любовной линии. Этой линии, впрочем, не хватает настоящего драматизма, ведь речь идет о событиях, которые в итоге закончились самоубийством Говарда, оставшегося в одиночестве перед лицом потери самого дорогого для него человека. Образ писателя воплотил характерный актер Винсент Д'Онофрио, а молодую Новалин Прайс сыграла будущая лауреатка «Оскара» Рене Зеллвегер.

В следующем, 1997 году персонажи Говарда предприняли атаку сразу на большой и малый экраны. На ТВ прошел сериал «Конан». Любопытно, что на роль варвара-киммерийца вновь пригласили немецкоговорящего культуриста. Им стал Ральф Мёллер, снимавшийся в лентах категории «Б». Мёллер продемонстрировал суровый взгляд, внушительную мускулатуру и лихое владение мечом. К событиям, описанным Говардом, сериал имеет лишь отдаленное



отношение, в одной из серий появляется Рыжая Соня.

А на киноэкраны тем временем вышел «Кулл-завоеватель» Джона Николеллы. На самом деле за основу был взят опять «Конан» - и этот сценарий должен был стать третьей частью походов варвара. Однако после отказа Шварценеггера сюжет перенесли в иные, но тоже говардовские реалии, и переименовали заглавного персонажа в Кулла. В этом можно увидеть иронию судьбы. В свое время рассказ Говарда о выходце из Атлантиды короле Валузии Кулле был отвергнут издателем журнала, и автор переделал его в «Феникс на мече», свой первый рассказ о Конане.

Сам кинообраз практически не отличается от «классического» Конана, разве что Кулл для дикаря более галантен с дамами, а его мускулатура ближе к реальности эпохи, не знакомой со стероидами. На эту роль пригласили не спортсмена, а драматического актера Кевина Сорбо, который, правда, снимался преимущественно на телевидении.

При ограниченном бюджете «Кулл-завоеватель» выглядел бледной копией своего киммерийского собрата и, несмотря на «благородное» происхождение, больше напоминал фильмы категории «Б» (актерский состав вышел именно оттуда). Хотя быстрое развитие сюжета, ироничная манера игры Кевина Сорбо и эффектная Тиа Каррере в роли темной колдуньи Акиваши несколько вытягивают картину. В любом случае, ничего лучше и масштабнее по Говарду не сняли ни за десять лет до, ни за такой же промежуток после «Кулла».

### **Третья эпоха. Двадцать первый век**

«Нулевые» годы практически не затронули говардовского Конана. Его приключения стали основой разве что нескольких видеоигр. Однако киноделы вспомнили, что у писателя, вообще-то, были и другие сквозные герои. И пока из рук в руки переходил проект нового игрового фильма о Конане-варваре, параллельно разрабатывался новый персонаж, фигурировавший в нескольких рассказах - Соломон Кэйн. Сначала на роль пуританина-борца со сверхъестественным злом планировали «горца» Кристофера Ламберта. Но по мере развития проекта место Ламберта занял внешне похожий на него по актерскому типу, но менее известный Джеймс Пьюрфой. Среднебюджетная картина, для экономии снятая не в Англии, а в Болгарии, смотрится довольно богато: компьютерная графика, трюковые сцены, схватки на рапирах, монструозный грим. К тому же режиссер Майкл Дж. Бассет, ранее поставивший атмосферный мистический триллер «На страже смерти», постарался воспроизвести мрачный дух новелл о Кэйне.

Однако успеха «Соломон Кэйн», задуманный как трилогия, не имел. Сыграло роль и сходство истории и внешнего облика героя с

наполовину комедийным фэнтези-блокбастером Стивена Соммерса «Ван Хелсинг», а кроме того, картина просто затерялась среди других жанровых «тяжеловесов», выпущенных в прокат к Рождеству 2009 года.

Во второй половине «нулевых» пришло время возвращения на экраны образов-икон массового голливудского кино 70-80-х годов прошлого века: от того же боксера Рокки Бальбоа до персонажей комиксов и фильмов ужасов. Разумеется, внимание обратили и на самых известных киногероев из экранизаций Говарда - Конана и Рыжую Соню. Снова рассказать о приключениях варвара мечтали братья Вачовски, а Рыжую Соню хотел вывести на экраны Роберт Родригес. Но моду в ремейках стали задавать или ветераны, или пришедшие в большое кино клипмейкеры.

#### **Четвертая эпоха. Перезагрузка**

Ставить нового «Конана-варвара», которого в сентябре этого года увидели зрители, пригласили (по иронии, случайности или сознательному «пиаровскому» расчету) опять немецкоязычного кинематографиста, выходца из Германии Маркуса Ниспела. Клипмейкер Ниспел представлялся вполне удачной фигурой для «перезапуска». С одной стороны, он поставил успешные в прокате ремейки культовых хорроров «Техасская резня бензопилой» и «Пятница, 13-е». С другой - снял некассовый и полный логических провалов, но по-своему стильный «Следопыт» о борьбе индейцев с викингками.

Играть Конана позвали вовсе не спортсмена, бодибилдера или модного рестлера, а, как и в случае с «Куллом-завоевателем», телевизионного актера с подходящими физическими данными. Выбор пал на малоизвестного гавайца Джейсона Момоа, который параллельно с фильмом Ниспела снимался в другом громком фэнтези-проекте - сериале «Игра престолов».

Ниспел получил самый большой производственный бюджет за всю историю экранизаций Говарда. И сотворил на эти деньги именно то, что от него можно было ожидать. Лучше всего у него получилось передать жесткий варварский колорит фильма-оригинала Милиуса. Различной «анатомии» здесь побольше, чем в какой-нибудь серии популярной хоррор-франшизы «Пила». Кровь брызжет под самыми замысловатыми углами, усиленными вездесущим теперь форматом 3D. Компьютерная графика помогает создавать причудливые виды древних городов и образы монстров. Впечатление отчасти портит лишь популярный «рваный» клиповый монтаж боевых сцен.

По традиции с текстами Говарда обошлись «варварски», сохранив

только центрального персонажа. Зато оставлен прежним стержень оригинального фильма: месть колдуну за истребленный народ и погубленную семью. Есть и присущий «Конану-варвару» культ меча. А в соответствии с веяниями нового времени - особенно в ремейках фильмов ужасов - повышенное внимание уделено детству и формированию героя.

Как раз сам Конан претерпел наиболее значительные изменения по сравнению с образом, воплощенным Шварценеггером. И он, как ни странно, оказался ближе к своему литературному источнику. Варвар в исполнении Момоа не простой рубака, он не выпучивает глаза, а хитро их прищуривает. Он умен, ловок и жесток не меньше своих врагов, а мотивы его продиктованы не столько первобытной яростью, сколько неизжитой болью. находка нового прочтения в том, что и антагонист Конана, сыгранный звездой «Аватара» Стивеном Лэнгом, также действует под влиянием боли воспоминаний о своей убитой жене.

Тем не менее расчеты продюсеров и старания режиссера не оправдались, Картину ждал более чем прохладный зрительский прием. Старый «Конан-варвар» как был, так и остается пока вершиной экранизаций произведений Роберта Говарда. К слову, и все попытки переснять «Тарзана» пока не превзошли успехом ранние черно-белые фильмы с Джонни Вайсмюллером.

И все же к прозе Говарда продолжают возвращаться. Готовятся съемки нефантастического вестерна, находится в разработке «Бран Мак Морн», посвященный еще одному сквозному герою фэнтези-рассказов писателя. На экранах опять блеснет широкий меч Конана, а технологии будущего позволят выбросить в зал чью-то отрубленную голову. В каждом зрителе есть что-то первобытное, и кинодикарь всегда найдет себе аудиторию.

**Аркадий ШУШПАНОВ**

СКОТТ УИЛЬЯМ КАРТЕР

**АНДРОИД, ЧЕЛОВЕК, АНДРОИД**

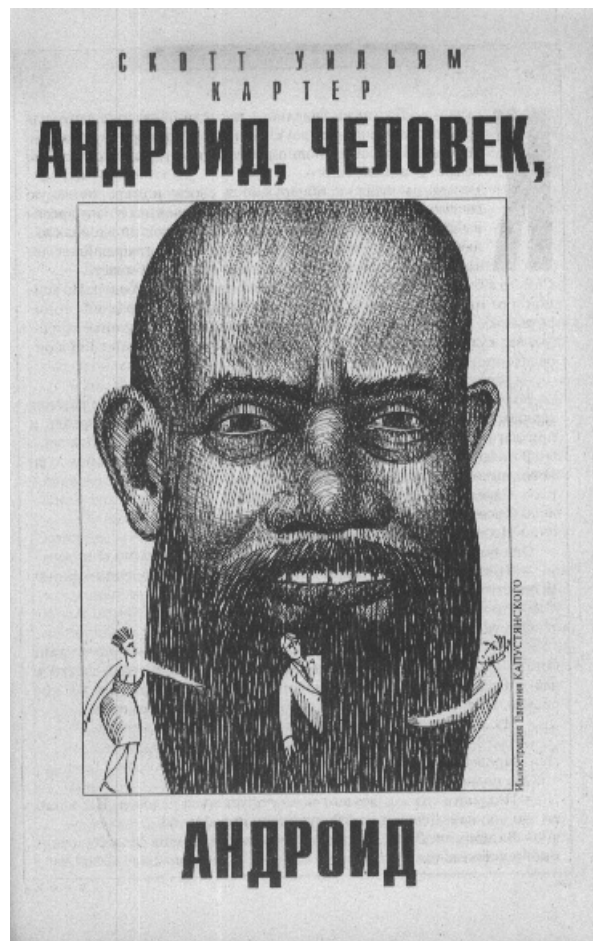


Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Когда мы с Джинджи виделись в последний раз, она щеголяла тремя грудями вместо двух. По мне, так и пара - идеал, но ведь на белом свете полно ребят, для которых хорошего не бывает слишком много.

Выйдя из душа, я обнаружил в своем номере незваную гостью. Она сидела на краю койки, облаченная в нечто розово-шелковое: внизу сбоку вырез, позволяющий вдоволь налюбоваться длиннющими ногами, а сверху глубочайшее декольте, демонстрирующее то, чего много не бывает.

Сам-то я был голым, если не считать полотенца вокруг бедер. Из ванной и от моей кожи шел парок. За широченным, во всю стену, тонированным стеклом жужжали и гудели версатийские воздушные гондолы, все куда-то спешили, будто им был назначен срочный сбор в определенной точке планеты.

- Мне твоя помощь нужна, - услышал я.

Ни тебе «здрасьте». Ни «как поживаешь». Ни «прости, что разбила сердце, заодно опустошив твой банковский счет, угнав корабль и прихватив всю коллекцию голографических дисков за двадцатый век».

В последний раз я ее видел аккурат перед тем, как пошел под душ. И вот выхожу - а она снова здесь.

- Своеобразное у тебя чувство юмора.

- Ты о чем?

- Не важно. Как ты сюда проникла?

Она пожала плечами.

- Внизу дала на лапу администратору. Он меня, конечно, принял за проститутку.

- Но ты же и есть проститутка.

Она укоризненно поцокала языком.

- Это в прошлой жизни. Сейчас я добропорядочная дама, жена богатейшего строителя нуль-порталов в освоенной человечеством части Вселенной. И сделай милость, прекрати тарашиться на мои сиськи. Не такая уж это диковина по нынешним-то временам.

- Ну, извини. Я вообще-то здесь работаю. И тебя не звал.

- Ты? Работаешь? В такой дыре?

- Проверяю гостиничную систему охраны.

Она пренебрежительно помахала рукой.

- Подумать только, до чего может опуститься человек. И с каких же это пор наш Декстер не брезгует черной работой?

- Видишь ли, Джинджи, после того как ты от меня сбежала, очень многое изменилось.

Она сделала обиженное лицо - нижняя губа оттопырена, глаза слегка округлены. В старые добрые времена на меня это действовало безотказно, а сейчас показалось наивным... Впрочем, в ней всегда было что-то детское.

- Ах, миленький, - проворковала Джинджи, - уж не горечь ли я слышу в твоём голосе? Надеюсь, это пройдет, ведь время - лучший пекарь.

- Лекарь, - машинально поправил я.

- Да как скажешь... Вот что: если хочешь затащить меня в койку, не тушуйся. Нам бы не мешало разрядить атмосферу.

- Ты ведь замужем! Сама только что сказала.

- Вряд ли это его встревожит, - пожала плечами она. - Он теперь вообще не способен ни о чем беспокоиться. В том-то и заключается моя проблема... отчасти.

- Ах, какие мы жалостливые! Хочешь, дам репсайтерскую арфу и отведу на ближайшую станцию, там напоешь себе на проездной жетон.

Она тяжело вздохнула и встала, разглаживая ладонями платье.

- Ну так что, ты надумал или нет?

- Да я скорее лягу с парочкой морнальских древесных червей-кровососов! У тех, по крайней мере, эмоции есть, пусть их всего лишь две: страх и безбоязненность. О тебе и этого не скажешь.

- Спорим, если оно вдруг упадет, - указала Джинджи на мое полотенце, - окажется, что ты думаешь совсем по-другому. Кое-что мужчина никогда не скроет от женщины.

Я возмущенно фыркнул и направился к встроенному шкафу, при моем приближении дверцы ушли в стену. Плитки пола студили мне босые

ноги. Одевался я быстро - если честно, побаивался, как бы тело не пошло наперекор благим намерениям рассудка. Но прежде чем успел надеть брюки, проклятое полотенце соскользнуло, показав Джинджи все, что я мог бы ей предложить.

Мог бы, но не предложил.

- Ой, откуда это?

Я не сразу сообразил, что она имеет в виду шрамы.

- Джинджи, ты ведь в курсе, какая у меня профессия.

- Да, но раньше-то ничего такого не было.

Я натянул через голову рубашку и поправил воротник.

- Раньше я был моложе. А теперь не всегда успеваю.

- Может, пора менять профессию? - спросила она.

- Может, тебе заползти обратно в нору под камнем, или где ты все это время отсиживалась? - вонзил я в нее испепеляющий взгляд.

Она смотрела в ответ с наигранной безмятежностью, с мягким весельем, как на малое и несмышленное дитя. Я же, не сводя с нее злых глаз, приложил ладонь к сканеру прикроватного сейфа, достал лазерный пистолет и проверил заряд. Как и положено, на максимуме. Снова повернулся к Джинджи - не переменялась ли она в лице, увидев ствол? Нет, смотрит, точно на двухлетнего. Я надел плечевую кобуру, поместил в нее оружие, затем облачился в кожаную куртку и сунул ноги в ботинки. И лишь когда направился к выходу, гостя нарушила молчание.

- Так и быть объясню, почему я здесь.

Я остановился, но не повернулся:

- Но только учти: что бы ты ни сказала, помогать я не собираюсь.

- Даже если заплачу?

- Если заплатишь - тем более.

- А если я предложу огромные деньги?

- Даже... даже в этом случае.

Я замялся на долю секунды, но успел за это время подумать о плачевном состоянии своего банковского счета, о сушено-мороженых пищевых кубиках, которыми перебивался уже несколько месяцев... Всего лишь мгновение слабости, но от Джинджи оно не укрылось - так паук чувствует любой рывок сплетенной им паутины.

- Миленький! - Ее каблучки зацокали по плиткам пола, и в следующий момент голос зазвучал рядом. - Ты ж пойми, я теперь очень богатый человек. И могу выплатить десять твоих обычных гонораров.

- Не соглашусь и за двадцать.

- Тогда предлагаю двадцать пять.

Я не имел ни малейшего представления о том, чего она потребует от меня, но вряд ли заказ способен мне понравиться. Однако, как известно, даже пустяковая работа подчас приносит большой куш. Чем черт не шутит. Сколько раз я уже пытался поправить свои дела, но

почему-то всегда неудачно. Почти всегда с невероятным трудом добытые деньги уходили на лечение «производственных травм». В плане оплаты предложение Джинджи выглядело крайне заманчивым. Шутка ли - двадцатипятикратный гонорар. Можно наконец обзавестись кораблем и даже парочкой роботов для мелких поручений.

Джинджи дотронулась до моего плеча, и я напрягся.

- Дафф, - прошептала она, - неужто и вправду тебе было так плохо?

- Да, Джинджи. Ничего хорошего.

- Совсем-совсем ничего?

Я поворошил воспоминания. После Джинджи у меня были женщины, некоторые из них тоже ухитрились разбить сердце - ну, везет мне на это дело, уж не знаю почему. Только ведь она нанесла удар самой первой, и с тех пор я всегда был настороже.

- Представь: ты ночь напролет читаешь мультивид и вдруг приходишь в бешенство, потому что концовка ни к черту. Разве ты будешь помнить, как было здорово, прежде чем вид полетел в стенку? Нет, запомнятся только паршивые последние минуты.

- Странное сравнение, - прозвучал ее мурлычащий голос. - Нет, чтение - это не по мне. Всегда предпочитала более реальные удовольствия.

Договаривая, она провела ладонью по внутренней стороне моего бедра. Как просто в эту минуту было бы сдаться! Но я не мог допустить, чтобы она взяла верх - хотя это непременно случилось бы, если бы кровать стояла ближе. Ведь Джинджи в сексе профессионалка высшего класса, она получила сертификаты от всех главных комиссий по проституции, ее натаскивали Сестры Желания, а в эту школу ежегодно набирают всего лишь шестьдесят девять учениц.

Я резко повернулся и схватил ее за плечи, вонзив пальцы в мягкую плоть.

- А ну прекрати! Со мной этот номер больше не пройдет.

- Ой, миленький, ты мне делаешь больно!

Я не отпустил ее, не ослабил хватку. Лицо было совсем близко, в изумрудных зрачках тлели золотистые искорки - ими она обзавелась уже после нашего расставания. Ее жаркое дыхание грело мне щеки. У меня колотилось сердце.

- Так вот, послушай. Если я хоть пальцем для тебя шевельну, то это будет только ради денег, усекла? Больше не смей напоминать о нашем общем прошлом. Бизнес, и ничего личного. Мы чужие друг другу люди. Я Декстер Дафф, частный детектив. Понятно тебе, миленькая? Доходит через толстую черепную кость?

Она вдруг оживленно заморгала.

- Значит, ты согласен?!

Я тоскливо вздохнул. Старушка Джинджи, ты ничуть не изменилась. Можно втолковывать и втолковывать, но ты выбираешь лишь то, что хочешь услышать. Соглашаясь работать на тебя, я прекрасно

понимаю: это запросто может кончиться плохо. Ты лгунья и мошенница, и все это видят, однако неизменно берутся тебе помочь.  
- Только выслушать. - Но в душе я уже принял решение.

\* \* \*

По утрам вокзал всегда переполнен, но я не испытывал ни малейшего желания путешествовать в компании Джинджи. По всей протяженности широченного, четверть мили в поперечнике, прозрачного туннеля висели на приколе или мотались в рейсах юркие воздушные гондолы. Главный зал полнился народом. Каких тут только не увидишь жизненных форм (и нежизненных тоже): люди, дульнарыйцы, хазийцы и просто тьма-тьмущая версатийцев в щегольских белых мундирах. Четверорукие версатийцы мастерски справлялись со своими обязанностями, распределяя туристов по многочисленным экскурсиям. Хватало и роботов с андроидами, эти таскали за пассажирами багаж. Под пешеходной дорожкой (причем невидимой, как будто мы все шагаем по воздуху) по глянцевитым изумрудным водам славного версатийского океана десятками плыли белые исполины - круизные лайнеры.

Нам посчастливилось заметить свободный уголок стола в бистро неподалеку от транспортной трубы. У меня аж в животе заурчало от запаха кофе и поджаристых пончиков.

- Все это началось, когда... - заговорила Джинджи.

Я перебил, воздев руку:

- Ни слова, пока я не получу кофе.

Мы наконец пристроились в стеклянном пузыре с видом на океан, и Джинджи томилась в ожидании, постукивая ногтями по блестящему черному столу, пока я намазывал маслом пончик и размешивал в кофе сливки.

- Ладно, приступай.

- Вот как? Мне теперь нужно твое разрешение, чтобы заговорить?

- Угомонись, детка. Не испытывай свое везение на сверхнагрузке.

- Детка? - улыбнулась она. - Ты меня так не называл с тех пор, как мы встретились в шахте на астероиде. Помнишь, как ты причалил там для ремонта?

- Вот и надо было оставить тебя на этом астероиде. Бедолагам шахтерам, поди, очень не хватает твоих услуг.

Она недовольно поцокала языком.

- Давай не будем ворошить прошлое. Так, с чего бы мне начать? Надеюсь, тебе известно, кто мой муж? Вергон Дон...

Я так и замер с пончиком в зубах.

- Тот самый Вергон? Хозяин «Вергон энтерпрайзис»?



Она сокрушенно вздохнула.

- Совсем за новостями не следишь? А ведь каких-то четыре месяца назад моя свадьба была главной темой мультивида. Да, тот самый Вергон. Который десять лет назад возглавил мелкую новоиспеченную фирму по строительству нуль-порталов и вырастил из нее могучую корпорацию, набрав на тридцати трех планетах более миллиона работников.

Насчет новостей - это правда, ими я почти не интересовался. Но про Вергона Дона кое-что слышал. Однако в самом начале, когда Джинджи заявила о своем замужестве за богатейшим производителем нуль-порталов в освоенной части Вселенной, его имя не пришло мне на ум, и на то имелась причина.

- Гм... - промямлил я. - Но разве он... не андроид?

- Самый что ни на есть.

- Гм... Не хочешь ли ты сказать, что вышла за андроида?

- Ага. Но это не я дала ему вольную и оплатила гуманизацию, а прежняя хозяйка, какая-то старая кошелка, перед тем как протянуть ноги. Зато я сразу поняла: тут есть что ловить. Ну и приударила за ним. Если честно, шансов устоять у него не было. Уже через полтора месяца он сделал предложение.

Я долго тараторил на Джинджи, переваривая услышанное. Главный ее недостаток (так мне всегда казалось) - отсутствие нормальных для любого человека качеств, вроде способности сочувствовать кому-либо, кроме себя. Ничего подобного у нее, похоже, не было с самого рождения. Вот андроиды, те могут имитировать эмоции, иной до того наловчится, что его даже за человека можно принять, если, конечно, не проверять биосканером. Но все равно это будет фикция. Потому-то в Союзе Миров даже освобожденного андроида конституция не наделяет всеми правами биологического разумного объекта, или если коротко - биораза. Спокон веку андроиды считаются собственностью. Но теперь и собственность обладает своими возможностями.

На любой планете, в любой расе, конечно, хватает жалельщиков и доброхотов, они с пеной у рта добиваются, чтобы андроидов-вольнотпущенников уравнили в правах с биоразами, но закон покамест непреклонен. Главный аргумент поистине железный: пусть андроид - самая сложная машина за всю историю технологической цивилизации, но все-таки машина.

И тут я расхохотался.

- Что смешного? - удивилась она.

- Тебе не понять.

Джинджи изобразила свою фирменную горькую обиду.

- Думаешь, измаялась бабенка одиночеством, вот и прикупила себе андроида для любовных утех? Ошибаешься. Он, между прочим, освобожденный и гуманизированный, так что любую мог выбрать. Уж

поверь, женщин вокруг него вилось в избытке. Это самая настоящая любовь с первого вклада.

- С первого взгляда.

Джинджи нахмурилась:

- Если понимаешь, о чем я говорю, для чего поправлять каждый раз? Знал бы ты, как меня бесила эта твоя манера...

- Не нравлюсь? - перебил я. - Не навязываюсь. Можешь встать и уйти.

- Ой! Нет-нет, миленький, не сердись. Это все нервы. Я такая расстроенная! Прости меня, ладно? Ах, мне бы пройти школу жизни вроде той, что досталась на твою долю! Очень многому я у тебя научилась, спасибо превеликое, но далеко не всему. - Она печально вздохнула. - Ладно, вернемся к делу. Повторяю, это была любовь с первого взгляда. Но потом Вергон, скотина этакая, взял и все испортил, сделавшись человеком.

Уже поднесенная ко рту чашка дрогнула, и кофе пролился на стол.

- Что-что?!

- Ага! Я таки разбудила в тебе интерес! Как раз накануне свадьбы он мне преподнес сюрприз: на репетицию торжества явился самый настоящий человек. И с собой захватил портативный биосканер, чтобы показаться нашим гостям. Я была в шоке, и это мягко сказано. ПБИ - процедура биологического импринтинга, слышал про такую? В лаборатории выращивается биораз, а потом микролазерами в его мозгу записываются воспоминания и мысли андроида.

Я взял салфетку и стер кофейные брызги со стола. Об упомянутой Джинджи процедуре мне доводилось слышать, но разве она не застряла на стадии исследований и разработки? А есть еще всевозможные сопутствующие этические проблемы...

- Неужели Союз Миров дал этой затее зеленый свет?

- Нет, конечно, - ответила Джинджи. - Может, и согласится когда-нибудь, но нам с тобой не дожить... Однако деньги, как тебе известно, могут все. И раз уж андроид превратился в человека, что прикажешь с ним делать? Биосканирование подтвердило: мой муженек отныне принадлежит к человеческому роду. И вдобавок, просто на всякий случай, он позаботился о том, чтобы законные права на владение «Вергон энтерпрайзис» перешли к его человеческому телу.

- Но ради чего все это? - спросил я.

Она состроила брезгливую гримаску.

- Хотел сделать мне приятное, конечно. Сказал... сказал... - Она запнулась, и на ресницах заблестели слезы. - Сказал, что я, может, и не пойму, в чем разница, но он-то будет знать. Он будет испытывать то, чего не испытывал раньше.

Глядя на столь внезапное излияние чувств, я не слишком-то верил в ее искренность.

- Ты на него в обиде?

- Нет! Какие могут быть обиды. Но он теперь совсем другой! Дафф, вряд ли ты моим словам поверишь, но я его любила - того, прежнего.

- А это точно он? Ты уверена, что процедура не отразилась на личности?

Она взяла мою салфетку и промокнула глаза.

- Да как сказать... У Вергона-человека вся память Вергона-андроида. Он даже тело заказал похожее. И поначалу вел себя как раньше. Но... стал меняться. Все время мрачный. Впал, понимаешь ли, в глубокую депрессию. На фирме это сказалось не лучшим образом, дела пошли вкривь и вкось. А тут еще корпоративная война... Я его спрашиваю: ради чего? Неужто я тебя андроидом мало любила? - Джинджи всхлипнула. - Наверное, ты был прав насчет меня. Я и вправду совсем безнадежная.

Уж не знаю, как я преодолел мощнейший порыв взять ее за руку.

- Так что же случилось?

- Он решил снова стать андроидом.

- И стал?

Она кивнула.

- Прошел процедуру вспять. Заказал новое андроидное тело - оригинал-то уничтожил. Выступил перед прессой с объяснением: мол, с самого начала так запланировал, хотел испытать на прочность законы, ограничивающие его права, но я-то знаю, в чем соль. Он для меня старался, хотел, чтобы я была счастлива.

- Так чем же ты недовольна?

Джинджи посмотрела на меня туманными глазами.

- Чем недовольна? - переспросила она. - Тем, что его больше нет.

- Больше нет? В смысле умер?

Она отрицательно качнула головой:

- Надеюсь, жив. Он исчез, после того как прошел импринтинг и дал пресс-конференцию. Помощникам сказал, что ему нужно в туалет, а когда они заглянули туда, его и след простыл. И минуло с тех пор без малого полтора месяца.

- Андроиду понадобилось в туалет? - удивился я.

- Вот и помощники потом сообразили, какого сваяляли дурака.

Привыкли, что он человек.

- Ты еще к кому-нибудь из детективов обращалась?

- Нет, - ответила она. - Не рискнула.

- Почему? С твоими-то деньгами могла бы нанять целую свору ищеек. Так больше шансов его найти.

Она снова покачала головой:

- Дафф, ты не понимаешь. Говорю же, его бизнес переживает не лучшие времена. Акции «Вергон энтерпрайзис» падают, их спешно скупает другая корпорация, «Грэнджер холдингз». Вергона нет, успокоить акционеров некому - они запаниковали и начали сбрасывать.

«Грэнджер» делает то же, что и «Вергон», - нуль-порталы. Вот и решил уничтожить конкурента. Если сумеет прибрать к рукам наши активы, то сразу распродаст оборудование, чтобы покрыть свои убытки, а потом уволит весь персонал.

- Но какое отношение это имеет к найму других частных сыщиков?

- Я никому из них не могу довериться! Между прочим, за мной следят, я это точно знаю. - Джинджи завертела головой, шаря взглядом по вокзальной сутолоке.

- Никого, кроме туристов, не вижу. Да и какой смысл за тобой следить?

- А такой! Им не нужно, чтобы я нашла Вергона. Им нужно, чтобы акции оставались дешевыми, а если объявится Вергон, цена может подскочить. Акционеры решат подождать: а ну как наш великий умник что-нибудь придумает? Найму другого сыщика - а потом окажется, он сговорился с врагом. Нет, слишком рискованно.

- Мне ты доверяешь, стало быть?

Она кивнула:

- Дафф, мне нужна твоя помощь. Без тебя мне не справиться. Необходимо найти моего мужа.

На это я ничего не сказал.

- И если не желаешь сделать это для меня, - подпустила патетики в голос Джинджи, - сделай это для миллионов работников «Вергон энтерпрайзис», иначе они завтра окажутся без средств к существованию. Помогите им, Дафф! Даже если он мертв... - Она помолчала, прикрыв глаза, видимо, собиралась с духом. - Если он мертв, я должна об этом знать. Фирма, по крайней мере, получит нового хозяина, способного поправить дела. Но совет директоров не пойдет на это, пока не будет установлен факт смерти Вергона.

Услышанное походило на правду. Да и проверить несложно, поэтому я решил принять все относящееся к Вергону за чистую монету. Но это не значит, что я не испытывал сомнений в мотивах Джинджи.

Однако мне стало интересно, почему такой человек... виноват, такой андроид, как Вергон Дон, ни с того ни с сего взял да исчез, тем самым поставив под удар плоды своего многолетнего самоотверженного труда. Уже ради одного этого стоит его разыскать, утолить любопытство. И быть может, чем черт не шутит, я и впрямь сделаю доброе дело.

Не говоря уже о том, что плата мне обещана очень даже заманчивая.

- Так и быть, - кивнул я, - найду твоего благоверного.

- Ура!

- Только деньги вперед.

Она положила ладонь на мою кисть, успокаивающе пожала.

- Ну конечно, миленький. Как скажешь, так и будет.

У нее распахнулись глаза и чуть раздвинулись губы, и я будто вновь услышал, как эти же слова она шепчет мне жаркой ночью на атласной

простыне. Прочь, воспоминания о нежности и страсти!  
Деньги. Я это сделаю только ради денег.

\* \* \*

Кредиты поступили на мой счет через десять минут после того, как Джинджи совершила гиперпространственный переход обратно в Премиум Пальфации, где располагался главный офис «Вергон энтерпрайзис». Сумма была вдвое больше, чем я нагло заломил; сосчитав нули в конце, я даже связался по некс-линку с банком и спросил, нет ли ошибки. Но и после этого сомневался до конца дня, палец о палец не ударив ради выполнения заказа. Но, в конце концов, позвонил администратору гостиницы и попросил двухнедельный отпуск по личным обстоятельствам, пообещав обязательно доделать начатую работу. В душе я надеялся получить отрицательный ответ, Но этого не случилось.

Не имея более поводов для бездействия, я занялся розыском мистера Вергона Дона, андроида, который стал человеком, который стал андроидом.

Прежде всего я обратился к инженеру-биомеханику, специалисту по подобным превращениям. И случайно попал именно на того, кто проделал ПБИ с Вергоном и помог ему очеловечиться, - на долговязого и сухопарого дульнарийца по имени Бвер Фвер. Сперва я попробовал связаться с ним через вид, но шикарная блондинка с идеальными формами, какие бывают лишь у андроидов, ответила, что я могу прибыть в офис во второй половине дня, доктор меня примет.

Клиника его, «Майнд-боди технолджис», расположилась на одной из старейших и богатейших планет Союза Миров. Этот газовый гигант носил имя Джеллон, имел свыше миллиарда населения и более сотни нуль-порталов, поэтому не было никакой необходимости добираться рейсовым лайнером или «челноками». Но слишком уж долго я прожил, во всем себе отказывая, чтобы вот так запросто взять и раскошелиться на прямой гиперпереход. Поэтому скачки по Галактике и топтание в очередях к постам иммиграционного контроля отняли два часа. Наконец я добрался до нее, до блестящей черной башни, вмещавшей в себя клинику Бвера Фвера.

Еще два часа я прождал в вестибюле; за это время три андроида, белокурые секретарши, осведомились насчет цели моего визита. Поэтому я пребывал не в лучшем расположении духа, когда четвертая пышнотелая блондинка проводила меня в кабинет. По ту сторону стола поднялся некто, зловещий на вид: темный, с волчьей статью, с кожей, как у слона. Даже игриво-голубой костюм с красным галстуком не скрадывал зловещего вида, но я не поддался страху, а лишь дал волю

поднакопившемуся раздражению.

- Вот как вы обращаетесь с людьми, которым назначаете встречу! - отчитал я эскулапа. - Каково же приходится всем остальным?

Глазки-бусинки вспыхнули на миг, но больше он ничем не выдал своих чувств. Я тотчас сообразил: передо мной не простой дульнариец, который перепрыгнул бы через стол, чтобы схватить меня за горло. На малейшую провокацию эта раса реагирует только так.

Лет десять назад не было для Союза Миров опасности большей, чем дульнарийцы. Тридцать лет длилась кровавая война, и теперь они предпочитают работу попроще и поскучнее - очень уж далеко назад оказалась отброшена их цивилизация. Но есть и другая причина, она кроется в самой природе дульнарийцев.

Ведь они телепаты, соединенные друг с другом мысленной связью. Сообща - невероятно разумные, порознь же - не смышленнее робовеника с искусственным интеллектом минимального уровня. Просто в голове не укладывается, как данной особи удалось превзойти свою натуру и сделаться великолепным биомехаником, которому знаменитый Вергон доверил собственную жизнь.

- Мистер Дафф, - протянул руку доктор, - уж не сердитесь, что заставил ждать. Это из-за совещания с сенаторами: некоторые мои просьбы они приняли в штыки, пришлось уламывать.

Впервые в жизни я обменивался рукопожатием с дульнарийцем. Его четырехпалая кисть оказалась поменьше моей, зато кожа - крепче и толще. Вообще-то хватает людей, которые меня бы не поняли и даже осудили - это в основном ветераны или жертвы дульнарийских зверств, но я ни в тот, ни в другой лагерь не попал, уж так судьба сложилась.

- Просто Дафф. Между прочим, я бы не отказался потолковать и при посредстве вида.

- Да, безусловно, это было бы намного удобнее, - кивнул он. - Но я испытываю необходимость в беседе с вами вживую. - Он вдруг на секунду замер, и это очень походило на глюк в работе вида. - Да-да, совершенно верно. Весьма необычно.

- Виноват, не понял, - буркнул я.

- Гм?..

- Что тут необычного?

- Вы о чем?

Он, похоже, уже и не помнил им самим произнесенное миг назад. Это что, какая-то разновидность шизофрении? Или нуль-безумие, которое можно подцепить при гиперпереходе? Вдобавок я никогда не слышал, чтобы дульнариец так четко выговаривал слова, тем более находясь в Премиуме Союза Миров.

Он мановением кисти указал на одно из двух кресел, стоявших напротив. При этом слегка повернул голову вбок - тут-то я и заметил у него за ухом нечто черное и электронное, с крошечными мигающими

синими и красными лампочками.

- У вас имплантат, - констатировал я.

- Ну да, - подтвердил он, не выказав ни малейшего недовольства бесцеремонностью посетителя. - Причем моего собственного изобретения. Сейчас я делаю имплантаты куда менее топорные, и они целиком помещаются внутри, но этот столь плотно интегрировался в мои биологические процессы, что удалить его - проблема.

- Вот, значит, почему вы...

- Поумнее среднего представителя дульнаррийской расы? - договорил он за меня. - Верно. В имплантате содержится сотня зрелых дульнаррийских интеллектов. Все они, конечно же, искусственные, но мой разум не видит никакого отличия... Для этого времени года прилив крови к лицу выглядит весьма необычно.

- Прошу прощения...

Мой собеседник озадаченно заморгал.

- Гм?..

- Вы что-то сказали насчет прилива крови, необычного для этой поры.

- В самом деле? А, ну да. Побочные эффекты. Видите ли, имплантат меня обеспечил разумностью небольшой группы дульнаррийцев, но я еще не отладил как следует процесс фильтрации, необходимый для деятельности настоящего коллективного сознания. Поэтому я могу время от времени произносить слова, для вас не предназначенные. Заранее приношу извинения. Садитесь, пожалуйста.

Я сел, он тоже. В трех окнах позади виднелся шикарный городской горизонт, в комнате же все без исключения казалось абсолютно стерильным: стол с вмонтированными в него монитором и клавиатурой, три кресла, а больше и нет ничего, даже парочки головидов на стенах.

- Вообще-то я и не намеревался проводить тут много времени, - пояснил он.

- Вы о чем? - не сразу сообразил я.

- Да о комнате. Я же заметил, как вы ее оглядываете. Она, знаете ли, в основном для приемов. Сам-то я настоящая лабораторная крыса, меня за уши от экспериментов было не оттащить, пока моя фирма не сменила собственника. Новые хозяева кое-что реорганизовали, ну а мне пришлось согласиться на новую роль, более, так сказать, представительскую. - Последнее слово он сопроводил смешком, отчего я мигом вспомнил сказку про Красную Шапочку и волка, который рядился человеком и вообще притворялся не тем, кем являлся.

- Теперь вместо экспериментов междусобойчики с сенаторами, вы об этом? - спросил я.

- Именно так. Ох, до чего же скучное времяпрепровождение... Да, в «Сетифайне» продаются мультивида... Но вам, конечно же, это все неинтересно. Позвольте же наконец объяснить причину нашей встречи.

Когда Джинджи Дон в первый раз обратилась ко мне с вопросами, я был совершенно убежден: исчезновение ее мужа с перенесенной им операцией никак не связано... По крайней мере, в процедуре биологического импринтинга нет ничего такого, что могло бы дать подобный результат. Все прошло как по маслу, и тщательная проверка это потом подтвердила... Низкогравитационная йога после завтрака - что может быть лучше?.. Если он действительно исчез, то это либо его собственный выбор, либо похищение, и никакие дефекты, способные менять психику наших клиентов, тут ни при чем. - Едва договорив, дульнариец покачал головой: - Однако теперь я не очень-то в этом уверен.

- Вы о чем?

Ответил он не сразу - прежде сложил длинные узкие кисти и в эту лодочку уткнул свою вытянутую физиономию.

- Кто-то покопался в нашем оборудовании.

- Вот как?

Он поднял глаза и посмотрел на меня в упор.

- Потому-то я и захотел, чтобы вы лично прибыли сюда. Уже и не знаю, кому верить... Кайлор пообещал, что через несколько дней головные боли пройдут...

Комментарий насчет головных болей я пропустил мимо ушей.

- Вы прямо-таки вторите нашей Джинджи. Она тоже не доверяет никому.

- Дафф, если откровенно, я вовсе не уверен, что могу доверять вам. Пока вы томилась ожиданием в приемной, мы анализировали ваши ответы на наши вопросы. И пришли к выводу: вы действительно ведете расследование смерти Вергона Дона.

- То есть вы меня на детекторе лжи проверяли?

Он кивнул.

- Вообще-то даже на трех. Уж не обессудьте, но я должен быть уверен... Похмелье - не лекарство от жизненных неурядиц...

- Так кто же совал нос в вашу технику?

- Если бы я знал, - развел руками он. - Вряд ли бы мне тогда понадобилось ваше содействие.

- А что именно произошло?

Он забарабанил по столу ногтями. У дульнарийца ноготь имеет тот же вид и молекулярное строение, что и вулканическое стекло, я будто услышал звон винных бокалов.

- Трудно сказать. Факт вмешательства вскрылся при глубокой диагностике оборудования, а значит, тот, кто в нем копался, очень хорошо понимал, что делает... Нет, на Лацтор я не летаю и в матемакс не играю.

- Скажите, человеческое тело сохранилось?

- Ну что вы! От тел мы избавляемся в обязательном порядке. Я лично



присутствовал при кремации.

- Вы... его убили?

- Помилуйте!.. Хотя по закону Союза Миров такое деяние можно квалифицировать как преступное, на Джеллоне оно вполне укладывается в рамки закона. Здесь разрешено самоубийство; его-то и совершил Вергон Дон, причем в присутствии нескольких свидетелей от прессы - комар носу не подточит. Ему нужна была полная гарантия того, что новый андроид по имени Вергон Дон будет единственным Вергоном Доном. А иначе возможны очень неприятные юридические каверзы... Я вижу, мистер Дафф, вам все это не слишком нравится.

- Что да, то да, - согласился я. - Ведь для того Вергона Дона, который человек, - это самая настоящая смерть. Или нет?

- Нет, - возразил мой собеседник. - Для вас, как и для большинства биоразов, запущенная вспять процедура биологического импринтинга и впрямь имеет сходство со смертью... Да, я слышал, у этого фрукта восхитительный вкус... Мало кто из людей захотел бы ей подвергнуться. Но ведь андроид - не что иное, как идеальная копия идеальной копии, он совершенно неотличим от оригинала.

- Не вижу причин не верить вам, - вздохнул я. - Если не секрет, кто вас купил? Вашу фирму, в смысле.

- Межгалактическая корпорация... из тех, что норовят от всего на свете отхватить по кусочку. Называется «Грэнджер холдингз», и наверняка вы прежде о ней не слышали.

- Вот тут вы ошибаетесь. - Я постарался не выдать удивления. - И сделка с «Грэнджером» была заключена прежде, чем вашими стараниями Вергон снова превратился в андроида?

- Верно. Случилось это после того, как я подверг его ПБИ, и до того, как он вернулся в прежнее свое состояние. Я ему объяснил, что более не имею права своими руками осуществлять подобные операции, все будет сделано роботами, поскольку «Грэнджеру» угодно поставить дело на поток. А он в ответ: достаточно, если я всего лишь присмотрю за процессом... У вас что, аллергия на арахис?

- Не могли кто-нибудь что-то изменить в новом андроиде Вергоне?

Бвер Фвер кивнул:

- Не исключено. Честно говоря, именно этого-то я и боюсь... Шекспир не такой уж плохой писатель для человека... Допускаю, у нового Вергона не все в порядке с рассудком либо подкорректированы его воспоминания. Если вы его найдете и мои опасения подтвердятся, вина падет скорее на «Майнд-боди технолоджис», нежели на тех, кто перенастроил оборудование.

- Ага, - кивнул я. - Кажется, понимаю.

Взгляд его темных глаз как будто норовил просверлить меня насквозь.

- Кажется или понимаете? Дафф, почему я задаю этот вопрос, как думаете? Хочу, чтобы в процессе поиска вы были осмотрительны и

благоразумны. И за эту осмотрительность, за это благоразумие я готов платить достойные деньги.

- Другими словами, если я его найду и он окажется психом, мне надо будет лгать?

- Ну что вы! При чем тут ложь? Просто не спешите оглашать правду, пока мы не обречем уверенность, что имеем на руках убедительные доказательства своей невиновности. Надо будет провести дополнительную диагностику, а это потребует времени... Дульнаррийцам шампунь вроде бы и ни к чему... Так какую цифру вы хотели бы увидеть в графе поступлений?

Насчет дополнительной диагностики у меня почему-то сразу возникли сомнения. Доказательства, скорее всего, будут подтасованы, если не сфабрикованы полностью, и никому не придет в голову кого-то в чем-то обвинить.

- Ноль, - ответил я.

- Простите?

- Дорогой Бвер Фвер, я не работаю одновременно на двух клиентов.

- Понял.

- Но вот что я вам скажу. Если удастся найти Вергона и он окажется психом, вы обязательно узнаете об этом.

Он насупился.

- Вы сама любезность... Моя мама-стручок все еще уверена, что никаким модификациям я не подвергался.

- Маме-стручку передайте мои наилучшие пожелания.

- Что-что?

Я ушел, не ответив.

\* \* \*

Следующие два дня мне не дали ничего, кроме неверных поворотов, глухих тупиков и растущей усталости. Решив оставаться на Джеллоне до тех пор, пока не отыщется след, я почти не отлипал от вида в дешевой гостинице - старые привычки с нами прощаются неохотно. Я задавал вопросы многочисленным друзьям, знакомым и работникам Вергона Дона. Мало-помалу нарисовался портрет осторожного, спокойного и рассудительного андроида, который обернулся еще более спокойным, осторожным и рассудительным человеком. Если и было в его жизни хобби, то лишь с недавних пор, когда ему втемяшилось осчастливить трехгрудую женщину. Почти все свое время он отдавал работе.

Ничего дельного не смогли мне сказать даже ближайшие помощники Вергона, они лишь отметили, что в человеческом качестве он стал еще более сосредоточенным. Ежели бедняга и впрямь сорвался с резьбы,

куда его могли понести черти? На такой вопрос иногда помогают ответить увлечения, интересы, любимые места. Не имея более перспективной отправной точки, я стартовал с этой.

И лишь на третьи сутки меня осенило: а может, он и не уходил никуда?

Может, он по-прежнему здесь, на Джеллоне?

Как и опрошенные мною люди и нелюди, исчезновение Вергона Дона я объяснял его высочайшей квалификацией: он же гений в инженерном деле, такому ничего не стоит обмануть охранные сканеры в любом космопорте или нуль-портале. Но ведь и без сканеров риск велик. Нет, самое логичное для него - оставаться на Джеллоне, пользуясь всеобщей уверенностью в том, что он способен с легкостью перебраться куда угодно.

Ну а коли он здесь, то в какую сторону мог податься?

Скорее всего, он предпочел уютное для андроидов место. Сразу приходит мысль о большом городе с плотными электросетями и высокоскоростными некс-линками. Я уже составлял список нечистых на руку знакомцев, надеясь через криминальное подполье мегаполисов выйти на верный след, как вдруг сообразил: тяну пустышку.

Нет, не в большой город отправился Вергон. Слишком уж он сметлив для такого простого хода. Он спрятался там, где никто не додумается искать андроида.

Тем самым он существенно облегчил мою задачу, ведь Джеллон - технологически развитая планета, диких мест на ее поверхности раз-два и обчелся. Провести долгий срок в отрыве от цивилизации андроид может в пустыне Харло, у трех морей Кинл или в джунглях Нельсани. Все это порядочная глушь, без проводника туда лучше не соваться. Если верна моя догадка, дело за малым - найти этого самого проводника.

Я закачал в наладонник список турагентств и всяких прочих гидов-индивидуалов и вышел на запруженную народом улицу. Шагал мимо лавок со всевозможными товарами, с горластыми представителями всех известных рас, дышал воздухом, густым от пряностей и масляного чада. Уже одолел полдороги до ближайшего нуль-портала, когда безошибочно почувствовал: следят.

В плотнейшей толпе, где и руку-то с трудом поднимешь, я ухитрился повернуть за угол и там вскоре юркнул в какую-то темную нишу. Решил постоять и поглядеть, не растеряется ли, не выдаст ли себя соглядатай. И дождался.

Из-за угла появился человек, мускулистый и светловолосый, в черном свободном плаще. Не увидев меня, он сразу припустил бегом.

Когда блондин почти поравнялся со мной, я бросился наперерез из своего укрытия. Мы едва не столкнулись лбами. Он застыл как вкопанный, но на лице при этом не дрогнул ни один мускул.

- Привет, дружище, - схватил я его за руку. - Надо бы нам словечком перекинуться.

Он рывком высвободился - с такой легкостью, словно пальцы у меня из бумаги, - и пустился наутек, шустро лавируя в толпе. Такую скорость выжал, что едва ли не пол-улицы оставил позади, пока я воздуху в легкие набирал.

- Да погоди ты! Вернись!

Не самые оригинальные слова, согласен. Однако ничего умнее я придумать не успел.

\* \* \*

Лишь через три недели я забрел в бамбуковую хижину на краю Гоноа, крошечной деревеньки, одной из пяти приютившихся у подножия гор Нельсани. Снаружи ливень рубил растения на манер мачете. Даже когда за мной захлопнулась дверь, рев буйной стихии не утих ни на децибел.

Усталый и злой, я был готов сдаться. Вот уже неделю готов, но все же находил в себе волю идти к очередной цели. Беда в том, что целей почти не осталось. В пустыне Харло я обыскал каждый бархан, потом обшарил все три моря Кинл, а теперь и джунгли Нельсани большей частью прочесаны.

В хижине я увидел стойки с охотничьим оружием, стеллажи с альпинистским снаряжением. С потолка свисали обычные для здешних мест конусовидные лодки. Из динамиков в углах комнаты лилась популярная музыка, каковой на Джеллоне служит режущая уши смесь дзыньканья и лязга. Спасибо дождю хотя бы за то, что он худо-бедно заглушал эту какофонию. В помещении стоял густой пряный дух джунглей, он впитался абсолютно во все и, уподобившись хамоватому гостю, не собирался восвояси.

Никого не увидев, я раздвинул репеллентные плащи и антигравитационные мокасины и обнаружил стойку заказа экскурсий. Она тоже пустовала. Но за стойкой я углядел комнатку, вход в нее был занавешен бусами. От шедшего оттуда едкого запаха с легкой примесью лимона у меня заслезились глаза.

- Есть кто-нибудь? - позвал я.

Меж бусами просунулась голова: терракотового цвета кожа, сверху - блестящая лысина, снизу - густая борода. Вот он появился весь, в камуфляжной жилетке, сжимая в жилистых руках бухту желтой веревки. Я заметил розовый зубчатый шрам на правом плече и серебряную проседь в бороде, но гадать насчет его возраста не взялся. Запросто может оказаться и тридцать, и пятьдесят.

- Добро пожаловать на Нельсани, господин хороший, - пустил он

дымок из ноздрей, отчего еще пуще запахло лимоном. - Чего изволите? Может, экскурсию? Давайте сегодня запишемся, а как только...

- Вообще-то я ищу кое-кого.

- Правда?

- Я ищу андроида. Это Вергон Дон, весьма известная личность. Слышали о таком?

Терракотовокожий тарацился так, словно к нему обращались на незнакомом языке.

- Есть основания полагать, что он находится на этой планете, - продолжал я. - В глухом углу, вдали от цивилизации. Может, вам доводилось с ним встречаться? Или вы хотя бы что-то слышали?

Лысый бородач молчал, только пялился на меня и загадочно моргал.

- Приветствуется любая помощь. Его жена очень волнуется.

С таким же успехом я мог обращаться к истукану. А не придушить ли этого типа? Вряд ли получилось бы - детина был изрядного сложения, но отчего же не попытаться?

- Вы меня хоть слышите? - повысил я голос.

- Да слышу, слышу. Просто решаю: а стоит ли вам помогать?

Мигом надежда моя отрастила крылья. Неужто я наконец сдвинулся с мертвой точки?!

- Так вы виделись с Доном?

- Разве я это сказал? Но посодействовать вам в моих силах.

- Это каким же образом?

Он повесил на крюк веревку и снова повернулся ко мне.

- Зависит от того, насколько важна для вас моя информация.

Я заскрежетал зубами.

По выражению его лица я понял: это не жульничество. Он сам верит, что способен помочь.

- А откуда мне знать, что ваша информация чего-нибудь стоит?

- Чтобы это выяснить, - пожал он плечами, - придется заплатить. Короче, вы думайте, а мое дело маленькое. Уж извините, господин хороший, мне работать надо...

- Ладно, согласен.

Я перевел сумму на его счет и услышал: он кое с кем знаком, и этот кое-кто меня кое к кому отведет. Пришлось опять раскошелиться. Кое-кто, оказывается, он сам. Еще одна скромная сумма, и мне было велено ждать его снаружи через десять минут.

\* \* \*

Посвятив три часа горному туризму, мы наконец проломились через стену кроваво-красных лоз тасида и очутились на поляне. Дождь шел только на протяжении первого часа, а другие два побаловали нас

таким пеклом, что впору удивляться, отчего не спаялись наглухо веки. Одежда моя - и это не менее чудно - осталась мокрой, хоть выжимай. Проводник мне продал самые лучшие противολивневые доспехи из его ассортимента, но, похоже, я просто выбросил деньги на ветер.

Перистые ветви грибообразных деревьев очень скупно пропускали солнечный свет, который отражался от зеркального экстерьера поставленной в центре прогалины палатки. Солнечные панели, сообразил я. А ведь разумно. Ничего, что свет чахленький - на одного андроида заряда батареи хватит.

Проводник (велевший звать его Акифом Эниксом, и это, пожалуй, единственное, что было им сказано за всю дорогу в ответ на мои бесчисленные вопросы) указал на жилище. Я лишь молча кивнул - не до комментариев, тут отдышаться бы. А он вроде даже ничуть не взопрел. Сколько ж лет надо лазать по этим горам, чтобы получить такую закалку?

- Вергон, вы здесь? - окликнул я.

Полог, хоть и не сразу, но откинулся. И вот он передо мной Вергон Дон собственной персоной, во плоти. А если точнее, в силиконопластмассовой смеси. На нем, как и у моего гида, камуфляж, только глухой, закрывающий тело до последнего квадратного дюйма. И не такой уж он высокий и представительный, как на голографических снимках.

- Как вам удалось... - андроид осекся, увидев Акифа. - Ах, вот оно что. И сколько же он заплатил?

- Достаточно, - буркнул проводник.

- Все же хочется знать, какова цена вашей лояльности.

- Раньше надо было об этом спрашивать.

- Пожалуй, - кивнул Вергон. - Выходит, рано или поздно все упирается в деньги.

Акиф промолчал, стоя с непробиваемым видом. Вергон повернулся ко мне.

- Это она вас наняла?

Я кивнул.

- Сразу так и подумал. А вторая мысль - вы убийца, подсланный «Грэнджер холдингз». Но в этом случае я уже был бы мертв. Кто вы?

- Меня зовут Декстер Дафф.

- Что ж, мистер Дафф...

- Просто Дафф.

- Хорошо, пусть будет просто Дафф. Догадываетесь, почему я здесь?

Я внимательно смотрел на него. На сумасшедшего вроде не похож, хотя по этой части я не спец - в прошлом случалось ошибаться. Да и как определить, свихнулся андроид или нет? Вергон, по его словам, прячется от «Грэнджер холдингз». Ну а что если «Грэнджер холдингз» пытается вернуть беглеца по причине его неадекватных действий,

которые привели к резкому снижению стоимости фирмы?

Но была еще одна версия, над ней я скрипел мозгами уже несколько недель.

- Не возьму в толк, чем способна заинтересовать андроида женщина вроде Джинджи. Да и всякая другая женщина, если на то пошло. Вероятно, вы хотели узнать, каково это - любить по-настоящему. А получив желаемое, обнаружили: любовь - вовсе не то, что про нее напридумывали. Даже, возможно, вы совершили неприятное открытие: супруга не испытывает к вам нежных чувств. Так уж вышло, что я знаю Джинджи. Мы много лет знакомы. Она не из тех, кто способен влюбиться. Когда вы это поняли, разочарованию не было предела. И вы решили, чтобы не терпеть более душевную пытку, снова стать андроидом.

Какое-то время он молча буравил меня взглядом - вот так же ученый, наверное, разглядывает образец под микроскопом.

- А вы, Дафф, проницательный человек, - услышал я наконец.

- Если бы... Просто учусь на собственном печальном опыте. Когда-то я тоже запал на нее.

- У Джинджи редкостное обаяние, - кивнул Вергон. - В целом вы рассудили верно, хотя вовсе не разбитая любовь - причина моего ухода.

- Вот как?

- Да. Здесь я потому, что вскоре после свадьбы Джинджи вознамерилась меня убить.

А вот эта версия мне в голову не приходила.

- Но зачем? Вергон Дон - ее счастливый лотерейный билет. Вы дали ей богатство и известность.

- «Вергон энтерпрайзис» - ее счастливый билет. Да и вовсе не деньги нужны моей жене и не слава. Ей подавай власть.

- Все же не понимаю, для чего...

И тут до меня дошло. Вергон Дон может сделать Джинджи богатой, зато «Вергон энтерпрайзис» может ее сделать богатой и могущественной. Проблема в самом Вергоне. Фирма принадлежит ему. Но Джинджи теперь его жена, и...

- Я все понял. Джинджи теперь ваша жена, и если она от вас избавится, то получит наследство. Очень солидный куш!

- Вот именно. Я бы, конечно, упростил ей задачу, если бы остался андроидом, ведь очень немногие планеты дали нам те же права, что и биоразам. Уж она бы нашла способ меня выключить. Но когда я стал человеком, ей пришлось не на шутку задуматься. А у меня появилось необходимое время для подготовки побега.

Я сокрушенно покачал головой. Ведь знаю эту женщину как свои пять пальцев, почему же не разгадал ее замысел?

- Чувствую себя дурак дураком, - признался я.

- И зря, - утешил меня Вергон. - К стыду своему, я тоже ни о чем не догадывался, пока не стал человеком. Будучи андроидом, я объяснял ее необычное поведение иррациональностью человеческих эмоций. Когда же сам обзавелся человеческими эмоциями, обнаружил, что она-то их напрочь лишена - ну, может, за исключением алчности и сластолюбия.

- Получается, не стоило мне сюда приходить, - вздохнул я.

- Что да, то да. Вполне возможно, что вы привели «хвост».

Вспомнился шедший за мной несколько недель назад андроид. И позднее не раз возникало ощущение слезки, хотя мне и не удавалось засечь топтуна.

- Так вы считаете, что «Грэнджер холдингз» не ищет вас?

- Нет, не считаю, - ответил он. - И это все усложняет. Сюда я перебрался потому, что не нашел способа развестись, но мое отсутствие спровоцировало «Грэнджер» на атаку. Теперь я в крайне затруднительном положении. Мое бегство - это честная попытка защитить свыше миллиона работников «Вергон энтерпрайзис». Но они пострадают и в том случае, если контроль над фирмой достанется моей жене.

«Моей жене». Уж не знаю, почему меня жалила ревность всякий раз, когда я слышал из уст андроида эти слова. Да, конечно, работа есть работа, и нынче мне за нее платят как никогда, но разве дело в деньгах? Сколько бы ни платили, я не причиняю зла невиновным, если без этого можно обойтись.

Но так ли уж невиновен Вергон Дон? Так ли уж невиновен я сам? Оба мы втрескались в женщину, для которой любовь - пустой звук. И этим, пожалуй, заслужили наказание. Что бы ни случилось с нами - поделом.

Все же я сочувствовал этому андроиду, как, пожалуй, еще никому никогда не сочувствовал.

- Чем смогу, помогу, - пообещал я.

Глядя мне в глаза, он сказал:

- Хочу с ней поговорить. Может, и удастся на чем-нибудь поладить... если в ней осталась хоть капля порядочности.

- Ладно, попробуйте, - согласился я не без скепсиса. - Вы вернетесь со мной?

- Конечно.

Он достал ком-ком и вызвал гондолу, чтобы нас сняли с горы. Через двадцать минут мы уже направлялись к космопорту. Акиф провожал нас взглядом, и на лице его заоченело то же самое, что и при первой встрече, стоически-непокаянное выражение лица.

\* \* \*



За нуль-порталами власти наблюдают куда бдительнее, чем за космопортами. Исходя из этого соображения, мы и разработали план; было решено покинуть планету на корабле. Вергон облюбовал вечерний рейс, который отправлялся из ближайшего порта. До него гондола нас не довезла, высадив на своей стоянке, от которой мы ехали три часа в багги. И вот наконец вошли под своды космовокзала, в неумолчный шум толпы.

Потом мы торчали в баре, а за несколько минут до отправления рейса в Премиум Пальфации Вергон купил два билета, и мы поспешили к стойке регистрации, пристроившись в очередь за двумя волосатыми и вонючими срендийцами. Все равно что стоять возле синего коврика, впитавшего в себя ведро формальдегида.

Андроид повернулся ко мне:

- А ведь вы были в нее влюблены.

- Был.

- Почему не женились?

Я пожал плечами.

- Не успел - она сбежала. Наверное, сочла меня недостаточно богатым и влиятельным.

- Значит, вам очень повезло.

Я хохотнул, на что Вергон отреагировал удивлением - похоже, его слова не были шуткой.

- Одного не могу понять, - сказал я. - Бвер Фвер говорит, в процедуре обратного превращения произошел какой-то сбой. Вы-то сами хоть знаете, что там за проблемы? Он считает, у вас теперь мозги не в порядке, но по вашему поведению этого не скажешь.

Мы уже добрались до стойки, и Вергон приложил ладонь к пластине билетного контроля. У андроидов нет таких отпечатков, как у людей, но каждый имеет индивидуальную комбинацию цифр. Машина согласно пискнула и произнесла его имя, время отправления борта и номер выхода на поле. Перед нами продвигалась пожилая человеческая чета, оба с любопытством повернули головы. Ну, начинается. Теперь он опознан, и мне предстоит мандражировать до самого взлета.

Пройдя проверку личности и билета, Вергон уже был готов направиться в туннель безопасности на просвечивание. Глянув на меня, он сбавил тон до шепота:

- Мне известна только одна проблема...

Но дослушать до конца откровение моего спутника не получилось. Протрещал электроразряд, и у Вергона взорвалась грудь, разлетелась роем огненных брызг.

Весь объятый голубым пламенем, он повалился на пол. В один миг огонь сожрал андроида, не оставив ничего, кроме пыли.

Кругом орали, метались, топтали друг друга в панике. Шок мой не продлился и секунды; я повернулся и увидел убийцу. Он уже задал

стрекача, мой давешний знакомец, белесый андроид. Сейчас на нем был оранжевый с красным просторный плащ местного монаха.

Я кинулся вдогонку. Двигался-то он куда резвее, но допустил ошибку: оглянулся на меня. Аккурат в этот момент под ногу ему подвернулся скромный хлопотун робовеник. А еще через долю секунды верхом на злодее сидел я, прижимая к его подбородку лазерный пистолет. Лицо блондина оставалось совершенно бесстрастным, как будто он смотрел не на разъяренного частного сыщика, а на кухонный комбайн в процессе изготовления сыра.

- Говори, на кого работаешь! - взревел я.

Почувствовав, как нагревается под моими ладонями грудь убийцы, и увидев, что он закрыл глаза, я все понял и откатился, прежде чем рвануло.

\* \* \*

Очнулся я в больнице при космопорте. Два блестящих медробота лечили мои раны, дюжина полицейских в зеленых мундирах дожидалась снаружи. Я получил небольшую контузию и несколько неприятных порезов на лице и руках, но в целом, можно считать, отделался легко. За четыре часа удалось кое-как убедить полицию, что к смерти Вергона моя скромная персона отношения не имеет. Зато потом блюстители порядка оказали мне ценную услугу, выведя через черный ход - на другом маршруте меня подстерегали орды репортеров.

Но вот наконец космопорт позади, и я иду под жгучим солнцем в крошечную закусочную, временно оккупирую оборудованную ком-комом кабинку в дальнем углу. Пахнет там чем-то вроде мочи и дыма, и наяривает музыка из динамиков - даже через стеклянную дверь в мой закуток проникает кошмарное дребезжание нельсанийских арф.

Через десять минут на моей странице появляется Джинджи. Она сидит в отделанном плюшем салоне гондолы, серебристый наряд сверкает, будто он расшит бриллиантами. Камера ее снимает из низкой позиции, отчего три груди кажутся внушительной горной грядой.

- Ты его убила.

Она как будто удивилась.

- Миленький, это как понимать? Ты нашел Вергона?

- Джинджи, прекрати. Не поверю, что ты до сих пор новости не посмотрела.

Она повернулась и включила что-то для меня невидимое. Помолчала минуту, тяжело вздохнула.

- Какая жалость. Он для меня был всем.

Чего-чего, а жалости в ее голосе я не услышал.

- Да черта с два он для тебя что-то значил! Вергон стоял на твоём

пути, и ты его прикончила.

- Дафф, это очень серьезное обвинение. И у тебя есть доказательства?

- Ну, кое-чем я разжился.

- Весьма в этом сомневаюсь, - возразила она с высокомерной улыбкой. - Недоказуемо то, что не является правдой.

- Джинджи...

- Ну все, поговорили. У меня важные дела, знаешь ли: надо спасти фирму от враждебного поглощения. Теперь я стою во главе «Вергон энтерпрайзис», и можешь не сомневаться, дела этого предприятия скоро пойдут в гору. - Она посмотрела мне прямо в глаза: - Потому что я иду только к вершине, и самой прямой дорогой. Уж кому, как не тебе, Дафф, это знать.

- Джинджи! Какого черта...

- Да, я такая, люблю быть сверху. - Высокомерие в ее улыбке сменилось кокетством. - Нанеси мне визит, и я тебе это напомню. Давай завтра встретимся глаз против глаза...

- С глазу на глаз, дурища! - Я отключился.

Меня трясло от бешенства, хотелось рвать и метать. Джинджи победила. И это еще не худшее!

Хуже всего то, что на долю секунды, лишь на крошечную толику мгновения я допустил мысль: а не воспользоваться ли ее приглашением?

Еще никогда в жизни мне не было так тошно.

Только теперь я понял, почему вообще взялся за это дело. Наверное, спятил - иначе не объяснить потаенную веру в то, что мне удастся вернуть Джинджи.

\* \* \*

Возвратясь на Версатию, я решил с головой уйти в работу, то есть в проверку гостиничной охраны, дабы выбросить из головы Джинджи и все с нею связанное. Какое там! Сам не заметил, как пристрастился следить за войной между «Вергон энтерпрайзис» и «Грэнджер холдингз», причем болел за вторую фирму - авось Джинджи получит крепкого пинка и скатится с горы кувырком. Пусть победившая сторона уволит тысячи и тысячи работников, главное, что с ними заодно будет выброшена на панель одна прожженная стерва!

Я уже давно считал себя атеистом - слишком много дерьма навидался в жизни, чтобы верить в существование всемогущего бога, - но события, случившиеся вскоре, изрядно поколебали мою убежденность. словно кто-то внял молитвам оскорбленного частного сыщика - через месяц контроль над «Вергон энтерпрайзис» уплыл из рук Джинджи. Это

был настоящий крах, из которого она вышла с несколькими миллионами кредитов в кармане. Несколько миллионов - звучит, может, и солидно, но ведь это меньше сотой доли процента от стоимости ее имущества до того, как с ней разобрался «Грэнджер». Она, конечно, не слезала с вид-экранов: грозилась новыми тяжбами, обвиняла судей в несправедливости, но маститые юристы в один голос твердили: ей уже ничего не отыграть.

Что еще удивительнее, «Грэнджер» не развалил поглощенную фирму, а наоборот, расширил. Вместо увольнений -- повышение зарплат. Были заключены выгодные контракты по строительству нуль-порталов на планетах, недавно вступивших в Союз Миров - как будто «Грэнджер» заранее подготовил эти сделки, но заморозил их до окончания войны.

Был бы жив Вергон, его бы, несомненно, такой «проигрыш» несказанно обрадовал. Конечно, если он вообще был способен радоваться.

Вот тут-то я и сообразил наконец, что случилось на самом деле.

\* \* \*

Дождь лил струями, точно кнутами хлестал плотные нельсанийские джунгли. Переступив порог хижины, я откинул капюшон. Непогода непогодой, но в магазинчике кипела жизнь - в проходах толпились посетители, осматривая-ощупывая снасти. Акифа я нашел у прилавка, он как раз вынес коробку с обувью для косматой срендийки и ее столь же косматого дитяти. Я вежливо подождал, пока они не ушуршали прочь.

- А денек-то, смотрю, задался, - сказал я.

Акиф с пластмассовой улыбкой продавца повернулся на голос. Как только он узнал меня, улыбка сошла.

- Вот уж кого не ожидал еще раз здесь увидеть.

- Да неужели? - ухмыльнулся я. - Стало быть, вы обо мне не слишком высокого мнения.

- Что это значит?

- А вот что, Вергон.

Надо ему отдать должное - не моргнул даже. И тем самым лишь подтвердил мое подозрение. В заполненном покупателями и гулом их голосов магазинчике мы стояли и пялились друг на друга. По крыше лупил дождь. Я говорил негромко - даже ближайшая компания, обсуждавшая достоинства гравидосок, не смогла бы подслушать.

- Только, пожалуйста, не отпирайтесь, а то обижусь.

Он долго молчал, но в конце концов кивнул.

- И как же вам удалось узнать?

- Помогла парочка ваших проколов, - ответил я. - Во-первых, имя. Акиф Эникс, правильно? Аки феникс, воскресающий из собственного пепла. С этим вы малость перемудрили.

- Пожалуй.

- А во-вторых, наше совместное восхождение. Вы, помнится, даже не запарились.

- Ах, ну да. Как же я не догадался заказать потовые железы!

- Во всем же остальном - очень толково, - похвалил я. - Ни за что бы не догадался, если бы не следил за борьбой между «Грэнджер холдингз» и «Вергон энтерпрайзис». Как только я понял, что именно такой результат устроил бы вас более всего, стало ясно, почему «Грэнджер холдингз» купил «Майнд-боди технолоджис», ну и заодно до меня дошел смысл упомянутой Бвером Фвером технической проблемы. Оказывается, это и не проблема вовсе. Просто вам не удалось стереть все следы без остатка. Вы ведь сделали двух андроидов. Вы сделали двух Вергонов.

- Нет, - сказал он. - Был лишь один Вергон Дон, и его убили. Так было надо, иначе прахом пошел бы мой замысел. Перед вами Акиф Эникс. Это и есть моя личность.

- Но у вас сохранилась память Вергона?

- Да. Что касается намерений и целей, они остались прежними. Моя личность изменена только в физическом аспекте. Внутри я все тот же Вергон.

- Все тот же Вергон, который тайно держит контрольный пакет акций «Грэнджер холдингз»?

- Верно.

Я кивнул, восхищаясь изощренностью и смелостью плана. Ай да Вергон! Догадавшись, что Джинджи вознамерилась его убить, он решил: единственный способ остановить ее - это погибнуть на самом деле, чтобы фирма перешла в якобы чужие руки и наследница осталась не у дел. При разводе Джинджи отсудила бы, как минимум, половину его имущества, и это погубило бы «Вергон энтерпрайзис».

- Отчего ж вы сами ее не прихлопнули? - спросил я. - Ведь это был бы самый легкий выход.

- Легкий выход? - переспросил он. - Пожалуй. Но не такой я андроид, чтобы совершать столь тяжелый грех. И как бы плохо ни поступила Джинджи, мне по-прежнему безразлична ее судьба. Потому-то я и оставил ей кое-какие деньги. А ведь легко мог разорить дотла и загнать в долги. Нет, дурного я ей не желаю. Всего лишь хочу, чтобы она не делала зла другим.

- Знаете, а ведь это похоже на любовь.

- Называйте, как хотите.

Он достал из-под прилавка наладонник, потыкал пальцем в крошечную черную клавиатуру.

- Ну, и сколько вам нужно?
- Вы о чем? - опешил я.
- Полагаю, вы пришли, чтобы получить плату за молчание.
- А-а... Нет, я пришел не за этим. Всего лишь хотел удостовериться.

Отличная работа! За вашу тайну можете не беспокоиться.

- Спасибо, - кивнул он. - Теперь я ваш должник.
- Только одного никак не возьму в толк, - посмотрел я ему в глаза.
- Чего именно?
- Почему вы не остались человеком? Могли ведь и не андроиду передать свою личность. Или считаете, что быть андроидом лучше, чем человеком?
- Нет, дело не в этом. Быть человеком мне вообще-то понравилось, хотя репортерам я говорил иное. И в том, чтобы андроид превращался в человека и наоборот, я не вижу ничего плохого.
- Ну так?..

Акиф Эникс выглядел задумчивым, а я мог лишь гадать, в какой мере он на самом деле задумчив, а в какой кажется. Мозг андроида работает в миллион раз быстрее моего, любой ответ он способен выдать за наносекунду все же прочее для отвода глаз. Или я не прав, и бывают проблемы, над которыми можно ломать голову и секунду, и миллион секунд, вот только результат будет одинаков?

- Не уверен, что могу толком объяснить свое решение, - проговорил он.
- А вы попытайтесь.
- Пожалуй, лучше закончить этот разговор простенькой пословицей: счастье в неведении.

Мой собеседник не уточнил, что он имеет в виду - как раз в этот момент подошел с вопросом любитель катания на гравидосках. Да я бы и спрашивать не стал. Андроид, как ни крути, создание бесчувственное. Ему не дано понять, как это больно, когда тебя бросает тот, кого любишь. Я даже немного завидовал Вергону по этой части. Он-то, поди, верит, что любил когда-то Джинджи... вот только воспоминания его уже не ранят.

И если бы не леденящий ужас от одной лишь мысли о расставании моей сущности с моим же телом - как знать, может, я бы попросил, чтобы он и меня переделал в андроида.

**Перевел с английского Геннадий КОРЧАГИН**

© Scott William Carter. The Android Who Became a Man Who Became an Android. 2010. Печатается с разрешения автора и его литературного агента. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

ЙЕН УОТСОН, РОБЕРТО КВАЛЬЯ

## НАВЕКИ ВМЕСТЕ

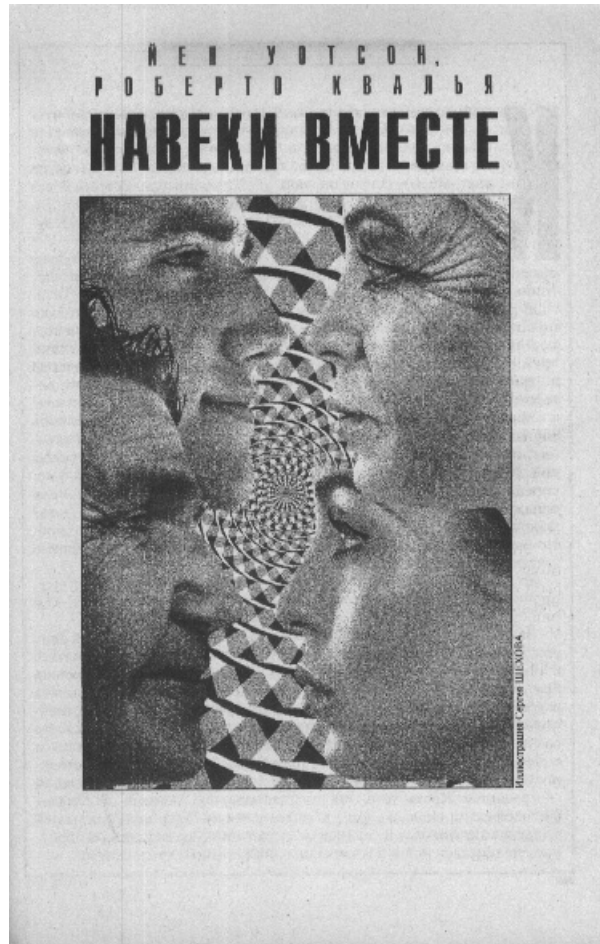


Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

К своим восемнадцати годам Джонатан еще не успел влюбиться. Вот уже пять лет его друзья гуляли с девчонками, меняли их - кто в сердцах, а кто и бессердечно, - однако Джонатана не интересовали подобные приключения. Влюбиться по настоящему, считал он, можно лишь один-единственный раз и незачем тратить время на меньшее.

«Этак можно навсегда остаться девственником», - предупреждали приятели.

«Ошибаетесь, - отвечал он, - однажды и я свяжу судьбу с женщиной, но только если буду знать твердо, что это великая, истинная любовь».

В редких случаях человек имеет только моногамные либо только полигамные гены. Одним из таких уникалов и оказался, судя по всему, наш Джонатан. Доставшиеся ему наследственные инструкции дружно требовали влечения к единственной женщине и верности ей до гробовой доски; иными словами, требовали чувства полного,

совершенного и нерушимого.

Но из знакомых половозрелых девиц ни одна не подходила на роль спутницы жизни. Тут ведь вот такая заковыка: если девица заурядна, она такой, скорее всего, и останется, а если яркая и умная, то с великой долей вероятности сделается заурядной в будущем. И как же, спрашивается, можно сохранять верность яркой и умной особе, если однажды она мутирует в существо, не заслуживающее нежных чувств? Обывательская мудрость советует довериться воле Господней. Но очень уж ненадежен сей метод, и результат подобного фатализма зачастую бывает катастрофическим.

Эх, если бы Джонатан имел возможность заглянуть в будущее, прочесть судьбу кандидаток на брак с ним, узнать наверняка, кем они станут.

Вскоре после того, как он отпраздновал свой восемнадцатый день рождения, к нему в дверь постучалась Елена. Пришла заниматься с ним физикой: науку эту он обожал, но «плавал» в ней - вот и решил брать частные уроки. Его отец эмигрировал в Таиланд, дабы предаться радостям знаменитого массажа, а мать махнула в Испанию и там вступила в какую-то секту, вознамерившись расширить горизонты своего сознания. Благодаря этому молодой Джонатан оказался предоставлен самому себе. Впрочем, родители, надо отдать должное их ответственности, обеспечили его небольшой квартирой и скромным денежным содержанием. Кроме того, как вы уже, наверное, поняли, он обладал философским складом ума, а потому жизнь под одной крышей с «предками» никогда не казалась ему уютной. Как, впрочем, и «предкам» не казалась уютной жизнь под одной крышей друг с другом.

Елена была женщиной более чем зрелой, лет шестидесяти пяти, а то и семидесяти. Да она ему в бабушки годилась! Поэтому любой намек на сексуальную связь с восемнадцатилетним мальчишкой выглядел бы абсурдным. Тем не менее он, проведя с Еленой многие часы за постижением физики, счел ее в высшей степени обаятельной. Несмотря на прожитые годы, она сохранила стройную фигуру, а ее голос обладал гипнотическими обертонами, воздействовавшими на Джонатана самым благотворным образом - внимая, он обретал внутренний покой.

Казалось даже, наставница способна читать его мысли. Иногда она отвечала на вопрос, даже не успевший прозвучать. Порой угадывала желание заварить кофе или взять пиво из холодильника.

- Какова вероятность того, что сейчас пора выпить кофе? - спрашивала она. - Пусть  $A$  - это «не попить ли нам кофейку», или событие.  $P$  - «пора», или вероятность наступления события,  $k$  - «который раз за сегодняшний день»...

Их разумы, казалось, работали на одной волне; их мысли о том, что и как творится во Вселенной, были удивительно схожи. И хотя Елена,



безусловно, не могла стать его избранницей, Джонатан в какой-то момент сказал себе: «Теперь я доподлинно знаю, как моя избранница должна выглядеть, когда достигнет тех же лет, что и Елена».

Однажды Джонатан спросил, не замужем ли она (до сих пор эта тема ни разу не затрагивалась).

- В некотором роде, - ответила Елена.

- Хотите сказать, что не придаете значения брачным формальностям?

- Я не вступала в официальный брак, но не по этой причине.

- А можно поинтересоваться, по какой же?

- Долгая история.

- И вы не хотите рассказывать?

Елена вздохнула и ответила с томной горечью:

- Как-нибудь в другой раз. Может, успею рассказать, прежде чем меня поцелует смерть.

- В смысле?

- Да так, вычитала где-то... Не бери в голову.

Ну что ж, хватало более серьезных вещей, требовавших сосредоточенности.

- А я еще ни разу не влюблялся, - сказал он.

- Ничего, Джонатан, придет и твое время, спешить некуда, - с улыбкой, похожей на материнскую, приободрила Елена.

- Наверное, любовь - это здорово.

И Джонатан ненадолго потерялся в пустоте, состоящей из отсутствия романтических воспоминаний.

- Пожалуй, единственное чувство, в котором есть какой-то смысл, - подтвердила она.

\* \* \*

Шли месяцы, их дружба расцветала и укоренялась. Время от времени они встречались в городском кафе или он сопровождал Елену в поездках по магазинам. Уходили последние дни года, и мысль о том, чтобы встретить праздник в компании друзей и их девиц, нравилась Джонатану все меньше. Но альтернатива выглядела нерадостной.

- А хочешь, - сказала Елена, - встретим Новый год вместе. Я тебя приглашаю. Приготовлю ужин.

Джонатан, разумеется, охотно согласился.

И когда он входил в уютную квартиру Елены, где прежде не бывал ни разу, его охватило странное удовлетворение.

На столе горели две свечи. Елена улыбнулась:

- Скромный романтический ужин. Бабушки и внука.

В бежевом кружевном топе и длинной плиссированной юбке цвета бирюзы Елена выглядела великолепно, возраст не сумел отнять у нее

природную элегантность. За спаржей и устрицами последовала утка, за уткой - крем-брюле. При свечах, подогреваемое изрядными порциями «Красного парадокса» - превосходного румынского вина из винограда сорта Каберне Совиньон, их общение достигало все новых вершин интимности.

Настала новогодняя полночь, они чокнулись бокалами с шампанским под звуки «Апокалиптики» - Елена любила эту разновидность тяжелого рока, исполняемого на виолончелях. У обоих сияли глаза, и не только от выпитого - алкоголь был всего лишь усилителем эмоций. Потом апокалиптический виолорок смягчился, музыка приглашала на танец; устоять означало нанести оскорбление самой Вселенной.

Поэтому Джонатан с Еленой танцевали, их запахи смешались, движения были нежнее любых слов. Судьба своими неудержимыми шестеренками перемолола все варианты развития событий, кроме одного. Елена закрыла глаза и приблизила лицо к лицу Джонатана, всего на несколько сантиметров, но этого было достаточно для легкого поцелуя. В груди у него взорвались чувства, много лет ждавшие своего часа. И он, не спрашивая себя, что делает, со всем пылом ответил на поцелуй. Время съежилось, из бесчисленных секунд посреди Вселенной образовался пузырек, способный существовать вечно, что бы ни происходило вокруг. И когда поцелуй закончился, Елена распахнула глаза, ласково прошептала «идем» и взяла юного гостя за руку. Джонатан в тот миг пребывал в трансе, по телу бежали чарующие гормоны. Он доверчиво позволил увести себя в спальню.

И была очень долгая и очень страстная ночь, и Джонатан был посвящен, как ему показалось, во все мыслимые и немыслимые нюансы плотской любви. Будто и следа не осталось от почтенного возраста Елены, она с жадностью поглощала каждый миг возвышенного интимного общения и не могла насытиться. Доведя любовника до очередного оргазма, она вскоре снова льнула к нему и была очень нежной, но вместе с тем неутомимой и настойчивой, как будто лишь его флюиды могли погасить давно горевший в ней огонь.

А он, опьяненный наркотиком - натуральным, не продуктом фармацевтики, - после столь долгих лет ожидания и воздержания, казалось, был готов продолжать до бесконечности. Когда же при первых лучах рассвета в обоих наконец остыл телесный жар, они не разъединились - так и лежали сплетенные, питаясь теплом и запахом друг друга, как будто накрепко сплывились в одно целое.

- Я так счастлив, - прошептал Джонатан, наслаждаясь удивительной полнотой ощущений.

- И я счастлива, - откликнулась Елена, прижимаясь к нему.

- Я буду любить тебя вечно, - поклялся Джонатан.

- Ты уже это сделал, - погладила она его по голове.

От этого прикосновения Джонатана потянуло в глубокий невинный

сон, какой ведом лишь детям и влюбленным.

Прошла вечность, и Джонатан проснулся в комнате, затопленной солнечным светом. Рядом с ним была Елена... нет, ее уже не было. Тело успело остыть.

Должно быть, непривычное напряжение сил и чувств вызвало сердечный приступ. Выходит, он убил ее своими безудержными ласками...

Падать с вершины мира невыносимо больно. Сначала с Джонатаном произошло невероятное, а потом невозможное, и промежуток был слишком мал. Он встретил женщину, несомненно, ту самую, единственную, но она тотчас исчезла из Вселенной, из его судьбы. Любовь его жизни уложилась в одну ночь, и повторения не будет. О, до чего же злую шутку сыграл с ним рок!

На месте Джонатана любой, получив столь страшный удар, рано или поздно оправился бы - конечно, если бы не наложил на себя руки сразу. Жизнь не закончилась бы на этом, рано или поздно он бы встретил другую женщину. Но Джонатан, хотелось ему этого или нет, был создан для одной-единственной любви, абсолютной и безоглядной. И любовь к Елене, которой уже нет, будет неразлучна с ним до конца его дней. Джонатан невероятно страдал, сознавая это, погружаясь в бездну тоски и отчаяния.

Он замкнулся, ушел в себя. И в науку. Только она давала ему спасительное полузабытье, приглушала муку, которая напоминала о пережитом высочайшем счастье. Боль потери - святая боль, самая возвышенная на свете, и Джонатан никогда не отрекся бы от нее. Ведь эта боль - свидетельница его непоколебимой верности, символ неувядающей любви.

Однажды у него появилась цель: вернуться назад, в то время, когда Елена была жива.

Конечно, Джонатан понимал, насколько безумна эта затея, но, понимая, не прекращал мечтать. Как и решать связанные со временем научные загадки.

\* \* \*

Прошло десять лет, и все эти годы Джонатан прожил отшельником, со всей одержимостью выдвигая гипотезу за гипотезой и ставя эксперимент за экспериментом. К нему, хвала небесам, по-прежнему поступали деньги. Мать и отец утратили всякую связь со временем и реальностью: одна - в поиске высших духовных сфер, другой - в руках тайских массажисток, по всей видимости, отличных знатоков своего дела. Изредка от родителей приходили открытки.

На самом деле время не существует объективно, в абсолютном

смысле, это всего лишь одна из моделей, с помощью которых человек интерпретирует реальность. Гипотеза Джонатана была такова: а вдруг можно проникать ментально в альтернативное будущее, прошлое и настоящее? Нельзя ли, отказавшись от привычных представлений о континууме и положившись на глубочайшие инстинкты, переместиться в иную временную шкалу?

Конечно, идеальный вариант - попасть в альтернативное настоящее, где Елене столько же лет, сколько и ему, и обстоятельства для их любви самые благоприятные. Но столь утопический исход пришлось исключить априори. Допустим, это альтернативное настоящее и впрямь существует, но до него никак не добраться. Если Джонатан и попадет куда-нибудь, это будет совершенно незнакомый континуум, определить его интуитивно никак не получится. Пусть даже Джонатана занесет в параллельное настоящее, экзистенциально оно будет очень далеким от его «сегодня». Представьте, что вы в шахте лифта, где стены выложены зеркалами: чем выше, тем больше кривизны и расплывчатости, и соотв. отражение уже ничуть не похоже на вас. Вот внутри своей персональной, субъективной шкалы вероятности Джонатану стоило поискать лазейки, поскольку на какой-то период она совпала со шкалой Елены. Нет смысла надеяться на большее - этого «большого» не получить ни за какую цену, даже за всю любовь мира, которая пылает в нем.

Накопилось уже немало лет добровольного отшельничества и маниакального научного поиска, и вот наконец Джонатан убедил себя: он готов к решающему шагу. Ему исполнился тридцать один год. Он должен создать виртуальную машину времени, которая будет работать на мощном морфологическом резонансе между точкой отправления и пунктом назначения. Он должен «отбыть из» и «прибыть в» - по сути, самое обыкновенное путешествие, несмотря на всю внешнюю разницу.

Что же касается морфологического контекста, требовалось выбрать наиболее стабильный. Ничего лучше «Макдоналдса» на ум не пришло, поскольку разница между заведениями, носящими это имя, минимальна. «Макдоналдсу» удалось завоевать наш мир, а значит, им колонизирован и любой другой, хотя бы отдаленно похожий на наш. Можно допустить, что в каком-нибудь параллельном мире есть «Макдоналдс» без обеих «а», но трудно вообразить реальность без чего-нибудь вроде «Макдоналдса». А следовательно, для Джонатана «Макдоналдс» способен послужить хронокапсулой.

\* \* \*

И вот настал великий день. Джонатан отправился в выбранный наугад «Макдоналдс» и ритуально съел последний в его персональной эпохе

макчизбургер. А теперь пусть компас любви ведет его в «Макдоналдс», ближайший от места жительства Елены. Что же касается «когда», то Джонатан уподобляется дзенскому лучнику, который стреляет в темноте с повязкой на глазах.

Прожевав последний кусок, наш хрононавт закрыл глаза и сосредоточился: что-что, а это он умел. Разум потерялся в самом себе, звуки и запахи фастфуда исчезли. Через неопределимый промежуток времени настороженное чутье уловило перемену: меньше чада от бургеров, больше сладости максалатов. Он открыл глаза.

«Макдоналдс» был почти неотличим от того, где Джонатан смыкал веки, вот только одеты посетители иначе! Можно по пальцам сосчитать мужчин, щеголяющих в пастельных оттенках пиджаках с широкими лацканами; кое-кто из женщин предпочитает вельветовые полукомбинезоны. Хотя на персонале, естественно, все та же макуниформа.

Как же обрадовался Джонатан! Его брюки из бумажного твила и пиджак из рубчатого вельвета не слишком противоречили общему стилю. Возникла жутковатая мысль: а не вытеснил ли он своим появлением другого Джонатана из этого самого «Макдоналдса»? Вряд ли, очень уж маловероятно такое совпадение. Но если и вытеснил, куда попал этот Джонатан? Может, в ту временную шкалу, где он еще и не родился? Иначе бы перемещенный Джонатан вытеснил следующего, и так до бесконечности, по принципу домино, или до тех пор, пока очередной подвинутый Джонатан не добрался бы до Джонатана первоначального. Скорее всего, именно благодаря подобным размышлениям Джонатан ощутил себя повзрослевшим.

Предположим, его возлюбленная жива и находится недалеко от этого «Макдоналдса». И как, спрашивается, ее найти? Конечно же, Елена не узнает Джонатана, ведь она была гораздо старше его в пору их знакомства. Разыскивать наугад? На случайную встречу надежды мало. Пожалуй, наилучший вариант - сидеть здесь, в ближайшем к ее дому «Макдоналдсе», и ждать. Елена, несомненно, рано или поздно заглянет сюда, поесть-попить или воспользоваться туалетом. Вот тут-то Джонатан и встретит ее вновь. Ах, ну да, для нее это будет не вновь, а впервые, так что, если смотреть с их общей точки зрения, у встречи пятидесятипроцентная вероятность. Пока Джонатан не увидит Елену, «Макдоналдс» послужит своего рода ящиком Шрёдингера.

Но по ночам заведение не работает, а ведь надо где-то ночевать. Джонатан снял номер в ближайшей гостинице. По счастью, благодаря закону сохранения энергии деньги здесь были те же, что и в его времени. Предвидя, что на кредитные карточки закон сохранения вряд ли распространяется, он запасся наличными, отдав предпочтение самым старым из доступных банкнот. Глядишь, и разбогатеть удастся, если инфляция здесь невысокая.

Три недели Джонатан провел в «Макдоналдсе», лишь дважды в день отлучаясь, чтобы купить еды в магазине здорового питания. Растволстеть на бургерах столь же легко, сколь и неромантично.

Чтобы не раздражать обслугу, он часто покупал маквуду и мусолил найденный в корзине детективный роман «Меня целует смерть». Прочитает десяток слов, оглянется; еще десяток - еще оглядка, с надеждой, что при этом он не выглядит параноиком. Время от времени Джонатан разминал шею, словно опасался, что иначе заклинит склоненную над книгой голову. Обслуга не обращала на него внимания, ей и без того хватало забот, а вот дети пялились - их привлекало название книги, да к тому же чтеца-притворщика выдавал взгляд, застревавший на верхних строчках каждой новой страницы.

На двадцатый день нелегкой вахты у Джонатана едва не лопнуло сердце, когда вошла женщина лет сорока, как две капли воды похожая на ту, что он видел на фотографии Елены в сорок один год. Вошла и поспешила в туалет.

Елена!

Наконец-то она здесь, но как же к ней обратиться? Ага, он скажет, что проверяет уровень здешнего обслуживания.

Когда отворилась дверь с женской пиктограммой и Джонатан оказался лицом к лицу со своей возлюбленной, он враз утратил способность говорить и двигаться. Перед Еленой стоял мужчина лет тридцати пяти, с бледным лицом и дрожащими губами. Стоял и тарасился. У нее от лица отхлынула кровь, глаза полезли на лоб.

- Джонатан! - воскликнула Елена и бросилась к нему в объятия. - О Джонатан, я все эти годы ждала тебя! И вот ты здесь! - Она со счастливым вздохом положила голову ему на плечо. - Ты со мной.

- Но ты ведь не знакома со мной! Как такое может быть?

Она отступила на шаг, на лице появилось сочувствие.

- Ах, так у тебя, должно быть, это первый переход. Значит, то, что ты мне тогда говорил, правда.

- Первый переход? То есть я встречусь с тобой еще раз, в моем будущем... но в нашем прошлом? Как? Почему?

Миг назад Джонатан был уверен: уж коли ему удалось найти Елену, они вместе отныне и навеки. Похоже, рано обрадовался.

- Почему? - повторила она. - - Вот вопрос, мучивший меня столько лет. Но лучше забудь про это! Мы же наконец вдвоем, и это важнее всего. Давай наслаждаться каждым мгновением нашего счастья, пока оно продолжается!

- Пока оно продолжается? - словно эхо, повторил Джонатан.

Она, посерьезнев, посмотрела ему в глаза.

- Ты мне уже объяснил однажды, что если в прошлом одного человека содержится будущее другого человека, неизбежно возникает определенная неопределенность, или неопределенная

определенность. Это для того, чтобы не дестабилизировался континуум и продолжался нормальный ход вещей.

- Я сам тебе это сказал? - изумился он.

Елена кивнула.

- А ну-ка, позвольте, - буркнула непомерной толщины посетительница, которой понадобилось в туалет.

Джонатан, когда брал у Елены уроки физики, не получил оснований для предположения, что его более зрелая копия однажды станет ее супругом. Видимо, есть причина, не позволяющая ему прожить вместе с этой женщиной до самого конца. Быть может, более зрелая копия умерла, прежде чем самому Джонатану исполнилось восемнадцать. Вероятно, это произойдет в персональном будущем Елены, так что она пока ни о чем не знает. Если только он не рассказал в ее прошлом. Рассказал или нет? Неизвестно, поскольку это еще только должно случиться в его будущем...

- Эй, вы! Имею я право воспользоваться сортиром?

Елена шагнула назад, и незнакомка заслонила ее, заполнив телесами все пространство между собой и Джонатаном. Точь-в-точь солнечное затмение. Но вот перекормленная особа не без труда добралась до желанной двери; затмение прошло, оставив перед Джонатаном... пустую стену! Неужто эта глыба уволокла с собой Елену, прилипшую, как нечаянный лист прилипает к хищнику?.. Джонатан перестал видеть Елену, и она тотчас исчезла. Как такое могло случиться?

Он дрожал, пребывая в полном замешательстве, панике и одиночестве. Обрести возлюбленную и сразу же потерять ее, потому что какой-то тетке приспичило в туалет?! Елена действительно была здесь, реальная и осязаемая, но случайное вмешательство толстухи дестабилизировало континуум. Слишком большая масса заняла ограниченный объем пространства, и возросла неопределенность. Наверное, дело в этом.

Джонатан вернулся к столику, где лежал раскрытый детектив «Меня целует смерть», и обессиленно опустился на стул. Какое-то время он тупо смотрел на дверь, мечтая, что Елена снова войдет в «Макдоналдс», будто реальность способна вот так запросто взять да и перезагрузиться за несколько минут. Вместо Елены появилась бабища пожирнее прежней, вкатилась на инвалидном кресле. В сравнении с нею Джонатан показался себе ненастоящим, словно ему не доставало плотности.

Выходит, «Макдоналдс» не самое подходящее место для встречи с Еленой. Боже, почему Елена задержалась возле туалета?! Они могли бы рука об руку выйти на улицу, там свободного места хоть отбавляй.

Исчезновение Елены означает, что ее сегодняшнее присутствие в «Макдоналдсе» было лишь вероятным. Высокая вероятность, может быть, 99,9%. Но одна сотая процента невероятности, которую

привнесла в реальность ходячая гора сала, - как черная дыра во Вселенной. Вполне возможно, в данный момент Елена находится в другом месте, одном из тех, где она обычно бывает. Допустим, она не знает о своей встрече с Джонатаном, но вспоминает о нем и ломает голову над вопросом «почему?».

Теперь перед Джонатаном возникла совершенно иная картина мира. Получила объяснение его способность перемещаться благодаря силе воли в альтернативную временную шкалу, а еще наконец-то решилась загадка, почему в стиральных машинах пропадают носки...

Очевидно, существует бесчисленное множество временных шкал, каждая из них обладает большей или меньшей степенью вероятности - но абсолютной вероятности нет ни у одной. В самых маловероятных шкалах человеческая раса может состоять из мыслящих динозавров, а небо там зеленое-презеленое. В просто маловероятных системах хронокоординат флуктуация превратит вашего приятеля в женщину, а любимую кошку - в игуану. Наиболее вероятные шкалы могут быть стабильны, но эта стабильность не абсолютна, и вы, положив в стиральную машину двадцать носков, достанете девятнадцать. Возможны самые дикие случайности. Например, малютка по имени Рубиновая Желейная Конфетка с улицы Горностаевой, дом 52, напишет свой адрес на воздушном шарике и отпустит его в небо, а потом он будет найден в двухстах милях, на Горностаевой, 52, в другом городе, другой девочкой того же возраста по имени Рубиновая Желейная Конфетка. Так что Джонатан стал очень невероятным в своей временной шкале и очень вероятным в этой.

Теперь он знает, что Елена здесь, а она знает, кто такой Джонатан. Так почему бы не дать в местную газету объявление? Хотя нет, он же должен перенестись в ее прошлое и предупредить насчет неопределенностей - сделать это необходимо потому, что так уже было. Если он не побывает в прошлом, неопределенным может стать все на свете.

\* \* \*

Как и в предыдущем «Макдоналдсе», он закрыл глаза и сосредоточился. А потом распахнул веки и убедился: «Макдоналдс» все тот же, однако персонал незнакомый, посетители новые и цены существенно ниже, почти на двадцать процентов!

Он прошел в мактуалет, глянул в зеркало и ахнул от изумления. Ему на добрый десяток лет больше! Но затем Джонатан припомнил, как недавно почувствовал себя повзрослевшим.

Похоже, путешествие вспять во времени имеет свою цену, и эта цена - пропорциональное старение. На сей раз верность любви обошлась



Джонатану в десять лет молодости. Недешево, мягко говоря. Но есть и один плюс: здесь, в прошлом, не так уж много перекормленного народу. Среди посетителей «Макдоналдса» таковых, пожалуй, четверть, а не треть.

Он вспомнил про детектив «Меня целует смерть» и заглянул в мусорную корзину. Конечно, этой книги десятью годами ранее здесь быть не могло, но вместо нее Джонатан обнаружил «Кладезь турецкой мудрости, или Отец всех турецко-английских словарей пословиц и поговорок». Задняя обложка была оторвана вместе с сотней последних страниц - возможно, кто-то в них сморкался или вытирал жирные руки.

Так началось двухнедельное сидение на макгазировке и пословицах: «Когда приходит любовь, уходит рассудок», «Некрасивая жена дом приберет, красивая по свадьбам гуляет»...

На пятнадцатый день явилась Елена, и было ей чуть за двадцать; она напрямик направилась в туалет. Джонатан поспешил занять пост у двери, сторожко озираясь, не приблизится ли какой-нибудь толстяк. Едва Елена вышла, он загородил дорогу.

- Вы меня не пропустите? - вежливо спросила она.

Не узнала! Слава богу, не придется забираться еще дальше в прошлое.

- Прошу извинить, - сказал он. - Я инспектор, проверяю качество Макдоналдсовских туалетов, провожу опрос посетителей. Не уделите ли минутку? Всего пара вопросов. Во-первых, - торопливо импровизировал он, - вы ходили по-маленькому или по-большому?

О господи! Он наслушался разговоров мамаш с их чадами. А сам, кажется, уже целый век ни с кем нормально не общался.

- Извращенец! - возмутилась Елена, а затем ее лицо побледнело. - Джонатан...

- Вы меня знаете?

«Уж лучше так, - подумал он, - чем предстать перед ней в роли извращенца».

- Этого просто не может быть! Галлюцинация! Дайте же пройти наконец!

- Любимая, не надо волноваться, все в порядке...

Он попытался силой удержать Елену, но она вдруг остановилась сама.

- Твой запах! Я его где угодно узнаю. О боже мой, я сплю, все это снится...

- Нет, счастье мое, ты не спишь, успокойся. Представь, что ты зачарованная принцесса, и позволь галлюцинации тебя спасти. Галлюцинация обожает тебя.

Елена закрыла на секунду глаза, а потом заплакала.

- Такое не может произойти в реальности. Я, наверное, умерла!

- Ты мне нужна живой. В смысле, ты живая, и ты мне нужна. Я здесь, между прочим, неделями просиживаю, макводу пью... Не плачь.

- Потому что мои слезы - не маквода? - Она захохотала как безумная.  
- Ты молод! - И Елена пустилась в пляс.

А он-то думал, что выгладит на десять лет старше.

Для достижения стабильности и повышения вероятности он торопливо рассказал возлюбленной про определенную неопределенность и неопределенную определенность, теми же словами, что услышал от нее, - как будто читал молитву или заклинание. Скоро они окажутся у него в гостинице или у нее в квартире, лягут в постель...

Джонатан допустил серьезную оплошность, перестав уделять внимание окружающему. И вдруг раздалось:

- С дороги!

Ему и воздуха-то едва хватило на два слова, этому одышливому голосу, и все равно он звучал воинственно и предварял столь же агрессивное действие, обусловленное не то инерцией движения, не то шовинизмом толстяков. Огромные ручищи, за которыми следовала циклопическая туша, вторглись между Джонатаном и Еленой, разделили их. Когда затмение прошло, Елена исчезла.

Джонатан, убитый горем, вернулся за стол. В краткий миг их свидания Елена явно удивилась тому, как молодо он выгладит по сравнению с Джонатаном, которого она встречала в своем прошлом. Так что же это, он обречен сидеть в «Макдоналдсе» и зубрить турецкие пословицы, пока не постареет достаточно, чтобы, отправившись еще дальше в прошлое, прибыть (с учетом путешествия во времени) мужчиной более чем зрелым? Впрочем, последний скачок добавил десять лет к его настоящему возрасту: похоже, нет смысла выжидать еще столько же перед новым переходом.

Джонатан вызвал из памяти нестираемый образ - мертвое тело Елены после той страстной ночи, случившейся в его прошлом, которое для нее было будущим. Как же хочется быть совершенно чистым и прозрачным в ее глазах, ведь такова природа великой истинной любви - не должно быть никаких тайн друг от друга. Но ни в коем случае Елена не узнает о том, как она умрет, о том, какими будут ее последние, а его первые объятия! Подобные мысли причиняли ему душевную боль, однако при этом парадоксальным образом питали безграничную любовь и страдание от разлуки. Его тоска неудержимо росла и в конце концов превратилась в буйный лесной пожар. Как говорят турки в разделе «Yokluk», или «Отсутствие»: «Hasret ateşten gömlektir, тоска - огненная рубашка».

Постепенно он забыл и про время, и про возраст. Закрыв глаза и сосредоточился. И еле расслышал:

- Эй, мимо вас мое кресло не проезжает.

Цены в «Макдоналдсе» упали еще ниже. «Отец всех словарей» исчез, хвала Аллаху, и в заведении Джонатан заметил только одного посетителя с избыточным весом.

Как вынырнувший из воды пловец, Джонатан провел рукой по волосам и понял, что их осталось немного. Зашел в мактуалет посмотреть в зеркало: на него взглянул Джонатан лет шестидесяти. А может, пятидесяти восьми или шестидесяти двух, точно не определить. Похоже, движение против времени сравнимо с разгоном до скорости света. В пространстве чем сильнее ускорение, тем больше масса, и вот уже по весу вы сущий исполин, тогда как на внешности это не отражается. Что же до путешествия во времени: чем дальше вы забираетесь, тем быстрее стареете. Еще пару лет в прошлое, и Джонатан, возможно, превратился бы в столетнего старца. И куда, спрашивается, уходит его непрожитая жизнь? Должно быть, служит топливом для хронопутешествий. А ведь Елена теперь еще моложе; мыслимо ли, чтобы Джонатан показался ей сексуально привлекательным?

И к тому же Джонатан шестидесятилетний среди молодых посетителей «Макдоналдса» смотрится неуместно. Наверное, кажется им таким макпедофилом.

Вот еще одна задачка: как сохранить должную бдительность, не привлекая к себе внимания постоянными поворотами головы?

На выручку в который раз (а может, все-таки в первый?) пришла мусорная корзина, наводя на мысль о том, что судьба пока Джонатану благоволит. Выброшенная кем-то книга называлась «Разъяснение правил гольфа».

«Гольф - игра одиночек», - утверждала книга. Ну, в точности как его поиски Елены!

«Гольф - игра сложная, но это потому, что такой ее делаем мы. В душе человека, когда он собирается ударить по мячику, поднимаются все его подавленные желания и страхи. Демоны эти частью придуманы им самим, частью вызваны в воображении сложностью предстоящей игры...»

Да, разумно. Необходимо успокоиться.

«Знай свой мячик».

Тоже добрый совет. Но Джонатан не сомневался: свою возлюбленную он узнает в любом возрасте. Даже тринадцатилетней!

Помолодеть еще хоть чуть-чуть он ей не позволит, во имя приличий, пусть даже и сам будет дальше стареть.

«В гольфе иногда нужно вбросить мяч, чтобы он вернулся в игру. Вы стоите прямо, держите мяч вытянутой рукой на уровне плеча, а затем отпускаете его. Мяч не должен до падения на землю коснуться

человека - будьте осторожны, если у вас большой зад, а то заденете ягодицу и придется вбрасывание повторять».

Неделями, а то и годами просиживать на макстульях - это, конечно, нижней части туловища не на пользу, но что тут поделаешь? Не заниматься же в мактуалете ритмической гимнастикой или йогой.

К счастью, прошло всего лишь десять дней, прежде чем в «Макдоналдс» заглянула юная, но вполне узнаваемая Елена с подружкой - на сей раз не по нужде, а чтобы подкрепиться. У каждого подростка в жизни бывает период, когда верится, что «быстрая еда» не навредит. Джонатан, научившийся терпеливо ждать, смотрел, как Елена пачкает губы кетчупом и медленно сосет через соломинку молочный коктейль, сама не ведая о том, что великолепно играет роль воплощенной чувственности. По прикидкам Джонатана, ей было не больше семнадцати. Она выглядела абсолютно невинной, но в глазах уже посверкивали искорки, которые спустя годы превратятся в так восхищавший его лучистый свет. Происходящему не было прецедента в мировой истории: мужчина смотрел на девушку, которую встретил однажды и полюбил на всю жизнь, - и смотрел задолго до того, как случилось и то, и другое. Чтобы правильно описывать подобные ситуации, наверное, нужно придумать новое время глаголов.

Джонатан побаивался мактуалетов, на поверку они оказались коварными разлучниками, да и в любом случае были неромантичными, хоть и подвергались ежечасной уборке.

Пробудить в Елене любовь к далеко не молодому мужчине - задача явно не из простых. Если сейчас Джонатана постигнет неудача, весь пузырь реальности, в котором он прожил большую часть своей жизни, может раствориться, превратиться в ничто, не оставив во Вселенной следа даже такого ничтожного, какой остается от лопнувшего мыльного пузыря.

Ко всему прочему, Елена пришла не одна. Если к подобной компании вдруг приблизится старик, это вызовет смущение, или хихиканье, или даже визг.

Когда Елена покинула макздание, он последовал на приличной дистанции, притворяясь, будто увлеченно читает книжку про гольф. А узнав, где живет любимая, Джонатан направился в индийский ресторан. Ну наконец-то можно поесть по-человечески!..

Елена знала о том, что она девушка особенная, и это знание было для нее источником беспокойства. Большинство подружек уже обзавелись ухажерами, остальные пребывали в поиске. Почему же ее никто не интересуется? Она не имела ни малейшего представления, кем могла бы увлечься, зато четко знала, кто ее увлечь не способен. Похоже, мир полон совершенно неинтересных парней. Может, дело в том, что психологически мальчишки взрослеют позже, чем девочки? Как бы то ни было, ей остается только ждать, стараясь получше

разобраться в самой себе, понять, чего на самом деле она хочет от жизни и от мужчин. Пока же нерастроченная энергия юности помогала ей мириться с великой загадкой.

Каждое воскресенье Елена приходила обедать к родственникам. Она обожала борщ и капустняк, какие только бабушка и умела варить, а на второе - вареники с творогом или галушки полтавские. Но от чего она вообще была на седьмом небе, так это от драников, известных еще как деруны. Эти картофельные оладьи готовятся по особому рецепту, и ясное дело, их надо запивать взваром, освежающим напитком из ягод.

И вот в одно погожее воскресенье Елена встретила там нового гостя. Дедушка с бабушкой были очень общительными, хотя, как это свойственно большинству старичков, предпочитали иметь постоянный круг друзей; новые знакомые в их жизни появлялись редко. И вот, пожалуйста, одно из таких исключений.

Этот человек подружился с бабушкой в городском гольф-клубе. Дедушка и его приятели там играли в шахматы, поскольку к мячикам и лункам их теперь не подпускали одышка и артрит. Люди, полюбившие атмосферу клуба, переучились в шахматистов. Незнакомец, похоже, в гольфе разбирался отменно, хоть и не имел клюшек; вскоре выяснилось, что ему идеально подходят и шахматы.

Когда вы идете обедать к бабушке с бабушкой, вы не ждете оригинальных бесед и всего такого, вам подавай уютную привычную обстановку. Однако этот обеденный разговор выдался более чем оригинальным, со странными рассуждениями о природе времени и даже с турецкими пословицами, такими как «vakit gelmeden horoz ötmez - раньше времени петух не кукарекает». Но вот настала пора гостю уходить, и Елене сделалось чуточку стыдно - не запомнила имя, когда он представлялся.

Пожимая ему руку на прощание, она наморщила лоб и сказала:

- Мистер...

- Зовите меня Джонатан, - ответил гость и как-то странно, с таинственным значением заглянул ей в глаза.

Впрочем, Елена в тот же день забыла об этом человеке.

Но через неделю он появился снова.

Месяц следовал за месяцем, и Елена привыкла к присутствию Джонатана на воскресных обедах в доме ее бабушки и бабушки. Дедушка в нем уже души не чаял. Казалось, в шестидесятилетнем теле жил самый что ни на есть юный дух. Да к тому же умудренный, с очень интересным взглядом на природу вещей. И это очень помогло Елене разобраться в своих собственных представлениях о мироустройстве.

Не то чтобы Джонатан поучал и наставлял, скорее, она сама находила идеи, для которых пока не было слов. Елена чувствовала, что развивается; она даже не заметила, как стала с нетерпением дожидаться воскресений.

Нельзя сказать, что у ее эволюции был жесткий график. Тот, кто слишком быстро познает себя, разве не доказывает тем самым свою заурядность?

Однажды ей выпал шанс увидеться с Джонатаном вне лона семьи. Он где-то раздобыл два приглашения на закрытый просмотр в галерею современного искусства, и Елена с радостью ухватилась за возможность услышать его мнение на свежую тему.

Выставка представляла собой хаотичное нагромождение разбитых или разобранных часов, на которых лежали мертвые куры: одни в перьях и со втиснутыми в клювы вареными яйцами, другие ощипанные, а третьи даже зажаренные. Всех их обработали специальным составом против гниения. Комментарий Джонатана был таков:

- Vakitsiz öten horozun başını keserler.

- Петуху, кукарекающему не вовремя, отрежут голову? - Елена его понимала с полуслова.

- А после, - добавил он, - *tempus fungus*<sup>\*22</sup>.

Да, эти мертвые птицы непременно покроются плесенью. К ним приблизилась молодая женщина с подносом куриных ножек и перепелиных яиц.

- Куд-куд-кудах, - сказал он.

- Фу, - скривилась Елена.

- Так, может, двинем куда-нибудь, посидим за чашкой латте?

Таким образом нужда в выставке, как в предлоге для встречи, отпала, и это позволило им без промедления переместиться в кафе и завязать там оживленную беседу на темы, очень далекие от кур.

С того дня они часто встречались в городе. Общаясь с Джонатаном, Елена все лучше постигала себя. Этому процессу весьма способствовала пронциательность собеседника, хотя, как часто бывает, каждое новое открытие порождало очередные загадки. А однажды за обедом в пакистанском ресторанчике она порывисто произнесла:

- Так и подмывает задать один вопрос, вот только боюсь, ты сочтешь это вторжением в личную жизнь.

- Не волнуйся, - ответил Джонатан, - обидеть меня ты попросту не в силах.

- Ну ладно, тогда чисто гипотетически. Тебе когда-нибудь приходила мысль заняться любовью с кем-нибудь моложе тебя?

- Ты спрашиваешь, способен ли я испытывать интерес к особе противоположного пола, которой лет намного меньше, чем мне? Или подразумевается некая моральная установка, не позволяющая заняться с этой особой сексом?

- Ну, не могу сказать точно. Может, и то, и другое.

---

<sup>22</sup> \* *Гнилое время (лат.).*

- Елена, взрослому мужчине никогда не перестанут нравиться молодые женщины, по крайней мере пока у мужчины жив мозг. И мне не припомнить серьезного закона, запрещающего подобный интерес.

- А ты, когда до любви доходит, разве подчиняешься каким-то законам?

- Есть такой закон, персонально для меня предназначенный. Наверное, у него генетическая природа. На своем веку я способен влюбиться один-единственный раз. И когда найду свою женщину, все прочие перестанут меня интересовать.

- Вот даже как, - протянула Елена. - Должно быть, это очень везучая женщина.

- И я так считаю. Но, предположим, она даже не знает о моем существовании.

Елена рассмеялась.

- Шутишь!

- В этом случае я бы остался девственником. Который нынче год? Гм, я абсолютно уверен, что лишусь девственности в ближайшие сорок лет. Вероятно, ты тогда будешь в моем нынешнем возрасте. Наша Вселенная горазда на шутки. Ты, Елена, тоже создана для того, чтобы любить одного человека.

- Откуда ты знаешь?

- Я очень хорошо помню будущее.

Она снова рассмеялась.

- А ты забавный.

- И не только я. Забавна вся наша жизнь.

- Любопытная точка зрения.

- То же самое и с большинством трагедий - в основе своей они забавны, это и мешает им быть по-настоящему смешными.

- Так, значит, наша жизнь - трагедия?

- Елена, жизнь - это мать, вернее, матрешка всех трагедий. Раскрой самую большую куклу, и в ней обнаружится несколько драм, одна меньше другой. Вот что в конечном счете делает нашу жизнь забавной.

- Но ведь жизнь может быть и прекрасной трагедией.

Он кивнул:

- Если правильно ее истолковать.

- Ты прожил намного больше моего. И какова же твоя жизнь в правильном толковании?

- Все, что от меня зависело, я сделал.

- И доволен?

- Не жалею. Да и какой смысл пенять на судьбу?

- Надеюсь, когда-нибудь и мне удастся правильно истолковать свою жизнь.

- Не сомневайся.

- Откуда такая уверенность?

Джонатан подмигнул.

- Побывал в будущем, подглядел.

Она, конечно, опять рассмеялась.

- Я тоже побываю в будущем. Вернусь и скажу, был ли ты прав.

Пришел черед улыбаться Джонатану.

- В этом нет необходимости. Я буду рядом, когда ты состаришься, и услышу твой вердикт.

- Любишь мечтать, как я погляжу.

- Разве не мечты формируют реальность?

- Похоже на штамп.

- Мечта - штука достаточно древняя, ей позволительно быть штампом.

Да и время нынче такое: нелегко мечте казаться оригинальной.

- Всегда-то у тебя наготове ответ. Не даешь собеседнику шансов закончить разговор, оставив за собой последнее слово.

Но что это вдруг омрачило его взор? Уж не тень ли душевного страдания?

- Последнее слово... - вздохнул он. - Оно прозвучит в финале матери всех трагедий.

- То есть по-настоящему это может случиться лишь один раз?

- Одного раза больше чем достаточно. Ведь он содержит в себе все остальные трагедии.

- Кажется, понимаю.

- Нет, пока еще не понимаешь. Но с этим спешить не следует.

- Допустим, - с лукавством произнесла она, - ты опять прав.

- Правда не всегда означает удовольствие.

- А заняться любовью со мной, - дерзко спросила Елена, - можно лишь при условии, что это будет удовольствием?

- Неизбежностью, вот самое подходящее слово.

Сильного обоюдного влечения Елена, разумеется, не исключала. Но чтобы их любовь стала неизбежной...

Время текло, как ему и свойственно, и то, чему надлежало произойти, рано или поздно происходило. Или не происходило. В этом времени оно произошло.

\* \* \*

Елена с Джонатаном побывали во многих экзотических ресторанах, а однажды вечером впервые оказались у Джонатана в квартире. Он пообещал заткнуть за пояс все эти заморские кухни, по крайней мере попытаться. Над столом излучали мягкий свет две высокие свечи. Блюда, как и говорил Джонатан, получились изысканными. Едва ли можно воздать кулинару достойную хвалу, описывая эти кушанья, ведь читательские вкусы не обязательно совпадают со вкусами героев и



авторов рассказа. Однако мы не удержимся от соблазна упомянуть морских ежей с листьями зеленого салата, поскольку ежи эти смахивали на коричневые губы, а пахли, как океанский берег в час отлива.

Джонатан сидел напротив и пристально смотрел на Елену, и было в его взгляде нечто особенное, только-только начавшее проявляться. Счастье? Или, может быть, меланхолия? Или свет был слишком слаб, не позволял отличить печаль от радости? А может, Елена слишком налегла на «Красный парадокс»? Лишь одно она знала наверняка: в ней самой разгорается страсть. В ее глазах Джонатан вдруг претерпел дивную метаморфозу, и вот уже не старика она видит перед собой, а личность, исполненную богатейшего смысла, который даже вряд ли поддается объективному изучению. И сколько женщин вот так же неожиданно для себя заглянуло бы в эту бездну таинственной красоты, проживи Джонатан свой долгий век не куцыми урывками?

Впрочем, зачем гадать? Сейчас Елена - единственная на свете, способная постичь эту красоту во всей ее чудесной целостности. Приятно было думать, что она уникальна, тогда как все прочие женщины ослеплены банальностью, и для них Джонатан - обычный мужчина шестидесяти с чем-то лет.

И не могло быть никаких сомнений в том, что ее саму Джонатан понял досконально. Ничего общего с прежними собеседниками: каждое его слово предназначалось для Елены такой, как она есть, адресовалось самой ее сущности, а не малозначительной симпатичной внешности. И слышал он то, что она говорила на самом деле; другие же воспринимали только приятное для их ушей, только совпадающее с их неоспоримым закоснелым мнением.

Их связь стала подлинно духовным явлением, настоящим родством душ. Большинство людей можно сравнить с плывущими в земной атмосфере мыльными пузырями. Шарики эти блуждают, не выбирая пути, то и дело налетают друг на друга, иногда два срастаются в один большой и блестящий. Рано или поздно все они лопаются, рассыпаются ничтожными микробрызгами. Но пока существует яркий пузырь, это не играет абсолютно никакой роли.

Когда же стал неизбежным первый поцелуй? Заметило ли время, как он торжественно освятил вечную любовь? Уловило ли пространство, как он уничтожил все расстояния? Ах, ну почему всякий вопрос о любви звучит так банально и пошло?

А потом поцелуи стали долгими и изобретательными, и комната превратилась в одну огромную мягкую постель, и одежда обернулась бесполезным пережитком. Уже ничто не могло вторгнуться в теплый и нежный мирок Елены и Джонатана; созданный ими уютный пузырь был непроницаем для внешних событий.

Джонатан уделил внимание каждому сантиметру кожи Елены, прежде

чем отдать дань ее главному сокровищу. Жар внутри пузыря достиг своего апогея.

- Как же я заждалась, - прошептала Елена и удивилась собственным словам.

В параметрах объективного времени ожидание было недолгим, но оно вдруг показалось вечностью.

- А я тебя ждал всю жизнь, - так же тихо сказал Джонатан.

И это было сущей правдой, пусть даже его десятилетия сгорели в топке времени.

- Мне уже давно кажется, будто ты во мне. Давай же заполним промежуток между воображаемым и реальным.

- Да! Да!

Ласки были долгими и сладостными и наполняли Елену чарующими эмоциями. Вдруг она закричала, изо всех сил прижимая к себе Джонатана.

Потом они не спешили разомкнуть объятия, лежали, обмениваясь телесным теплом и нежными словами.

- Я люблю тебя, Джонатан.

- Я тоже тебя люблю.

- Вот ты и лишился девственности наконец, - сказала она с очаровательной улыбкой.

- Я не лишился, а, наоборот, вернул, - возразил он. - Расставаться с ней еще рано.

- Ты так забавно всегда говоришь.

- А ты бы предпочла, чтобы я говорил трагично?

- Джонатан, мне не с кем сравнивать, но ты, конечно же, великолепный любовник.

- У меня была хорошая учительница, и эта учительница - ты.

Елена с нежностью взгляделась в его глаза, у нее запылали щеки.

- Хочу тебя, - прозвучал призыв из самой глубины ее души.

И снова они занялись любовью.

Елене вспомнилось, что у мужчин с возрастом слабеет потенция. Вот уж напраслина! По крайней мере, у ее Джонатана с мужской силой полный порядок.

На смену этой мысли очень скоро пришли самые что ни на есть атавистические желания, и снова она закричала, когда ее Вселенная превратилась в синоним неопишуемого наслаждения. До чего же, оказывается, прекрасна жизнь!

И весь остаток ночи они, презрев бесполезный сон, обнимались, целовались, болтали о пустяках, шутили, любили.

При первых лучах рассвета Джонатан вновь исполнился страсти, и Елена решила, что она счастливейшая женщина на свете. Казалось, возлюбленный забрал всю силу космоса и отдал подруге в первую же ночь ее юной любви. Он - полюс, к которому притягивается

растворенная в мире нежность; он - насос, ритмично перекачивающий энергию в одну-единственную женщину, снова и снова доводя до извержения этот вулкан радости и удовольствия. Сама Вселенная полюбила Елену, а предъявить доказательства своего чувства доверила Джонатану.

И тогда Елена поклялась любить Джонатана вечно.

Внутри нее взорвался его оргазм как раз в тот миг, когда она сама уже добралась до пика блаженства. И крики обоих слились в первобытную мелодию - ей, дикой и волшебной, звучать бы и звучать без конца в этом пузырьке времени...

Но тут раздалась фальшивая нота - у Джонатана из горла вырвался придушенный хрип. Возлюбленный вдруг тяжело навалился на Елену и обмяк.

- Джонатан?..

Нет ответа.

- Джонатан!

Теперь Елена все поняла и закричала, как никогда в жизни. И на этот раз она кричала не от наслаждения.

\* \* \*

Спустя годы после того как Елена увиделась в «Макдоналдсе» с помолодевшим Джонатаном, выслушала сумбурное предупреждение насчет определенности и неопределенности и нашла забытую им книжку с турецкими пословицами, она дала себе слово изучать физику до тех пор, пока не разберется с природой времени.

А когда новая встреча с возлюбленным сорвалась по вине упитанной посетительницы, Елена обнаружила детектив «Меня целует смерть».

Ее целовал Джонатан. Он ее и женщиной сделал, прежде чем умереть. Для нее он стал бессмертным, как и их любовь. Но с ним случилось то, чего не случалось больше ни с кем на свете: он покинул сей бренный мир еще до того, как родился. Его больше нет рядом, он отправился в далекий неведомый путь - и как же ей пережить разлуку?

Возможно, это удастся понять, когда минуют промежутки времени между их встречами. Ничего не поделаешь, особая любовь требует особых жертв: так было с Элоизой и Абеяром, с Тристаном и Изольдой. Ждать и надеяться на лучшее - разве не этим живет большинство из нас?

И ни в коем случае нельзя до срока искать встречи с Джонатаном!

С удвоенным усердием она занялась физикой, между делом прочитала «Меня целует смерть» и «Отца словарей». У разделивших великую, истинную любовь не должно быть тайн друг от друга, и все же Елена позаботится о том, чтобы эти книги не попались на глаза

Джонатану. Если он их прочтет в юном возрасте, что скрасит ему потом ожидание в «Макдоналдсах»? Не зубрить же макменю, в самом-то деле.

**Перевел с английского Геннадий КОРЧАГИН**

© Ian Watson & Roberto Quaglia. The Beloved Time of Their Lives. 2009. Печатается с разрешения авторов. Рассказ впервые опубликован в сборнике «The Beloved of My Beloved» в 2009 году, издательство Newcon Press.

РИЧАРД ЛОВЕТТ, МАРК НИМАНН-РОСС

### **ФАНТОМНОЕ ЧУВСТВО**

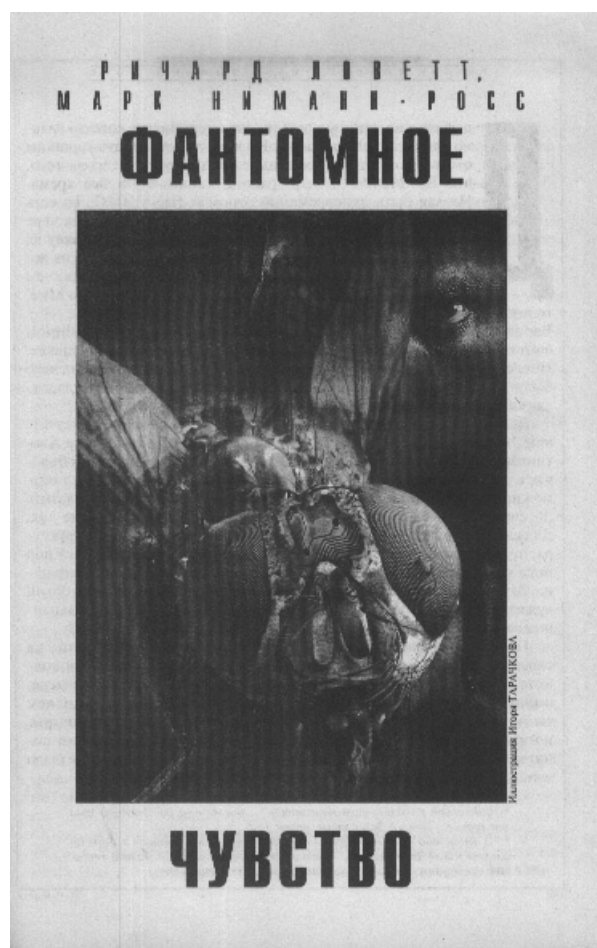


Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

До этого я не понимал, что значит выслеживать кого-то только для того, чтобы спасти. Но я очень хотел стать хорошим отцом. Возместить

все годы своего отсутствия из-за того, что НК-МЭМС\*<sup>23</sup> - это работа, отнимающая все время. Нельзя быть одновременно отцом и НК-МЭМС. То есть надо выбирать что-то одно. И ты впустую убиваешь черт знает сколько времени, раздумывая, валить в самоволку из Корпуса или из собственной семьи. Ну, а если в ответ на все вопросы в семье ты попытаешься дать нечто большее, чем общие слова и намеки типа Моя Страна Нуждается Во Мне, то и у семьи, и у тебя наметятся неприятности.

Вот так все было до того, как я стал сержантом Кипом Маккорбином в отставке. То есть перед тем, как возникло дополнение «в отставке». После его появления мне уже не приходилось выбирать - не из чего было. Остался только я сам, с подпиской о неразглашении государственных секретов.

Двадцать лет секретных миссий. Двадцать лет постоянно в отсутствии. Чад, Эфиопия, Сомали, Курдистан, мятеж сепаратистов на Альтиплано\*\*<sup>24</sup>... Двадцать лет не иметь возможности что-нибудь объяснить. А затем, когда все закончилось и я, казалось бы, получил возможность заново обрести собственную семью, пришло время платить по счетам. Это было как внезапная слепота. Впрочем, нет, не так. Для слепых есть специальные школы, имеется развитая инфраструктура, призванная помочь им справиться со своим несчастьем. До тех пор пока у меня имелось Восприятие, мне даже и слепота была не страшна. Зачем тебе свои глаза, когда в твоём распоряжении имеются сотни чужих? Когда у тебя есть чувство, гораздо лучшее, чем зрение, выходящее за пределы всего, что может испытать нормальный человек?

Потерять это, все равно что потерять осязание. Мир все еще на своем месте, но ты не можешь больше воспринимать его во всей полноте. И даже хуже, поскольку окружающие люди, по крайней мере, понимают, что такое осязание. В твоём же случае те немногие, с кем ты можешь об этом поговорить, - служащие в Корпусе психиатры, но эти мозгоправы только думают, что они в курсе. Как можно понять, что означает потеря осязания, если у тебя этого чувства не было изначально?

Двадцать лет специальных заданий, и все это время Кора Энн росла без меня. «Где папа?» уступило место «когда-нибудь», и так шло до тех пор, пока меня, наконец, не уведомили, что я готов вернуться в мир без

---

<sup>23</sup> \* Читателю предлагается потерпеть - позже ему расскажут, что это такое. (Здесь и далее прим. перев.)

<sup>24</sup> \*\* Альтиплано - плоскогорье в центральных Андах (второе в мире по высоте после Тибетского), занимающее части северного Чили и северной Аргентины, а также западной Боливии и южного Перу.

Восприятия. Адвокат Дениз сказала, что для меня будет лучше держаться в сторонке. «Сейчас Коре меньше всего нужно, чтобы вы лезли в ее жизнь, - пояснила эта дама, находясь в редком для нее благодушном состоянии, когда люди позволяют себе снисходить до объяснений. - Девочка переживает трудный возраст».

Кой черт! У них каждый возраст трудный. Учатся ходить, учатся в школе, учатся в высшей школе. Когда у меня было Восприятие, я на побывках использовал его, чтобы проследить все ее дни шаг за шагом. А какой бы отец этого не сделал? Особенно если учесть, что побывки выпадали редко и ненадолго. Ее первая неделя в школе - так восхитительно, так страшно. Сделала пирсинг на пупке. Думала, никто не знает, но я-то начеку. Первый поцелуй... Парень был полным придурком, да только она ему в этом не уступала. Мотаем дальше: вояки - это категорически не то, что ей нужно. Еще дальше: ее бунт принимает форму общения с разноформатными идиотами и участия в антивоенных демонстрациях - моя крошка-радикал, растущая и развивающаяся, как бог на душу положит, когда меня нет рядом, и все чаще прячущаяся от меня, когда я дома.

Проклятые мозгоправы всегда задают одни и те же вопросы.

Что вы чувствуете в связи с этим?

Что вы делаете, когда испытываете подобные чувства?

Я тебе скажу, что я чувствую, я тебе покажу, что я делаю.

Целых три года я впадал в панику, когда кто-то шел за мной следом или когда я огибал угол и обнаруживал за ним что-то, чего раньше не находил. Не важно, что это было - брошенный скейтборд или очередной пациент на реабилитации, ковыляющий в сопровождении сиделки. Важно, что я не ожидал этого там увидеть.

Три года реадaptации, пока, наконец, я не убедил их, что снова нормален. В НК-МЭМС это отнюдь не позитивная оценка, но мозгоправы никогда не врубались в детали. Три года меня учили, как жить *без этого*. Три года впустую, потому что отсутствие всегда при тебе. Как чесотка в недоступном месте или как фантомное ощущение ампутированной конечности. Жертва ампутации ощущает руку, которой, как ему кажется, можно поднять чашечку кофе. Или ногу, на которую как бы можно опереться, поднимаясь с постели, потому что весь предыдущий жизненный опыт утверждает: конечность на месте. Так и нервная система продолжает настаивать, что Восприятие все еще здесь, хотя его отсутствие - это простой и неопровержимый факт.

Ну, с конечностью все можно объяснить. В конце концов, ты способен заменить ее протезом, почти ничем не уступающим оригиналу. Но как объяснить потерю Восприятия, даже при условии, что разговор об этом не будет нарушением присяги и предательством всего того, что ты некогда клялся защищать ценой жизни?

Все это я хотел сказать в процессе реадaptации. Ре-адапт - так в Корпусе называли эту процедуру (равно как и место, где она проходила), причем именно с дурацким дефисом посерединке. И все это - одно сплошное надувательство, если вам интересно мое мнение: иллюзия, что когда будут выполнены все задания и секретные миссии, ты можешь отправиться домой и зажить нормальной жизнью. Дерьмо собачье, нечто такое, во что мозгоправы должны верить, чтобы не ощущать дискомфорта от того, что они с нами делают. Разумеется, я ничего подобного им не говорил, потому что иначе они могли бы никогда не выпустить меня на волю.

Целых три года я пытался притворяться, что мне не нужно ничего, кроме тех пяти чувств, с которыми я появился на свет Божий. Будто не ощущаю никакой потери, хотя на деле походил на человека после ампутации, который все еще продолжает удивляться, почему чашка кофе, к которой он «протянул» утраченную руку, остается на месте. Пока, наконец, мне не назначили пенсию и не выпустили в реальный мир. Возраст - 51 год. Не пригоден ни к какой работе. Не пригоден к семейной жизни. Не пригоден к жизни вообще.

Первое, что я сделал, отправился на северо-запад, на тихоокеанское побережье. Я как-то провел там лето и запомнил тамошний поразительный, почти средиземноморский климат. Теплый, сухой и приятный. И каким-то чудесным образом там совершенно не было насекомых. Можно спокойно спать с открытым окном, безо всякой противомоскитной сетки - и никаких тебе комаров и мошек. Можно обедать на террасе - и в твою тарелку не сядет муха. То есть место, куда никто, обладающий Восприятием, не сунется по доброй воле.

А затем я увидел последний пост Кору в VidBook.

Вообще-то я не должен был просматривать ее блог. Она не позволяла мне зарегистрироваться в качестве френда, но если бы вы провели столько лет, сколько я, на секретных операциях, то волей-неволей узнали бы кое-что о компьютерах. Не говоря уже о том, что она использовала в качестве пароля свое имя и свой почтовый индекс: CoraAnn78718. Я расколол его еще до того, как мозгоправы дали мне вольную.

Я проснулся от собственного крика.

Я был слеп. Лишен Восприятия. Враг находился где-то поблизости, а я не знал где. Я вообще не знал, что где находится. За ближайшим поворотом могло таиться все, что угодно. В коридоре, например, поджидая момента, когда я пойду в ванную, чтобы внезапно наброситься. Как обычные люди могут жить таким образом? И как *мне* жить таким образом?

- Я хочу, чтобы оно вернулось! - заорал я в ночь, вернее прохрипел, ибо с тех пор, как мне не надо было притворяться, что я полностью

восстановился, я кричал это почти каждую ночь. - Господи, верни мне его! Я хочу, чтобы оно вернулось! Хочу, чтобы вернулось! Хочу, чтобы ВЕРНУЛОСЬ!!!

Это было хуже, чем потерять Дениз. И даже хуже, чем потерять Кору. Это было частью меня самого. И этой части у меня больше никогда, никогда не будет! Даже после трех лет, проведенных в компании психиатров из Корпуса, время от времени я испытывал сомнения - справлюсь ли.

Джеррет был напуган. Я тоже, если уж на то пошло. НК-МЭМС был организован для ведения войны в городских условиях. Тесные лабиринты стен, в которых наличие Восприятия дает ошеломляющее преимущество. Не говоря уже о повышенном чувстве локтя, когда все остальные люди твоего подразделения защищают тебя, будто речь идет об их собственных жизнях. Уровень потерь в операциях с привлечением операторов НК-МЭМС составлял треть от уровня потерь во всех прочих секретных миссиях. А ведь нам обычно доставались самые опасные задания. Это был хороший стимул для нормальных морпехов и спецназовцев, чтобы не давать операторам погибать.

Сначала почувствовать опасность с помощью Восприятия и лишь напоследок ее увидеть - наше правило. Да только оно не работало в этой проклятой пустыне, где любой снайпер с ночным прицелом мог пришить тебя к земле с расстояния, превышающего радиус действия Восприятия. Сам факт, что подразделению на этой миссии придали сразу двух операторов, говорит о многом. Кто-то, значит, просчитал, что на этом задании велики шансы потерять даже оператора. Или обоих.

Рука Джеррета дернулась, отгоняя жучка из моего роя, подобравшегося настолько близко к волоскам на тыльной стороне кисти Джеррета, что тот ощутил легкое щекотание. Глупое слюнтяйство с моей стороны. Мне бы следовало сконцентрироваться на ощупывании периметров, в надежде засечь бенладеновского снайпера, до того как он засечет нас.

Джеррет понял, что означает прикосновение моего насекомого.

- Со мной все в порядке, - прошептал он. Человек не смог бы разобрать этот легкий шепоток с расстояния двух футов, но мой жучок все уловил. Только вот с Джерретом не было все в порядке. Усиление сердцебиения, потоотделение, электропроводимость кожи, дыхание, зрачки... все указывало на страх. Не говоря уже о том, что он хотел ввести меня в заблуждение. Джеррет был напуган до смерти. На грани потери самоконтроля. К счастью, он не спросил меня о моем состоянии, поскольку нарвался бы на аналогичную ложь. А всё эти открытые пространства. Мы не были созданы для них.



Пост Кору в VidBook для любого нормального человека выглядел не заслуживающим никакого внимания, но только не для меня.

- Вы не поверите, какие здесь мухи! - излагала она в камеру, держа ее слишком близко к лицу, как, собственно, делают все, из-за чего ее нос казался в три раз больше обычного. Впрочем, он прекрасно сочетался с ярко-синими глазами и длинными светлыми волосами, которые делали ее так похожей на мать в том же возрасте, что становилось больно. - Они меня повсюду преследуют! Вчера четыре из них - я считала - проскочили в спальню до того, как я успела захлопнуть дверь. И они типа крутились вокруг меня, пока я переодевалась. Можете такое представить? Жесть! У них что, нет своих мушиных девчонок, чтобы за ними подглядывать?

Почтовый индекс 78718 - это индекс Остина, штат Техас. Ее квартиру я никогда не видел - я больше не желал получать никаких судебных постановлений о том, что не должен с ней видеться, - но я знаю Остин. Мухи там, конечно, водятся, однако не в таких количествах, как в Виргинии, где выросла Кора. Во всяком случае, в ноябре.

Возможно, это ровным счетом ничего не значило, но если тебе повезло пережить двадцать лет службы в НК-МЭМС, то ты неизбежно становишься параноиком. Даже если не участвуешь в очередной секретной операции, тебя посылают в места, где от любого, включая малолетнего попрошайку, можно ожидать всего, чего угодно, и где 90 процентов населения тебя люто ненавидят. Самые легкие наши задания - это миссии типа «охотник/жертва - найди и убей», в которых надо найти определенную мишень, уклоняясь при этом от соприкосновения с гражданским населением. Тут, по крайней мере, все стандартно. Патрулирования, которые делают тебя параноиком, - это такие рейды, когда ты просто передвигаешься по местности, пытаешься засечь настоящую угрозу, отличив ее от всего лишь кажущейся, и стараясь при этом не учинить бойню среди ни в чем не повинных штафирок.

Еще будучи новичком в Корпусе, я имел собственное представление об удачной операции: плохие парни устранены, а ни в чем не повинные, пусть даже подозрительно себя ведущие, не пострадали. Но спустя какое-то время понял: все это чушь. Каждое задание - это мир в самом себе. Погрузись в него, сделай свое дело (что означает - устрани того, кого надо, а не наоборот) и дуй на выход. И желательно, чтобы все люди из твоего подразделения возвращались живыми.

У меня это хорошо получалось. Даже в первые недели тренировок мне говорили, что я обладаю необычайной способностью к Слиянию. Но не сообщали при этом, что тем сокрушительнее будет чувство потери, когда я лишусь этой способности.

Я пробудился и мгновенно перешел в состояние боеготовности -

умение, которое вырабатывается лишь годами выполнения секретных миссий. На этот раз я проснулся не в постели, а на кушетке. Телевизор включен - на экране нечто коммерческое типа как-разбогатеть-быстро или в той же степени безмозглое, что крутят поздно ночью.

Я был не один. Я воспринимал кого-то за своей спиной. Он глядел в окно, лица не разобрать под камуфлирующей краской. Голубые джинсы и темная мексиканская накидка - серапе. Он небрежно держал «узи» одной рукой, но беспечность эта была обманчива, то была расслабленность змеи, способной мгновенно свернуться в спираль и, распрямляясь, нанести удар с такой скоростью, что ты даже не успеешь ничего понять. Он проделывал такое раньше и будет проделывать, пока кто-нибудь с более быстрой реакцией не нанесет упреждающий удар. В данный момент он ничего такого не ожидал, но все равно был готов мгновенно перейти к действию. Он глядел на дорогу за окном, за чем-то наблюдал. Поджидал чего-то вроде моего патруля, все еще скрывающегося за углом. Его пульс был в норме, дыхание ровное. Натренированный убийца, целиком и полностью в своей стихии.

Я отвлек внимание от своего периметра, приготовившись послать запрос. Устранить его или обойти? Этот молчаливый страж на другой стороне здания казался не таким уж бдительным. Если у нас имеется парочка людей в засаде, я смогу направлять их, координировать атаку. Игра без слов: «нападай по моему сигналу». Все просто, как жужжание мухи над ухом. Мы проделывали такое раньше, временами аж против четырех целей, разнесенных по длине фронта в тысячу футов.

Но что-то не сходилось. Я не мог никого найти, чтобы послать запрос. Может, парень ухитрился уложить всех наших, кроме меня? И где, в конце концов, мое настоящее тело? Я так погрузился в периферийное Восприятие, что потерял ощущение своего реального окружения.

Все прояснилось благодаря телевизору. Передача шла на английском. Не на испанском, арабском или еще каком. С экрана рассказывали, как сколотить состояние на заложенной недвижимости. Не та тема, которая могла бы заинтересовать часового в серапе, даже если его не раздражали отвлекающие факторы.

Мне оставалось только обернуться и посмотреть. Я не увидел ничего, кроме книжного шкафа. А в нем - мои собственные книги, сам же шкаф находится в моей собственной квартире. Я и тут один. В Сиэтле. Как все последние два года.

Я уселся на кушетке, вытащил телефон из зарядника-держателя, набрал номер, ставший за эти годы слишком знакомым, слишком привычным.

- Да? - отозвался голос в трубке.

- Это снова случилось.

- Вспышка прошлого, галлюцинация или фантомное зрение?

- Не уверен, - я описал увиденную сцену. - Может, это было Альтиплано. Все выглядело как-то смазанно, без деталей.

- Ясно. А я вот прошлой ночью находился в полной уверенности, что моя комната кишит змеями. При чем тут змеи? Я никогда не сталкивался с ними в акциях. Змеи меньше всего меня по жизни волновали.

Мы поговорили еще немного, пока я не почувствовал, что смогу снова заснуть. Понятия не имею, кем был мой собеседник; мы нашли друг друга в Сети и общались по зашифрованным линиям, оплачиваемым через условные счета. От привычки к секретности практически невозможно избавиться. Но это было лучше, чем в панике вызывать мозгоправов из Корпуса только для того, чтобы они вклепили в твое личное дело диагноз типа параноидальной шизофрении.

У Восприятия много возможностей. С его помощью ты можешь видеть, что делается за углом либо в любом закрытом помещении, в дверях или окнах которого найдется щелка, куда сможет просочиться один из твоих жучков. Но это гораздо богаче, чем просто зрение. Микродетекторы насекомых вытягивают из окружения буквально все, что можно воспринять и уловить.

Для очень многих операторов информация - это просто наборы данных. Нужен компьютер, чтобы их интерпретировать и управлять роём, и ты прохлаждаешься себе на базе перед кучей электроники, и у тебя кондиционер в помещении, и чашка кофе в руках, и все, что пожелаешь.

Но это всего лишь пародия на удаленное восприятие.

Если у вас есть способность к слиянию, данные перестают быть данными. Добавьте в систему интерфейс, вроде тех, что используются в протезах конечностей, только более изощренный, представьте себе пианиста, играющего Шопена с помощью такой механической руки, и вы получите хорошее представление об НК-МЭМС. Наборы данных исчезают, а вы просто воспринимаете некий целостный образ-ощущение так же прямо и непосредственно, как воспринимаете то, что идет дождь или что вы находитесь на тропическом пляже.

Большинство людей не может переступить нечто внутри себя, чтобы слиться и получить такое Восприятие. Но для тех, кто может, НК-МЭМС является чем-то гораздо большим, нежели просто инструментом, позволяющим заглянуть за угол. Это подвешенный в воздухе эмоциональный сенсор. В базарной толчее ты точно знаешь, кто настроен враждебно, а кто просто испуган. Кто убежит, если ты дашь ему такую возможность; кто из гордости останется на месте, чтобы сохранить лицо, хотя внутри тоже перепуган; а кто является упертым фанатиком, которому даже собственная смерть безразлична.

А вот на базе никто не желает находиться рядом с тобой. У каждого есть секреты - и даже если ты не знаешь деталей, то все равно

совершенно точно видишь, когда от тебя что-то пытаются скрыть. Не говоря уже о способности постоянно выигрывать в покер, хотя ты поклялся, что не будешь подглядывать. Отслеживать происходящее становится привычкой, даже если в этом нет настоящей нужды. Возможно, так и рождаются настоящие лазутчики. Восприятие вырабатывает у тебя аллергию на сюрпризы. Если ты можешь что-то узнать, ты хочешь это узнать. Если ты не можешь этого сделать, впадаешь в отчаяние.

Разведданные были совершенно ясными и недвусмысленными. Люди Бен-Ладена скрываются где-то в долине. Пять квадратных километров валунов, змей и еще черт знает чего. А террористов было, как минимум, пятнадцать человек, во всяком случае, ровно столько, согласно упомянутым данным, вошло в долину, а оттуда никто не выходил. Потом четырех из них засекли беспилотники, причем двух идентифицировали как весьма важных персон, ради поимки или уничтожения которых стоило затеять вторжение на территорию номинально дружественной страны.

Ну, мы и вторглись по-тихому сразу с наступлением темноты. Быстрая высадка, потом уже не такой быстрый переход, и вот мы сидим и пялимся на эту проклятую Долину Смерти, как уменьшенный вариант шести сотен<sup>\*25</sup>. По задумке, мы должны были обойти ее с востока, подняться вверх и вернуться к месту высадки, двигаясь вдоль хребта. Но теперь, когда уже занималась утренняя заря, нам лишь оставалось надеяться, что их наблюдательные пункты не оснащены современным оборудованием.

- Что-нибудь видишь, Джеррет? - проговорил я очень тихо, на пределе способности формировать слова. Радио нам не нужно. Наши жучки служили гораздо лучшим средством связи. Если в ответе будет содержаться что-то важное, то я просто сообщу это морпеху, приставленному ко мне для обеспечения моей безопасности, а тот, сигналивая руками, передаст информацию остальным.

Думаю, теоретически противник мог бы навести прицел, уловив сигналы, идущие от жучков ко мне и обратно, но если ты не используешь стрекоз или чего-то другого, столь же крупного, чтобы нести на себе настоящий передатчик, радиус действия достаточно

---

<sup>25</sup> \* *Намек на знаменитое стихотворение Альфреда Теннисона «Атака легкой кавалерии». В стихотворении рассказывается об одном эпизоде Крымской кампании, когда элитное подразделение британской армии («шесть сотен»), следуя нелепому приказу некомпетентного командования, предприняло самоубийственную атаку на русскую батарею, выполнив приказ («приказы не обсуждаются!»), который не мог быть выполнен, и понеся при этом огромные потери.*

ограничен. Вообще-то, любой, у кого есть оборудование, чтобы вычленишь сигналы наших жучков из фоновой мешанины излучения мобильных телефонов, микроволновых печей и пультов для дистанционного открытия дверей в гаражах, уже достаточно хорошо оснащен, чтобы противостоять нам. Это в городе. Здесь же для человека, снабженного нужной аппаратурой, мы с Джерретом будто сияющие в ночи маяки.

Но по-настоящему насторожиться меня заставил следующий пост Кору.

- Вы не поверите, как трудно убивать этих мух! Как будто они прекрасно знают, что такое мухобойка, - стоит мне взять ее в руку, как все тотчас исчезают. Но я все-таки разделалась с одной вчера вечером, когда она залетела за мной в душевую. Я поддала горячей воды, чтобы пара побольше было, и прихлопнула паразитку полотенцем.

Лейтенанту Маккарти завтра предстоят страдания. Если мы, конечно, доживем до завтра. Он вглядывался в пространство долины через бинокль с ночным зрением в тщетной надежде увидеть что-нибудь, чего не засекали мы с Джерретом, и в процессе понемногу переползал с места на место через поле, поросшее чем-то вроде колючего, похожего на грушу кактуса. У моих жучков имелись все средства для ночного видения, которых было вполне достаточно для реальных нужд нашего патруля, так что я мог видеть колючки, торчащие из его предплечий, будто светлые щетинки.

Мне бы следовало ему посочувствовать, но он сам виноват - только зеленые новички так сильно налегают на блокираторы боли. Судя по количеству иголок, торчащих из его кожи, лейтенант, скорее всего, прополз через густые заросли, даже не заметив этого. Когда проделаешь такое несколько раз, начинаешь соображать, что кратковременная боль не так уж и страшна. Ну да, когда снижаешь дозу блокиратора, то страдаешь больше, если случится что-нибудь ужасное, но ведь мы как раз и стремимся избегать попадания в ужасные ситуации.

Как правило, только старшие офицеры командуют патрулями с участием НК-МЭМС. Нас слишком ценят, чтобы нами рисковать. Но лейтенант Маккарти был необстрелянным салагой.

- Не беспокойтесь, - заявил он, когда мы покидали базу. - Капитан Томас свалился с шанхайским гриппом, но он выздоровеет. А я вырос в Аризоне. Я знаю все о пустынях. Мы прекрасно управимся.

Возможно, наступит такой день, когда офицеры усвоят наконец, что бессмысленно врать операторам НК-МЭМС. Это создает «интересную динамику», сказал мне как-то один мозгоправ на базе. Возможно. Одно

я уже успел выучить наверняка: пытаться разоблачать лжеца все равно что запускать слона в посудную лавку - он тут же начнет выкручиваться, громоздя еще большие кучи лжи. Хотя в данном случае морпехи поверили лейтенанту не больше моего.

Если и есть в моей жизни один-единственный момент, который я хотел бы переиграть заново, то это день, когда я ударил Дениз.

Ведь я вовсе не намеревался этого делать, по крайней мере не таким образом.

За три недели до этого я не прошел медкомиссию - они не обнаружили ничего серьезного, так, легкие признаки артрита, несколько ненормальное кровяное давление и еще кое-что по мелочам, что через пару десятилетий могло бы стать для меня проблемой, а могло и не стать. Ерунда, одним словом, однако мне сказали, что они не могут рисковать, отправляя меня на полевые операции. И у них не нашлось вакансий, чтобы использовать меня в качестве инструктора. Мы сожалеем и т.д. и т.п., но наши штаты полностью укомплектованы.

Первый шаг в Ре-адапте прост. Тебя просто перестают снабжать новыми жучками. А поскольку у большинства из них продолжительность жизни от двух до четырех недель, да к тому же некоторые уже почти исчерпали этот срок, то ты деградируешь довольно быстро. Но до того как ты опустишься ниже 20 процентов, ты можешь жить дома.

На заданиях мне несколько раз приходилось терять жучков до такого уровня. Они могут погибнуть в результате взрыва. А еще был случай, когда сильный порыв ветра просто сдул весь мой периметр за пределы радиуса действия. Я уже не говорю о летучих мышах. Даже если ты начеку и высматриваешь их, они нападают так быстро, что ты просто не успеваешь тварей отогнать.

Но это другое дело. Когда ты теряешь свой рой во время полевых операций, технари проведут замену так быстро, как смогут. Здесь же каждая утрата невосполнима. Здесь ты теряешь навсегда. Мозгоправы говорят, что выходить из Слияния таким вот образом все же гораздо лучше, чем переживать наркотическую ломку. Возможно. Но все равно ты ощущаешь это как продленное умирание.

В течение десяти дней я чувствовал, как гибнет мой рой. Возможно, в воздухе присутствовала какая-то химия, поскольку я терял жучков слишком быстро. Я отчаянно пытался удержать то, что еще оставалось. Все бы отдал, чтобы продлить состояние и получить дополнительную неделю, день, час.

А тут еще соседи купили своему сыну радиоуправляемую игрушку - что-то летающее, похоже, изображающее спускаемый лунный модуль. Вроде ничего страшного, да только излучение пульта управления этой

штуковиной интерферировало с излучением управляющих чипов моих немногих оставшихся жучков. В поле кто-нибудь быстро бы все устранил, перенастроив чипы. А сейчас я даже не стал об этом докладывать. Они бы просто ответили, что мне необходимо лечь в госпиталь на неделю раньше. Ничего страшного. Для них, разумеется. Не для меня.

Лишение - одно из самых сильных чувств в мире. До тех пор пока я был свободен в передвижениях, до тех пор пока во мне теплились остатки Восприятия, я мог притворяться, что конец может и не наступить. Не сейчас, во всяком случае. Еще не сейчас. Наверное, завтра, но только не сегодня. До сих пор я, по крайней мере, мог притворяться.

Дениз ничего не ведала о Восприятии. Она знала одно: я принимаю участие в секретных операциях и спиральные татуировки, покрывающие большую часть моей спины и плеч, имеют какое-то к этому отношение. И она понимала: уточняющих вопросов задавать не следует. А поскольку я никогда не жаловал боди-арт (если не считать калькулятора на внутренней стороне запястья), то, видимо, она решила, что это какая-то биомодификация.

Горькая ирония процесса реадaptации заключается в том, что жучков-то у тебя отбирают, а вот по поводу татуировок в Корпусе считают, что их удалять нет нужды. И они полагают это милостью, тогда как на деле это ежедневное напоминание о том, чего ты лишился. Вроде фотографий Дениз и Кору Энн на столике в изголовье постели, где они улыбаются мне, как уже никогда не улыбнутся в реальности.

Лейтенант Маккарти командовал моей секцией, поэтому я должен был контролировать его состояние.

- Вы что-нибудь видите, Маккорбин? - спросил он громче, чем было необходимо. Он как будто еще не вполне уяснил, что мои жучки уже находятся в каждом кусте, через который он пытался что-то разглядеть.

Я подполз под ненадежным укрытием поближе к нему, чтобы можно было вести негромкий разговор, подавляя при этом желание резким высказыванием нарушить субординацию. Ну как, к черту, я могу что-нибудь увидеть? Я и без того растянул свои периметры на максимально возможную ширину, но все равно дистанция Восприятия покрывала лишь небольшую часть расстояния до следующего гребня.

- Нет, - ответил я. Я действительно не видел ничего, кроме камней. Больших скальных обломков. И за каждым может скрываться десяток террористов.

- А Лэпп?

- Он сказал бы, если бы что-то заметил.

Лейтенант в своем пустынном камуфляже для моего реального зрения

выглядел бесформенным пятном, но для Восприятия он светился как яркий эмоциональный маяк. Не уверен в себе и вообще ни в чем. Напуган. Но настроен показать себя в лучшем виде. И в голове - целая куча вариантов, как нас позффектнее угробить. Есть вещи, о которых операторы НК-МЭМС редко говорят даже в своем кругу. Знание, что твой командир не уверен в себе, - самое пугающее.

Подтекст же был еще хуже. Не знаю, как насчет всего остального, но трусом лейтенанта Маккарти не назовешь. А значит, мы вот-вот разделим участь бригады легкой кавалерии... несмотря на то что нас не шесть сотен, а только дюжина.

Я проснулся от собственного крика.

Я был слеп, лишен Восприятия. Враг таился где-то рядом, а я не знал где. Я вообще ничего не знал - где что находится.

Мы скользили от одного дверного проема к другому, почти невидимые в своем ночном камуфляже. Я шел замыкающим, но не слишком отставая от остальных, поскольку от этого места за мили разило ловушкой и требовалось, чтобы периметр моего Восприятия был выдвинут как можно дальше вперед. Пока я не ощущал ничего необычного. Может, здесь ничего и не было. Самые жуткие задания - это те, которые проводятся по ошибочным разведанным. Когда ты шаг за шагом пробираешься от дома к дому, надеясь уловить Восприятием хотя бы что-то, прежде чем пули прошьют тебя... а потом, спустя часы, выясняется, что там никогда ничего такого и не было.

Но на этот раз что-то там было. Мне просто не хватило времени это выяснить.

Больше всего я боялся мин-ловушек. Даже самые простые из них - с натянутой проволочкой - очень трудно засечь. Я находил не более 95 процентов из них, а когда пропускал хотя бы одну, кто-то погибал. Я избегал мыслей на эту тему.

Единственное, что я понял, - вся улица взорвалась. Хотя это не вполне правильно: не было ни фонтанов огня, ни рушащихся стен. Эти люди вовсе не желали поднять на воздух весь квартал. Взрывались фугасные гранаты. Или даже большие взрывпакеты. В свое время, когда я еще не понимал, что нормальная жизнь не для меня, и пытался учиться в колледже, нам как-то подбросили петарду в спальню общаги. В ограниченном пространстве комнаты эффект был такой же, как от настоящей гранаты.

Но чем бы это ни было сейчас, подобных штук тут установили целую кучу, да еще и соединили проводами, чтобы они взорвались одновременно. Весь мой периметр тут же отключился, возможно, был полностью уничтожен.

Враг прятался где-то рядом, и он уже приготовился действовать, тогда как я внезапно ослеп. Стал обычным человеком с обычными пятью



чувствами. А ведь именно я должен был знать, где скрываются люди противника. Я послал на улицу все свои оставшиеся резервы, но понимал, что слишком поздно. И все по моей вине. Я был виновен в том, что не увидел установленную врагом растяжку. Я был виновен в том, что не засек врага до взрыва. Я был виновен в том, что выслал слишком много жучков к периметру. У меня почти не оказалось резервов Восприятия, и поэтому все, что мне оставалось, это глядеть, как погибает мое подразделение. Погибает от ловушки, которую я должен был предусмотреть, погибает от той же штуки, которая тогда, в колледже, чуть не обернулась для меня потерей слуха. Я виноват... я уселся на кушетке, вырвал телефон из держателя, набрал номер.

- Опять то же самое.

- Вспышка прошлого, галлюцинация, фантомное зрение?

- Кошмар.

А может, сон наяву. Временами трудно различить. Давным-давно, после операции, в которой мы избежали полного разгрома только благодаря тому, что я сумел обнаружить людей противника и определить их положение с такой точностью, что наши снайперы всех перебили через затененное окно, я задумался: как на месте врага можно было бы вывести подобного мне из игры? Мощные взрывпакеты - вот что я применил бы. Или что-то такое, что вырубит весь мой рой, всех жучков сразу по широкому фронту. Когда я превращался в человека с нормальным набором чувств, патруль становился беспомощным. Можно окружать и открывать огонь на поражение.

Мы проползли уже половину долины. Враг был все еще за пределами дистанционного Восприятия.

Первым погиб морпех, приставленный ко мне в качестве няньки. Рядовой первого класса Эстон Стэнли. Вот он впереди меня, переползает к следующему кусту. А вот пуля прошивает его, пробивая путь через открытый участок шеи прямоком в грудную клетку. Я все это видел и ощущал, поскольку вокруг него кружило несколько моих жучков, и я почувствовал удар, ощутил, как исчезает сознание и ударная волна превращает в желе его внутренности.

- Снайпер! - выкрикнул я, откатываясь в сторону и считая секунды - раз-два-три, - до того как услышал наконец звук выстрела, убившего Стэнли. Задержка в три секунды. Тысяча метров. За пределами радиуса действия Восприятия.

Пуля подняла фонтанчик пыли там, где я находился за секунду до выстрела. Я изо всех сил пятился назад и перекатывался в направлении, откуда приполз, и как раз вовремя, поскольку сумел увернуться от второй пули. Сколько бы там у них ни насчитывалось снайперов, они все отлично стреляли. И, разумеется, их винтовки были оснащены ночными прицелами.

Я отчаянно искал место для укрытия. Я пятился и пятился, по-собачьи прижимаясь брюхом к земле. Следующая пуля зарылась в землю чуть дальше от меня, чем предыдущая. Но это служило слабым утешением. На таком расстоянии пуле, чтобы долететь до цели, нужно чуть больше секунды, а я не могу бесконечно предугадывать намерения снайпера.

Вокруг я не заметил достаточно больших камней, за которыми можно было бы надежно укрыться. А в кустах прятаться бесполезно. Раз снайпер знает, где я, он просто будет стрелять сквозь них. Промахнется несколько раз, но в конечном счете попадет.

Меня спасло Восприятие. Уже при первых признаках опасности я разбросал по сторонам все свои резервы, чтобы жучки нашли что угодно, могущее послужить укрытием. А для того чтобы маневрировать, уклоняясь от пуль, у меня оставались биологические глаза.

Восприятие отыскивало для меня то ли овраг, то ли сухое русло, рассекающее дно долины прямо передо мной. Я даже и не пытался прикинуть, какова его глубина. Все так же на карачках - я не мог потратить лишней секунды, чтобы подняться на ноги, - делая зигзагообразные рывки, я еще три раза ухитрился увернуться от пуль и, наконец, нырнул головой вперед, а последняя предназначенная мне пуля выбила щебенку из стены этого естественного желоба.

Дениз считала, что я вскорости должен отбыть на очередную миссию и потому хотел использовать каждую оставшуюся минуту: побыть с ней. У нас всегда так было: последние ночи мы просто вцеплялись друг в друга, желая, чтобы время остановилось, и решая не тратить эти драгоценные мгновения на сон, поскольку вполне могло оказаться, что других таких мгновений больше не будет. Ну, я-то знал, что уже не рискую быть застреленным, но все равно хотел, перед тем как лечь в госпиталь на реадaptацию, оставить в памяти как можно больше драгоценных мгновений.

Абсурдно, но именно это желание стоило мне семьи. И с годами ирония становилась все более горькой.

До того как я стал оператором НК-МЭМС, такие вот вечера перед расставанием принадлежали только ей и мне. Тогда этого вполне хватало. Когда ты молод, то уверен, что мысли любимого человека для тебя - открытая книга.

Не знаю, что происходит с другими парами. Возможно, если они продолжают любить друг друга достаточно глубоко, то просто умеют заглядывать друг другу в души. Что касается меня - мне и гадать не требовалось. Восприятие, разумеется, не сообщало мне, о чем она думает, но ее настроение я чувствовал как свое собственное. Когда она говорила: «Я люблю тебя», я ощущал всю глубину ее чувств, ибо физиологические данные, собираемые крошечными сенсорами -

частота дыхания, ритм сердцебиения, проводимость кожи и ее температура, - я воспринимал не просто как параметры, а как гештальт, превращавший ее слова в реальность, являющуюся частью меня в той же степени, в какой частью меня была сама Дениз.

Но теперь мой рой умирал, а проклятая детская игрушка превращала в хаос работу того, что еще оставалось. Час за часом я становился все более разъединенным со всем миром. Час за часом Дениз казалось все более далекой. Тогда я считал это двумя разными кризисами. Уже потом я сообразил, что одно вытекало из другого.

Она ходила по кухне, открывая шкафы, передвигая коробки и банки, чтобы посмотреть, какие запасы требуют пополнения. Она всегда так составляла список покупок. Лично я просто шел в магазин и брал с полки то, что выглядело нужным. Я был сыт по горло сверхтщательными подготовками перед операциями.

Она не заметила моего появления, пока я не обнял ее сзади и не уткнулся носом ей в шею.

- Прости за все мои отлучки. Эта будет последней.

Она повернулась, выворачивая шею, чтобы получше рассмотреть меня:

- Правда?

Мы, конечно, уже заводили разговоры о моей отставке, но только в общих чертах.

- Правда. Осталось только одно задание. Даже из страны уезжать не придется. - Вообще-то база находится неподалеку от дома, но поскольку до завершения реадaptации мне не разрешат видеться с семьей, говорить об этом не имело смысла. - А потому никакого риска быть подстреленным.

Я ожидал, что Дениз бросится в мои объятия, но она только попятилась, пока не уперлась в край разделочного стола.

- Давно пора. Кора когда-то тебя боготворила, но, возможно, ты заметил, что сейчас она тебя избегает.

Я-то заметил, но приписал это психической неустойчивости переходного возраста. Однако, поразмыслив, припомнил, что дочь вела себя таким образом уже в течение двух последних моих побывок. Находилась в эмоциональной самоволке от меня, как и я от нее. И теперь, когда я это обдумал, то понял, что большую часть времени она была за пределами досягаемости Восприятия. «Если в лесу падает дерево...»<sup>\*26</sup> и все такое. С ходом времени Восприятие не просто помогает тебе интерпретировать реальность, оно становится реальностью. Когда Кора находилась рядом, я улавливал мимолетные намеки на нечто неопределенно неправильное, но объяснял это

---

<sup>26</sup> \* *Философская загадка: «Если в лесу падает дерево, но нет никого рядом, чтобы это услышать, то раздастся ли звук падения?».*

проявлениями обычной тревожной подростковой мнительности.

Да я и не особенно пытался разобраться. Обе эти побывки оказались короче, чем я рассчитывал. Оба раза возникали кризисы в местах, где американские части как бы не должны были присутствовать. Новые возможности для пополнения статистики побед и поражений, которую я давно перестал вести: не потому что я действительно научился сосредоточиваться на одном, конкретном, сейчас выполняемом задании и не вспоминать о прошлых, а потому что каждая цифра в этих списках спасенных или погубленных жизней означала конкретного человека, которого где-то ждали своя Дениз и своя Кора...

Скажите это мозгоправам, и они ответят, что ты утратил веру. Но это не так. Некоторые из этих людей действительно были скверными парнями. Но за годы и годы выполнения того, что я должен был делать, что-то произошло и со мной самим. Нечто такое, отчего мне все важнее было находиться рядом с Дениз и Корой и одновременно все труднее.

А может, я просто перегорел. У меня были настолько жесткие задания, что даже если бы я имел право рассказывать о них, то все равно не стал бы этого делать, поскольку сказать хоть что-нибудь означало раскрыть, как часто я был на волосок от смерти. Без Восприятия я бы никак не смог выкрутиться в добром десятке случаев. Если бы не Восприятие, меня бы сейчас не было в живых. А без него я вскоре перестану чувствовать себя живым.

- Я разберусь с этим.

- Если уже не поздно.

В голосе Дениз зазвучала нотка, какой я никогда не слышал. Или, может, слышал - в конце концов, ссориться и нам доводилось, - но сейчас, не имея возможности почувствовать с помощью Восприятия, что стоит за словами, я просто растерялся.

Я направил нескольких оставшихся жучков поближе к ней, но они не сообщили мне ничего полезного. Температура кожи - 94,2 градуса\*\*<sup>27</sup>. Потоотделение - 16. Просто данные, и ничего более. Мой рой уменьшился настолько, что я уже не мог понять, что чувствует жена.

- У нас все в порядке? - пробормотал я.

- Что ты имеешь в виду?

- Ну, вообще... - я колебался. Потом бросился головой в омут. - Ты еще любишь меня?

- Почему ты спрашиваешь?

- Это не ответ. Ты еще любишь меня?

- Как в юности?

- Да... нет... как тогда... - Как тогда, когда мы вцеплялись друг в друга перед неизбежным расставанием. Когда мы думали, что каждое наше

---

<sup>27</sup> \*\* По Фаренгейту.

совместное мгновение может оказаться последним. - Как вообще это было между нами.

Когда-то я мог заглядывать сквозь глаза прямо ей в душу, безо всякого Восприятия. Однако это ушло в далекое прошлое. Восприятие расширило мои способности, но оно также оскопило меня. Я утратил обычное интуитивное понимание. Теперь я ничего не мог прочесть в душе любимой.

- Как это было между нами, - повторил я.

Она могла бы спасти положение, просто поцеловав меня. Вместо этого она вздохнула:

- О, Кип, ну конечно, я люблю тебя. Просто тебя часто и долго не было с нами... А когда ты возвращался... Как будто часть тебя находится в другом месте. Как будто ты по-настоящему не хочешь быть здесь.

- Это только кажется. Это всего лишь работа...

- Ты всегда так говоришь. Что ж, тогда это «всего лишь», - она пальцами изобразила в воздухе кавычки, - мы. «Всего лишь» я. «Всего лишь» Кора.

Мне как будто пощечину вlepили. И я все никак не мог добиться с помощью оставшихся жучков Слияния и целостного Восприятия данных. Это просто были отдельные цифры. Пульс - 89. Зрачки сужены. Это хорошие признаки или плохие? Когда я еще только обучался, то мог заглядывать в наставления, но уже так долго находился в полном и глубоком Слиянии, что для понимания мне необходим был полноценный работающий рой. Враг/друг. Опасность/безопасность. Любит/не любит. У меня больше не было достаточного количества сенсоров, чтобы преобразовать «данные» в «знание». Я потерял эту свою способность как раз тогда, когда, по всей видимости, все моя жизнь зависела от правильного понимания.

- У тебя есть кто-то другой? - спросил я.

- Что? - Проводимость кожи - 7,3. Дыхание - 22. - Что ты такое несешь?

Она отмахнулась от жучка, и я отвлекся, отзывая его назад. У меня возникло ощущение, что она пытается разрушить то небольшое, что еще от меня осталось.

- Ты плохо расслышала. У тебя есть кто-то другой?

Она протиснулась мимо меня, направляясь к боковой двери, ведущей к гаражу.

- Раз ты такое спрашиваешь, значит, ты меня совсем не знаешь!

Через мгновение хлопнула дверь гаража, и на подъездной дорожке завизжали шины.

Русло было достаточно глубоким, чтобы я смог в нем спрятаться. Более того, настолько глубоким, что, ныряя в него, я вывихнул плечо.

На занятиях нам говорили, что если ты не слишком сильно налегаешь

на блокираторы боли, то по шкале болезненных ощущений вывих оценивается почти в 10 баллов, а шкала эта именно десятибалльная. Но, помимо боли, в вывихах есть нечто чисто психологическое, сродни кошмару. Был у нас парень, который на тренировке поскользнулся, упал и вывихнул палец. Левый мизинец, если точно. Не забуду зрелище пальца, торчащего под каким-то неестественным углом. Медика рядом не оказалось, только мы двое, причем оба к тому времени еще не прошли курса первой помощи. Поэтому мы просто побежали назад, на базу. А это четыре мили. Парень за все время не произнес ни слова. Я тоже, но никак не мог выкинуть из головы образ этой его руки. А вот теперь я сам в таком положении. Тут даже не в боли дело; жутким казалось знание, что твое плечо больше не выглядит как плечо. Мое видение сузилось до черной точки - так называемое туннельное зрение, а уши как будто ватой заложили - я не слышал ничего, кроме биения собственного пульса, да и он с каждой секундой затухал.

Затем все же сказались тренировки. Первым делом я принял блокиратор боли. Но не слишком большую дозу: чтобы корректно вправить вывих, нужно чувствовать, что ты делаешь. Иначе можно повредить сустав. Еще хуже - повредить нервы, благодаря которым мои татуировки интегрируются в одно целое с насекомыми.

Следующий шаг: дышать глубоко и успокоиться. Что было нелегко, поскольку временем я не располагал. Бенладенцы знают, где я нахожусь, и заявятся сюда в считанные минуты.

Я думал о Дениз и Коре и отгонял отчаяние. Если я хочу когда-нибудь снова их увидеть, я должен сделать все правильно. Я вынудил дыхание выровняться, надеясь, что сердцебиение последует за ним. Я заставлял себя думать о доме и тех ночах в объятиях Дениз перед отбытием на задание. И почувствовал, что сердцебиение успокаивается. Проверил Восприятием: это действительно так.

Теперь следовало перевернуться на живот.

С первого раза не получилось. Кости со скрежетом терлись друг о друга, посылая волны боли по всему телу. На какой-то момент уши снова заложило, и я боялся вырубиться, предоставив врагам свое беспомощное тело. Но если тебе жизненно необходимо оставаться в сознании, ты в силах это сделать. С третьей попытки мне удалось перевернуться на живот, и теперь я лежал, тяжело дыша и ощущая, как лужица пота холодит поясницу.

Следующий шаг - используя здоровую руку, отвести поврежденную в сторону. Медленно, осторожно, поскольку болит чертовски. Не думать при этом о террористах, которые, вполне возможно, уже направляются к тебе. Нужно все сделать правильно, а правильно означает медленно. В конце концов, моя травма никак не сказалась на состоянии роя, и привычная мощь Восприятия помогла мне успокоиться. Реальность не

исчерпывалась границами моего тела. И пока никакой опасности на подходе не было.

Ну и, наконец, самая трудная часть. Протянуть здоровую руку вверх и завести назад, как бы желая почесать спину. Захватить вывихнутую конечность и потащить вверх с перебросом через плечо. И вот меня пронзает раскаленно-белая вспышка боли, но зато рука проскальзывает на место, и плечо снова становится плечом.

Катастрофа разразилась в тот же день вечером. По ошибке. Просто глупая, бессмысленная случайность.

После отъезда Дениз я спустился в подвал - в замкнутый кокон, куда я стянул вместе с собой остатки Восприятия. Я пытался смотреть футбол. Но мне не хватало сил даже на то, чтобы за кого-то болеть. Поэтому я просто «прыгал» по каналам. Гадал, куда отправилась жена. Может, она сейчас с ним? Кто он такой? В минуты просветления я думал: а может, у меня просто-напросто крыша едет?

Да только как это определить? Хотел бы я знать. Хотел бы обладать способностью знать.

А затем самым поразительным образом я уснул.

Эмоциональная травма производит такой эффект. Вот ты сжимаешь кулаки, желая пробить ими стену, чтобы выбраться из камеры, в которую тебя загнал твой собственный разум. А затем внезапно чувствуешь такую усталость и опустошенность, что и думать ни о чем не можешь. Такое бессилие, что даже банка с пивом представляется неподъемным грузом, и тебе, чтобы заснуть, уже не надо напиваться (что, собственно, входило в твои первоначальные планы), ты и так внезапно отрубашься. И во сне находишь спасение.

Пока не проснешься, конечно.

Похоже, Дениз отсутствовала не слишком долго. Меня разбудило ощущение, что кто-то находится рядом со мной. Шорох шагов, приглушенный щелчок, затененный силуэт между мной и лестницей, путем к отступлению и спасению. После многих лет полевых операций ты привыкаешь спать чутко, просыпаться быстро и при этом ничем не выдавать перехода из одного состояния в другое.

Вспышка прошлого, галлюцинация или фантомное зрение? Кто знает? Когда-то давным-давно она тихонько подкрадывалась ко мне, обнимала и целовала в ухо. Когда-то давным-давно я делал вид, что ничего не вижу и не слышу и что меня застали врасплох самым приятным образом.

Теперь все, что угодно, заставляло меня врасплох.

За одно кошмарное мгновение я снова оказался в сухом русле.

Они приближались ко мне. Я не мог даже сказать, сколько их. Я слишком долгое время держал свой периметр на самой дальней дистанции, и теперь предстояло вернуть рой для подзарядки. Пока

возился с вывихнутым плечом, я не имел возможности этим заняться. Для зарядки жучки должны находиться на расстоянии пары сантиметров от татуировки, иначе соединение будет слишком растянутым и придется сжечь слишком много гликогена для питания зарядного устройства. Подзаряжать жучков и мушек надо вблизи.

Но пока я не вправил плечо, не мог сконцентрироваться еще и на этой задаче - подтянуть жучков на достаточно близкое расстояние, чтобы из этого вышел какой-то толк.

А теперь я отчаянно пытался наверстать упущенное время. Эшелонировал своих насекомых как летчик-истребитель, отрабатывающий маневр приземления с уходом на второй круг: они подлетали на расстояние, достаточно близкое, чтобы получить свою порцию заряда, и тут же уносились прочь, освобождая место новым отрядам. Оставалось надеяться, что я потерял не так много жучков, у которых закончился заряд и возобладало то, что у них еще оставалось от естественных инстинктов немодифицированных насекомых, после чего они, разумеется, начинают заниматься тем, чем и положено заниматься нормальным букашкам.

Тем временем мне потребовалось срочно изменить позицию. Последние несколько минут не слышалось никакой стрельбы, и стало ясно: не мое подразделение выиграло схватку. Террористы, по всей видимости, уже двигались в мою сторону.

Первым делом рекогносцировка. Зарядившихся жучков я посылал вдоль русла, чтобы посмотреть, нет ли у него ответвлений. Если я смогу продвинуться по дну на достаточное расстояние, перед тем как сухое русло слишком сузится или его берега станут слишком крутыми, то сумею выбраться на участок с большими валунами и скальными обломками и там укрыться. Если застряну здесь, то считайте меня покойником.

В течение последующих шестнадцати часов мне пришлось играть в кошки-мышки (при этом кошкой был не я). Несколько раз я отчетливо слышал выстрелы, но не осмеливался на них ответить. Благодаря Восприятию я мог держаться на шаг вперед, опережая маневры противника, но за это пришлось заплатить шестнадцатью часами сверхбдительности. В течение этих часов требовалось игнорировать нарастающее онемение в плече. Быть скорее добычей, чем охотником.

Когда подоспели спасатели, я настолько вымотался, что меня уже ничто не волновало. Настолько истощен, что не сразу отреагировал, когда мне на руку опустился жучок - чужой жучок, не мой. Настолько обессилен, что едва мог сфокусировать взгляд на крошечном чипе за головой жучка. Настолько устал, что даже не понял, что уже спасен, даже когда ко мне приблизился оператор НК-МЭМС из другого подразделения, а вместе с ним не кто иной, как чудесным образом



выздоровевший капитан Томас.

Капитан Томас и его команда патрулировали долину вокруг и поверху, как это должны были делать мы прошлой ночью. Спустя три часа я услышал звуки перестрелки и увидел яркие вспышки вырывающегося из стволов пламени. Вскоре они наткнулись на меня, за час пройдя дистанцию, на которой я целый день играл в прятки со смертью: уверенность людей, подошедших к врагу на такую дистанцию, чтобы их оператор НК-МЭМС мог наверняка обнаружить любого противника и все его маневры.

С ними были еще двое выживших. Один - морпех, который ухитрился добраться до поля валунов и скальных обломков, где и скрывался, перебираясь от одного камня к другому.

Другой - Джеррет.

Я очень, очень надеялся, что никогда не окажусь в таком состоянии, как он.

Есть своего рода ритуал, когда позади тебя внезапно объявляется любимая женщина. Сначала вздрагиваешь, осознав, что поблизости кто-то есть. Затем узнавание: поворот, поцелуй, тесные объятия и желание никогда, никогда не разлучаться.

И если удивление я только разыгрывал - какой тут может быть сюрприз для человека с Восприятием, то вот насчет желания никогда не расставаться... здесь все было по-настоящему, и в нашу двадцатилетнюю годовщину оно оставалось таким же, как и в первый год. Только за эти двадцать лет Восприятие устранило всякую возможность сюрпризов, а точные данные заменили интуицию. Что же касается оврага, то, разумеется, это был не единственный случай, когда я находился на волосок от смерти, просто там это длилось невероятно долго.

Слишком много эмоций сразу. И слишком мало достоверных сведений. Когда такое происходит, включаются выработанные на тренировках рефлексы. А попросту - инстинкт выживания.

Окажись у меня под рукой какое-нибудь оружие, я мог бы убить ее.

Понятия не имею, что мне там примерещилось, от кого я собирался отбиться. У меня уже почти не осталось Восприятия, я мог знать лишь, где находится то, что меня так испугало.

Я совершенно определенно не видел перед собой хрупкой женщины. Надо мной нависал враг.

В обычном состоянии человек довольно неловко выбирается из глубокого мягкого кресла. Но когда он пребывает в панике, это происходит мгновенно: напряжением всех поджилок толкаешь упор для ног вниз, а затем используешь возникший момент, чтобы швырнуть свое тело вперед. Остаток Восприятия, а может, просто обычная память подсказали мне, где я оставил банку пива. От недавней

слабости не осталось и следа, я был заряжен страхом и притоком адреналина. Я схватил банку и изо всей силы запустил в цель, услышав, но не осознав вскрик Дениз, когда банка ударила ее точно в подбородок.

Ошеломив таким образом предполагаемого противника, я метнулся вперед, сильно оттолкнувшись от пола, - слишком сильно, поскольку услышал треск в ступне. Перелом пятой плюсны, как я позже узнал, но тогда почти не почувствовал боли. Вместо этого я нанес удар в мягкий, нетренированный живот и, оперев предплечье другой руки в незащитное горло, прижал жертву к обшитой дубовыми панелями стене.

И только тогда понял, где нахожусь. Кто передо мной. И что я делаю.

Мои руки безвольно опали. Господи! Проклятье? Молитва? Черт его знает.

Дениз это было все равно.

- Ну, ты и мразь! - воскликнула она.

Я отшатнулся. Я пытался отыскать нужные слова и не находил их, молча глядя, как она поднимается по лестнице, уходя из подвала и из моей жизни.

«Не думай, что у меня не было возможностей закрутить любовную интрижку, если бы я этого захотела», - сказала она.

Я проснулся с криком. Но на этот раз я был Джерретом, таким, каким видел его в тот день на поле боя, - обезумевшим от страха парнем с вытаращенными глазами.

Он и физически сильно пострадал. Кровь и грязь покрывали его лицо и униформу, а на эти красно-коричневые разводы лег слой белой пыли. Джеррет выглядел жертвой землетрясения, извлеченной из-под завала. Кисть была обмотана грязным носовым платком. Как я узнал позже, он сломал два пальца. Из-под шлема виднелась более свежая повязка - это постарались спасатели, но и на ней проступало алое пятно.

Он понятия не имел, что в него попало. Однако это вырубил его на срок достаточный, чтобы его потерявший хозяина рой, предоставленный самому себе и хаотически дрейфовавший, успел расползтись в пространстве и сгнуться. И когда Джеррет пришел в себя, он был полностью отрезан от связи хотя бы с единственным жучком и начисто лишен Восприятия.

Он больше не был прежним Джерретом.

Что-то похожее случается, когда перед сном ты переводишь своих жучков в режим ожидания: Это делается на автомате и также естественно, как закрыть глаза. Но в бою все твои ресурсы распределены, и жучки собираются около тебя, только когда ты их

сознательно отзовешь с периметра. Если бы удар от моего прыжка в сухое русло пришелся не на плечо, а на голову, и я потерял бы сознание, мог бы пережить то же, что и Джеррет. Да я и переживаю - во сне, не реже раза в неделю.

Мозгоправы говорят, что постепенный выход лучше всего. Возможно. Но когда я просыпаюсь от собственного крика... результат тот же самый.

«У меня сегодня сюрприз», - говорила Кора в камеру. Она отправляла видеосообщение в блог из ванной комнаты, повесив камеру над зеркалом, перед которым накладывала макияж. Я вздрогнул, когда дочь проделала это в первый раз, но поскольку она была адекватно одета, то я решил, что ванная комната подходит для видеоблогинга ничуть не хуже, чем любое другое помещение.

Камера находилась выше головы Кору, слегка укорачивая изображение и округляя черты лица. Если Кора становилась в правильно выбранном месте, то в камеру попадало также ее отражение в зеркальной двери за спиной. Тогда создавался эффект анфилады - чередующиеся виды Кору спереди и Кору сзади исчезали где-то в бесконечности. Как будто ты наблюдал ее в бесконечном коридоре: такой туннель люди иногда видят во время клинической смерти.

«Я сегодня ходила в торговый центр, купить новое платье. Вот это». Она отступила за пределы сектора видимости камеры, но тут же снова возникла в нем, держа в руках черное платье с глубоким вырезом. У девочки всегда был хороший вкус.

«Правда, миленькое? Когда я выходила из бутика, то увидела Джеррета, который шел к эскалатору. Я помчалась в ту сторону, но когда добежала, он уже исчез. Конечно, может, это был кто-то похожий, но я уверена, что видела именно Джеррета».

Кора сделала паузу.

«И, папуля... Я знаю, что ты меня слушаешь. Я не дура, тебе это известно. Это не ты хакнул коннект на мой блог, это я позволила тебе сделать такое. Ты хочешь знать про мою жизнь и про меня саму?..» Кора отступила назад, уперев руки в бедра. «Ну, вот она я. Я выросла. Я сама решаю, с кем встречаться. Тебя никогда не было рядом. А когда ты появлялся дома, то я ничего не могла сделать, - чтобы тебя в нем удержать. Всегда уходил на очередное задание. Постоянно рисковал жизнью. Думаешь, я этого не понимала?»

У нее на глаза навернулись слезы, и она заморгала. «Ничего из того, что я делала, не могло заставить тебя остаться. Ты не помнишь, как я тебя упрашивала, когда была еще совсем маленькой девочкой? А ты отвечал, что у тебя нет выбора. Я даже тогда знала, что это дерьмо собачье. Всегда есть выбор. Просто ты выбрал другое.

Ты не знал, что все эти дурацкие годы в школе, где я получала почти

одни только оценки «А», я делала это ради тебя? Я думала, что если буду хорошей девочкой и круглой отличницей, ты останешься. Глупо с моей стороны, конечно. И футбол. Мама говорила, что ты был суператлетом до того, как пошел в армию... извини, Корпус, или как его там. Почему ты нам никогда ничего не рассказывал? Ну, как бы там ни было, футбол - это приток адреналина в крови. Для тебя это гораздо важнее, чем все, что я делала. И что бы я ни делала, я все равно оставалась плохой для тебя».

Слезы теперь лились ручьем, угрожая смыть макияж. «Зато хорошей для Джеррета. Ему было все равно, получаю я «А» или «Д». Ему было безразлично, что я оставила колледж. А тут, как снег на голову, заявляешься ты и плетешь мне, что если я тебя люблю, то должна бросить Джеррета. И тут же снова сваливаешь. Ты не имел права. Слышишь меня? Не имел права! Я знаю, что он гораздо старше меня. Я знаю, что он малость чокнутый - когда я дала ему отставку, он пять раз возвращался. Я не дура, папуля! Но это было мое собственное решение. Не твое. Тем более что ты снова свалил на это свое «последнее» задание. Которое должно было продлиться не больше трех месяцев, а растянулось на четыре года. Не могу поверить, что я тогда повелась на это.

На случай, если ты этого не заметил, говорю тебе: у меня тоже есть ранения. Но это не такие раны, от которых остаются видимые шрамы».

Ее лицо исказилось, и она костяшками пальцев вытерла слезы, уже даже не пытаясь спасти макияж. «Ненавижу тебя, папуля! За всё - ненавижу!»

Изображение вышло из фокуса, когда она замахала руками в воздухе перед собой так же яростно, как до того вытирала слезы.

«И что за хрень творится тут с этими мухами?!»

Мой палец застыл над клавишей отключения, а сам я долго смотрел на изображение. Можно было бы еще раз проиграть запись, но это не имело смысла. Я просто смотрел на нее, вспоминая маленькую девочку: дерзко задранный носик и лукавую улыбку, глаза, сейчас обведенные размазанными пятнами уничтоженного макияжа, в которых некогда светилась твердая вера в то, что папочка никогда не может сделать что-то неправильно. А сейчас в них не было ничего, кроме глубочайшего разочарования и обиды.

Я бы все отдал за возможность переиграть жизнь заново. Но могло бы все сложиться по-другому? Разумеется, не просто жажда повысить количество адреналина в крови гнала меня на все эти операции. Это были необходимость ощущать себя целостным и знание того, что когда операций больше не будет, эту целостность, даруемую Восприятием, у меня отнимут. И смертельный, болезненный ужас перед тем, что рано или поздно это неизбежно произойдет.

Временами я думал, что мне было бы лучше погибнуть на поле боя.

Ведь с каждым прошедшим годом возрастал страх перед неизбежным концом: страх, постоянно гнездящийся где-то внизу живота, самый настоящий тошнотворный ужас. Но потом я вспоминал о Дениз и Коре и понимал: стоит жить ради того, чтобы вернуться домой. И это действительно имело смысл, пока они внезапно не ушли, и все вообще лишилось смысла.

Я так и не узнал, каким образом Джеррет вышел на Кору. Он закончил свой Ре-адапт примерно тогда, когда я только его начал, и он больше преуспел в науке говорить мозгоправам именно то, что они хотят услышать. Поскольку, если ты не станешь этого делать, они тебя никогда не выпустят.

Он знал о существовании моей семьи и, возможно, решил: хорошо бы сообщить им, что я жив. Не то чтобы это было так важно для Дениз. Она могла не знать, где я нахожусь, но это было известно Корпусу, который аккуратно пересылал мне все судебные постановления, касающиеся наших с ней отношений. Развод. Никаких контактов - держаться от них подальше. Все дела. Еще положение об опеке - сущее издевательство, если учесть, что Коре месяц назад исполнилось 18. Меня даже не выпустили из Ре-адапта, чтобы я мог защищать свои интересы. Послали какого-то долбаного адвоката из Корпуса представлять мою сторону, как будто он имел хоть какое-то понятие, что произошло на самом деле. А сказать ему об этом я не мог - он бы все передал мозгоправам, и тогда к моменту моего выхода на волю Кора успела бы стать бабушкой.

А затем один из вестовых (санитаров) рассказал мне про Джеррета и Кору.

Неделю я мучительно размышлял, что делать. И гадал: дошло ли у них до секса? Заставлял себя не думать об этом. Но не только поэтому я, в конечном счете, выбрался на волю через окно. Еще до всех этих событий в сухом русле я очень не хотел, чтобы она спуталась с человеком из Корпуса. Ну, а после них... Я же видел его глаза! И если я оказался способен накинуться на собственную жену, то...

Когда я первый раз увидел Джеррета в Ре-адапте, то ощутил радость: все же знакомое лицо, свой человек, не принадлежащий ко всем этим мозгоправам, от одного вида которых тошнило. И только постепенно до меня стало доходить, как много времени прошло с той злополучной ночи, когда его вывозили из долины на вертолете. После его выписки я навел кое-какие справки.

Джеррет проходил Ре-адапт не менее полдюжины раз.

- Не могу рассказать ничего особенного, - поведала как-то одна из наших психиатров, - но в комбинации отвыкания и посттравматического стресса самое трудное именно отвыкание. Вы должны перестать желать, чтобы это вернулось. Если вы этого не сделаете, то и от психозов не избавитесь.

- Моей семье это тоже касается? Я что, должен перестать желать, чтобы они вернулись?

Она одарила меня одним из тех исполненных сочувствия печальных взглядов, которым, видимо, их обучают с рождения.

- Возможно.

В эту ночь я и удрал через окно. Наконец-то я совершенно точно сознавал свои приоритеты.

Я отсутствовал пару дней, которые стоили мне дополнительных два года Ре-адапта. И это могло продлиться гораздо дольше, если бы я, наподобие Джеррета, не научился говорить мозгоправам именно то, что они хотели услышать. И до недавнего времени я думал, что спасение Кору стоило того. Но только потому, что верил в возможность ее спасения. Как она сама сказала: глупо с моей стороны.

Правила выживания в Корпусе учат тебя наносить удары быстро. Судебные постановления учат противоположному.

Формально мне не запрещалось беседовать с Корой или даже посещать в ее квартире. Но Дениз так не считала.

Три дня я пытался сообразить, что мне делать. Джеррет и мухи. Я понятия не имел, каким образом он их заполучил, но он снова был НК-МЭМС. Очевидно, нелегальным НК-МЭМС.

Какая-то часть меня пришла в ужас. Кора ошибалась в одном: видимые шрамы Джеррета являлись только верхушкой айсберга. Даже если он вернет себе рой, все равно не обретет психическую целостность. Он лишь будет думать, что это произошло.

А еще я завидовал.

Что бы я отдал ради возвращения Восприятия? Пенсию? Душу? Ту тонкую ниточку, которая все еще связывала меня с Корой?

Три дня я просматривал ее видеоблог и слушал, как она трещит про свою работу в оздоровительном клубе, о планах возвращения в колледж и о том, что, возможно, станет специалистом по лечебной физкультуре... а еще о погоде, друзьях и прочем - пустая болтовня молодой женщины, пока не нашедшей своего места в жизни. Она больше не упоминала ни о Джеррете, ни о докучливых насекомых, ни обо мне.

С моей стороны это было идиотизмом, но я ничего не предпринимал. Дрессировка судебных служб возобладала над рефлексами, выработанными в Корпусе.

А на четвертый день все прекратилось. Никакой болтовни в видеоблоге, вообще ничего.

В течение шести месяцев каждый день в ее видеоблоге появлялся новый пост. Она ни одного дня не пропустила. Может, сейчас она просто очень сильно занята? Или заболела?

Но на следующий день тоже ничего не появилось. Я позвонил ей на работу, но там ее никто не видел. «Она до этого была очень

пунктуальна, - бодрым голосом ответила мне молодая дама. - Надеюсь, ничего плохого не случилось?..»

Через день я заказал билет на самолет и вскоре стоял у порога ее дома. На первый взгляд, все было в порядке. Но это ровным счетом ничего не значило, поэтому я укрылся в своей взятой напрокат тачке, запасшись предварительно громадным чизбургером, чипсами и достаточным количеством кофе, чтобы не дать заснуть слону.

К рассвету я понял, что Кору в доме нет.

Контакт с Дениз означал риск подвергнуться аресту. А быть арестованным за что-то более серьезное, чем неоплаченный парковочный талон, означало для меня навечное возвращение в Ре-адапт. Но выбора не оставалось. Я набрал номер.

- Агентство недвижимости Вудруфф, - произнес в трубке голос, не принадлежащий Дениз. - Чем можем быть полезны?

После развода со мной дела Дениз шли хорошо, однако в наше время никто больше не держит секретарей-людей. Ясное дело - автоответчик. Возможно, продвинутый, компьютеризированный.

- Мне необходимо оставить сообщение для миссис Вудруфф, - ответил я. - Скажите ей, что Кип звонил и дело касается ее дочери. Передайте, что это очень серьезно и срочно.

- Разумеется, сэр, - ответил голос, подтверждая мою догадку, что он принадлежит машине. Никто, кроме вояк, не обращается к людям, именуя их «сэр».

Дениз решила все же отложить мой арест и перезвонила мне.

- Надеюсь, у тебя действительно что-то серьезное.

Ни «привет», ни «как дела». Ладно, не до сантиментов.

- Похоже, Кора попала в беду, - ответил я. - Нам надо увидеться.

Дениз согласилась встретиться в «Старбаксе», в нескольких кварталах от ее арлингтонского офиса. Еще один перелет, еще одна бессонная ночь. Моему организму и моей пенсии будет нанесен существенный ущерб к тому времени, когда все закончится.

Стены «Старбакса» были декорированы фотообоями с дубами и кленами осенней раскраски, во всем остальном заведение ничем не отличалось от своих собратьев в Сиэтле. Возможно, именно поэтому она его и выбрала. Все, в общем, нейтрально. Не самое подходящее место для разглашения государственной тайны, но лучшего не заслужили ни я, ни тайны.

- Я участвовал в специальных операциях, - начал я свой рассказ. - По большей части секретных в силу своей незаконности.

- Я догадывалась. Какое отношение это имеет к Коре?

Дениз почти не изменилась с того времени, когда я видел ее в последний раз. Те же светлые, слегка рыжеватые волосы разделены прямым пробором, никакой седины у корней не видно, все то же знакомое лицо, которое могло внезапно осветиться «эльфийской»

улыбкой, способной моментально растопить твое сердце. Разумеется, ничего такого она сейчас не демонстрировала. Но, по крайней мере, не выказывала желаний немедленно подвергнуть меня аресту. И согласилась со мной встретиться. Судебные постановления были временно лишены силы.

- Я дойду до этого. Я был тем, кого называют НК-МЭМС. Насекомые-киборги и Микроэлектромеханические системы. Мы используем маленькие, совсем крошечные чипы для установления контроля над насекомыми. Я больше всего любил работать с обыкновенными домашними мухами, но мог и с жуками, стрекозами, осами... практически со всеми. Я управлял ими с помощью татуировки, той, что у меня на спине. Это на самом деле, если в общих чертах, просто наноэлектрический нейроинтерфейс.

Именно поэтому они и оставляют татуировку - за долгое время столько нервных окончаний прорастает сквозь эту решетку, что уничтожение татуировки равносильно соскребанию верхнего слоя с головного мозга.

Бизнес Дениз, видимо, очень хорошо ее вышколил. Сказать ей было нечего, поэтому она молчала.

- В чипы также встроены сенсоры, чтобы я мог использовать насекомых для дистанционного восприятия. Если они что-нибудь видят, это вижу и я. Но это нечто большее, чем просто зрение. Я чувствую враждебность, могу сразу отличить врага от друга, знаю все, что происходит в радиусе около полукилометра. - Я колебался. Предстояло коснуться болезненного. Ладно, как в омут! - Тогда, когда я напал на тебя в подвале...

Она слегка кивнула.

- У меня уже почти не осталось насекомых. Я проходил курс адаптации перед отставкой. Когда ты вошла, то застала меня врасплох. Годами и десятилетиями никто, ни один человек не мог застать меня врасплох. Я не узнал тебя. Это был рефлекс. Мне померещилось, что передо мной кто-то другой.

Мне не приходилось ожидать, что я смогу вот так запросто получить оправдание и прощение.

- Значит, когда ты был дома, то шпионил за мной?

- Да. Нет. Все не так просто. Это как если у тебя есть шестое чувство. Такое, что оно более реально, чем любое из остальных. То есть я просто не мог не шпионить за тобой. Отрубить это чувство - все равно что умереть. Это мое последнее задание... помнишь?

- Ну да...

- Это было уже не задание. Просто я проходил курс реадaptации после того, как мне отключили это Восприятие. И курс этот длится всю оставшуюся жизнь, но человек по-настоящему так и не приходит в себя.



Она бросила взгляд на свой кофе. Снова подняла глаза.

- Но все же... при чем тут Кора?

- Джеррет тоже был НК-МЭМС.

- И?..

- Он перенес потерю роя гораздо хуже, чем я. Я-то лишился своего в условиях постоянного контроля и надзора специалистов. - И все равно ухитрился наломать дров. - У него все было не так. Поэтому я и настаивал, чтобы Кора его бросила.

- И?.. - на этот раз под отстраненным ледком прорезалась озабоченность.

- Он вернулся. И я думаю, он ее похитил.

Голос в трубке был таким же, как обычно.

- Вспышка прошлого, галлюцинация или фантомное зрение?

- На этот раз нечто другое. Мне нужно вернуть Восприятие.

- Это невозможно. Ты в завязке. И в этом вся суть.

- Пусть так - для тебя и для меня. Но не для всех. - Я объяснил ему. - Не знаешь, как он смог снова заполучить рой?

Пауза длилась так долго, что я уже начал думать, что оборвалась связь.

- Может...

Снова пауза.

- Ради бога, как? Где?

- Ты уверен, что хочешь это узнать не для того, чтобы начать по новой? Как этот твой Джеррет.

- Сколько уже мы с тобой перезваниваемся? Я тебя когда-нибудь спрашивал?

Очередная пауза. Затем вздох.

- Ладно. Ты можешь попробовать ткнуться в контору, именуемую ФЭР - «Футурологические энтомологические исследования». Это в Сент-Луисе. По слухам, они занимаются адаптацией НК-МЭМС для штатской полицейской работы.

- По слухам?

- По слухам из надежных источников.

Очередной самолет. Очередная бессонная ночь. Но на этот раз со мной летела Дениз. Не как в старые времена - в гостинице мы заняли отдельные номера, - но впервые за многие годы я был не один.

ФЭР занимал три этажа перестроенного товарного склада неподалеку от Арки<sup>\*28</sup>. Прекрасное место для венчурных фирм, рискующих

---

<sup>28</sup> \* Город Сент-Луис называли в свое время «Вратами на Запад». В 1965 году в Джефферсоновском национальном мемориале был воздвигнут памятник в виде громадной арки, символизирующей эти

вкладывать деньги в новую, не успевшую себя зарекомендовать продукцию.

Около часа блужданий, расспросов и всякого рода: «Прошу прощения, не подскажете ли?..» привели меня, в конце концов, в офис Лорел Фуллер, менеджера по продукции «Футурологической энтомологии», что бы это ни значило. Женщина под тридцать, светло-серая блузка, черная деловая пара - пиджак-юбка, очки, отменно гармонирующие со всем ансамблем, и манеры, которые заставили бы погрузиться в приступ черной зависти библиотекаря из моего колледжа.

- Прошу, - сказала она. - Но наши технологические разработки являются в высшей степени секретными. Даже если бы я владела какой-либо информацией, например, какие средства слежения за вашей дочерью применялись и каково их происхождение, я бы ничем не смогла помочь вам.

- НК-МЭМС, - ответил я. - И я почему-то чертовски уверен, что вы знаете, о чем идет речь.

Блеф, конечно, но если это все, что у тебя есть на руках, приходится блефовать.

- Кип знает, о чем говорит, - совершенно неожиданно для меня поддакнула Дениз. - Он сам был оператором НК-МЭМС.

Единственное, что мне оставалось делать, это изо всех сил стараться не глядеть на нее. Неужели она всегда была на высоте в таких вот ситуациях? Жаль, что не время сейчас об этом думать. Я стянул галстук и начал расстегивать рубашку.

- Желаете взглянуть на мою татуировку? Если у вас имеются насекомые, я могу показать, как я ими управляю.

Это, разумеется, если у них тот же интерфейс. Но обычно, когда гражданские получают лицензию на использование военных технологий, они их не усложняют. Как правило - наоборот, упрощают.

Лорел элегантно отмахнулась.

- Каждый может сделать себе татуировку.

- Ну, тогда распорядитесь, чтобы принесли жучков. Вы каких используете?

Она разглядывала свои ногти.

- Где, говорите, вы служили?

- Как обычно. А еще Альтиплано. Я не могу вдаваться в детали.

Еще один взгляд на ногти. Затем Лорел набрала номер на настольном коммуникаторе.

- Митч, принеси мне пару десятков *Popillia*\*<sup>29</sup>.

---

*«Врата на Запад». Арка стала туристской визитной карточкой Сент-Луиса.*

<sup>29</sup> \* *Popillia* (лат.) - насекомое, в русской энтомологии - хрущак зеркальный.

Настала моя очередь уставиться на нее.

- Это что - лучшее, чем вы владеете? - В деле эти японские жуки ничего не стоят, их можно использовать разве что на тренировках. Взлетают они легко, но двигаются медленно и неуклюже, да и слишком заметны.

Сотрудница пожала плечами.

- Для наших целей это вполне приемлемо.

Два десятка насекомых едва ли можно счесть роем, да и в смысле сенсоров эти жуки тоже не бог весть что. Зрение и слух, не более того. Или вояки еще не готовы лицензировать гражданским действительно стоящие вещи, или Лорел не желала мне таковые доверить, если они у них имелись. Возможно, и то, и другое.

Но даже с такой урезанной версией Восприятия я ощутил себя богом. Я заглянул в каждый уголок помещения, продемонстрировал Дениз, что могу слышать каждое слово или читать электронную книгу через ее плечо.

- Хемингуэй, - сказал я, когда она раскрыла на экране наугад выбранный файл. - Не знал, что ты увлекаешься таким чтивом для мужланов.

- Не увлекаюсь.

- А-а.

- Я тоже, - заявила Лорел. - Так вы говорите: этот парень, который где-то удерживает вашу дочь, нелегальный оператор?

- Да. И если он достиг Слияния - даже на таком низком уровне, на каком сейчас нахожусь я, то неуловим для полицейского спецназа. Он засечет их раньше, чем они узнают, где он прячется.

Лорел достала ручку из держателя. Повертела. Вернула на место - в точности на то, откуда взяла.

- Хорошо. Согласна. Допускать такое не в наших интересах.

Она нажала кнопку на встроенном в мочку уха чипе, отвернулась от нас, ее губы зашевелились. Будь у меня настоящий рой, я бы распознал все слова, невзирая на субвокализацию, но этим жукам такая задача оказалась не по силам. Я, конечно, не думал, что это лучшее из имеющегося у них. Просто если ты хочешь выжить, работая с венчурным капиталом, то просто так не расстаешься со своими секретами. Через минуту она повернулась ко мне.

- Мы можем дать вам три сотни *Tenibrio molitor* и полтора десятка *Bombus terrestris*.

- Мучные хрущаки и пчелы?

Лорел пожала плечами.

- Хрущаков легко достать. А пчел мы рассматриваем как средство... отвлечения.

Ну, пчелы годятся не только для этого. Пчелу, конечно, не нагрузишь

достаточным количеством С4<sup>\*30</sup>, но если тебе известно, что у парня, на которого ты охотишься, аллергия к пчелиным укусам, то... Участие в слишком многих незаконных секретных операциях вырабатывает специфический взгляд на мир. Хотя, конечно, убивать здорового парня с помощью пчелиного роя - дело долгое и муторное.

Лорел между тем говорила:

- ...более чувствительные сенсоры, чем те, которые вы сейчас опробовали. Военные, конечно, передают нам не лучшие разработки, но мы, честно сказать, не уверены, что и с имеющимся справляемся наилучшим образом. Ведь у нас никогда не было настоящего специалиста, способного в полной мере оценить возможности переданного нам оборудования.

Она запнулась.

- Я уже начала думать, что парней вроде вас раз и навсегда изолируют, чтобы никто не мог до них достучаться.

Она подняла глаза и на мгновение встретила мой взгляд. Она явно знала больше, чем позволяла себе произнести вслух.

- Будете их испытывать?

Освоение нового роя требует времени. За секунду такие вещи не делаются. Нужно провести синхронизацию с каждым насекомым в отдельности, затем замкнуть связи, чтобы никакая другая особь не могла вылетать вместе с ними - случайно или по чьему-то умыслу. На каждого жучка надо потратить несколько секунд, а их тут три сотни.

Понятия не имею, о чем в это время разговаривали Лорел и Дениз. Я мог бы подслушать, но мне было не до этого - я уже перешел в другое измерение. С каждым добавленным жучком мое Восприятие расширялось. Плотность и конфигурация данных уступали по качеству тем, к которым я привык, но без всякого сомнения, я смогу добиться интеграции. Да, по сути, я уже входил в Слияние. Я уже знал: Лорел полагает, что в помещении слишком тепло, а мерзлячка Дениз зябнет. Лорел чувствовала себя в своей стихии, и на самом деле она гораздо более сложная личность, чем казалась на первый взгляд. Дениз пыталась держать удар и ни в чем ей не уступать, но внутренне была напряжена, боялась совершить какой-нибудь промах.

Даже с двадцатью жуками с их ограниченным инструментарием я ощутил себя почти прежним. А теперь?.. Что дальше?

Я подпустил парочку хрущаков поближе к затылку Дениз, чтобы ощутить запах ее волос, коснуться их. Эти жуки летают тихо, она ничего не заметила.

Зато Лорел не упускала из виду ни одной детали.

- Ну что, они вам понравились?

Дениз резко обернулась, увидела жуков, ее эмоциональный фон тут

---

<sup>30</sup> \* *Пластическое взрывчатое вещество.*

же изменился, как будто кто-то нажал на переключатель. Я почувствовал себя Джерретом, запускающим насекомых в квартиру Кори.

- Прошу прощения.

Если бы она сама была НК-МЭМС, то почувствовала бы: никакой вины я не испытываю, а лишь сожалею, что попался.

Я пустил насекомых кружить по комнате и под шумок спрятал нескольких в кадке с пальмой. Других посадил в корзинку для бумаг, на полки с книгами, надверные косяки. Сотни расширений моего Восприятия вели наблюдение по всем направлениям. Собирали данные. Рассказывали мне, как чувствует себя Дениз. Взяли ее в кольцо моей любви.

Но не только любовь я чувствовал. Проводя годы без Восприятия, я отгонял от себя старые страхи. Вспышка прошлого, галлюцинация, фантомное зрение? Без разницы. А вот теперь, даже когда Дениз была рядом, а от Лорел не исходило никакой враждебности или угрозы, я все равно не ощущал себя в безопасности. Я должен расширить периметр, узнать, что кроется за дверью: в коридоре, в холле, в других офисах.

Я пустил нескольких жуков через дверную щель в коридор. Какой-то тощий тип - козлиная бородка, маленькие очки в черной оправе - направлялся в нашу сторону. В руке держал наладонник. Несколько мгновений я не сомневался: он вот-вот ворвется к нам, но человек прошел мимо нашей двери, даже не взглянув на нее.

Я последовал за ним и обнаружил себя в гораздо большем помещении, разбитом перегородками на кабинки индивидуальных мест. Здесь находилось человек пятнадцать, но могло бы разместиться и больше. Мне не доставало жучков, чтобы рассмотреть все, поэтому я отпустил с миром козлобородого очкарика и стал присматриваться к человеку средних лет с редющей шевелюрой, в ковбойских сапогах и в рубашке, туго обтягивающей рельефную мускулатуру. Даже на расстоянии в 50 футов я ощутил исходящую от него тревогу, и мой организм отреагировал на это ответным выбросом адреналина. Террорист? Шпион? В данный момент человек разговаривал по телефону, вытатуированному у него на тыльной стороне ладони.

Некоторых жуков я держал на расстоянии, других послал понизу, под рабочими столами.

- Ты уверена? - говорил мой поднадзорный.

С помощью военного оборудования я бы смог услышать и его собеседника, хотя этот голос доносился из крошечного громкоговорителя на большом пальце. Но микрофонов Лорел хватало только на то, чтобы более или менее сносно разобрать лишь его голос. Он говорил в микрофон, встроенный в мизинец. Шака-фоны - так называли эти штуки, когда они впервые появились в продаже.

«Расслабься, братишка...» и все такое. Радости от всей этой крутизны хватает минут на пятнадцать, а потом ты соображаешь, каким идиотом выглядишь.

- Ну, и как они вам? - повторила Лорел.

Я перенацелил свое внимание на нее и Дениз.

- Неплохо.

Человек в том помещении все еще разговаривал.

- Ты пробовала повторить? Просто чтобы убедиться?..

- Но как?..

- Да, я знаю как, я не вчера родился. Я имею в виду - как такое могло случиться? Я думал...

- Тогда оставьте их у себя, - сказала Лорел.

- М-м?

- Используйте их, чтобы выследить того типа.

Интересно, сколько стоит такой рой? В Корпусе нам никогда этого не говорили, но слухи циркулировали разные.

- Это очень щедрое предложение, но в чем ваш интерес?

Лорел уже в который раз пожала плечами.

- Ну, во-первых, простое человеческое желание помочь. - Она ухмыльнулась. - А во-вторых, интерес-то для нас как раз есть. Нашим инвесторам не понравится, если поползут слухи, что разрабатываемые нами технологии используются в преступных целях. Отыщите его, разделайтесь с ним без шума, и мы будем вам очень благодарны.

Она помолчала.

- Возможно, мы сможем предоставить вам место постоянного бета-тестера. Я слышала, что люди, выходящие из программы НК-МЭМС... несчастливы. Каково это - быть... как вы это называете... в соединении?

- В Слиянии.

Это было чертовски хорошо. Снова ощутить себя целостным.

Я перевел фокус восприятия к периметру.

Посетитель тренажерных залов все еще беседовал.

- Мне на это плевать...

- Просто избавься от него. Я заплачу, и покончим с этим.

Я потерял интерес к своему подопечному. Обычная бытовая драма, никакой угрозы. Я оттянул от него жуков, пустил их широким кругом в поисках опасности. Но поначалу я слышал лишь обрывки банальной офисной болтовни. Где-то обсуждали технические вопросы, кто-то перемывал косточки тому самому качку, другие спорили о том, где лучше всего заказывать пиццу.

Вспышка прошлого, галлюцинация или фантомное зрение? На этот раз я сорвался в полновесную вспышку прошлого.

Именно дискуссия о пицце послужила толчком. Один из спорщиков доказывал превосходство «пышной скольони» в чикагском стиле над

ню-йоркской «петрочелли». Другие утверждали, что «пышная» это вообще не пицца. Ну, то есть не классическая пицца. Но на самом-то деле распинался и горячился лишь поклонник «пышной». Остальные его просто подначивали: сплошь фальшивые эмоции.

Внезапно я оказался в пешем патруле на каком-то типичном для Среднего Востока базаре. Бесконечные лавки, где торговали финиками, инжиром, пестрыми шаялями, хлебом и тысячью других товаров. Обрывки разговоров, работа локтями в толпе, яростный торг. Зыркание глазами по сторонам, чтобы не прозевать воришку с лотков или карманника. Яркие краски и живые эмоции - и все это, высвеченное комбинацией Восприятия и адреналина в крови. В местах вроде этого чуть ли не каждый день гремят взрывы. Малейшая утрата внимания - и ты вполне можешь испытать это на собственной шкуре.

Я относительно недавно стал НК-МЭМС и еще не твердо усвоил, что сильные эмоции отнюдь не самые важные для нас. Просто их легче всего прочесть - людей, которые или любят, или ненавидят тебя. Людей, которые нервничают, опасаясь стать жертвой самоподрыва очередного шахида-смертника... или сами смертники, накручивающие себя, чтобы нажать кнопку взрывного устройства. Наемники, оценивающие обстановку. Пока ты начеку, все эти страсти пылают перед твоим внутренним взором, как яростные факелы.

Гораздо опаснее эмоции не громкие, тихие, более тонкие и изоощренные. Бомбист, который не боится быть убитым. Подавленная горем мать, которой уже нечего терять.

А бывают совсем редкие случаи, но они же и самые опасные.

Парень, который чуть не отправил меня на тот свет, двигался в пределах моего периметра, не оставляя ни малейшего следа беспокойства или тревоги. Я даже видел его обычным зрением: голубые джинсы и куртка - такой вот ковбой с Ближнего Востока, которого гарантированно выделишь в толпе невооруженным глазом. Но эмоционально - зеро. Ни злости, ни страха. И внешне и внутренне - полная беззаботность. Возможно, пославшие его хорошо знали о существовании НК-МЭМС и выставили специально натренированного бойца.

Он был метрах в десяти от меня, когда я засек угрожающее движение обычным зрением, не Восприятием. Если бы в этот момент что-нибудь на периметре отвлекло мое внимание, тут бы мне и конец. А так я увидел, как он расстегивает молнию на куртке, запускает руку за пазуху... и только тогда Восприятие, которое я уже успел в полной мере направить в его сторону, уловило слабый оттенок удовольствия.

Восприятие не засекает социопатов. А также определенные типы психотиков. Самые опасные люди - те, которым все по барабану. Вроде этого.

Или парня, который притворялся, что ему есть хоть какое-то дело до

того, является «пышная» настоящей пиццей или нет.

Мне даже страшно представить, что бы я мог наделать, будь вооружен. А так я просто пришел в себя, сообразил, что нахожусь в Сент-Луисе, втихую прогоняю пчел под дверью офиса Лорел и готовлюсь прихлопнуть придурка, спорящего из-за пиццы.

Дениз пристально глядела на меня. А у меня все еще была сотня дополнительных пар глаз, направленных на нее. Не отвлекаясь от тех, что шпионили за людьми в зале с выгородками, я в то же время не упускал из вида ни малейшего ее движения. Я всегда был хорош по части разделенного внимания. Именно оно спасло меня в тот день на рынке, как и во многих других случаях.

Лорел тоже смотрела на меня. Ожидала ответа. Нехотя я направил большую часть сенсоров в ее сторону, пытаюсь получить более ясную картину. Она принадлежала к опасным типам, но не к самым опасным. Умеет держать чувства в узде, но и безжалостной ее не назовешь. Достаточно уверена в себе, чтобы вот так, во время переговоров принять решение вручить мне рой. А вот чувствует ли она - не как НК-МЭМС, конечно, а как нормальный человек, - какую бурю эмоций она во мне разбудила? Может, да, а может, нет. Скорее всего, она прекрасно понимает, что делает. НК-МЭМС не считывает такого рода информацию.

- Это... потрясающе! - признался я.
- Значит, договорились?
- Все это очень заманчиво.
- Тогда приступайте. Спасите дочь. И себя.

Слово «да» готово было сорваться с моих губ. Конечно, я ошибочно принял безобидного парня, спорящего о качестве пиццы, за террориста. Но ведь я осознал ошибку до того, как успел наломать дров. Со временем, без всякого сомнения, я научусь лучше контролировать себя.

Но Дениз все так же пристально глядела на меня. Я почти физически ощущал, как ее взгляд буравит меня, хотя даже и с Восприятием я не мог знать, о чем она думает. Впервые за многие десятилетия я сообразил: это нормально. В том смысле, что все так и должно быть.

И тем не менее...

Во время учебы в средней школе я как-то совершил восхождение на пик-шеститысячник в горах Сан-Хуан в Колорадо. Мы достигли вершины в 10 утра, незадолго до обычной в этих местах полуденной грозы. Однако пушистые безмятежные облачка с потрясающей скоростью превратились в грозовые тучи, и уже через пару минут мы мчались вниз, прыгая с одной скалы на другую под громовые разряды и вспышки молний. И с каждым метром спуска я чувствовал себя в большей безопасности... так что мог замедлить нисхождение и уже не бежать, а идти не спеша. Но когда гроза догоняла, я опять пускался



бегом к следующему уступу, к следующему высокогорному лугу, к следующему карстовому озеру... чтобы там снова сделать паузу и дать грозе настичь себя, а потом вновь припустить вниз.

Я решил быть откровенным. Ради Дениз? Ради Лорел? Себя самого? Кто знает?

- Это по-настоящему заманчиво, - повторил я. - Я чувствую себя живым, как не чувствовал уже годы.

Как тогда в горах. Предельно живым и предельно близким к гибели. Возможно, Кора оказалась права. Возможно, нельзя ощутить одно без другого. А может, это только я такой?

Но вместе с ощущением жизни вернулся и страх. Протянуть периметр до зала с выгородками было явно недостаточно. Я хотел послать рой на улицу, в здания на другой стороне - растянуть Восприятие на такую дистанцию, с которой звук выстрела из снайперской винтовки доходит до тебя за три секунды. Сделать то, чего не мог тогда, в сухом русле, в долине смерти. А потом дальше, дальше, ведь по всему земному шару скрываются террористы, которые в любую минуту могут подорвать какой-нибудь торговый центр, железнодорожный вокзал, Дениз...

Несколько лет я мечтал вновь обрести Восприятие. Теперь я могу получить его. Но если я это сделаю, то превращусь в Джеррета.

Мне понадобился еще час, но я все-таки выжал из Лорел информацию (обычным старомодным способом - задавая вопросы) о том, что ФЭР - единственная фирма, обладающая лицензией на производство и установку гражданских НК-МЭМС-чипов. Бета-тестированием занимались несколько разных фирм, но если я найду одну из мух, которых использовал Джеррет, то ФЭР сможет проследить происхождение чипа и определить вовлеченного в это дело субподрядчика. И поскольку ФЭР в течение ближайших двух лет надеялась выбросить на рынок пакет своих акций, то была кровно заинтересована, чтобы не возникало никаких проблем с нелегальным, а тем более преступным использованием ее продукции. А если и невозможно избежать такого рода использования, то крайне желательно, чтобы все было шито-крыто.

Под конец Лорел вручила мне устройство, напоминающее ручной металлоискатель, какие используют службы безопасности в аэропортах.

- Найдите дохлого жучка, и эта штука считает его чип. - Она сделала паузу. - Если сможете найти мертвого жука. Уверены, что не хотите принять наше исходное предложение?

Тем же вечером мы с Дениз пересмотрели записи видеоблогов Кору, начиная с того, в котором она впервые пожаловалась на назойливых мух. И вместе с Дениз пришли к одному и тому же выводу.

- Ванная, - заявила Дениз. - Если и найдем, то только там. Может,

девочка смогла прихлопнуть еще нескольких.

Еще один день, еще один перелет. По крайней мере, обошлось без мучительной бессонницы.

Вот попасть к ней в квартиру было гораздо сложнее. Третий этаж, через окно не влезешь, даже если бы и решились рискнуть. И запасного ключа не нашлось ни в одном из обычных мест - ни под ковриком у двери, ни в цветочном горшке на крыльце, ни в щели над дверным косяком. И мы не отыскивали ключей ни в ее машине, ни под ней.

- К черту все это! - наконец заявила Дениз и направилась к конторе управляющего. Успев бросить на ходу: - А ты побудь здесь. Делай что-нибудь... мужественное.

Через несколько минут она вернулась с ключом.

- Все оказалось просто. У нее дочь того же возраста. - Дениз нахмурилась. - И Кора ей нравится. А по договору найма хозяин обязан фиксировать, если жилец отсутствует больше недели.

Я мысленно подсчитал дни.

- Сегодня только седьмой день.

- Ну, я немного преувеличила. А ты что, хочешь ждать до завтра, чтобы все по закону было?

То, что мы искали, нашлось на подоконнике. В конце концов, это Техас, поэтому там было полнодохлых насекомых, но только у одной мухи имелся имплантированный за головкой чип.

- Черт! - воскликнула Дениз. - Он действительно похитил ее!

- А ты сомневалась?

- А ты бы не сомневался? Я потому и развелась с тобой, что под конец ты вообще стал каким-то ненормальным. - Она подняла глаза, отвечая на мой угрюмый взгляд. - Это действительно настолько тяжело - выходить из такого состояния?

- Да.

Если бы я знал, каково мне придется, то, пожалуй, никогда не согласился бы на имплантацию. Но раз уж это произошло, и я достиг Слияния...

Я вспомнил, что чувствовал в кабинете Лорел. Божественную мощь. Ощущение, что ты снова жив. Если бы рядом не было Дениз...

- У Джеррета, например, вообще крыша съехала.

Я связался с Лорел по спутниковой связи и зачитал ей номер чипа.

- 7987? - переспросила она.

Я проверил еще раз.

- Да.

- Ясно, этот чип изготовлен фирмой «Эдвансд Милитри Системе Консалтинг» в Техачапи.

- Где это?

- Калифорния. Между Бейкерсфилдом и Палм-Спрингс. Это один из

наших мелких субподрядчиков. Работают со службами безопасности. Охрана банков и все такое.

- Адрес можете сказать?

- У нас с ними договор. А я так близка к тому, чтобы заключить контракт с ФБР. Эти парни должны мне ответить, каким образом одна из их мух оказалась в квартире вашей дочери. А если я не получу внятного ответа, то, Богом клянусь, разорву контракт с ними, и к черту все эти затеи с защитой банков! Как быстро вы доберетесь до Палм-Спрингс?

Я пожал плечами, но, ясное дело, она этого видеть не могла.

- Так быстро, как сможем.

- Тогда встречаемся в «Хайэт»<sup>\*31</sup>. Я зарезервирую комнату для вас и вашей жены.

- Она мне не... - но Лорел уже прервала связь.

Еще один день, еще один перелет. Не самый легкий. Нам пришлось делать пересадку в Лас-Вегасе. В полночь.

Маршрут Лорел тоже был не прост, но если она и устала, то не показывала вида.

- Аэропорт в Онтарио немного ближе, но зато здесь отели лучше, - сообщила она. - Вы хорошо выспались?

Дениз выстрелила в нее взглядом типа «ты что, с Луны свалилась?», но я быстро вмешался.

- Прекрасно. - Служба в Корпусе приучает тебя к тому, что хорош всякий сон, после которого ты вообще просыпаешься. Правда, за последние несколько лет я уже стал сомневаться в этой истине - пробуждения-то как раз были весьма безрадостными, но сейчас я был в деле, я был на задании. Даже вымотанный всеми этими перелетами и слишком частой сменой часовых поясов, я и без роя чувствовал себя на удивление живым.

- Отлично, - сказала Лорел, игнорируя все нюансы, которых она, разумеется, не могла не заметить. Женщина вручила мне ячменную лепешку, вполне возможно, испеченную на кухне той кофейни «Старбакс», где мы встречались с Дениз. - Тогда в путь!

Офисы ЭМСК находились в не поддающемся описанию индустриальном парке, ничем не отличающемся от миллионов других таких же. Подобные унылые места обычно носят весьма романтические названия вроде Лебяжьего Острова, Лугов Голубой Травы или Мустанговых Холмов. Но если ты не знаешь точно, куда едешь, то обречен мотаться по безликим, не предназначенным для пешеходов улицам и гадать, каким это образом ты проехал от дома с номером 1401А до номера 1637D, но по дороге не видел номера 1513С.

---

<sup>31</sup> \* «Hyatt» - международная сеть отелей, 4-5 звезд.

Лорел пару раз сбивалась с пути, но, видимо, она все же чаще, чем я, бывала в таких местах, поскольку с третьей попытки мы подъехали к невзрачной двери без всякой вывески среди целой уймы офисных зданий, чьи номера представляли сочетание различных букв с числом 1510.

Спустя две минуты приветливый парень по имени Брюс Ларч предлагал нам кофе.

Я был готов голову прозакладывать, что он тертый калач, видывал виды и не раз подвергался реальной физической опасности. И я бы очень удивился, окажись это не так. Слишком уж по-детски открытое и доверчивое округлое лицо. Слишком быстрые улыбки, слишком искренние рукопожатия. Мне доводилось покупать автомобили у таких типов.

- Одна из наших мух? - переспросил он. - В квартире исчезнувшей девушки?

- Моя... - начал было я, но Лорел резко перебила меня.

- У нас есть серийный номер. Никаких сомнений, что это ваша.

- Я понятия не имею...

- Вот только не надо этого дерьма! - Она в упор смотрела на парня, а я размышлял, сколько может стоять даже и лишенный роя НК-МЭМС на черном рынке. Что касается Лорел, она, судя по всему, действительно очень хорошо знала свое дело. - Кип один из наших консультантов. Он бывший военный НК-МЭМС. Ты хоть представляешь себе, на что способны эти парни? Прямо сейчас он скрытно держит около сотни жучков в этой комнате - нет, можешь не оглядываться, ты их не увидишь, - но они снимают твою биометрию. Он, по сути, ходячий детектор лжи...

Лорел покосилась в мою сторону.

- Правда, Кип?

Я кивнул. Краем глаза я заметил, что Дениз тоже высматривает мифических жучков. Но я не мог как-то подать ей сигнал, не выходя из роли, которую навязала мне Лорел.

- Так что кончай все это. В противном случае твой контракт будет расторгнут быстрее, чем ты успеешь скормить свой галстук измельчителю бумаг. Понял?

Ларч сделал полшага назад и наткнулся на угол выдавшего виды рабочего стола, выглядевшего так, будто его доставили из службы ликвидации офисов. Голос парня внезапно сел.

- Да, - пискнул он.

- И ты должен хорошо усвоить, что Кип - *бывший* НК-МЭМС. Понимаешь, что это значит?

Ларч помотал головой.

- Это означает, что он прошел через такое дерьмо, о котором ни мне, ни тебе даже думать не стоит. От этих дел у многих из них просто

крышу сносит. Посттравматический стресс. Обсессивно-компульсивное навязчивое состояние. Паранойя. - Она бросила быстрый взгляд в мою сторону, и я удивился, откуда она это знает. Затем вспомнил знакомый голос в телефонной трубке. Я ведь не один такой. - Это значит, что он крутой отморозок, Брюс. И ему по-настоящему не нравится, когда из него делают идиота.

Она повернулась ко мне.

- Сколько людей ты убил?

Я неохотно пожал плечами.

- Это информация, не подлежащая разглашению.

Я взял со стола Ларча шариковую ручку и нажал на пимпочку. Щелк.

Лорел снова повернулась к «рубашке-парню».

- Итак, Брюс, давай прямо к делу. Какого черта ваши мухи делали в частной квартире в Остине?

Лицо Ларча в обычном состоянии имело цвет теста. Но каким-то образом оно ухитрилось побледнеть.

- Какой, вы говорите, там серийный номер?

Лорел вкрадчиво зачитала номер, как будто говорила с шестилетним мальчишкой.

- Я думаю, тебе хорошо известно происхождение чипа с таким номером. Как ты думаешь, Кип, он знает?

Я кивнул. Щелк. Щелк.

- Только никому не говорите, - проблеял Ларч. - Если я потеряю работу...

- Вот это сейчас должно волновать тебя меньше всего. Ты знаешь, с кем мы сотрудничаем в ФБР?

Ларч покачал головой.

- С кем?

- Тебе это и не надо знать. И если повезет, то ты и не узнаешь. Правда, Кип?

Я снова кивнул. Щелк. Щелк. Щелк.

- Итак, даю тебе последний шанс, Брюс. Работы ты уже по-любому лишился. Но вот вопрос: хочешь ли ты провести двадцать лет в тюрьме?

На миг мне показалось, что она давит на него слишком жестко. Лицо Брюса приобрело серый оттенок. Только сердечного приступа нам не хватало. Я успел пожалеть, что все-таки не принял ее предложение насчет роя. Обладая Восприятием, я бы точно мог сказать, грозит ли ему подобная опасность. Но тогда я стал бы таким же психом, как Джеррет. Черт! Буду поступать как обычный человек, которым я теперь и являюсь.

Время действовать, даже если я и не ведаю, что творю.

Я швырнул ручку на стол.

- Расслабься. Просто скажи нам правду, и мы не станем докладывать

ФБР.

Ларч облизнул губы.

- Ладно... Все из-за футбола. Я болею за «Святых».

- Новоорлеанских «Святых»?

- Да. И еще за несколько других команд. Но в этом году они то и дело меня подводили. Вот и получилось, что я задолжал кучу денег. - Он снова облизнул губы. - Большую кучу денег. Одному парню по имени Рэй Перкинс. Ну, по крайней мере, он себя так называет. Кто его знает, как его по-настоящему зовут. Слухи про него ходят, что он во многих делишках замешан. Он хотел завести себе телохранителя и нашел парня вроде вас, бывшего НК-МЭМС. Ну, мы и заключили сделку. Я передал ему какое-то количество обыкновенных мух - *Musca domestica*, и мы договорились, что я буду поставлять новых по мере убыли роя. Перкинс за это пообещал... э-э... списать долг.

- И куда ты передал этих мух?

У меня мелькнула мысль: а вдруг даже такой тип, как Ларч, сможет догадаться, что мой вопрос содержит в себе больше, чем просто профессиональный интерес. Но тревожился я напрасно.

- В контору, расположенную в каком-то кондоминиуме в Чикаго. Адреса не знаю. Мы отправили им долгоживущие образцы, генномодифицированные, разумеется, так что новых я должен был поставлять ему раз в шесть-восемь недель. *Musca domestica* - с удвоенной продолжительностью жизни. Естественно, стерильные, чтобы не засорять окружающий генофонд. Даже у вояк еще нет таких. Последняя разработка. Проходят бета-тестирование.

Люди с психологией торговцев подержанными машинами уверены, что если говорить достаточно долго, то собеседник забудет о том, зачем пришел.

Лорел тоже это заметила.

- Счастлива узнать, что мы все-таки не впустую вкладывали в вас деньги и вы кое в чем продвинулись, - заметила она. - Скверно только, что ты решил передать эти ваши достижения уголовникам. Как это называется, Кип?

Я понятия не имел, чего она хочет, поэтому вывалил все синонимы.

- Предательство? Шпионаж? Саботаж? Измена родине? Разглашение государственной тайны?

- Слышал, Брюс? Ты не просто мух передал этому парню, ты передал ему сверхсекретных мух! Даю тебе самый последний шанс. Куда ты их доставил?

- Я же сказал, не знаю адреса! - Он махнул в мою сторону, чуть не свалив при этом стоящую на столе фигурку Дарта Вейдера, выполненную в виде китайского болванчика с качающейся головой. - Спросите его. Он подтвердит, что я говорю правду.

- Ладно. - Лорел сняла с меня необходимость выкручиваться. Она

развернула монитор компьютера в сторону Брюса. - Вот тебе сайт EarthMaps. И не рассказывай мне сказки, что не сумеешь с его помощью отыскать это здание.

- Помни, - добавил я, - нелегальное использование государственных секретов является уголовно наказуемым деянием.

Ларч рухнул в кресло. Но у него все же достало сил взяться за мышку и кликнуть загрузку. Выйдя в Паутину, он совершил головокружительный проход по городским пригородам. Наконец на экране возникло высокое строение, этажей в тридцать.

- Это здесь. И больше я ничего не знаю. Они встретили меня в вестибюле, а в лифте завязали мне глаза. Я ничего не видел, и можете поверить, я и не хотел знать, на какой этаж мы поднялись. Но, похоже, их главный снимает весь этаж - они не опасались встретить кого-то постороннего в коридоре. Все это время они не позволяли снять повязку. Так что я даже не знаю, как этот парень выглядит. Ну, запомнил, что говорил он в нос, как будто он из Нью-Йорка, или Бостона, или еще откуда-то вроде того.

- Это вообще-то разные города, - сказала Дениз.

Ларч, похоже, только сейчас заметил, что нас трое.

- Извините. Я родился в округе Ориндж, Южная Калифорния. Все эти разговоры Восточного Побережья для меня звучат одинаково.

- А как насчет телохранителя? - спросила Лорел.

- Я только знаю, что он бывший военный. Но, похоже, он находился в комнате: стоило мне открыть контейнер, я услышал, как мухи вылетают одна за другой. Похоже, он брал их под контроль. Он не произнес ни слова, но Перкинс называл его Джей или вроде того. Джейл? Как-то странно звучало, Джейлли?

- Джей Эль? - спросил я.

Ларч пожал плечами.

- Может быть. Я действительно не просекаю этот акцент Восточного Побережья.

Я проснулся от собственного вопля.

Я снова сидел в овраге, и мое плечо опять не было похоже на нормальное. Я пытался дотянуться до него здоровой рукой, как это рекомендуется в наставлении по оказанию первой помощи, но мне что-то мешало, а бенладенцы приближались, чтобы прихлопнуть меня, однако я не мог ни подняться, ни сдвинуться с места, - это было плечо с татуировкой, и я ослеп, и лишился Восприятия, и мог погибнуть в любую минуту, и это было не понятно и не имело никакого смысла: ведь это всего лишь вывих, а не разрыв нервных окончаний, так почему я не могу понять, что происходит? И где мой рой? Смогу ли я уловить момент, когда террористы бросят в мое убежище гранату, взрыв которой разорвет меня в клочья, а мой рой разлетится и

погибнет?..

«Телефон, - думал я, в то время как мои чувства разрывались между сном и явью. - Скорее позвонить ему...» Да только здесь не было телефона, и я проснулся не в своей квартире. Это был какой-то поганый аэропорт, и с десяток людей смотрели на меня как на полного психа. Каковым я на самом деле и являлся.

Двое из этого десятка были Дениз и Лорел.

- Ты в порядке? - кажется, это спросила Дениз.

Я кивнул. Говорить я был не готов, ибо из меня рвались слова, предназначенные после таких пробуждений безликому голосу в телефонной трубке. А еще я отлежал руку, на которую опустил, голову, когда проваливался в сон.

- Что случилось? Кошмар?

- Вроде того.

- И часто это у тебя?

- Пару раз в неделю, - я выдавливал из себя слова. - Иногда чаще, иногда реже. Особенно когда начинаются всякие расстройства сна.

Вообще-то эти расстройства у меня постоянно, но не было смысла вдаваться в подробности.

- Когда мы были вместе, такого с тобой не случилось.

Это было не вполне верно. Но тогда вспышки прошлого проходили по-другому. Пока Дениз находилась рядом, со мной все было в порядке. По ночам, даже ворочаясь во сне, я не позволял себе отдалиться от нее настолько, чтобы не иметь возможности к ней прикоснуться. Просто дотронуться пальцем до спины, плеча, бедра: само прикосновение - вот все, что меня исцеляло. Что такое рай? Это значит быть дома... и обладать Восприятием. Что такое чистилище? Это необходимость выбирать одно из двух. Ну, а в ад я попал, когда лишился и того, и другого. Я не силен в теологии, но про ад кое-что знаю. Ад - это бесконечная равнина, вымощенная всевозможными «если бы только». «Если бы да кабы» - так саркастически говорят об этом психиатры, самой интонацией давая понять, что следует по возможности избегать погружения в эти дебри. Если бы да кабы я отказался подключаться к Восприятию и отслужил свой срок обыкновенным морпехом? Но смог бы я это сделать?

Я вынырнул из объятий прошлого и посмотрел на Дениз. Впервые по-настоящему внимательно посмотрел на нее, с тех пор как... Знакомые складочки в уголках рта, углубляющиеся, когда она улыбается, но сейчас выдающие тревогу. Кожа уже не такая гладкая. Она на десять лет моложе меня. Далеко не девочка, но для своих лет выглядит прекрасно.

- Один раз, если помнишь, все было еще хуже, - сказал я.

Она приложила пальцы к горлу.

- Почему ты тогда не объяснил?



Я пожал плечами.

- Секретность. Подписка о неразглашении. - Это был не мой ответ - их. И узнай они об этом случае, загнажи бы меня в Ре-адапт в течение часа. А с другой стороны, если бы у меня имелось время поразмыслить, то, возможно, я пришел бы к выводу, что мне плевать на секретность и национальные интересы. - Да если бы и объяснил, ты все равно сочла бы меня слишком опасным.

А я, по сути, таким и был. А еще был Джеррет...

Восприятие - или она? Если бы я снова мог выбирать, на чем бы остановился?

И тут я сообразил, что второй шанс мне уже выпадал, и на этот раз я выбрал иное. Там, в офисе Лорел, мне предложили вернуть то, о чем я грезил все эти годы, но я отказался. Ведь рядом была Дениз...

Когда у тебя есть одна-единственная зацепка, то преимущество заключается в том, что нет никаких колебаний, какой шаг предпринять следующим. Нам требовалось установить, находится ли Перкинс все еще в той высотке. Если да, то Джеррет и Кора тоже должны быть где-то неподалеку.

Вопрос заключался в том, как это сделать. Здание представляло собой цилиндрическую башню из стальных конструкций и голубоватого стекла. Замучаешься обыскивать. Не говоря уже о том, что начини мы ломиться во все двери подряд, нас просто пристрелят.

Решение предложила Дениз.

- Слушайте, - сказал она, - мы ведь знаем, что в его распоряжении целый этаж, так?

- Ну да, - кивнул я.

- И это старое здание. Относится к поздним восьмидесятым или ранним девяностым. Можно с уверенностью сказать: оно построено не позже 1995 года.

- Тебе виднее.

- Поэтому наверняка оно не заполнено, и там имеется еще много мест, ждущих нанимателя. Можете мне поверить, я ведь именно этим занимаюсь. Постройки тех лет самый дохлый товар для торговцев недвижимостью. Все хотят иметь что-нибудь великое и суперсовременное. Или же наоборот, почтенную седую старину. С самим-то зданием все в порядке, такое нередко удается выгодно пристроить. Тем не менее тот факт, что наш парень именно здесь обосновался, многое о нем говорит.

- И что же?

Дениз еще никогда не раскрывалась мне с этой стороны.

- Всякое возможно, конечно, но мне представляется, что ему около сорока и он вырос в похожем месте, когда там все еще было новым, однако детство его счастливым не назовешь. Возможно,

обосновавшись здесь, он подсознательно считал, что сумеет как-то все исправить, начать заново.

Как в моем случае с Корой, Дениз, конечно, вслух ничего не произнесла, но в ее взгляде читалось обвинение. Меня выручила Лорел.

- И какое это имеет отношение к нашему делу?

- Касательно психологического портрета Перкинса - никакого, если, конечно, мне не придется ему что-нибудь продавать. Многие из того, чем я занимаюсь, можно отнести к прикладной психологии. Главное же в том, что здание не заполнено под завязку, я это гарантирую. Этажи, предлагаемые в аренду или выставленные на продажу, нас не касаются. Поэтому все, что нам нужно, это список пустующих этажей и помещений.

К несчастью, достать его оказалось не так-то просто.

Внутри здание выглядело вполне невинно. Кофейня «Старбакс» в вестибюле; страдающие от избыточного веса секьюрити за псевдомраморной конторкой. Ряды лифтов. Бутики; с одной стороны - ресторан и пивбар - с другой. Элитный оздоровительный клуб в тылах, зал которого через многочисленные окна так хорошо просматривался, что пользоваться им рискнули бы только люди с идеальной фигурой.

На пластиковых вставках бронзовой доски объявлений можно было прочесть названия контор, размещавшихся в апартаментах на нижних этажах: ничего не говорящие имена и аббревиатуры. Джонс Смит, консультации, LLC. Эдейн Паппалардо, NACT. Ну, и в этом роде.

Пока Дениз созванивалась с администрацией здания, я заскочил в магазинчик «Все для праздника», прикупить кое-какое снаряжение. Вернулся как раз к концу переговоров. Дениз, мельком взглянув на информационное табло, нажала кнопку вызова лифта и, оказавшись в кабине, без колебаний выбрала третий этаж. Через две минуты мы находились в кабинете управляющей по вопросам продажи/аренды - бледной темноволосой женщины, бейджик на груди которой подсказал нам, что зовут ее Хэйли Карлтон.

Дениз вручила ей свою визитную карточку.

- Нас интересуют квартиры с приятным видом на озеро или линию горизонта, - заявила она (отличный способ что-то произнести, не говоря ничего конкретного). - Ваше здание старовато, но расположено хорошо. У вас есть список пустующих помещений?

Хэйли улыбнулась.

- Конечно. Но с июля мы ничего не сдаем в аренду, только продаем, за исключением гостиничных этажей, разумеется. Мы находимся в процессе реорганизации.

- Отлично, - ответила Дениз. - Даже если они не станут здесь жить, Ким и... Лаура, возможно, заинтересуются вложением в недвижимость.

Хэйли взяла в руки лист бумаги и подцепила со стола связку ключей.

- Предложения на рынке сейчас ограничены, но у нас все же имеются двадцать три единицы на продажу. По большей части с одной спальней, но есть парочка с двумя, а в следующем месяце освободится квартира с тремя спальнями. Сколько вы рассчитываете потратить?

- Нам надо прикинуть. Может, вы распечатаете нам список, а мы все обдумаем?

- Но вам просто необходимо все вживую посмотреть, - Хэйли поднялась. - Картинки и планы не дадут вам полного представления.

В течение двух последующих часов я увидел больше миленьких кухонек, уютных спаленок и очаровательных уголков для завтрака, чем за всю предыдущую жизнь. А ведь мы просмотрели только половину списка. Но, по крайней мере, мы теперь владели самым списком. Только четыре этажа были заполнены полностью: седьмой, четырнадцатый, девятнадцатый и двадцать четвертый. Если Ларч не ошибся, Кора на одном из них.

В вестибюле я попытался загнать Дениз и Лорел в «Старбакс», чтобы они ждали меня там.

- Мне понадобится не больше десяти минут, - сказал я. - А вот если я не вернусь к восьми вечера...

- Я пойду с тобой, - заявила Дениз.

Я оглянулся по сторонам. Никаких насекомых. Возможно, Джеррету и хотелось бы держать под контролем вестибюль, но сделать это было не так-то просто. В подобных зданиях слишком много стальных конструкций, блокирующих прохождение сигнала. А снаружи слишком холодно, чтобы выпускать туда мух для использования в качестве релейных промежуточных передатчиков. И все же не стоило излишне рисковать.

- Ты права. Нам надо пойти куда-нибудь и хорошенько подкрепиться...

- Но я не то...

Однако я уже держал ее под локоток и - на посторонний взгляд - направлял за пределы здания, а на деле сжимал ее руку, подавая незаметный сигнал: тише, я позже объясню.

- Ладно, - нехотя согласилась Дениз.

Я бросил на нее быстрый взгляд, на мгновение поразившись возвращению давным-давно забытого способа взаимного понимания. И тут же осознал, что все эти годы я ни разу даже не подумал о другой женщине. А еще сообразил, что принял как должное факт отсутствия нового обручального кольца на ее безымянном пальце.

- Знаю, - сказала она, поймав мои мысли. - Но сейчас не время.

За пределами здания, впрочем, тоже не было времени разбираться в чувствах.

- Я пойду с тобой, - повторила Дениз.

- Это плохая идея.

- Почему? Кора - моя дочь тоже.

Я глянул на Лорел, ожидая поддержки, но она непонятным образом молчала.

- Потому что он может узнать тебя.

- Джеррет? Да мы виделись с ним раз или два, и то мимоходом. Скорее, он узнает тебя.

- Надеюсь, нет. - Хотя риск, конечно, всегда имеется. Нам надо найти правильный этаж, и единственный способ это сделать - подняться туда на лифте, не имея никакого приемлемого объяснения, за каким чертом мы оказались во владениях Перкинса. Я, по крайней мере, надеялся, что достаточное количество людей каждый день путают этажи, нажимают не ту кнопку, так что это не покажется подозрительным. И уж точно, Джеррет не станет запускать своих мух в кабину лифта - слишком много металла вокруг, никакого шанса на устойчивую связь, но в кабинах имелись камеры наблюдения, а у Перкинса вполне могло хватить соображения, чтобы втихую к ним подключиться.

Мне следовало подумать об этом раньше, но, в конце концов, громадное здание кишело народом, а мы не делали ничего, привлекающего внимание. Пока мы были в кабине, я вытащил из сумки и напялил на себя то, что приобрел в магазинчике «Все для праздника»: солнечные очки, куртку с надписью «Чикаго Буллз», на два размера больше, и соответствующую бейсбольную шапочку. К тому же я больше суток не брился.

- Ну, и как я выгляжу? - спросил я, когда мы вышли из кабины.

Дениз поколебалась.

- Не похож на себя. На улице я бы прошла мимо, не узнав.

Лорел фыркнула.

- А я бы перешла на другую сторону. Вы выглядите, как сатана с похмелья.

Я остановился на полушаге. Я не так уж опасался, что Джеррету покажется знакомой моя внешность. Если с ним происходит то же, что творилось со мной, когда я был подключен к жучкам Лорел, то сейчас он должен с головой уйти в восприятие роя и игнорировать все остальные чувства. Маскировка нужна была мне самому, чтобы устранить неуверенность и сомнения, чтобы я смог излучать нейтральный эмоциональный фон, когда столкнусь с его насекомыми. Ведь на самом деле я боялся исключительно эмоционального считывания.

Я начал было все это объяснять Дениз... но вместо этого замер и внимательно посмотрел на Лорел. Темные вьющиеся волосы, короткая стрижка. Элегантный деловой костюм: юбка достаточно короткая, чтобы показать загорелые ноги, но в меру строгая, чтобы дать понять - не про твою честь. Эта женщина как рыба в воде в таких вот местах. Дениз тоже выглядела органично, хотя более женственно, невзирая на

разницу в возрасте. Она вполне самодостаточна и в то же время не забывает о том, какое впечатление производит на клиента. Я же совершенно не вписывался в эту обстановку.

Еще один заход во «Все для праздника» - и Дениз обзавелась очками для чтения, какие носят престарелые школьные мымыры, особенно сельские. Кроме того, я заставил ее стянуть волосы в тугий узел. Общий эффект меня удовлетворил: она стала выглядеть на пять лет старше и на двадцать сварливее.

Затем мы провели «счастливый час» в ресторанчике. Согласно моему первоначальному плану, я должен был подняться наверх один. Крутой и холодный, полностью контролирующей все свои эмоции - фальшивый социопат. Если бы я умел отключать чувства, то так бы и сделал. Теперь же я намеревался подняться туда в большой компании. Чем больше, тем лучше.

Еще одним моим приобретением была бутылка пива. Полтора литра дешевого пойла, главным назначением которого было помочь тебе по-настоящему надраться и надраться быстро. Я держал ее в бумажном пакете, и когда мы возвращались в кондоминиум, я свернул пробку и сделал долгий, шумный глоток.

Дениз уставилась на меня.

- Ну, мне это необходимо, - пояснил я, причем так оно и было, только не по той причине, о которой она, видимо, подумала. Я бы предпочел просочиться в ванную комнату и слить большую часть в раковину, но мне нужно было, чтобы она видела, как я пью, поэтому я отсалютовал ей бутылкой и засосал такую дозу, которую мог усвоить одним глотком.

Однажды, когда я был молодым и глупым, я участвовал в школьном забеге по так называемой «полуночной пивной миле». Четыре круга по беговой дорожке, четыре пива. Мы, конечно, рисковали. Если бы нас засекли копы, то могли и арестовать, но зато я узнал, что могу позволить себе в смысле алкоголя, а чего нет. Забег я выиграл, уложившись в восемь минут. Но вскоре после финиша алкоголь начал мстить моему организму. И уже через десять минут мне стало по-настоящему скверно.

Как я и ожидал, у дверей лифта столпилось порядочно ожидающего народа. Я допил остатки пива и спрятал пустую бутылку в карман куртки. Подумал о том, чтобы ее куда-нибудь выкинуть, но вместо этого только рыгнул.

А затем проложил путь в толпе, приведя в ярость ожидающих. Лорел глядела на меня с восторгом, зато Дениз испепеляла взглядом, в котором читалось, что я снова теряю ее, и на этот раз навсегда. Я отчаянно хотел пожать ей локоть, подавая сигнал: тише-тише, погоди, я все объясню.

Но в том-то и дело, что именно этого я сделать не мог. В этом-то и была моя задумка. Чем сильнее и смешаннее будут исходящие от нас

с ней эмоции, тем меньше шансов, что Джеррет что-то заподозрит. Семейная сцена, никакой угрозы.

Двери кабины с тихим чмоканьем закрылись, и лифт двинулся вверх - более гладко, чем мне хотелось бы. Но нельзя же, чтобы все шло, как ты задумал. Я качнулся, ругнулся, протянул руку и ухитрился нажать половину кнопок, пытаюсь удержаться на ногах. Еще четыре или пять я надавил, пытаюсь придать вертикальное положение. Во время моей короткой учебы в колледже мы проделывали такие штуки в кабинах лифтов, зажигая все кнопки подряд, - это называлось у нас «рождественская елка в лифте». Прекрасный способ подружиться со случайными попутчиками.

Седьмой, четырнадцатый, девятнадцатый и двадцать четвертый. Как же я ухитрился пропустить кнопку девятнадцатого?! Черт!

Если бы Дениз продолжала осуждающе смотреть на меня, у меня не хватило бы духу нажать эту последнюю. Конечно, один шанс из четырех, что именно это нужный нам этаж. Но все же. Однако Дениз была занята препирательством с каким-то парнем в пальто из угольно-черной шерсти, который втолковывал ей, что она должна держать своего муженька под более плотным контролем.

- Он мне не муж, - отвечала она. - Был в свое время, но больше никогда!

Меня и так уже мутило от выпитого, а после этих слов совсем повело, но я воспользовался тем, что она на меня не смотрит, и надавил кнопку девятнадцатого этажа.

- Бип! - сказал я при этом самым жизнерадостным из всех своих пьяных голосов. И для ровного счета нажал еще и кнопку восемнадцатого. - Бип-бип!

Черное Шерстяное Пальто схватил меня за руку.

- Хватит! Еще одно «бип», и я вызываю секьюрити!

Девятнадцатый этаж оказался тем, который был нам нужен.

Я радовался, что не более низкий, поскольку каждый раз, когда мы впустую останавливались и дверь открывалась на никому не нужный этаж, остальные пассажиры злились все больше и больше, и маскирующий накал эмоций возрастал. Черное Пальто взял на себя труд нажимать кнопку закрывания дверей, не давая им полностью раздвинуться. Возможно, он ощущал от этого некое моральное удовлетворение, но скорости подъема это нисколько не повышало.

Ко времени, когда мы достигли девятнадцатого этажа, мой желудок отчаянно бунтовал, а голова кружилась. Почему я ничего не поел, прежде чем пуститься в эту авантюру?

К счастью, проверку на наличие мух я при каждой остановке проводил почти на автомате. Весь этот день я изучал вестибюли с лифтами, прикидывая, где бы разместил жучков, если бы они у меня были. И особенно если их ассортимент сводился бы к *Musca domestica* -

обычной или генно-модифицированной.

Но при этом я упустил из виду, что значит для Перкинса иметь в своем распоряжении целый этаж. Джеррет не выказал особой изощренности, когда выслеживал Кору, а теперь же, когда вообще никакой нужды не было, он просто разместил несколько десятков мух прямо на потолке вестибюля, расположив их так, чтобы все углы обзора перекрывались и давали полную картину того, что происходит в кабине любого лифта, когда ее двери открыты. Нагло, конечно, с его стороны, и заставляет предположить, что он себя ощущает чем-то вроде зрячего короля в стране слепых. Ну правда, даже если кто-нибудь из обыкновенных посетителей и заметит необычное скопление мух в этом вестибюле, откуда ему знать, что на самом деле за этим кроется.

Шерстяное Пальто что-то пробормотал и в очередной раз яростно вдавил кнопку «заккрыть», на этот раз дав дверям полностью раскрыться. Пять секунд спустя они снова сдвинулись. А я теперь понял, где находится Джеррет. Надеюсь, что он не знает о моей осведомленности.

Возможно, это пиво совсем ударило в голову, но внезапно все подавляемые мною эмоции охватили меня с новой силой. И я был чертовски рад тому, что изменил свой первоначальный план. Сильно сомневаюсь, что под взглядами такого количества сканирующих меня мух я смог бы убедительно сыграть роль безразличного ко всему социопата. Может, Джеррет и не понял бы происходящего, но уж точно заподозрил бы неладное.

К тому времени, когда мы достигли ресторана, я уже был пьян в стельку. Дениз из лифта чуть не выбежала, но я догнал ее и схватил за руку. Тут было не до пожатий локотка. Я должен был произнести убедительные слова, чтобы спасти наши отношения. Если смогу.

- Девятнадцатый этаж, - сказал я. - Это точно он.

Тут желудок подступил мне к горлу.

- Через минут все объясню, а сейчас мне надо в туалет.

Несколько минут спустя я вновь обрел нормальную форму и присоединился к Дениз и Лорел, сидящим за крохотным столиком с потрясающим видом на берег озера. Мух здесь не было. Я внимательно все осмотрел, но Джеррет, видимо, не осмеливался вторгнуться в это место. Он был знаком с действием мухобоек.

Дениз все еще дулась. Лорел была занята каким-то напитком цвета соломы, безо льда. Дениз сидела на обитом кожей диванчике, где могли бы поместиться двое, но она даже и не подумала подвинуться, поэтому я сел рядом с Лорел.

- Так это была какая-то игра? - начала Дениз, когда я еще не успел как следует устроиться. - Сначала ты хочешь изобразить из себя великого героя, действующего, пока я сижу дома - как в старые времена. Затем, когда я тебе этого не позволила, нет уж, только не сейчас, когда ставка

- жизнь нашей дочери, ты надираешься этой дрянью и заставляешь меня думать, что тебе все по барабану, обходишься со мной, как... как с распроклятой армейской женой. Причем не настоящей, а выдуманной. Такой, какой ты, по их мнению, должна быть, а не реальной личностью. Женщина, у которой только одна роль - произносить в нужных местах: «Да, я понимаю», «Да, я сделаю все, как скажешь», «Да, я буду тебе надежным тылом», «Да, я буду всем, что тебе нужно, и никогда даже не намекну, что мне самой тоже что-то может быть нужно». Да, да, да, потому что... потому что... потому что ты где-то там постоянно рискуешь жизнью - и в сравнении с этим чего я стою?

Лорел начала подниматься с места.

- Может, мы встретимся позже в...

- Нет, оставайтесь. Вы в той же степени тут замешаны, как и он. Что он сейчас делал? Похоже, вам-то он все объяснил, только меня не счел нужным посвятить в свои планы.

Лорел покачала головой, но снова опустилась на место. Пальцем подозвала официанта, указав на свой бокал.

- Нет. Просто я более тесно общалась с тем миром, к которому он принадлежал. - Она посмотрела на меня. - Знаете, мое предложение по-прежнему остается в силе. Когда в игру вступят большие полицейские силы, нам придется тренировать тайных агентов. А пока что... нам, видимо, надо более бдительно следить за своими субподрядчиками.

На этот раз я ответил без колебаний.

- Нет.

- Ну, я это предполагала, однако была бы плохим профессионалом, если бы не спросила. - К нам приблизился официант со второй порцией «чего-то там». Лорел кивнула ему, расплатилась, отмахнулась от сдачи. - А я хороший профессионал. Очень хороший. Когда мы сможем работать открыто, я буду стоить миллионы.

Она помешала свой напиток, несколько секунд сидела, уставившись в стакан, снова помешала.

- А затем, если все пойдет удачно, я в тридцать пять лет оставлю эту работу. Если нет... ну, по крайней мере, мой папочка был бы мною горд. - Она сделала глоток. Поморщилась. Снова глотнула. - Он сделал свой первый миллион в какой-то распроклятой интернет-компании, когда ему не исполнилось еще двадцати пяти. А через два года все потерял. Потратил всю оставшуюся жизнь, чтобы вернуть состояние.

Она снова уставилась в стакан.

- Спился и помер, когда я еще училась в средней школе.

Она глядела на меня сузившимися глазами, таким темными, что они казались почти черными.



- Вы же не думаете, что я по жизни не сталкивалась ни с чем таким? Черт, от всей этой ситуации воняет дерьмом, в котором я выросла. Интернет? Вояки? Все едино. Вы вернете свою дочь и будете обращаться с ней, как положено, вы меня понимаете?

Она одним глотком выпила все, что еще оставалось в стакане, поднялась, затем снова повернулась, на этот раз обращаясь к Дениз:

- А насчет представления в лифте... Дело в том, что он хорошо вас знает. Вы разыграли свою роль как по нотам, просто потому, что реагировали, как и должна реагировать в такой ситуации нормальная женщина. - Лорел подхватила свою сумочку, и на мгновение я увидел подозрительную влагу в ее глазах. - Встретимся в отеле.

...План спасения мы разработали уже два дня назад. Когда я проснулся следующим утром, план выглядел таким же рискованным, как и раньше, но никаких альтернативных вариантов никаким волшебным образом не возникло.

На этот раз Лорел заказала нам разные комнаты, но мы с Дениз провели большую часть вечера в одной из них. Мы не обнимались, ничего такого, а просто говорили, говорили, как не разговаривали друг с другом уже долгие годы. Я начал понимать, что не только мотивация психотиков и социопатов может ускользать от Восприятия, но еще и глубоко запрятанные, подавляемые чувства. Когда мы поженились, подразумевалось, что частью нашей жизни будет Корпус. Я никогда не догадывался, какую глубокую обиду она по этому поводу таила.

Первой в мою дверь постучалась Лорел. В руке она держала нейлоновый мешок с чем-то плоским и угловатым внутри.

- Что это?

- А на что это похоже?

Я взял мешок, но открывать не стал.

- Мы уже это обсуждали.

- А если дойдет до того - он или вы?

- Этого не случится.

- А если - он или ваша дочь?

Я неохотно раскрыл мешок. Вытащил из него 9-миллиметровую «беретту»...

... и внезапно оказался на базаре.

Вспышка памяти, галлюцинация или фантомное зрение? Если существует одиночная вспышка памяти, подавляющая все остальные, то это как раз она.

Когда ты направляешь полную силу Восприятия на какого-то человека, у тебя не возникает желания в него стрелять. Ты чувствуешь, как пули разрывают его плоть, ощущаешь, как из него вытекает жизнь. Даже социопатам знакомы боль и страх темноты.

Все продолжалось три-четыре секунды. Я видел, как парень в куртке полез рукой за пазуху, Восприятием уловил его внезапную радость.

Знал: он или я...

А может, он всего-то хотел достать любовное послание от своей подружки.

Я промедлил только две или три секунды. Затем сделал три выстрела, не целясь, навскидку, и парень свалился, а рынок внезапно впал в молчаливое оцепенение. Все произошло чисто рефлекторно. Каким-то образом я ухитрился выхватить пистолет из кобуры, а моя винтовка продолжала болтаться на плече. Как бы ты ни был хорош в разделении внимания, но всегда есть риск, что спутаешь собственную точку зрения с точкой зрения какого-нибудь из своих жучков и начнешь палить, как будто находишься в том месте, где находится он. Поэтому лучше держать винтовку на плече, кроме тех случаев, когда ты осознаешь, что она может понадобиться в любой момент.

До этого я думал, что посылать своих подчиненных убивать людей - это то же самое, что самому нажимать на спусковой крючок. Я ошибался. Я, покачиваясь, шел вперед, не сознавая, что у парня могли быть сообщники, не замечая ничего вокруг, кроме лежащего на мостовой тела. Это сделал я. Я сделал это сам.

Он лежал на спине, куртка наполовину распахнута. Медленно, подцепив полу большим и указательным пальцами, я откинул ее полностью.

Грызущие сомнения в собственной правоте мог развеять только факт наличия пояса со взрывчаткой, упрятанного под курткой. Ну что ж, он там оказался - классический пояс шахида. Я снова расширил периметр роя и ощутил облегчение, которое испытывали мои товарищи по патрулированию. Они хорошо понимали: я спас не только собственную жизнь, но еще и десяток других, а шахид все равно был обречен.

Таким этот эпизод помнился годами. Пока не начались вспышки прошлого. Теперь все, что я вижу, это его лицо - лицо с крупными чертами и намечающимися морщинками. Поразительно голубые глаза. Прямой нос. Массивная челюсть.

И в этих провалах в прошлое на нем нет пояса шахида-смертника. Но зато он сжимает в пальцах клочок бумаги, исписанный женским почерком. Который напоминает почерк Дениз.

Что бы мне снилось в кошмарах, доведись мне пристрелить Джеррета? Я и думать об этом не хотел. Тем не менее, когда Лорел протянула мне пригоршню патронов, я их взял.

Она предложила еще кое-какую экипировку - именно то, что нужно. Я не спрашивал, где она все это взяла, а она предпочла не распространяться. Видимо, опять сработали ее связи с полицией, но кое-какие вещи явно имели иное происхождение.

Вскоре появилась Дениз. Предыдущим вечером мы спорили по поводу ее участия. Я пытался уговорить ее не ввязываться в дело, но она настаивала: Дениз не собиралась больше отсиживаться дома. Я

уступил. А сейчас мы поспорили насчет времени проведения акции. Женщины склонялись к немедленному выступлению, возможно, надеясь застать их всех спящими, если, конечно, Перкинс сотоварищи придерживается режима, какому следуют крутые парни в гангстерских боевиках.

Но я понимал: они рвутся в бой, движимые нервным возбуждением, которое испытывают новобранцы на своем первом патрулировании. И тут уже я смог убедить их, что гораздо лучше для нас выступить ближе к вечеру, когда в лифтах и вестибюлях соберется побольше народу, а Джеррет успеет за день изнервничаться.

Я подавлял всякие мысли о Коре и, чтобы как следует отвлечься, повел Лорел и Дениз в Институт искусств. Кажется, там действовала выставка Пикассо. Хоть убей, не смогу припомнить ничего из увиденного. Психуют не только новобранцы.

«Счастливей час» мы снова провели в ресторане. Только Дениз и я, мы ничего не пили, просто пережидали. Мне бы хотелось, чтобы все холлы и вестибюли были как можно больше заполнены народом, когда начнется тревога. Чем больше паникующих людей окажется в кабинах лифтов и на ступенях аварийных выходов, тем лучше.

Возложенная на Дениз часть плана была простейшей. Благодаря Лорел ее сумочка была набита дымовыми шашками - легкими в использовании, разработанными специально для пейнтболистов и тренировок пожарных. Для наших целей они подходили лучше, чем военные, поскольку выпускали неядовитый дым и были меньших размеров.

Дениз - снова в очках сельской училки и со стянутыми в узел волосами, да еще и выкрашенными под седину, - должна будет подняться на восемнадцатый этаж. Это был гостиничный этаж, и ей там надлежало разыскать кладовку или лучше тележку горничной, заполненную мешками с мусором. Если ей удастся сделать это незамеченной, то дальше она должна будет имитировать возгорание мусора, устроив сильное задымление. Затем побежит к ближайшему аварийному выходу и по пути вниз начнет дергать рычажки пожарной сигнализации и разбрасывать оставшиеся шашки - словом, делать все, чтобы усилить замешательство и неразбериху. Я к тому времени высажусь на двадцатом этаже и буду дожидаться, когда начнется паника.

В шесть тридцать ресторан заканчивал работу. Дениз оглянулась по сторонам.

- Время?

Я кивнул, протянул руку через столик и положил на ее ладонь свою.

- Будь осторожна. Придерживайся плана, а все импровизации оставь мне. В конце концов, это моя работа... была.

Я осторожно пожал ее ладонь.

- Я... - у меня внезапно пересохло горло, слова застревали. - Я никогда...

Она ответила на пожатие.

- Я знаю, - она улыбнулась, не разжимая губ.

- Угу, - дальнейшие слова были действительно излишни. - Что ж, идем и освободим ее.

Ни одна операция не проходит без накладок. В данном случае мне неожиданно долго пришлось ждать второго лифта, после того как Дениз уже давно отбыла на своем. Возможно, мне следовало воспользоваться тем же самым, но тогда пришлось бы слишком долго ошиваться без дела на двадцатом этаже в ожидании тревоги. Кто-нибудь мог бы обратить внимание.

В общем, я еще выходил из кабины, а тревога уже началась. Сначала завывала сигнализация где-то вдали, а затем оглушающий сигнал зазвучал и на этом этаже. Я вытащил чеку из дымовой шашки и забросил ее в одну из тех бесполезных бронзовых корзинок для бумаг, которые так любят устанавливать в отелях, банках и конференц-центрах. Обнаружил еще одну такую урну в дальнем углу холла, зашвырнул шашку и туда.

Распахнулась одна из дверей, выходящих в холл, и оттуда высунулась чья-то голова.

- Пожар! - заорал я дурным голосом. - Спасайтесь! Бегите!

А сам помчался по коридору, вопя во всю глотку и колотя во все двери подряд. Это был этаж с арендованными квартирами, но и здесь имелась кладовка, причем, как я надеялся, не запертая. Так и оказалось. Распахнув дверь подсобки настезь, я обнаружил кипу бумажных полотенец, сбросил ее на пол, сбил в большую кучу и поджег спичкой. Для лучшего эффекта бросил туда же с пяток дымовых шашек и добавил парочку банок с какими-то аэрозолями. Как только я выскочил за пределы кладовки, одна из банок взорвалась, произведя впечатляющий шум и разбросав целый фонтан искр не только по тесному пространству кладовки, но и по коридору. Дым же валил такой густой, что люди, бегущие к аварийным лестницам или лифтам, виднелись лишь как смутные силуэты в тумане.

Я разглядел выход на аварийную лестницу в конце коридора и поспешил туда. Рычагов аварийного открывания на дверях не было, но имелась противопожарная сигнализация, которую я и привел в действие. И нигде не было камер видеонаблюдения. Я их и вчера не заметил, если не считать кабинок лифтов. То ли у администрации здания имелась по-настоящему хорошая скрытая система безопасности, то ли они попросту сэкономили на этом деле. Я надеялся на последнее. В противном случае, даже если мы удачно освободим Кору, нам придется давать множество объяснений и проходить процедуру долгих и неприятных разбирательств. Конечно,

Лорел заявляла, что у нее очень хорошие связи в полиции, но проверять это на себе не хотелось.

Лестничный колодец был задымлен, пахло, как после фейерверков 4 июля. Похоже, я попал именно в тот аварийный выход, которым воспользовалась Дениз на своем пути в подземные гаражи.

Дверь за моей спиной захлопнулась от сквозняка, я подергал ручку. Заперто. Черт, значит, на этаже Джеррета произойдет то же самое - из коридора на лестницу пожарного выхода можно попасть, но не наоборот. Я надеялся, отсутствие рычагов аварийного открывания означает, что двери не станут захлопываться автоматически, но проверить это во время вчерашнего осмотра здания не было возможности. Я спустился этажом ниже, мысленно благодаря Лорел за пистолет. Как только я оказался на площадке этажа, ведущая на нее дверь распахнулась, и передо мной нарисовался жилистый крепкий мужик с бородой, выбритой тигриными полосками, и с торчащими вверх волосами, выстриженными так, что они образовывали что-то вроде бокала для шампанского. За ним поспешала блистательная азиатка модельной внешности.

- Слышь, Рэй, тут такая хрень... - говорил мужик в мобильный телефон, в то время как я вжимался в стену, давая им пройти и надеясь, что у них нет времени меня разглядывать. - Похоже, мы реально горим... настоящий пожар, я тебе говорю... да... да...

- Вот уж точно - реально! - саркастически подтвердила женщина. - Оставайся здесь и поджаривайся, если хочешь!

Она протолкалась вперед и зацокала каблуками по ступеням, впрочем, задержалась на несколько секунд, чтобы сбросить туфли на шпильках.

Бокалоголовый не обращал на нее внимания.

- Да забей ты на этого Джеррета, братишка. Все, что он может, - балдеть от этой своей сучки и от своих мух. Что хорошего он для нас сделал?.. - он шагнул назад, в сторону коридора. - Врубись, нам в натуре надо валить отсюда.

И он протопал мимо, а я кинулся к двери, качнувшейся, чтобы закрыться. Я едва успел и целую минуту удерживал ее в каком-то миллиметре от того, чтобы дать замку защелкнуться. Тем временем мимо меня поспешно проследовало несколько групп людей: одни по пути бросали на меня взгляды, другие в своем стремлении вниз не обращали ни малейшего внимания.

Когда все прошли, я надел на голову извлеченную из кармана бандану. Отчасти из соображений дополнительной маскировки, а частью для того, чтобы уберечься от дыма. Я вытащил предохранительные чеки еще из трех дымовых шашек, после чего раскрыл дверь достаточно широко, чтобы забросить шашки внутрь. Никаких воплей не последовало, - значит, холл за дверью свободен от

людей. Просунув в щель ступню, чтобы дверь не закрылась, я поджег зажигалкой шнуры парочки небольших шутих, забросил их внутрь, а затем добавил еще два взрывпакета М80. К счастью, почти закрытая дверь спасла мои уши от грохота взрывов, но Джеррет должен был ощутить себя, как если бы он оказался в моем воплощенном кошмаре: огонь, взрывы, дым, шок. К тому же, возможно, моя пиротехника вырубилась какую-то толику его насекомых.

Время для последнего удара. Я извлек на свет Божий еще одно свое приобретение - баллончик с аэрозолем, мощное средство против ос, широко распахнул дверь и стал выискивать мух Джеррета.

Они, разумеется, сидели на потолке. Очень вероятно, что Джеррет уже глубоко провалился во вспышку прошлого, - и я решил не давать ему ни малейшего шанса из нее выскочить. Если он не находился в безопасном помещении, когда началась вся эта заварушка, то его немедленной реакцией должен быть отход в самое надежное место. А дальше он непременно должен был выслать все свои резервы для установления оборонительного периметра. И трудно было представить, что он при этом не захватил бы с собой Кору. Так... сейчас мне срочно надо определить, в какой он комнате. Пока здание не заполнилось пожарными...

Быстрым движением я брызнул на мух средством из баллончика. Мне продали сильный яд, половина насекомых тут же свалилась с потолка. Это было даже больше, чем я хотел. Я не планировал убивать их всех. Реакция Джеррета последовала мгновенно - как если бы он коснулся раскаленной горелки. Я обрызгал еще нескольких мух для большего эффекта, но он уже отзывал их назад, отчаянно пытаюсь не потерять оставшихся.

Я побежал вдоль коридора вслед за мухами. Конечно, большинство летело быстрее, чем я бежал, но некоторые получили все-таки какие-то дозы яда и стали вялыми, так что даже в дыму я мог держать их в поле зрения. Наконец мы достигли комнаты - номер 1903, отметил я каким-то краешком сознания, - и мухи начали подныривать под дверь. Щель была довольно узкая - Джеррет явно не готовился к массовому исходу насекомых и ограничился тем, что выдернул из-под двери край ковровой дорожки. В результате на входе возникла своего рода мушиная толчея и давка, а насекомые все прибывали. Ясное дело, для Джеррета спасение роя было важнее удержания периметра.

Ладно, до сих пор все шло по плану. Но дальше этого наши решения не простирались. Настала пора импровизировать.

Первым делом я опрыскал аэрозолем мух, еще витавших в коридоре. Это должно ограничить Восприятие Джеррета пределами комнаты. В двери был глазок, и я держался в стороне, чтобы не попасть в поле зрения. По идее, у Джеррета должен быть пистолет, и он в любую минуту может начать пальбу. Сигнал противопожарной тревоги ревел

так оглушительно, что я сам едва не провалился во вспышку прошлого и, во всяком случае, почти наверняка знал, что Джеррет находится на грани срыва.

Вооружен и полубезумен. Скверное сочетание, но единственное, которое я смогу использовать в своих целях. А теперь, когда его Восприятие закупорено в ограниченном объеме, мы оказались на равных.

Вот только времени у меня не оставалось. По моим часам, прошло всего три с половиной минуты с тех пор, как Дениз активировала первый сигнал тревоги, но в любой момент лестничные пролеты могли заполниться толпами пожарных. Я имел две возможности: либо с помощью пистолета разнести замок двери, ворваться внутрь и попытаться уложить Джеррета, не дав ему при этом причинить вред Коре... либо каким-то образом выманить его наружу.

Мне бы не составило труда ввести себя в состояние боевой ярости, когда ты готов убивать. В моем подразделении Джеррет находился недолго, мы просто несколько раз вместе с ним выходили на задания, а возвратившись на базу, практически не общались. Ну, а потом он похитил мою дочь и, насколько я понимаю, насильствовал ее. Хотя, возможно, он думал, что защищает девочку и даже что на ней женат.

Но я видел его глаза тогда, после ночи в овраге. И я точно так же, как он, врал мозгоправам относительно своего состояния, только чтобы вырваться из Ре-адапта. Управлял роем Лорел. И только Бога надо благодарить за то, что я все же не скатился до состояния Джеррета. Если, конечно, Бог есть. Две недели назад я бы сказал, что нет. Но две недели назад я был другим человеком: почти Джерретом, и хорошо, что только почти. Его убийство ничего не давало. Убить его означало убить самого себя... снова.

Больше всего я боялся, что сам провалюсь во вспышку прошлого; я не мог себе такого позволить. Я и не провалился. Возможно, что-то во мне действительно изменилось. Вознеся молчаливую молитву Богу, о котором я даже не задумывался две недели назад, я решил придерживаться плана.

- Лэпп! - завопил я своим самым мощным ором полевого командира. - Здание подверглось нападению...

Тут я на долю секунды заколебался, а потом решил, что, дескать, чего уж там: пропадать так пропадом!

- ...террористов Бен-Ладена.

Я поджег запальники нескольких небольших шутих, дымовых шашек и еще одного взрывпакета и быстро разбросал все это по холлу. Бедные мои уши! Оставалось только надеяться, что слух успеет восстановиться к моменту, когда он мне понадобится. Я выпустил струю аэрозоля и поднес к вырвавшемуся облачку пламя зажигалки. Хвала сжиженному пропан-бутану: баллончик превратился в

прекрасную газовую горелку. Я нацелил пламя на дверь комнаты Джеррета и славно подкоптил ее в окрестностях смотрового глазка - просто так, чтоб страшнее было.

- Лэпп, - заорал я снова, используя свою импровизированную горелку, чтобы поджечь еще несколько запальников шутих. Скоро они у меня закончатся. - Наш оператор НК-МЭМС убит. Ты нужен своему отряду!

Оставалось только ждать. Я перестал поджаривать дверь, нехотя позволил пламени угаснуть. А затем, когда дверь начала медленно открываться, я выпустил в проход весь еще остающийся в баллончике аэрозоль. Чтобы к моменту, когда Джеррет выйдет наружу, у него оставалось совсем мало насекомых. Я не мог позволить, чтобы он лишился всех их, но чем меньше мух у него оставалось, тем меньше была вероятность, что он меня раскусит и вернется к реальности в самый неподходящий момент.

Он медленно вышел в коридор, одной рукой обнимая перепуганную Кору, а другой сжимая «узи».

Этого я не ожидал: пистолет - понятное дело, но «узи»... Да, нужно как можно быстрее уводить Джеррета отсюда, иначе здесь может оказаться куча мертвых пожарных, которых Джеррет в дыму, несомненно, примет за штурмовиков в боевой экипировке.

Я не знал, что больше напугало мою дочку - Джеррет или весь этот грохот, рев сигнализации, дым и огонь. Но когда она увидела меня в дыму, в безумном мигании огней, даже в моей маскировке - бандана, шляпа, очки, пистолет в руке, - ее рот изумленно раскрылся, образуя букву «О». Возможно, она при этом что-то воскликнула. Слух еще не совсем ко мне вернулся. Я посмотрел ей прямо в глаза и помотал головой. «Оставайся с ним», - приказал я одними губами. А может быть, и вслух произнес, не знаю, слух ко мне еще не вернулся.

- Лэпп, - приказал я настолько громко, что почти смог себя услышать. - Нам необходимо убраться отсюда. Расширь свой периметр до максимума, чтобы избежать угрозы столкновения с противником.

На миг я пожалел, что убил слишком много его мух. Но оставшихся тоже должно хватить.

- У нас нет достаточной огневой мощи, чтобы ввязываться в сражение. Мы должны покинуть это место, вернуться на базу и доложить. Ты понял?

Если он и узнал меня, то не в качестве отца Кору. Может быть, как участника наших совместных операций. А вероятнее всего, воспринял как некоего обобщенного полевого командира из глубокой вспышки прошлого. Пока я мог держать его в этой иллюзии, мы были в безопасности. И мне не понадобится снова кого-то убивать.

Я перевел взгляд на Кору.

- Ты понимаешь?

Она кивнула.



- Понимаешь, что я делаю? - спросил я. Запнулся. Вспомнил Дениз. Только бы она была в безопасности! - Я вытащу тебя отсюда.

Опять кивок.

- Па...

Как долго я желал услышать это ее «папочка», без проклятий в мой адрес, безо отягчающего бремени этих потраченных где-то там лет... но сейчас именно этого я не мог позволить ей сказать.

- Достаточно, солдат, - пролаял я. - Лэпп ведущий. Остальное подразделение... - я посмотрел на нее настолько многозначительно, насколько мог позволить в этой ситуации, - следует за ним. Без шума. Молча. Все понятно?

Она кивнул, уже больше не пытаюсь говорить.

- Отлично. Выступаем!

Кора еще раз кивнула, и мы двинулись вдоль коридора. Джеррет, конечно, был нестандартным ведущим: его загребущая левая рука все также обхватывала «рядового» явно не в военном стиле. Но все же мы двигались и при этом должны были полагаться друг на друга. Прошло больше пяти минут после первого сигнала тревоги. Пожарные, по идее, уже могут находиться в здании.

Уж и не знаю, сколько мух из всего роя осталось в распоряжении Джеррета, но их оказалось более чем достаточно, поскольку мы поразительно легко выбрались с этажа. Настолько легко, что я опять пожалел об утрате своего Восприятия. Но, взглянув на Кору, решил, что лучше так.

Джеррет отыскал незадымленный аварийный выход, заполненный людьми, поспешающими вниз по ступеням, и проявил достаточное понимание ситуации, когда я объяснил, что нам лучше прокрадываться, не выдавая себя, а для этого надо бы спрятать «узи» под куртку - это не так бросается в глаза. Кору Джеррет все так же не отпускал, но ему пришлось это сделать, когда он прятал автомат под куртку. Пару секунд я думал, что она тут же бросится бежать, - и больше всего этого опасался, ибо знал выучку Джеррета и понимал, с какой скоростью «узи»-под-полой превратится в «узи»-в-руках. Но я снова помотал головой, и она все поняла.

Таким вот образом мы благополучно спустились в подземные гаражи.

Я еще раньше предупредил Дениз, чтобы они никак не реагировала на появление Кору. Это все, что она могла сделать, оставаясь в рамках роли - молчать и не совершать никаких телодвижений.

- Задание выполнено, - отрапортовал я, напоминая всем, что мы еще не совсем покинули джунгли. - Водитель - доставьте нас на базу.

Лорел села за руль. Джеррет открыл заднюю дверцу и начал запикивать в салон Кору, да так, чтобы тут же влезть самому и при этом ни на секунду не отпустить ее, но я пресек эти маневры.

- Лэпп! У тебя оружие, ты должен сидеть впереди, - он было

запротестовал, но этот вопрос обсуждению не подлежал. - Прекрати, солдат! Это приказ!

Он наконец разомкнул свою хватку и уселся рядом с Лорел. Секундой позже мы все - Дениз, Кора и я - оказались на заднем сиденье. Кора - по центру. Это получилось совершенно автоматически: детеныш, хотя уже и взрослый, под защитой родителей. Спустя мгновение салон машины заполнился мухами - бросать их на произвол судьбы было, конечно же, нельзя. Лишившись роя, Джеррет вполне мог бы вернуться в реальный мир, в здесь-и-сейчас, быстрее, чем я смог бы придумать, как его уговорить.

Впрочем, мух у него осталось не так уж и много. Штук сорок. Или пятьдесят. А Джеррет, похоже, уже начинал терять интерес к выполнению «боевой задачи» - стайка насекомых сместилась теперь к заднему сиденью, они кружил вокруг головы Кору, касались ее щек, волос, ушей, губ.

Кора застыла в неподвижности, сидела не моргая и не морщась. Даже когда слезинка выкатилась из ее глаза и муха опустилась прямо в нее, чтобы попробовать на вкус. И вдруг я, безо всякого роя, с ясностью, которую могло бы дать лишь Восприятие, понял, что никаких насильственных действий не было. В обычном смысле, конечно. Это и был тот способ, каким несчастный (но опасный!) псих Джеррет любил Кору. Испытывая примерно то, что испытывал я, глядя в офисе Лорел на Дениз, только в гораздо большей степени - с накалом чувств, доведенным до предела.

Движение в подземном гараже было минимальным - большинство людей, спасаясь от пожара в высотке, не желали рисковать и не стремились в ловушку под землей. Джеррет что-то говорил, но его голос заглушал визг покрышек: Лорел изо всех сил гнала машину к выезду на улицу.

А может, мой слух еще не до конца восстановился.

- Что ты сказал? - переспросил я.

Нет, дело было не в моем слухе. Когда он снова заговорил, его голос звучал тихо и как-то вяло. Это не был голос солдата или похитителя людей.

- Так мало...

Я прекрасно понимал, что он имеет в виду, но Кора не знала, что я в курсе, и сочла необходимым пояснить.

- Обычно мух гораздо больше, - сказала она. - Что-то случилось с остальными.

- Их так мало, - повторил Джеррет. Он начал проявлять признаки беспокойства. - А где бенладенцы? Где остальная часть подразделения? И что случилось с моим роем? Там был какой-то парень с баллончиком аэрозоля...

Ну да. Я снял пистолет с предохранителя. Кора это увидела, и по ее

щеке скатилась еще одна слеза. Но девочка ничего не сказала.

Господи! Если Ты существуешь, сделай так, чтобы мне не пришлось пускать оружие в ход!

Положение в очередной раз спасла Лорел.

- Послушай-ка, солдат, прими вот это. - Она выудила из кармана несколько пилюль и вложила их в ладонь Джеррета.

- И что это? - пока что вопрос был задан нейтральным тоном, но вскорости Джеррет станет предельно подозрительным.

- Средство против отходняка. Прими его.

Обращалась-то она к Джеррету, но наблюдала за мной в зеркальце заднего вида.

- Какого рода средство? - его голос окреп, а мой пистолет был теперь нацелен на него - я готов был стрелять через спинку кресла. Господи, сделай так, чтобы...

- Валиум, - ответила Лорел.

И амбиен\*<sup>32</sup>. Я знал это средство. Мне его тоже прописывали. Правда, я не любил им пользоваться. Предпочитал справляться со вспышками прошлого собственными силами.

- Используй свой рой, - добавила Лорел. - Увидишь, правду ли я говорю.

Джеррет нехотя отвлек нескольких мух от Кору. Затем еще нескольких.

- Я могу достать тебе новый рой, - продолжила Лорел, как только убедилась, что завладела вниманием Джеррета. Она даже послала мне через зеркальце мгновенную улыбку. - Правда, Кип?

Лорел ухитрилась не только спасти нынешнюю ситуацию, но и закрепить шансы на получение своих будущих миллионных прибылей.

- Да, - подтвердил я. - У нее действительно есть рой, и я им управлял.

Еще больше мух перелетело от Кору к переднему сиденью.

- Но ты должен будешь оставить в покое мисс Маккорбин и позволить ей жить своей жизнью. Ты не можешь иметь и то, и другое. Мы предоставим в твое распоряжение лучших насекомых, если не считать тех, которые есть у военных, но ты должен пообещать выполнять все предписания наших психологов и носить браслет, с помощью которого мы будем отслеживать твои перемещения. Я верно говорю, Кип?

Люблю вопросы, на которые отвечать легко и просто.

- Да.

- У тебя по-настоящему и выбора-то нет, поскольку в случае отказа ты тут же попадаешь в руки ФБР, а они очень не любят похитителей людей. - Лорел сделала паузу, ускоряя ход машины, когда мы выехали на Лейкшор-драйв, и проводила взглядом мчавшуюся по встречке

---

<sup>32</sup> \* *Седатив, обладающий снотворным и расслабляющим действием.*

пожарную машину.

Похоже, наша работа. А может, и нет. Есть вещи, подумал я, о которых ты никогда не узнаешь...

- А сейчас тебе необходимо принять эти пилюли. Потому что в противном случае Кипу придется тебя пристрелить. А ты знаешь - он это сделает, если не останется другого выхода. И ты знаешь, Джеррет, что я говорю правду, так?

Джеррет глянул на пилюли. Обернулся, посмотрел на Кору через плечо - своими глазами, не глазами роя. Дочь чуть плотнее прижалась ко мне, и я почувствовал, как она напряжена. Но на лице ничего не отразилось. А затем Джеррет медленно, очень медленно поднес ладонь ко рту, забросил в рот пилюли и проглотил. Выбор, противоположный тому, который недавно сделал я. Но, видимо, единственно возможный для него.

- Вот и прекрасно, - голос Лорел звучал, как будто она разговаривала с ребенком. Она бросила взгляд на часы. - Часов через пять мы будем в Сент-Луисе, если никаких помех не возникнет.

Она посмотрела в зеркальце заднего вида.

- Хотите поехать с нами?

Я посмотрел на Дениз, на Кору. Покачал головой.

- Я так и думала. Что ж, по пути будет аэропорт Мидуэя, высажу вас там. Билеты оплачиваю, пришлете потом счета. - Она сделала паузу. Джеррет уже начал клевать носом. - И помните, что я вам сказала, ладно? У каждого из нас есть свои невидимые душевные раны. Я позабочусь об этом парне, а вы позаботьтесь друг о друге. Сделайте, чтобы все мы остались в выигрыше. Вы, я, Джеррет, ваша дочь. Вы слышите меня, Кип?

Я кивнул. Начал было улыбаться, но Лорел говорила предельно серьезно.

- Жизнь предоставляет нам не много счастливых шансов, так что уж постарайтесь не упустить свой. - В ее глазах стояли слезы, и мне расхотелось обращать все в шутку. Да, она была права - у каждого из нас свои душевные травмы. У меня, у нее, у Джеррета и Кору. Но, слава богу, иногда бывает еще не поздно что-то исправить.

Машина мчалась на юго-восток по скоростной магистрали Стивенсона<sup>\*33</sup>, электромотор негромко жужжал, заглушая похрапывание Джеррета.

Я опустил пистолет, поставил его на предохранитель. Посмотрел на Кору, заглянул ей в глаза, где наконец не было осуждения. Я понял, что жизнь иногда все-таки предоставляет право на вторую попытку. Ты

---

<sup>33</sup> \* *Важная магистраль, идущая на юго-запад от Чикаго и проходящая через много штатов. Названа в честь бывшего губернатора штата Иллинойс Эдлая Стивенсона.*

можешь и ты сделаешь, безо всяких там если бы да кабы.

Мне отчаянно хотелось обнять дочурку, крепко прижать к себе и услышать всепрощающее «папа». Но, пожалуй, еще рановато. Вместо этого я перевел взгляд на Дениз. И задумался: сможем ли мы хоть сейчас не упустить этого Богом посланного шанса, чтобы все выправить и наладить? Я понятия не имел, но отчетливо сознавал, что уж точно не рвусь как можно быстрее вернуться в Сиэтл. Ничего хорошего меня там не ждало, особенно в сером, дождливом ноябре.

**Перевел с английского Евгений ДРОЗД**

© Richard A.Lovett, Mark Niemann-Ross. Phantom Sense. 2010.  
Печатается с разрешения авторов. Повесть впервые опубликована в журнале «Аналог» в 2010 году.



## **ФАНТОМНАЯ НАУКА ФАКТЫ, ПОЛОЖЕННЫЕ В ОСНОВУ «ФАНТОМНОГО ЧУВСТВА»**

**ОБРАЩЕНИЕ К ЗАНУДЛИВЫМ СКЕПТИКАМ:** в этой статье описывается, насколько близко мы подошли к созданию Восприятия, которое является главным научно-фантастическим допущением короткой повести «Фантомное чувство». Чтобы понять статью, читать повесть не обязательно, но статья раскрывает кое-какие содержащиеся в прозе секреты.

Десять лет назад компания, называющаяся WiCab, приобрела защитную каску, какую используют строительные рабочие, и пристроила к ней акселерометр - прибор, измеряющий силу движения (и гравитации) в любом направлении. Выход от акселерометра шел на компьютер, где сигнал обрабатывался, преобразовывался и через 100 крошечных электродов подавался с помощью специального загубника на язык человека, носившего каску.

Целью этого эксперимента было дать возможность людям с нарушениями равновесия почувствовать «вкус» равновесия, сигналы о состоянии которого они ощущали как мягкое покалывание и пощипывание на языке. Если вы стоите прямо, то чувствуете покалывание в центре языка. Если вы покачиваетесь, то сместится и

зона сигнала. Ваша задача - научиться стоять так, чтобы сигнал ощущался только по центру, где он «должен» быть.

«Идея очень проста, - заявил один из изобретателей, Митч Тайлер, в интервью журналу выпускников Висконсинского университета в Мэдисоне. - Попробуйте приложить к чьей-нибудь макушке палец, чтобы указать: вы держитесь прямо. Если вы наклоните голову, то почувствуете: палец скользит в какую-то сторону, и вы, естественно, возвращаете голову в исходное положение, чтобы восстановить состояние. Вы просто корректируете отклонения в вашем положении в соответствии с показаниями этого «маркера».

И это работает. Причем поразительно хорошо и поразительно быстро - человек обучается фактически за какие-то минуты.

«Как только испытуемый усваивает, что ощущения на языке связаны с его ориентацией в пространстве, вступает в силу интуиция, -- говорит Тайлер. - Все очень быстро перемещается из сознательной сферы в подсознательную».

Устройство, которое сейчас продается под названием BrainPort (Мозговой Портал), является ранним предшественником Восприятия, с которым работает герой повести Кип Маккорбин.

В повести Кип использует имплантаты в виде татуировки для управления роем насекомых-киборгов, снабженных микросенсорами, дающими ему возможность видеть и слышать на удалении. Сенсоры наподобие детекторов лжи позволяют ему также считывать эмоции людей на расстоянии около 500 метров, помогая обнаруживать опасность (расстояние ограничивается единственным фактором - возможностью насекомого нести на себе аккумулятор достаточной мощности, чтобы вести передачу данных).

Все это предполагает использование сложных технологий, но именно задача, которая, на первый взгляд, кажется самой сложной - интерпретация поступающих от роя данных, - может на деле оказаться одной из самых легких. Успешное применение BrainPort показывает, что наш мозг замечательно пластичен и гибок - это значит, что даже во взрослом возрасте его можно «перенастроить», чтобы по-новому интерпретировать получаемые сигналы.

Совершенно не обязательно использовать именно язык для приема сигналов. Сгодится любой подходящий участок кожи. В один прекрасный день подобные технологии смогут позволить клиническим реабилитационным центрам подключать к таким участкам сигналы от множества камер или микрофонов, что даст основанное на осязании зрение слепым или такого же рода слух глухим. Это не будет настоящим зрением или слухом, но для людей, натренированных в распознавании этих сигналов, ощущения способны оказаться весьма близкими к подлинным. Разница, пожалуй, может заключаться в качестве разрешения, поскольку осязательные рецепторы обладают

большой «зернистостью», чем глазная ретина или рецепторы внутреннего уха.

Кип использует термин Слияние (интеграция) для описания процесса обучения интерпретации таких сигналов. В его случае, когда он получает разнотипную информацию от 300 насекомых, добиться целостного восприятия этого потока, конечно, гораздо труднее, чем просто держать голову так, чтобы электрическое покалывание оставалось в центре языка. Но задача та же, и разница только количественная. «Если у вас есть способность к Слиянию, - говорит Кип, - данные перестают быть данными... а вы просто воспринимаете некий целостный образ-ощущение, точно так же прямо и непосредственно, как воспринимаете то, что идет дождь или что вы находитесь на тропическом пляже».

Управление насекомыми тоже звучит фантастично, но в определенных пределах это уже сейчас возможно. В 2009 году группа ученых под руководством Хиротака Сато с факультета электрических систем и компьютеров (Electrical Engineering and Computer Science) Калифорнийского университета в Беркли информировала общественность, что они разработали имплантат, с помощью которого могли дистанционно управлять полетом жука, используя в качестве пульта управления обычный лэптоп.

Эта технология, названная HIMEMS (Hybrid insect micro-electro mechanical systems - Гибрид насекомого и микро-электромеханических систем), использует электроды, имплантированные в мускулы и нервную систему жука еще на стадии его нахождения в коконе. Когда жук достигает зрелости, его мозг и мускулы уже составляют единое целое с электродами, которые могут управляться с помощью чипа и микробатареи, встроенных на спине насекомого. Сигналы WiFi, подаваемые на чип, могут использоваться для перехвата управления крыльями жука, позволяя оператору менять направление его полета.

Звучит жутковато. Но пресс-релиз Агентства по продвинутым оборонным разработкам (Defense Advanced Research Projects Agency), в котором говорилось о планах использования жуков в качестве носителей сенсоров вроде микрофонов и газоуловителей, доказывает: во всем этом нет ничего невозможного. Агентство поясняет, что мы, в конце концов, веками проделывали похожие вещи с животными, используя менее технологически развитые методы, такие как ярмо для быков или уздечку для лошадей.

Контролировать нервную систему животных можно не только с помощью чипов и WiFi. На ежегодном собрании Американского физического общества, состоявшемся 15-19 марта 2010 года в Портленде, штат Орегон, Андрию Лейфер, аспирант-биофизик из Гарвардского университета, демонстрировал видеоматериалы о том, как ему удалось управлять движениями крошечного червя,

называемого *Caenorhabditis elegans*, используя свет зеленого лазера.

*C. elegans* был выбран для этих целей, потому что у него имеется всего 302 нейрона и потому что он прозрачный. Последнее обстоятельство важно, поскольку суть экспериментов заключалась в следующем: червь был генетически модифицирован так, чтобы его нейроны активировались при освещении зеленым светом. Если осветить всего червя зеленым светом, то активируются все нейроны сразу. Но если точно освещать лучом лазера какой-то единственный нейрон, то «включается» только он. На данной стадии это просто исследовательский проект, запущенный с целью изучения того, как работает нервная система червя, имеющая длину всего один миллиметр.

«В нашем распоряжении окажется мощный инструмент, с помощью которого мы сможем с беспрецедентной точностью воздействовать на нейронные цепи, - заявил Лейфер на пресс-конференции. - Мы теперь способны разлагать на составные части нейронные сети и воздействовать на каждый компонент, чтобы узнать, за что он отвечает, для чего служит.

Но с помощью этой технологии он способен также управлять движениями червя, заставляя его изменить курс, повернуть направо или налево или попятиться назад».

«То есть вы можете играть на черве, как на пианино», - прокомментировал один репортер.

Самое трудное, по словам Лейфера, было научиться фокусировать крошечное, размером с нейрон пятнышко света на крошечном же извивающемся тельце червя. Но в конечном итоге была разработана конструкция из 700 000 независимо управляемых зеркал, которая позволяла нацеливать луч лазера в любом желаемом направлении, изменяя его - направление - за каких-то 20 миллисекунд.

«Я потратил шесть месяцев, чтобы написать соответствующую программу», - заявил Лейфер.

Вытеснит ли эта технология технологию HI-MEMS в деле управления насекомыми-киборгами? Кто знает? Эксперименты Лейфера стали возможными потому, что червячок *C. elegans* прозрачен. Но для лазерного контроля это не является необходимым условием, заметил еще один участник конференции, специалист по исследованиям мозга. Вместо того, чтобы активировать генетически модифицированные нейроны, освещая их зеленым светом, сказал он, достаточно вживить электроды в мозг насекомого, а к каждому электроду присоединить такую же миниатюрную фоточувствительную ячейку. Требуемые нейроны могут после этого активироваться лучом света. Этот метод обладает тем преимуществом, что используются сигналы, которые не могут быть засечены прослушивающими станциями противника, работающими на радиочастотах. Зато большим его недостатком



является необходимость работать на дистанции прямой видимости и с лазером, способным очень быстро менять наводку. Похоже, все-таки самым лучшим вариантом будет WiFi.

## **Подзарядка насекомых**

В нынешних экспериментах с насекомыми-киборгами передвижение курсора на экране ноутбука управляет движениями лишь одного насекомого. Но Кип командует сразу сотнями насекомых с помощью имплантата-татуировки. Тут опять используется несколько разных технологий.

Начать с того, что этот имплантат может за счет процессов метаболизма в организме Кипа перезаряжать батареи, питающие микроэлектронику его насекомых. А нужда в такой подзарядке будет возникать довольно часто - поскольку насекомое может нести аккумуляторную батарею очень ограниченного веса и, стало быть, емкости.

Но, скорее всего, это будут не привычные аккумуляторы или одноразовые батарейки. Более вероятно, что начнут использовать некий сверхконденсатор, который не вырабатывает электричество благодаря химическим процессам, как это происходит в обычных батарейках, а накапливает его.

«Большие конденсаторы, уже сейчас используемые в Китае, согласно предположениям, способны обеспечивать пробег городского автобуса в пятьдесят километров между подзарядками», - говорит Сайкат Талапатра, специалист в области физики конденсированных веществ из Университета Южного Иллинойса.

Но сейчас разрабатываются новые конденсаторы. Группа Талапатры работает с тончайшими пленками сверхпрочного углеродного материала, называемого графен. Эти пленки имеют толщину в один атом и способны накапливать большое количество электрических зарядов на грамм вещества. Эти конденсаторы к тому же можно будет очень быстро перезаряжать - точно так же, как Кип подзаряжал батареи своих насекомых, заставляя их парить на небольшом расстоянии от «электростанции» в его татуировке.

Первичным источником энергии этой «электростанции» являются биохимические процессы, проходящие в организме Кипа. А такая технология, как не удивительно, уже существует (по крайней мере, на стадии разработки).

В 2008 году фирма «Гринер Гаджетс Дизайн Компетишн» (The Greener Gadgets Design Competition) объявила о создании сотового телефона, наносящегося на кожу в виде татуировки и «подпитывающегося от пиццы». Технически телефон, конечно же, не от сыра или сладкого

перца подзаряжается. Скорее, он работает на глюкозе, благодаря элементу питания размером с монету, который встроен в систему кровообращения пользователя такого телефона. Из крови эта ячейка извлекает кислород и глюкозу для выработки электричества.

Сам же сотовый телефон состоит из двух частей. Одна из них - это тонкая, гибкая пленка кремния, вшитая под кожу. В ней размещается собственно электроника, которую и питает работающая на крови ячейка. Другая часть - это сама татуировка, являющаяся невидимой, пока в ней не возникнет нужда, то есть пока сигнал от кремниевой пленки не высветит на коже клавиатуру и обзорный экран (звук, похоже, исходит непосредственно от имплантата).

Большинство из нас вряд ли захотят быть столь тесно связанными со своим телефоном, но благодаря таким разработкам не кажется такой уж фантастикой то, каким образом Кип подзаряжал свой рой.

## **Коллективный разум роя**

Немного труднее контролировать целый рой. Основной принцип здесь тот же, что используется при «интеграции» поступающих данных, но в обратную сторону. Здесь вместо того, чтобы заставлять сенсорные нервы воспринимать как некий целостный, слитный образ приходящие извне данные, необходимо использовать моторные нервы, чтобы передавать сигналы насекомым.

Уже сейчас закладываются основы технологий, помогающих передавать сигналы от нервных окончаний на протез руки и при этом добиваться тонкой моторики. Есть много вариантов осуществления этой цели, но один из самых интересных будет заключаться в использовании искусственных нейромускульных соединений, подключенных к обрезанным нервным окончаниям, что позволит им управлять сервомоторами протеза.

Кипу требуется что-то подобное, но поскольку мы не желаем, чтобы наши нервные пути отключались от их обычного использования, нам надо будет каким-то образом подключаться к ним, устраивать «врезку» без того, чтобы блокировать идущие по ним сигналы.

В теории самые подходящие для такой операции мускулы - те, которые управляют кистями рук. Это дало бы нашему Кипу наибольшую степень контроля, но также бы и означало, что достаточно сделать любое движение кистью - помахать рукой, почесать нос, указать на что-то пальцем, - и тут же его насекомые начнут метаться во всех направлениях. Не говоря уже о том, что если, находясь в толпе, Кип будет постоянно совершать какие-то странные движения руками, то привлечет всеобщее внимание.

Более простое решение - использовать мелкие мышцы грудной

клетки. Такую технологию уже применяют для управления протезами рук. Когда пользователь протеза думает: «открыть ладонь», «согнуть указательный палец», то эти мысли в действительности активируют грудные мускулы. А электроды, отслеживающие их состояние, получают сигналы и передают их на искусственную руку.

Это еще один пример пластичной приспособляемости мозга в действии... и образчик быстро набирающей опыт технологии, уже достаточно хорошей для того, чтобы - по заверениям горячих сторонников - играть искусственными руками на пианино.

Управлять одним насекомым несложно. Группа из Беркли, которая первой получила насекомого-киборга, для управления использовала, кажется, всего лишь шесть команд: взлететь, приземлиться, повернуть направо, повернуть налево, подниматься, опускаться. Умножьте это на 300 насекомых и получится, что Кипу нужно было отдавать до 1800 различных команд... причем в идеале - все сразу.

### **Или не нужно?**

Если каждым насекомым требуется управлять по одиночке, то, конечно, перед Кипом встает серьезная проблема. И временами ему действительно необходимо отслеживать каждого своего жучка в отдельности и отдавать ему команды. Но при выполнении менее конкретных задач большую помощь ему может оказать программная идеология, известная под названием «интеллект роя» («разум роя», «коллективный разум»).

Приведем для начал один очень простой пример: поведение пешеходов на тротуаре. На конференции Американской ассоциации продвинутой науки (The American Association for the Advancement of Science), состоявшейся 19-22 февраля 2010 года в Сан-Диего, Калифорния, Мехди Муссаид, математик из Швейцарского федерального технологического института, описал эксперименты, в которых он снимал на пленку передвижения пешеходов на тротуаре и составлял каталог вариантов их поведения.

При пустом тротуаре идущая по нему группа знакомых людей, как правило, выстраивается в шеренгу. Если на тротуаре имеются еще люди, то у шеренги намечается тенденция к прогибу и выстраиванию в форме V, когда идущие по краям шеренги начинают выдвигаться слегка вперед. Если на тротуаре не слишком густая толпа, то это построение переворачивается и теперь уже ведущим становится человек, идущий в центре шеренги Λ, а остальные отстают от него. В еще более плотной толпе группа идет цепочкой.

Кто-нибудь говорит им, что они должны двигаться вот так, а не иначе? Нет. Это результат работы двух простых мотивов, которым

подчиняется каждый действующий самостоятельно человек: они хотят совершить свой переход из пункта А в пункт Б; по пути они желают общаться друг с другом.

Форма их построения возникает как простая реакция каждого на непосредственное окружение. Шеренга предоставляет наилучшую возможность для общения, но она наименее эффективна для передвижения в толпе.

Форма построения V все еще дает возможность нормально общаться, но когда идущих по краям начинают слишком часто толкать, они отступают назад и строй спонтанно преобразуется в форму Λ. Ну, а когда плотность толпы начинает переходить в давку и никакое общение уже невозможно, люди выстраиваются гуськом.

Но еще более интересно, что происходит с одиночными пешеходами в плотной толпе. Когда они сталкиваются лицом к лицу, то каждый стремится сделать шаг в сторону, чтобы разминуться, причем, как правило, в одну и ту же сторону: в одних странах - вправо, в других - влево. Выбор направления, предположительно, диктуется тем, какое в этой стране принято дорожное движение - правостороннее или левостороннее. В результате получается, что толпа на тротуаре может спонтанно образовать две полосы движения, как автомобили на шоссе.

Не только люди делают это; потоки муравьев,двигающихся в противоположных направлениях, тоже формируют полосы движения (точно так же, как и жуки-навозники, катящие свои шары в разных направлениях), хотя в данном случае приходится исключить соображения, что выбор полосы диктуется понятиями о «правильной стороне дороги». Интересно, что все происходит безо всякого понуждения со стороны. Просто каждый индивидуум следует линии наименьшего сопротивления с добавлением не слишком сильного мотива: уступая дорогу, делать шаг в ту сторону, которая диктуется культурными традициями страны.

Рой Кипа не состоит из пешеходов на тротуаре, но и к нему приложимы изложенные выше принципы.

«Вы имеете большое количество независимо действующих единиц, но каким-то образом вся группа ухитряется организовать в нечто целое, - говорит Муссаид, имея в виду конкретно пешеходов, однако это замечание имеет более широкие приложения. - Независимые индивиды, обладающие лишь локальным восприятием окружения, ухитряются выполнять какие-то совместные действия».

Это вообще-то называется «эмерджентное поведение».

В аквариуме залива Монтерей, Калифорния, в большой емкости можно наблюдать, как плавают косяк сардин. Вот они плывут в одном направлении, как нечто целое, объединенные, по нашему представлению, общей целью. А затем внезапно весь косяк меняет направление движения. Но попробуйте определить рыбу, которая

инициировала перемену курса! Выглядит так, будто это коллективное решение: нам надоело двигаться в этом направлении, попытаемся испытать что-то новенькое.

Рыбы не действуют согласованно, по всеобщему уговору, но и за лидером они не следуют. Скорее, каждая из них реагирует на перемены в ближайшем окружении, подчиняясь очень простым правилам, но делает это так быстро, что «решение» переменить курс, выглядит коллективным. Поведение птичьей стаи аналогично. И его очень легко смоделировать. В лекциях по вводному курсу роботехники Маджа Дж. Матарик, директор Центра роботизации и встроенных систем из Университета Южной Калифорнии, описывает простую процедуру создания роботов, которые будут вести себя как стая птиц (или косяк рыбы). Все, что нужно, это чтобы каждый робот подчинялся следующим трем простым правилам:

1. Избегай столкновения с другим роботом.
2. Не слишком отдаляйся от остальных роботов (понятие «не слишком» уточняется при конкретном программировании).
3. Продолжай движение.

Вот и все. Этот алгоритм не позволяет контролировать направление движения группы, но его выполнение приводит к тому, что группа движется как единое целое.

Еще один тип эмерджентного поведения Матарик называет «держаться стены». Здесь задействован одиночный робот, взаимодействующий с окружением, о котором у него имеется очень мало информации. Здесь правила таковы:

1. Двигайся в случайном направлении, пока не повстречаешь твердый объект.
2. Не слишком приближайся к нему.
3. Но и не удаляйся от него слишком далеко.
4. Продолжай движение, не допуская простой осцилляции (шаг вперед - шаг назад).

Результат - робот, который крадется вдоль стен в двух измерениях (если это робот на колесиках, катящийся по полу) или в трех (если это насекомое-киборг).

Разумеется, Кипу не нужно, чтобы его рой вел себя как косяк рыбы. И просто ползать вдоль стен тоже слегка скучновато. Но этот базисный подход способен дать нам более сложное поведение.

При желании мы можем объединить алгоритмы следования вдоль стены и собирания в стаи, тогда мы получим стаю,двигающуюся вдоль стен. Подобрать оптимальную дистанцию, на которой робот должен находиться от стены и от каждого другого робота, мы сможем сделать, чтобы насекомые распределились по всем стенам здания, позволяя своим камерам и другим сенсорам заглянуть в каждое окно. Или же мы можем запрограммировать их на распознавание открытых окон и прочих

щелей, чтобы то насекомое, которое первым обнаружит путь внутрь здания, могло повести за собой остальных.

Другими словами, подчиняясь нескольким простым правилам, члены стаи смогут реагировать на свое окружение и друг на друга, формируя сложное и, на посторонний взгляд, кем-то координируемое поведение. И Кипу не надо будет контролировать каждое насекомое в отдельности.

Все это делает задачу Кипа гораздо более легкой. Вместо того, чтобы одновременно управлять каждым из 300 насекомых по отдельности, он просто разбивает их на группы, у каждой из которых есть своя боевая задача. Такая группа снабжается простыми инструкциями вроде: «рассыпаться веером», «образовать выдвинутый периметр», «укрыться», «наблюдать за объектом X», «найти путь в это здание» и т.п. Эти указания активируют различные алгоритмы, которые позволят рою или части роя с определенной задачей выполнять свою работу самостоятельно, тогда как Кип ведет общее наблюдение, лишь временами в случае нужды беря под контроль какое-то отдельное насекомое для выполнения чего-то специфического.

Это тоже кажется достаточно сложным, но не забывайте, что мы говорили о пластичности мозга. Когда один из нас (Ричард) учился в восьмом классе, родители отдали его на курсы машинописи. Поначалу он просто находил клавишу с нужной буквой и стучал по ней пальцем. Теперь печатание идет автоматически. Он задумывает слово, и оно появляется на экране. При этом он совершенно не осознанно совершает массу сложных движений и может набрать до 100 слов в минуту. А если бы он попытался сознательно выполнять все эти движения, обдумывая их последовательность, то скорость тут же упала бы до нуля.

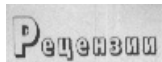
Это как ходить пешком. Человек не обдумывает свои движения, он просто ходит.

Каждый раз, когда мы выполняем какую-то требующую определенного мастерства работу, будь то печатание или забрасывание мяча в баскетбольное кольцо, либо когда играем в компьютерные игры, требующие быстрой реакции, мы используем те же самые базисные навыки, которыми пользуется Кип, управляя своим роем. И также, как Кип и его собратья операторы НК-МЭМС, кто-то из нас показывает блестящие результаты, у кого-то не обнаруживается нужных способностей... ну, а у некоторых вырабатывается зависимость.

**Ричард ЛОВЕТТ, Марк НИМАНН-РОСС**

**Перевел с английского Евгений ДРОЗД**

© Richard A.Lovett, Mark Niemann-Ross. 2010.



Рецензии

**Г.Л.ОЛДИ**

**ВНУК ПЕРСЕЯ. КНИГА 1. МОЙ ДЕДУШКА -ИСТРЕБИТЕЛЬ**

*Москва: Эксмо, 2011. - 416 с.*

*(Серия «Стрела Времен»).*

*11 000 экз.*

Тексты Г.Л.Олди всегда многослойны и многозначны. Как правило, в основу произведения кладется какая-то сверхидея, которая потом обрастает дополнительными ответвлениями и оттенками. Не стал исключением и новый роман «Внук Персея», тематически и сюжетно продолжающий «античный» цикл Олди, начатый романами «Герой должен быть один» и «Одиссей, сын Лаэрта», и, в свою очередь, входящий в мега-цикл «Люди, боги и я».

Действие происходит в легендарные времена крито-микенской культуры, когда лишь зарождалось то, что впоследствии получило гордое и звучное имя Эллада. В центре повествования находится судьба великого героя Персея, бросившего вызов собственному брату по отцу - Дионису, пытающемуся любой ценой пробраться на Олимп и стать одним из дюжины богов - вершителей судеб. Вся эта история показана глазами мальчика-подростка, царевича Амфитриона.

Олди, как всегда, отталкиваясь от общеизвестных фактов, строят собственный мир. Скупую и суровую реальность эгейского периода, когда не было еще ни величественных храмов, ни прекрасных мраморных статуй, писатели расцвечивают под более яркий, знакомый и узнаваемый читателем классический период, отчасти забредая и в эпоху эллинизма. Причем делается это довольно убедительно.

Стержнем книги стали размышления соавторов о природе «вождизма». Перед нами предстают два типа вожаков: зацикленный на одной идее догматик Персей, каленым железом выжигающий все то, что он считает вредным для человечества, и лукавый сибарит Дионис, разрушающий души и традиции. Две правды в конце концов оказываются двумя сторонами одной медали. Что тот, что другой путь ведут в тупик. Не потому ли братьям приходится уйти, уступив место новым героям? Только есть сомнения, что эти пришедшие на смену герои и впрямь окажутся достойной альтернативой старым.

**Игорь Чёрный**

**Дмитрий САВОЧКИН**  
**ТРОСТНИКОВЫЕ ВОЛКИ**  
*Москва: Эксмо, 2011. - 416 с.*  
*500 экз.*

Конспирология - причудливое явление, вызревшее в эпоху постмодерна с его тягой к экстравагантным построениям, ироничному осмеянию рационального и позитивного отношения к истории. Украинский автор следует построениям известного русского политолога Александра Дугина.

Наряду с обычными людьми - бывшим «черным копателем», а ныне специалистом по колоколам Клёстом и литредактором Вербой - действуют и «не люди»: одесский богач Караим, всезнающий Старик, таинственные корректоры, запросто переходящие из мира в мир по своим делам... Но и они не всемогущи, тот же Караим нанимает Клёста для поисков своей дочери, за три дня до того выбросившейся из окна. Как подсказку дает половинку армейского жетона Третьего рейха. Книга изобилует информацией по истории Второй мировой войны.

Несмотря на перегруженность информацией, роман читается с интересом, сюжет закручен и динамичен, не раздражают даже частые отступления от основной линии, которая довольно проста: «вещи вокруг не всегда являются тем, чем кажутся». Отсюда странные сны, странные встречи. Не поражает новизной сюжет, но разработан он ловко. Высшие силы, естественно, не отчитываются перед человечеством, так что только случайно люди могут узнать, как там было на самом деле. К примеру, Гитлер «на самом деле» погиб при покушении, так уж корректоры поправили историю...

В целом триллер Савочкина психологически выверен, даже хрестоматийный обмен телами уместен в этом тексте. Но рецензент так и не понял: зачем корректорам понадобилось создавать устройства, позволяющие быть «вне тока времени», именно в виде армейских жетонов? Чтобы показать знания автора в этой специфической области? Иного объяснения не нахожу.

Чтение книги не обогатит философскими познаниями, но удовольствие вполне способно доставить.

**Валерий Окулов**

**Лорен БЬЮКЕС**  
**ЗООСИТИ**  
*Москва: Центрполиграф, 2011. - 349 с.*



**Пер. с англ. А. В. Кровяковой.  
(Серия «СРFantastika»).**  
**4000 экз.**

Описание экзотических наказаний за совершенные преступления в истории НФ насчитывает долгие годы и целые книжные полки. Вот и в романе южноафриканской писательницы и журналистки сюжет крутится вокруг странной кары, обрушившейся на убийц по всей Земле.

Сразу проясним вопрос - пред нами ни в коем случае не НФ. Почему? Да потому что в «Зоосити» представлена Вселенная, параллельная нашей (там тоже идет 2011 год), где уже несколько десятков лет убийцы, совершив преступление, получают какое-нибудь животное в качестве видимого символа совершенного греха и одновременно приобретают различные магические способности. Человек и животное не могут разделиться - преступник испытывает страшные муки, находясь в отрыве от своего лохматого «груза совести». А если животное убить, то появится Страшное Черное Облако и утащит хозяина... куда-то, в общем, утащит. Кто-то полагает - в ад. Кто-то - иное измерение. Читатель, конечно же, ждет, что в финале получит хоть какое-то решение этой онтологической загадки, но в итоге обнаруживает банальный детектив в НФ-оболочке.

Главная героиня Зинзи Лелету, бывшая наркоманка, застрелившая собственного брата, вынуждена таскать с собой живого ленивца и жить, как и все изгой-«анималисты», в гетто для таких же отщепенцев - в заброшенном пригороде Йоханнесбурга, прозванном в просторечии Зоосити. Зинзи обладает даром находить потерянные предметы. Но не людей. И вот она была вынуждена взяться за поиски пропавшей девушки...

Что ж, получилась вполне занимательная история. Магический детектив. Но не более того. А то, что «Зоосити» в этом году получил Премию им. А.Кларка, по своему статусу полагающуюся «за лучший НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ роман, впервые опубликованный в Великобритании за последний год», - лишнее свидетельство кризиса современной НФ, который выражается в дефиците новых идей.

**Глеб Елисеев**

**Леонид КУДРЯВЦЕВ**  
**ПУЛЯ ДЛЯ КОНТРОЛЕРА**  
**Москва: АСТ, 2011. - 286 с.**  
**(Серия «С.Т.А.Л.К.Е.Р»).**  
**15 000 экз.**

Знакомить с местом действия бессмысленно - все его знают.

Знакомить с автором тоже нет резона: кто же не знает Леонида Кудрявцева, одного из лидеров русской фэнтези?

Отдельного разговора заслуживает лишь одна проблема: может ли мастер вдохнуть живую душу в конвейерное производство? Способен ли опытный писатель вложить в сталкерную книгу нечто большее, нежели щекочущую нервы развлекуху с монстрами, артефактами и горячими гильзами?

Кудрявцеву это удалось. Он свел в одну группу трех людей, «отмеченных Зоной», ради выполнения сверхтрудного - батального, разумеется! - задания. Какая разница, кого они там убивали... Суперконтролера? Очень хорошо. Да хоть мамонта-мутанта! Любопытно другое. «Отмеченные Зоной» имеют особые способности, недоступные для тех, на кого «Поганка» не обратила внимания. За эти свойства Зона заставляет их расплачиваться полным одиночеством: любые близкие люди, родичи, состоящие с избранниками Зоны в добрых отношениях, обречены скоро уйти из жизни... Вопрос номер один, обкатываемый автором на читателях: «Одиночество - не слишком ли большая цена за дар?». Вопрос номер два: «Если отношения одаренных с прочими людьми кончаются для последних трагически, не стоит ли носителям дара строить отношения с себе подобными?». За это их никто расплачиваться не принуждает, но до чего трудно нескольким паукам ужиться друг с другом в одной банке!

О сталкерах ли писал автор, о Зоне ли? Если заменить сверхъестественные способности трех главных героев на, скажем, талант писателя, талант спортсмена или талант конструктора, ситуация не изменится принципиально... Или все-таки изменится, коли дар получен не из опасных недр безжалостной тьмы, а имеет небесное происхождение?

Одни вопросы с этим романом! А судя по обложке - обычный «С.Т.А.Л.К.Е.Р»...

**Дмитрий Володихин**

**Маргарет ЭТВУД**

**ГОД ПОТОПА**

**Москва-СПБ.: Эксмо - Домино, 2011. - 528 с.**

**Пер. с англ. Т. Боровиковой.**

**3000 экз.**

Антиутопия - привычный жанр для канадской писательницы и феминистки. Читателям хорошо известна ее кошмарная история «Рассказ служанки» о мире, где женщины законодательно признаны

существами «второго сорта». Новая антиутопия у Этвуд получилась достаточно типовой и даже архаичной, в стиле «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» Г.Гаррисона. (Напомню, что в романе была описана Америка накануне 2000 года. Поэтому всем, напуганным книгой Этвуд, рекомендую перечитать Гаррисона. А потом сравнить с реальностью. И сразу станет понятна цена всем паническим пророчествам в НФ.)

С первых же страниц автор объясняет, что давным-давно обещанная пророками и юридическими катастрофа технологического будущего все же разразилась. Начался так называемый Безводный потоп - глобальный коллапс цивилизации, вызванный эпидемиями и распадом социума. «Год потопа» - история двух выживших: бывшей танцовщицы Рен и бывшей сектантки Тоби. Однако наиболее интересны в произведении картины именно «допотопной» жизни, возникающие в воспоминаниях девушек. Перед нами - образ беспощадного, аморального мира, помешанного на генной инженерии, в котором большинству людей отведена роль «расходного материала». Сначала - работа на износ, потом переработка в органическое сырье. Или просто в начинку для «секрет-бургеров».

«Год потопа» - книга интересная, хотя и переполненная типичными штампами западного леволиберального сознания («защита окружающей среды - хорошо, корпорации - плохо»; «феминизму - да! мачизму - нет!» и т.п.). Впрочем, штампы эти настолько естественно встроены в картину разлагающегося и распадающегося царства грядущего, что раздражения не вызывают. В качестве реального пророчества о реальном будущем роман, конечно, никуда не годится. Но это не мешает антиутопии М.Этвуд быть цельным и запоминающимся произведением.

**Игорь Гонтов**

**Дмитрий КОЛОДАН**

**ПАНГЕЯ**

**Москва: АСТ, 2011. - 256 с.**

**(Серия «Этногенез»).**

**30 000 экз.**

После интересной повести «Время Бармаглота» от этого автора можно было ожидать большего, но если вспомнить тягучий роман «Другая сторона», то «Пангею» следует считать творческим достижением.

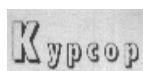
Новый артефакт, дарующий способность управлять животными. В качестве антуража - первобытный мир с неандертальцами, гигантскими медведями и прочим романтическим зверьем. Некие фашысты

устроили несколько баз, где проводят опыты по выведению из бесполезных кроманьонцев полезных великанов. Каменный век посещает умеренно обаятельный странник во времени... С таким набором «Пангея» для «Этногенеза» - не провал и не триумф, а крепкий середняк...


И все было бы неплохо, разве что вяловато (другого ожидать не приходится: когда это Дмитрий Колодан конструировал динамичный сюжет?). Однако есть одно большое «но». В роман встроены многочисленные аллюзии на другие литературные произведения, а также на мифы и эпические сказания древности. И с этими играми автор явно переборщил. В начале книги девочку по прозвищу Белка изгоняют из первобытного племени кайя, чтобы она, претерпев жестокие испытания, вернулась в общину и получила «взрослое имя». В ее отсутствие фашисты частично истребляют народ кайя, частично же забирают с собой - на опыты. Ребенок-без-имени возвращается в родные места и получает миссию спасти свой народ. Время от времени к последней из кайя является с наставлениями дух мертвого знахаря.

Ничего не напоминает? Совсем недавно вышел очередной роман Терри Пратчетта «Народ». Там тоже на старте повествования ребенок отправляется... чтобы потом получить «взрослое имя»... а народ пропал... возродить народ... духи предков нашептывают инструкции... Это уже никакая не аллюзия, это... нет, не буду произносить злое слово «плагиат». Наверное, можно ограничиться компромиссным словосочетанием «аранжировка сюжетного хода». Вот только подобная аранжировка - на грани фола.

**Дмитрий Володихин**

 Курсор

Курсор

 **20th Century Fox**, в 2004 году выпустившая картину «Я, робот», снова планирует обратиться к творческому наследию Айзека Азимова. На сей раз объектом экранизации станет его роман «Стальные пещеры» (1954), адаптацией которого занимается Джон Скотт III - в прошлом инженер-конструктор командных систем рентгеновского космического спутника в НАСА. Режиссерское кресло компания отдала Генри Хобсону. Книга Азимова - первая часть детективной дилогии о совместных расследованиях в отдаленном будущем, которые ведут

полицейский Элайдж Бейли и робот Дэниел Оливо. Продюсировать «Стальные пещеры» взялся сценарист «Шерлока Холмса» Саймон Кинберг.

**Фирма Nike** несколько поторопилась с выпуском кроссовок Nike Mag, которые по фильму «Назад в будущее 2» должны были появиться лишь в 2015 году. Эти кроссовки - точная копия тех, что носит главный герой картины, только, конечно, не умеют сами зашнуровываться. Партия кроссовок ограничена - всего 1500 экземпляров; по 150 штук в неделю выставляется на интернет-аукционе eBay. Вся прибыль с продаж пойдет в фонд по борьбе с болезнью Паркинсона. Фонд назван в честь актера Майкла Дж. Фокса, исполнителя главной роли в киносериале «Назад в будущее», который уже два десятилетия борется с этой болезнью.

**В Харькове** с 15 по 18 сентября прошел тринадцатый Международный фестиваль фантастики «Звездный мост-2011». Всего на конвенте официально зарегистрировались около 200 участников. В течение фестиваля были прочитаны доклады о различных аспектах НФ-литературы, состоялись диспуты о теории, практике и современном состоянии фантастики, художественные выставки, работали семинар Г.Л.Олди, творческая мастерская «Второй блин», а также секции и семинары по альтернативной истории, сетевой литературе, философская секция, круглый стол «Единое поле популярной литературы стран СНГ». Прошли чемпионат по пейнтболу «Сталкеры против попаданцев» (победили «Сталкеры»), концерты. Основные премии фестиваля: в номинации «Циклы, сериалы и романы с продолжениями» «Золотой Кадуцей» получил Мерси Шелли за цикл «2048», «Серебряный Кадуцей» - Наталья Щерба за «Часовой ключ» (1-я книга трилогии «Часодеи»), «Бронзовый Кадуцей» - Людмила Астахова, Яна Горшкова за цикл «Бог из машины». В номинации «Романы» первенствовали Олег Дивов («Симбионты»), Владимир Данихнов («Девочка и мертвецы») и Тим Скоренко («Сад Иеронима Босха»). Лучшей дебютной книгой названа «Охота на Улисса» Бориса Георгиева, главный приз за критику достался Андрею Щербаку-Жукову за книгу «Древний миф и современная фантастика, или Использование мифологических структур в драматургии жанрового кино». Специальную премию «Философский камень» за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой получил Вадим Панов.

**«Новый Дозор»** - так будет называться не только новая книга

Сергея Лукьяненко, но и анимационный сериал, стартующий в ближайшее время на одном из главных каналов страны. К сюжету одноименной грядущей книги сериал имеет отдаленное отношение. Речь пойдет о школе юных «дозорных» - Темных и Светлых, - и все события будут развиваться вокруг этой школы. Молодые зрители смогут увидеть и мультипликационные инкарнации некоторых героев популярной кинодилогии.

📌 **Популярная идея** в фантастике - главным судьей человечества окажется умная машина - вполне может стать явью. Специалисты рассматривают вариант, когда компьютеры начнут определять виновность человека в том или ином преступлении и выносить наказание. По мнению ученых, машина сумеет предложить максимально беспристрастный вердикт. Основным кандидатом на роль первого робота-судьи стал суперкомпьютер Watson от IBM. А саму возможность его применения в юриспруденции проанализировали эксперты из авторитетной Йельской юридической школы, которые отметили, что пока Watson является лишь очень качественным текстовым анализатором для обработки всей документации.

📌 **Премия** имени Роберта Энсона Хайнлайна за 2011 год завоевала Конни Уиллис. Эта награда вручается авторам, которые своим творчеством вдохновляют людей на освоение космоса. Лауреатов определяют ряд известных фантастов, Балтиморское НФ-сообщество и вдова классика Вирджиния Хайнлайн. Обычно победителей двое, однако в этом году решено присудить лишь одну награду.

**Агентство F-пресс**



personalia

**БЕЙН Стив**  
**(BEIN, Steve)**

Ученый-философ и фантаст Стив Бейн родился в 1973 году в пригороде Чикаго - Оук-Парке, закончил Восточно-Иллинойский университет с дипломом философа и получил докторскую степень в Гавайском университете в Маное (диссертация Бейна была посвящена этической системе японского философа XX века Тецууро Васуджи).

В жанре Бейн впервые заявил о себе рассказом «Прекрасный певец» (2003) и с тех пор опубликовал еще три новеллы. В настоящее время он преподает философию в колледже в Рочестере (штат Миннесота), а в свободное время увлекается восточными единоборствами, кикбоксингом, альпинизмом, дайвингом и прочими средствами повышения адреналина. Кроме того, Бейн составляет библиографию научной фантастики на темы философии.

### **БОССЕРТ Грегори Норман (BOSSERT, Gregory Norman)**

Начинающий американский писатель Грегори Норман Боссерт дебютировал лишь в прошлом году и сразу тремя рассказами - «Союз земли и неба», «Медленная лодка» и «Фрейя». До этого он посещал семинар молодых фантастов Clarion.

Основное занятие Боссерта - работа в кино. Он специалист по «концептуальному дизайну», работал над такими фильмами, как «Грендель», «Алиса в Стране Чудес» Тима Бартона, и другими. В свободное время Боссерт проектирует и изготавливает «оригинальные» музыкальные инструменты, на которых сам и играет.

### **КАРТЕР Скотт Уильям (CARTER, Scott William)**

Скотт Уильям Картер родился на ферме в штате Миннесота, а детство провел в штате Орегон, где проживает по сей день («вместе с терпеливой женой, двумя детьми, индифферентным котом, верным псом и тысячами воображаемых друзей»). Закончив университет в том же штате с дипломом филолога, Картер содержал книжный магазин, работал инструктором по горным лыжам и преподавал «азы компьютерной грамотности».

В научной фантастике автор впервые выступил в 1996 году, опубликовав рассказ «С чувством собственного достоинства». С тех пор писатель напечатал еще около трех десятков рассказов и повестей, лучшие из которых составили три сборника (все вышли в 2010-м). Первый роман Картера ожидается в следующем году. Кроме фантастической литературы он пишет также детективы и романы в

жанре *suspense* (под псевдонимом Джек Нолт).

### **КВАЛЬЯ Роберто (QUAGLIA, Roberto)**

Известный итальянский писатель-фантаст Роберто Квалья родился в 1962 году в Генуе. Перепробовал ряд профессий - фотографа, бармена и владельца бара, предпринимателя в сфере IT, а также политика и чиновника, а в период с 1995 по 1997 год он был мэром Генуи. Квалья, страстный любитель фантастики с молодых лет, в конце концов выбрал свою линию жизни - писателя-фантаста и активного фэна и в начале десятилетия «нулевых» стал вице-председателем Европейского общества научной фантастики, под эгидой которого регулярно проводятся «Евроконы».

Квалья был другом покойного Роберта Шекли, с которым много путешествовал, а затем подружился с известным английским писателем-фантастом Йэном Уотсоном, в соавторстве с которым написал на английском пять рассказов, объединенных в сборник «Возлюбленный моих возлюбленных». Англоязычный дебют Квальи в научной фантастике состоялся в 2006 году - это был рассказ, написанный в соавторстве с Уотсоном, «Могила моих возлюбленных». На английском вышел и сольный роман Квальи «Пародоксин» (2009). Кроме научной фантастики, писатель активно работает в жанре «сюрреальной прозы», пишет пьесы и сценарии на родном языке.

### **КЕССЕЛ Джон (KESSEL, John)**

Американский ученый-литературовед и писатель Джон Джозеф Винсент Кессел родился в Буффало в 1950 году. После окончания школы поступил в Университет Рочестера, закончил его с дипломом физика. Но затем резко сменил интересы, заново поступил в Университет штата Канзас, на сей раз получив диплом филолога и защитив диссертацию.

Свой первый научно-фантастический рассказ «Серебряный человек» Кессел опубликовал в 1978 году и спустя короткое время выдвинулся в ряды ведущих «гуманитариев» в американской *science fiction*. С тех пор он выпустил более полусотни рассказов: почти все отличает общая гуманитарная эрудиция автора и тонкий, хотя порой и «черноватый» юмор. Его лучшие произведения «малой формы» составили сборники «Встреча в бесконечности» (1992) и «Чистый продукт» (1997). Один из рассказов, «Еще сиротка» (1982), средствами фантастики



пересказывающий сюжет «Моби Дика» Мелвилла, принес автору премию «Небьюла». Другой рассказ, «Буффало» (1991), завоевал Премию имени Теодора Старджона и был номинирован на «Хьюго» и «Небьюлу», а «Истории для мужчин» (2002) принесли писателю Премию имени Джеймса Типтри-младшего.

Первый роман «Берег свободы» (1985), как и ряд рассказов, Кессел написал в соавторстве с Джеймсом Патриком Келли, а лучшим романом писателя остается его первая сольная книга «Добрые вести из космоса» (1989), напоминающая прозу Филипа Дика (роман был номинирован на «Небьюлу» и Мемориальную премию имени Джона Кэмпбелла). Кроме этих романов он написал еще один - «Коррупция и доктор Найс» (1997), названный известным писателем Кимом Стэнли Робинсоном «самым лучших из написанных по сей день романов о путешествиях во времени».

Короткая повесть «Гордость и Прометей» в этом году была номинирована на обе главных жанровых премии - «Небьюлу» и «Хьюго»

В настоящее время Джон Кессел преподает американскую литературу в Университете штата Северная Каролина в Рэли, где проживает вместе с женой и дочерью. Кессел руководит творческими курсами для начинающих писателей при университете и активно выступает как литературный критик, постоянно публикуя статьи и рецензии в ведущих периодических изданиях.

### **ЛОВЕТТ Ричард (LOVETT, Richard A.)**

Канадский писатель Ричард Ловетт закончил университет с дипломом астрофизика, затем получил второе образование - юридическое, а после этого и третье - экономическое. Защитил диссертацию по экономике. Однако в 1989 году он полностью переключился на творческую деятельность. Спектр научно-популярных интересов Ловетта чрезвычайно широк - он опубликовал шесть книг и более 2000 статей в журналах, а также в большинстве самых известных американских и канадских газет на темы дистанционного зондирования, экологии, аналитической химии, токсикологии, пищевой микробиологии и т.д.

Поклонникам научной фантастики Ловетт известен в основном своими научно-популярными статьями в журнале «Analog». Только в 2003 году их автор попробовал себя в научно-фантастической прозе, дебютировав в том же издании двумя рассказами - «Броуновское движение» и «Равновесие». С тех пор Ловетт опубликовал два десятка рассказов и коротких повестей, некоторые из них были напечатаны в

«Если» и с успехом встречены читателями.

### **НИМАНН-РОСС Марк (NIEMANN-ROSS, Mark)**

Американский программист, джазмен и писатель Марк Ниманн-Росс окончил Университет Денвера и Университет штата Висконсин в Стауте с дипломами инженера-менеджера и специалиста по компьютерной графике, дизайну и фотографии.

В 2005 году дебютировал как писатель-фантаст, опубликовав в соавторстве с Ричардом Ловеттом рассказ «Сетевые щенки». С тех пор Ниманн-Росс выпустил вместе с тем же соавтором еще три рассказа, два из которых были признаны читателями журнала «Analog» лучшими произведениями года в своих номинациях. Марк Ниманн-Росс - известная личность в компьютерном мире, он разработчик графических программ в известной каждому пользователю компании Adobe, а в свободное время играет в джаз-ансамбле в городе Портленде (штат Орегон), где и проживает.

### **УОТСОН Йэн (WATSON, Ian)**

Один из ведущих представителей британской интеллектуальной научной фантастики Йэн Уотсон родился в 1943 году в Норт-Шилдсе (графство Нортумберлендшир) и после окончания престижного Байолльского колледжа в Оксфорде читал лекции по английской литературе в различных университетах и колледжах Великобритании, а также в Японии и Танзании. В частности, Уотсон одним из первых вел на своей родине курс научной фантастики, а в 1970-х годах был редактором печатного органа Британской ассоциации писателей-фантастов «Foundation».

Первой научно-фантастической публикацией Уотсона стал рассказ «Крытый садик под Сатурном» (1969). С тех пор писатель (названный своим коллегой Баплардом «одним из интереснейших британских «фантастов идеи», а точнее, единственным британским «фантастом идеи») опубликовал три десятка романов и более 180 рассказов и повестей, лучшие из которых составили 12 сборников. Успех пришел к Уотсону после появления его первых рассказов. Многие ныне причислены к классике жанра: например, «Медленные птицы» и «Очень медленная машина времени». Большое влияние на современную фантастику оказали его романы «Вложение» (1973, был номинирован на премии «Небьюла» и имени Джона Кэмпбелла и

получил французский Prix Apollo), «Набор для Ионы» (1975), принесший автору первую Британскую премию по научной фантастике, и другие. Во второй раз ту же премию Уотсон получил за рассказ «Возлюбленное время их жизней» (2009) и еще четыре раза на нее номинировался. Кроме того, рассказы, повести и романы писателя дважды номинировались на премию «Хьюго» и по разу - на «Небьюлу», Премию имени Артура Кларка и Премию имени Теодора Старджона. В целом сложное для восприятия творчество Уотсона постоянно вызывало восторги критиков и литературоведов и в значительно меньшей степени - фэндома, что нашло свое отражение в незаслуженно бедной коллекции литературных трофеев писателя.

### **ХЕМРИ Джон (HENRY John G.)**

Американский отставной морской офицер и писатель Джон Хемри родился в 1960 году также в семье офицера. После окончания школы Хемри поступил в Академию ВМФ США в Аннаполисе (где, в частности, изучал русский язык), служил во флоте, а после выхода в отставку начал писать. Его первый НФ-рассказ был напечатан в 1994 году - «Подопытная крыса Готик» (под псевдонимом Джек Кэмпбелл). За последующие годы отставной военный моряк опубликовал три серии романов - «Война Старка», «Пол Синклер» и «Потерянный флот» (под псевдонимом Джек Кэмпбелл) - и два с половиной десятка рассказов (в основном в журнале «Analog»). В 2007 году читатели журнала «Если» назвали повесть Дж.Хемри «Леди-будьте-добры» лучшим переводным произведением года.

В настоящее время Хемри с женой и тремя детьми проживает в штате Мэриленд.

**Подготовил Михаил АНДРЕЕВ**

**УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!**



**УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!**

**Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.  
Цена действительна на номера 2011 года.**

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.  
Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	 <b>ООО «Издательский дом «Любимая книга»</b> <small>(наименование получателя платежа)</small>	Форма № ПД-4
	<b>ИНН 7713538330</b> № <b>р/с 407028103200000000410</b> <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
Кассир	<b>в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»</b> <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	<b>БИК 044525767</b> № <b>к/с 30101810900000000767</b> <small>(номер кор.сч. банка получателя платежа)</small>	
	<b>КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2</b>	
	<b>Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.</b> <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа <b>540</b> руб. <b>00</b> коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
	Итого _____ руб. _____ коп.	
Квитанция Кассир	 <b>ООО «Издательский дом «Любимая книга»</b> <small>(наименование получателя платежа)</small>	
	<b>ИНН 7713538330</b> № <b>р/с 407028103200000000410</b> <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
	<b>в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»</b> <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	<b>БИК 044525767</b> № <b>к/с 30101810900000000767</b> <small>(номер кор.сч. банка получателя платежа)</small>	
	<b>КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2</b>	
	<b>Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.</b> <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа <b>540</b> руб. <b>00</b> коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
	Итого _____ руб. _____ коп.	

Извещение



**ООО «Издательский дом «Любимая книга»**

(наименование получателя платежа)

**ИНН 7713538330**

**р/с 407028103200000000410**

(ИНН получателя платежа)

№ \_\_\_\_\_

(номер счета получателя платежа)

**ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»**

в \_\_\_\_\_

(наименование банка получателя платежа)

**044525225**

**к/с 30101810900000000767**

БИК \_\_\_\_\_

№ \_\_\_\_\_

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

**КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2**

**Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев**



**ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел  
распространения.  
Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177) e-mail: sales@lubkniga.ru**

<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____</p> <p style="text-align: center;">(Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____</p> <p style="text-align: center;">(ИНН)</p> <p>№ _____</p> <p style="text-align: center;">(номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	
<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____</p> <p style="text-align: center;">(Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____</p> <p style="text-align: center;">(ИНН)</p> <p>№ _____</p> <p style="text-align: center;">(номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 20\_\_ г. \_\_\_\_\_  
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

\_\_\_\_\_

(Ф.И.О., адрес плательщика)

\_\_\_\_\_

(ИНН)

№ \_\_\_\_\_

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 20\_\_ г. \_\_\_\_\_  
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

\_\_\_\_\_  
(Ф.И.О., адрес плательщика)

\_\_\_\_\_  
\_\_\_\_\_  
(ИНН)

№ \_\_\_\_\_  
(номер лицевого счета (код) плательщика)

## **В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ**

### **ПОВЕСТИ**

**Алистера РЕЙНОЛДСА «СПЯЧКА»  
Михаила ТЫРИНА «ЛЕКАРЬ»**

### **РАССКАЗЫ**

**Иэна МАКЛАУДА,  
Александра БАЧИЛО, Брэда ЭЙКЕНА,  
Максима ХОРСУНА**

### **ОЧЕРК**

**Вл. ГАКОВА о творчестве Боба ШОУ**

## **ЧИТАЙТЕ ДЕКАБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА**

### **ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!**

Наш журнал вы найдете в объединенном каталоге



«Пресса России»  
(том I: газеты, журналы)  
и в каталоге «Роспечать»  
(газеты, журналы).



Цена подписки  
(включая стоимость почтовых услуг)  
полугодового комплекта  
(индекс 73118) — 520 рублей,  
годового (индекс 42918) — 957 рублей.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

## **В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ**

### **ПОВЕСТИ**

**Алистера РЕЙНОЛДСА «СПЯЧКА»  
Михаила ТЫРИНА «ЛЕКАРЬ»**

### **РАССКАЗЫ**

**Иэна МАКЛАУДА, Александра БАЧИЛО, Брэда ЭЙКЕНА, Максима  
ХОРСУНА**

### **ОЧЕРК**

**Вл. ГАКОВА о творчестве Боба ШОУ**

## **ЧИТАЙТЕ ДЕКАБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА**

### **ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!**

Наш журнал вы найдете в объединенном каталоге



